

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Памяти выдающегося исследователя раннего палеолита
Василия Прокофьевича Любина посвящается

In memory of the outstanding Paleolithic scholar Vasily Prokofievich Lyubin

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE
FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE RAS

No. 22

St. Petersburg
2020

ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН

№ 22

Санкт-Петербург
2020

ББК 63.4

Записки Института истории материальной культуры РАН. СПб.: ИИМК РАН, 2020. № 22. 220 с.

ISSN 2310-6557

Transactions of the Institute for the History of Material Culture RAS. St. Petersburg: IHMC RAS, 2020. No. 22. 220 p.

Редакционная коллегия: В. А. Лапшин (гл. редактор), В. А. Алёшкин, С. В. Белецкий, М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, Л. Б. Вишняцкий, М. Т. Кашуба, Л. Б. Кирчо (заместитель гл. редактора), А. К. Очердной, С. А. Кулаков

Editorial board: V. A. Lapshin (editor-in-chief), V. A. Alekshin, S. V. Beletsky, M. Yu. Vakhtina, Yu. A. Vinogradov, L. B. Vishnyatsky, M. T. Kashuba, L. B. Kircho (deputy editor), A. K. Otcherednoi, S. A. Kulakov

Издательская группа: Л. Б. Кирчо, В. Я. Стёганцева, Е. В. Новгородских
Publishing group: L. B. Kircho, V. Ya. Stegantseva, E. V. Novgorodskikh

В № 22 «Записок ИИМК РАН» публикуются материалы к научной биографии выдающегося исследователя раннего палеолита В. П. Любина, а также исследования в области гуманитарных и естественных наук о древнейшем человеке. Представлены работы археологов, палеозоологов и антропологов, изучающих самые ранние памятники каменного века, преимущественно на территории Кавказа и Переднего Востока.

Издание адресовано археологам, культурологам, историкам, музейщикам, студентам исторических факультетов вузов.

The 22nd issue of the “Transactions of IHMC RAS” presents papers centering on the research biography of the outstanding Paleolithic scholar V. P. Lyubin, as well as archaeological and natural science studies in the field of early prehistory. The volume consists of the papers written by archaeologists, paleozoologists and paleoanthropologists who study the earliest Stone Age sites in the Caucasus and the Middle East.

The volume is intended for archaeologists, anthropologists, paleozoologists, culturologists, historians, museum workers, and students of historical faculties.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

ВАСИЛИЙ ПРОКОФЬЕВИЧ ЛЮБИН: УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

<i>С. А. Васильев.</i> Век Любина: поиски древнейшего человека в Евразии и Африке	7
<i>В. П. Любин.</i> Страницы воспоминаний	19
<i>Е. В. Беляева.</i> Век Любина в архивных фотоматериалах	29
<i>Л. М. Всевиов.</i> Век Любина в библиографии (список печатных работ В. П. Любина)	38
<i>Е. В. Беляева.</i> История исследований ашеля в Армении и вклад В. П. Любина	55
<i>М. В. Константинов.</i> В. П. Любин, Забайкалье и LGM.....	70

СТАТЬИ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТА ЕВРАЗИИ

<i>С. А. Кулаков.</i> Ранний палеолит Кавказа: современное состояние изучения	76
<i>Д. В. Ожерельев, В. Г. Трифонов, Х. Челик, Я. И. Трихунков.</i> Новые свидетельства раннего палеолита в горных системах Восточной Анатолии и Малого Кавказа.....	99
<i>Ю. Э. Демиденко.</i> Главный Кавказский хребет и передвижения людей в среднем палеолите и раннем верхнем палеолите по Большому Кавказу	128

НОВЫЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПАЛЕОЛИТУ ЕВРАЗИИ

<i>С. А. Несмеянов.</i> Проблема использования микрофациального анализа при изучении кавказских древнепалеолитических пещерных памятников	142
<i>Г. Ф. Барышников.</i> Кударский пещерный медведь: эволюция, тафономия, вымирание	158
<i>М. В. Саблин.</i> Фауна местонахождения Мухкай 2.....	176
<i>М. М. Герасимова.</i> Палеоантропологическая находка на верхнепалеолитической стоянке Маркина Гора (Костёнки-14). Факты и интерпретации.....	187
<i>С. В. Васильев, С. Б. Боруцкая.</i> Морфология и таксономия древнейшего человека из Дманиси	204
Список сокращений	216

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

VASILY PROKOFIEVICH LYUBIN: THE SCHOLAR AND THE PERSON

<i>S. A. Vasiliev</i> . Lyubin's century: the search for the earliest Man in Eurasia and Africa.....	7
<i>V. P. Lyubin</i> . Pages of memories	19
<i>E. V. Belyaeva</i> . Lyubin's century in archive photographs.....	29
<i>L. M. Vsevirov</i> . Lyubin's century in bibliography (list of Lyubin's publications).....	38
<i>E. V. Belyaeva</i> . History of Acheulean studies in Armenia and V. P. Lyubin's contribution.....	55
<i>M. V. Konstantinov</i> . V. P. Lyubin, Transbaikalia and LGM	70

RESEARCH PAPERS

NEW STUDIES IN THE PALEOLITHIC OF EURASIA

<i>S. A. Kulakov</i> . Early Paleolithic of the Caucasus: the current status of research.....	76
<i>D. V. Ozherelyev, V. G. Trifonov, H. Çelik, Ya. I. Trikhunkov</i> . New evidence on the Early Paleolithic in the mountain systems of Eastern Anatolia and the Caucasus Minor.....	99
<i>Yu. E. Demidenko</i> . The Greater Caucasus range and human population movements within the Great Caucasus during the Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic.....	128

NEW NATURAL-SCIENCE CONTRIBUTIONS TO THE STUDY OF THE PALEOLITHIC OF EURASIA

<i>S. A. Nesmeyanov</i> . Problems associated with the use of microfacies analysis in the study of the Caucasian Early Paleolithic cave sites	142
<i>G. F. Baryshnikov</i> . Kudaro cave bear: evolution, taphonomy, extinction.....	158
<i>M. V. Sablin</i> . Fauna of the Mukhkai 2 site.....	176
<i>M. M. Gerasimova</i> . Paleoanthropological find from the Upper Paleolithic site of Markina Gora (Kostenki-14): facts and interpretations	187
<i>S. V. Vasilyev, S. B. Borutskaya</i> . Morphology and taxonomy of the oldest man from Dmanisi	204
List of abbreviations	216

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

ВАСИЛИЙ ПРОКОФЬЕВИЧ ЛЮБИН: УЧЕНЫЙ И ЧЕЛОВЕК

ВЕК ЛЮБИНА: ПОИСКИ ДРЕВНЕЙШЕГО ЧЕЛОВЕКА В ЕВРАЗИИ И АФРИКЕ¹

С. А. ВАСИЛЬЕВ²

Ключевые слова: *палеолит, Кавказ, Африка, Туркмения, ашель, мустьерские культуры, типология.*

В статье рассматривается вклад одного из ведущих отечественных исследователей палеолита В. П. Любина (1918–2018) в развитие науки о древнейшем человеке в нашей стране. Прослежены основные вехи биографии ученого. На счету В. П. Любина немало выдающихся открытий. В золотой фонд мировой доистории вошли Кударские пещеры в Юго-Осетии. Маршруты изысканий В. П. Любина пролегли практически по всем краям и республикам Северного Кавказа, охватили территорию Армении. Богатейшие материалы были получены им при полевых работах в Туркмении. Особая страница в биографии ученого — исследование палеолита Западной Африки. В. П. Любиным были разработаны основы применяемой в нашей стране методики полевого изучения пещерных комплексов. Среди отечественных исследователей палеолита В. П. Любину не было равных в тонкости анализа изделий из камня.

Среди многочисленных трудов В. П. Любина — монументальные монографии «Мустьерские культуры Кавказа», «Ашельская эпоха на Кавказе» (вышедшая в свет на русском и французском языках), «Стоянка Homo Erectus в пещере Кударо I», «Ранняя преистория Кавказа» (две последние — в соавторстве с Е. В. Беляевой), «Палеолит Республики Кот д'Ивуар» (совм. с Ф. Й. Геде), книга о неандертальцах Губского ущелья, крупные разделы в изданиях «Палеолит мира», «Палеолит СССР».

Настоящий ученый продолжается в учениках, и в этом плане В. П. Любину можно только позавидовать. Он воспитал блестящую плеяду специалистов, успешно разрабатывающих проблемы палеолита разных эпох и территорий. В последней части статьи изложены результаты Международной конференции, проведенной в ИИМК РАН в 2018 г. и посвященной столетию исследователя.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-22-7-18

На протяжении долгих десятилетий Василий Прокофьевич Любин являлся подлинным «патриархом» науки о древнейшем человеке в нашей стране, всемирно

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0001 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде».

² Отдел палеолита, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

признанным авторитетом в области изучения нижнего и среднего палеолита. Жизнелюбие, энергичность, открытость, неизменная готовность поделиться своими богатейшими познаниями всегда были основными чертами характера В. П. Любина. Обозревая поразительные по продуктивности итоги деятельности ученого (список опубликованных трудов включает около трехсот названий), трудно представить, что всё это было сделано человеком, вошедшим в науку не со студенческой скамьи, а в зрелом возрасте, имея за плечами большой жизненный и военный опыт.

Время, выпавшее на долю В. П. Любину, было суровым и мало приспособленным для научных занятий. Родился В. П. Любин 13 января 1918 г. на Украине, в Николаеве. Первые годы жизни совпали с Гражданской войной, особенно жестокой на юге России, юность пришлось пережить на голодные украинские тридцатые. Несмотря на всё юноша поступает на рабфак, а затем на исторический факультет Одесского университета. Светлые надежды на лучшее будущее были внезапно прерваны войной. Последние экзамены выпускники сдавали в бомбоубежище под грохот немецкой бомбардировки.

После окончания зенитного училища в Горьком В. П. Любин с 1942 г. на фронте. Участвовал в боях в составе Западного, Брянского, Первого и Второго Прибалтийских фронтов. Два ордена Красной Звезды и орден Отечественной войны II степени украсили грудь молодого офицера. Войну закончил уже в звании капитана и должности помощника начальника штаба зенитного полка на территории Прибалтики, где наши войска добивали прижатую к морю группировку немцев. Новое испытание после Победы — война с Японией, которая, казалось тогда, будет столь же длительной и ожесточенной, как только что закончившаяся. К счастью, бои в Маньчжурии длились недолго.

Завершив службу на Дальнем Востоке, в 1946 г. В. П. Любин возвращается к мирному труду. Он начинает педагогическую деятельность в Кутаиси, потом в Сталинири (ныне Цхинвал). Только здесь завязывается знакомство будущего исследователя с археологией. Начиная с 1949 г. он участвует в экспедициях, проводившихся в Юго-Осетии Е. Г. Пчелиной, а в 1950 г. работает в поле с признанным мэтром кавказской археологии Б. А. Куфтиным. Итак, 1950 г. становится переломным в судьбе В. П. Любина. Он резко меняет уже налаженную жизнь и поступает в аспирантуру ЛО ИИМК. С тех пор вся профессиональная деятельность исследователя неразрывно связана с ленинградским институтом (ЛОИА АН СССР/ИИМК РАН).

Первоначально тема диссертационной работы была сформулирована как обобщение данных по древностям Юго-Осетии, преимущественно в плане изучения медного и бронзового веков. Руководителем аспиранта стал Б. Б. Пиотровский. Но уже в 1951 г. в руки начинающего исследователя попадают каменные орудия, и В. П. Любину сразу становится ясно — вот она, настоящая, самая древняя и загадочная археология, вот дело жизни. Первые находки близ селения Лаше-Балта предопределили дальнейший путь В. П. Любина в науке. В 1952–1953 гг. начинаются самостоятельные разведки, в 1952 г. В. П. Любин принимает участие в работах по палеолиту под руководством А. Н. Каландадзе. Тема диссертационной работы быстро трансформируется в «Каменный век Юго-Осетии» (Любин 1953). Шефство над начинающим специалистом берут такие знатоки каменного века, как П. И. Борисковский и А. П. Окладников. После защиты начинается работа в Секторе

палеолита, где В. П. Любин прошел путь до ведущего научного сотрудника, заведующего Сектором (в 1979–1988 гг.).

Нужно сказать, что нижнепалеолитическая тематика, изучение следов древнейших обитателей территории нашей страны, длительное время находилась как бы в тени изучения верхнего палеолита — области, где достижения советских ученых в 1930–1950-е гг. были наиболее впечатляющими (раскопки на широкой площади жилищ и поселений, открытие великолепных серий предметов искусства, реконструкция функции орудий по следам работы и т. д.). На этом фоне представленные почти исключительно изделиями из камня немногочисленные нижнепалеолитические местонахождения редко были объектом целенаправленных изысканий. Исключение составляла блестящая «нижнепалеолитическая пара» исследователей — С. Н. Замятнин и М. З. Паничкина. По сути, В. П. Любин как непосредственный продолжатель дела С. Н. Замятнина (см.: Любин 1997) становится основным специалистом по нижнему палеолиту в нашей стране.

Переломным моментом в изучении древнейшего прошлого Кавказа стало открытие в 1955 г. на территории Южной Осетии пещеры Кударо I с богатыми ашельскими и мустьерскими остатками. На протяжении долгих десятилетий кударские пещерные стоянки стали основным местом полевых работ В. П. Любина, полигоном для разработки методики комплексного исследования пещерных памятников, материалы которых послужили основой построения хронологии и концепций развития ашеля и мустье Кавказа (Любин 1977; 1998; Иванова, Черняховский 1980; Любин, Беяева 2004).

Другое традиционное направление полевых изысканий В. П. Любина — Северный Кавказ. Особенно важную роль играло изучение группы пещерных памятников в Борисовском ущелье, на северо-западе Кавказа (Любин 1977; 1994). Работы здесь с 1974 г. велись в содружестве с адыгейским коллегой П. У. Аутлевым. Среди достижений экспедиции — открытие выразительных мустьерских комплексов в Монашенской и Баракаевской пещерах (в последнем памятнике были обнаружены скелетные остатки палеоантропа), верхнего палеолита в Губском навесе I и Руслановой пещере, разрушенного погребения финала палеолита в навесе Сатанай. Помимо этого, В. П. Любин в разные годы успешно предпринимал разведки в Краснодарском и Ставропольском краях, Адыгее, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии, вел в 1960-е гг. раскопки в пещерах Сочинского Причерноморья. Фактически маршруты В. П. Любина охватывали всю территорию Северного Кавказа. После длительного перерыва, уже в 2000-е гг., он вел раскопки ашельского местонахождения на горе Кинжал в Пятигорье. В эти же годы исследователь предпринял анализ коллекций одного из основных нижнепалеолитических местонаждений Кавказа — Яштуха в Абхазии (Любин, Беяева 2011).

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. В. П. Любин провел успешные поиски палеолита на Армянском нагорье, открыв ряд выразительных пунктов с ашельскими и мустьерскими остатками в районе Джрабера. Изыскания в Армении были в 2004 г. возобновлены в составе российско-армянской экспедиции. При этом раскопкам подверглись ашельские местонахождения Карахач и Мурадово.

В. П. Любин всегда рассматривал кавказские материалы в широком контексте палеолита Евразии. Уже в первой работе по палеолиту Юго-Осетии (Любин 1953)

мы найдем обширные экскурсии в область сопоставительного анализа развития древних культур Кавказа, Малой Азии и Египта. Позднее эта тематика будет проанализирована в серии публикаций, посвященных древнекаменному веку Турции (Любин 1957) и Ближнего Востока (Любин 1992). Отсюда понятен интерес исследователя к древностям различных частей Старого Света.

В 1980-е гг. расширяется география полевых изысканий В. П. Любина. По приглашению возглавлявшего тогда институт В. М. Массона начинается изучение палеолита Туркмении. Всего несколько сезонов разведок (1980–1981, 1983, 1984 гг.) приносят неожиданно обильные результаты. На обширной малоизученной доколе территории были открыты многочисленные местонахождения ашельского и мустьерского возрастов. Фактически вся плейстоценовая доистория республики строится на находках В. П. Любина (1984а) и его учеников.

С наступлением новых времен пришлось прекратить традиционные раскопки на Кавказе, тем более что Юго-Осетия стала ареной вооруженного конфликта. С другой стороны, открылись возможности проведения экспедиционных работ за пределами страны, в первую очередь на территории древнейшего палеолита, в Африке. До этого исследователь только один раз прикасался к древностям «черного континента», обрабатывая сборы Б. Б. Пиотровского из Нубии (Любин 1964). Совместно со своим учеником Ф. Й. Геде и Е. В. Беляевой В. П. Любин отправляется в республику Кот д'Ивуар (Западная Африка). В невероятно трудных условиях влажных тропиков в 1991 и 1993 гг. были проведены раскопки стоянок Бете I и Гуабуо I. В итоговой монографии (Любин, Геде 2000), помимо описания полученных материалов, мы найдем развернутый критический анализ типологии африканского палеолита и обсуждение проблематики, связанной с определением одной из важнейших культур древнекаменного века Африки — санго.

Хотя основная тематика научных интересов В. П. Любина не выходила за рамки палеолита, все, даже самые поздние, археологические остатки неизменно привлекали его внимание. В. П. Любин считал своим долгом публиковать встреченные им при разведках находки независимо от их возраста и делиться с заинтересованными коллегами материалом. Среди публикаций исследователя мы найдем не только заметки о неолитических кремневых мастерских, но и сведения об открытиях, относящихся к энеолиту, скифскому времени и средневековью.

В. П. Любин был уникальным для нашей страны представителем «классической» французской школы палеолитоведения, в основе которой всегда было сочетание скрупулезного изучения стратиграфии памятников и комплексного подхода к реконструкции природного окружения древнего человека с детальным типологическим анализом изделий из камня.

В. П. Любин сыграл решающую роль в разработке у нас методики полевого исследования стоянок в скальных убежищах (Любин 1990). Непременным условием успеха подобных предприятий является комплексный подход, постоянное сотрудничество на всех этапах работы со специалистами-естественниками. С рядом геологов, геоморфологов, почвоведов, палинологов, палеозоологов, петрографов (Н. К. Верещагиным, Г. Ф. Барышниковым, С. А. Несмеяновым, Н. А. Гвоздецким, А. Г. Черняховским, Г. М. Левковской, Н. Б. Селивановой и др.) В. П. Любина связывала многолетняя практика работ в поле и лаборатории.

Всё же основной вклад В. П. Любина в развитие науки о древнем человеке в нашей стране — это типология каменного инвентаря. Среди отечественных исследователей палеолита В. П. Любину не было равных в тонкости анализа изделий из камня. Любая, даже самая мелкая, заметка с публикацией конкретной коллекции, вышедшая из-под пера исследователя, пестрит разбросанными по тексту замечаниями о типологии и технике расщепления камня. Именно благодаря В. П. Любину был сделан решающий шаг по пути широкого внедрения в практику русской археологии системы Франсуа Борда. Выход в свет обширной статьи «К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий» (Любин 1965), содержащей как подробное критическое изложение итогов работы Ф. Борда, так и предложения автора по ее усовершенствованию, стал этапом в развитии нашей археологии. Если применить к отечественной литературе по палеолиту индекс цитируемости, то, вероятно, упомянутый труд является лидером.

В данной работе В. П. Любин предложил собственную классификацию нуклеусов, основанную на учете количества и расположения ударных площадок, которая нашла широкое применение в конкретных исследованиях. Как и большинство археологов той поры, В. П. Любин рассматривал совершенствование технических навыков в нижнем палеолите как линейный эволюционный процесс (переход от более древней радиальной к параллельной системе расщепления). Он тяготел к расширительному пониманию термина «леваллуа» как основной системы получения стандартных заготовок в нижнем палеолите путем параллельного плоскостного скалывания. Поэтому распространение леваллуазской техники, по мнению В. П. Любина, являлось крупнейшим техническим достижением нижнего палеолита, основанием для пересмотра периодизации.

Что касается собственно типологии, то, с точки зрения В. П. Любина, классификация Ф. Борда имеет чересчур общий характер, сам В. П. Любин стремился к максимальному дроблению материала. «Почти каждый из 63 типов-эталонов может стать объектом отдельного исследования, которое в какой-то мере еще предстоит сделать» (Любин 1965: 60). В соответствии с поставленной задачей исследователь показал на примере остроконечников и угловатых скребел возможности идентификации более дробных, чем у Ф. Борда, подразделений. Целью этой работы являлось, по мысли В. П. Любина, создание «региональных типологических списков» для различных территорий, учитывающих по возможности все нюансы морфологического разнообразия материала.

В. П. Любин — автор ряда крупных обобщающих работ по раннему и среднему палеолиту на всей территории нашей страны (Любин 1970) и на Кавказе (Любин 1984б; Любин, Беляева 2006), обстоятельного обзора пещерных памятников Кавказа в огромном хронологическом диапазоне от ашеля до финала палеолита (Любин 1989). Этапной вехой в развитии науки о палеолите в нашей стране стало появление труда «Мустьерские культуры Кавказа», с успехом защищенного в качестве докторской диссертации (Любин 1975) и увидевшего свет как монография двумя годами позже (Любин 1977). Продолжением этого труда стала книга «Ашельская эпоха на Кавказе», позднее переведенная на французский язык (Любин 1998; Lioubine 2002).

В трудах В. П. Любина понятие археологической культуры было распространено на средний палеолит Кавказа. Для В. П. Любина основой выделения культур являлась вся сумма технико-типологических параметров каменного инвентаря,

включая технику первичного раскалывания, вторичной отделки и типологию. «Определение каждой культуры должно исходить не из единичных или нескольких признаков, а из всей суммы показателей культурных остатков — этого неразрывного комплекса фактов» (Любин 1977: 192). На основании анализа каменных индустрий им были выделены губская, хостинская, цуцхватская, цхинвальская и кударская (или кударско-джручульская) культуры.

Для обозначения мустьерских культур, расположенных на различных территориях, но попадающих в единый вариант по классификационной шкале Ф. Борда, В. П. Любиным было предложено понятие «линия развития». В пределах Кавказа намечаются три линии развития — типично мустьерская, зубчато-мустьерская и шарантская.

Особой темой в многообразном научном творчестве В. П. Любина стало пещерное искусство. Обратившись в 1980-е гг. к изучению уникального памятника древнейшего творчества — Каповой пещеры на Урале, он увлеченно занялся сравнительным анализом стилистики изображения мамонта в палеолите (Любин 1991).

Заслуги исследователя получили признание в нашей стране и за рубежом. В. П. Любин был удостоен Почетной грамоты Президиума Академии наук, награжден Почетным дипломом ВДНХ. В 1998 г. ему, одному из немногих сотрудников ИИМК, было присуждено почетное звание профессора. Исследования В. П. Любина на Кавказе получили заслуженное признание со стороны руководства республик. Ему были вручены высшие награды Республик Ингушетия, Абхазия, Южная Осетия.

В 1965 г. В. П. Любин представил результаты своих исследований кавказских пещер в Югославии на IV Спелеологическом конгрессе; в 1969 г. принял участие в масштабной работе ученых Восточной Европы по программе «Лесс — перигляциал — палеолит»; в 1976 г. с успехом выступил на IX Конгрессе UISPP во Франции. В свою очередь, в 1978 г. большая группа французских специалистов ознакомилась с раскопками в Кударо во время экскурсии советско-французского семинара по теме «Динамика взаимодействия природной среды и доисторического общества» (Величко 1978). В 1982 г., во время XI Московского конгресса ИНКВА, В. П. Любин возглавил семинар «Среда и охотничья деятельность в каменном веке». Под руководством В. П. Любина в ЛОИА состоялись важные этапные совещания по вопросам антропогенеза (1983 г.) и методике полевых исследований (1984 г.), советско-французский симпозиум (Любин 1988). В дальнейшем исследователь неоднократно представлял свои работы на международных конференциях во Франции, Израиле, Армении.

В. П. Любин был членом Комиссии по экологии древнего человека ИНКВА, участником редколлегий таких изданий, как «Советская археология» и «Краткие сообщения Института археологии», много лет плодотворно сотрудничал в журнале «L'Anthropologie» (Франция).

Настоящий ученый продолжается в учениках, и в этом плане В. П. Любину можно было только позавидовать. Он воспитал блестящую плеяду специалистов, успешно разрабатывающих проблемы палеолита разных эпох и территорий. Говоря о последователях В. П. Любина, стоит, прежде всего, назвать имя его талантливой ученицы и верной спутницы жизни Е. В. Беляевой, автора фундаментальной публикации материалов мустьерских памятников Губского ущелья (Беляева 1999).

В кавказских экспедициях В. П. Любина произошло профессиональное становление чл.-кор. РАН Х. А. Амирханова, чья кандидатская диссертация строилась на материалах верхнепалеолитических комплексов Северного Кавказа (Амирханов 1986). Х. А. Амирханов возглавляет теперь коллектив исследователей каменного века в Москве и занимается широким кругом вопросов, начиная от изучения древнейших памятников Аравии и Кавказа вплоть до эпохи расцвета верхнепалеолитической культуры в центре Русской равнины. Другой ученик В. П. Любина, выдающийся исследователь алтайского палеолита, чл.-кор. РАН М. В. Шуньков, возглавлял Институт археологии и этнографии СО РАН в Новосибирске.

Под руководством В. П. Любина начинал свой путь в науку исследователь древностей Причерноморья и Ближнего Востока И. И. Коробков. К числу учеников и последователей В. П. Любина относит себя Н. К. Анисюткин, известный специалист по раннему и среднему палеолиту Юго-Запада Русской равнины.

Еще одно имя в этом ряду — Л. Б. Вишняцкий. Начав под руководством В. П. Любина с изучения палеолита Туркмении, исследователь перешел к анализу более широких проблем палеолита среднеазиатского региона (Вишняцкий 1996). В настоящее время перу Л. Б. Вишняцкого принадлежит ряд крупных работ, посвященных узловым вопросам становления человека, переходу от среднего к верхнему палеолиту, происхождению языка и искусства. Тематика палеолита Причерноморья продолжена в работах другого ученика В. П. Любина, С. А. Кулакова.

Важную роль сыграл В. П. Любин в развитии археологии в закавказских республиках. Среди его питомцев — исследователь армянского палеолита Б. Г. Ерицян, азербайджанские палеолитоведы А. А. Зейналов, А. К. Джафаров (1983) и М. М. Мансуров.

Говоря об учениках В. П. Любина, нельзя не привести скорбный список имен молодых ученых, чей жизненный путь безвременно прервался. Вспомним трагически погибшего при разведке Д. А. Чистякова, начавшего новый цикл изучения пещер Причерноморья (Чистяков 1996). Вспомним талантливого абхазского археолога М. Х. Хварцкия (Хварцкия и др. 2005), павшего на поле боя. Вспомним нашедшего смерть в горах грузинского исследователя З. К. Кикодзе.

В разные годы в экспедициях В. П. Любина принимали участие такие известные специалисты по палеолиту, как В. Е. Щелинский, Н. И. Гиджрати, А. М. Кузнецов, Е. М. Колпаков, ушедшие от нас Д. М. Тушабрамишвили, М. М. Гусейнов, В. А. Ранов, А. Е. Матюхин, Н. Д. Праслов, Л. В. Грехова, И. А. Борзияк, М. А. Иванова и многие-многие другие.

13 января 2018 г. Василию Прокофьевичу Любину исполнилось 100 лет. Это знаменательное событие отметили археологи-палеолитоведы во всем мире. В честь славного юбилея 15–16 января 2018 г. ИИМК РАН, при финансовой поддержке РФФИ, провел международную конференцию «Памятники Кавказа в контексте нижнего и среднего палеолита Евразии», участие в работе которой приняли ведущие специалисты из России, Азербайджана, Бельгии, Германии, Франции.

Торжественная часть конференции была посвящена многочисленным поздравлениям. В. П. Любина телеграммами поздравили президент РФ В. В. Путин и председатель правительства РФ Д. А. Медведев. От правительства Санкт-Петербурга выступил глава администрации Центрального района города А. Д. Хлутков. Юбилея тепло приветствовали руководители крупнейших музеев — Эрмитажа

(академик М. Б. Пиотровский) и Кунсткамеры (чл.-кор. РАН А. В. Головнёв), ректор Российского государственного гидрометеорологического университета В. Л. Михеев. Телеграммы с высокой оценкой заслуг В. П. Любина в деле исследования палеолита различных регионов России и бывшего СССР поступили от Президиума РАН, ФАНО РФ, Министерства образования и науки РФ, Министерства культуры РФ, Кафедры археологии МГУ, Управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края, Министерства культуры и охраны историко-культурного наследия Республики Абхазия, коллективов Музея истории Армении, Национального музея Грузии, Музея-заповедника «Костёнки», Музея истории города-курорта Сочи, Института археологии НАН Украины, Института истории НАН Беларуси, Института истории, языка и литературы Уральского НЦ УрО РАН, Института истории, литературы и языка Коми НЦ УрО РАН, Комиссии по изучению четвертичного периода РАН, Лаборатории стратиграфии четвертичного периода ГИН РАН. Многие археологи России, ближнего и дальнего зарубежья присоединились к хору поздравлений.

Поздравительный адрес от Института археологии РАН зачитал чл.-кор. РАН Х. А. Амирханов, от Института археологии и этнографии СО РАН — директор института чл.-кор. РАН М. В. Шуньков. Директор Института палеонтологии человека чл.-кор. французских академий А. де Люмле говорил о значении трудов В. П. Любина для мировой науки. От лица ИИМК РАН как прямого преемника Императорской археологической комиссии юбиляр получил знак Почетного зрителя Комиссии.

Поздравления и теплые пожелания В. П. Любину от Института археологии и этнографии НАН Азербайджана передал доктор А. А. Зейналов; от осетинских археологов — директор Юго-Осетинского института гуманитарных исследований Р. Х. Гаглойти и сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований Р. Г. Дзаттиаты, от археологов Абхазии — молодой коллега Р. Мамец-ипа.

Ко времени работы конференции библиотекой и Научным архивом ИИМК РАН были подготовлены выставки печатных работ и фотографий, иллюстрирующих деятельность В. П. Любина.

За два дня заседаний, помимо торжественной части, было заслушано и обсуждено 25 научных докладов и постеров по актуальным проблемам палеолитоведения. Большая часть выступлений была посвящена изучению раннего палеолита — начальным этапам истории человечества. Кавказ и юг Русской равнины входили в зону «великой миграции» — первоначального распространения *Homo erectus* из африканской прародины в Евразию. В докладах участников конференции прозвучали новейшие результаты исследования закономерностей расселения и адаптации рода *Homo* вне африканской прародины в новых природных условиях умеренной зоны древней ойкумены. Эта тематика в последние годы была в центре деятельности В. П. Любина на Кавказе. Под его руководством армяно-российская экспедиция в XXI в. открыла и начала исследовать несколько новых памятников первоначального расселения человека на территории Лорийского плато в Армении, недалеко от всемирно известной стоянки Дманиси в Грузии.

Проблемы изучения первоначального расселения человечества в Евразии в свете кавказских данных рассматривались в докладах А. де Люмле (Париж) «Человек

у ворот Европы 1,8 млн лет назад. Преолдувайские каменные индустрии начала нижнего плейстоцена со стоянки Дманиси в Грузии» и «*Homo georgicus* из Дманиси возрастом 1,8 млн лет. Вероятное воздействие вулканизма на его гибель». Древнейшие следы деятельности человека на территории Кавказа стали темой выступлений Х. А. Амирханова (Москва) «Типологическое содержание индустрии олдована Дагестана: основные характеристики», А. И. Таймазова (Махачкала) «Орудия на отщепях в индустрии олдована стоянки Айникаб 1», а также сообщения Е. Ю. Гири (Санкт-Петербург) «Доказательная интерпретация древнейших артефактов Кавказа и юга Русской равнины».

Тематика палеолита Северо-Западного Кавказа стала темой доклада Е. В. Леоновой (Москва) «Археологические памятники Губского ущелья конца верхнего палеолита и мезолита: новые данные и перспективы исследований» и постера В. П. Любина, Г. М. Левковской и Е. В. Беляевой (Санкт-Петербург) «Поздние неандертальцы Баракаевской пещеры: археология, хронология, палеоэкология, палеоэкономика».

Е. В. Беляева (Санкт-Петербург) в сообщении «Новые открытия древнейшего палеолита в Армении» представила некоторые результаты работ российско-армянской экспедиции, проводившихся под руководством юбиляра. В выступлении А. А. Зейналова (Баку) «Основоположник палеолита в Азербайджане» говорилось о влиянии В. П. Любина на становление науки о древнекаменном веке в республике.

Разработки В. П. Любина в области классификации каменных изделий ашельской эпохи были упомянуты в постерах Г. Н. Поплевко (Санкт-Петербург) «Трасологический анализ кремневых изделий из Кударо» и Е. Осиповой (Перпиньян) «Бифасы археостратиграфического комплекса F пещеры Араго (Восточные Пиренеи, Франция): морфо-технологическое исследование».

Тематика представленных на конференции докладов отличалась огромным территориальным охватом. Два сообщения были посвящены находкам раннего и среднего палеолита в Крыму: С. А. Кулаков, Н. К. Анисюткин (Санкт-Петербург), А. Л. Чепалыга (Москва) «Открытие раннего палеолита на Южном берегу Крыма» и К. Н. Гаврилов, М. Г. Жилин, Д. В. Ожерельев, А. Б. Селезнев (Москва) «Новенькое 1 — новый памятник каменного века в Западном Крыму». Д. В. Ожерельев (Москва) в докладе «Новые находки палеолита в Восточной Турции» говорил о значимости публикаций В. П. Любина, посвященных потенциалу этого района в плане изучения палеолита Западной Азии.

Внимание собравшихся привлек доклад Е. Г. Дэвлет (Москва) «Новые открытия наскального искусства в Каповой пещере» с представлением сенсационных данных, полученных в последнее время в уникальной сокровищнице палеолитического творчества на Урале. Обобщающий доклад М. В. Шунькова (Новосибирск) «Ранний палеолит Северной Азии» и постер Е. В. Филатова (Чита) «На пути к открытию среднего и нижнего палеолита Восточного Забайкалья» были посвящены новым открытиям древнейших памятников в Сибири. Значение работ В. П. Любина в Африке было отмечено в сообщении Д. А. Пресняковой (Тюбинген) «Стратегия отщепового производства раннего ашеля из Кооби-Фора, озеро Туркана, Кения».

В отдельную группу можно отнести доклады смежников — специалистов естественных наук. В. П. Любин на протяжении всей своей деятельности активно

развивал и использовал комплексный междисциплинарный подход к изучению памятников каменного века. Исследованиям фаунистических коллекций палеолитических памятников были посвящены доклады Г. Ф. Барышникова (Санкт-Петербург) «Кударский пещерный медведь: эволюция и тафономия» и М. В. Саблина (Санкт-Петербург) «Фауна стоянки Мухкай 2». О непреходящей ценности исследований останков из археологических памятников классическими методами физической антропологии говорилось в коллективном докладе Марг. М. Герасимовой, С. В. Васильева, С. Б. Боруцкой (Москва) «Антропологическое исследование скелета из погребения на верхнепалеолитической стоянке Костёнки 14 (Маркина Гора): факты и интерпретации». Особо следует отметить сообщения геологов, много и плодотворно работающих с археологами. П. Эзартс (Брюссель) и М. Отт (Льеж) представили доклад «Геоархеология долины Оби-Мазар (Таджикистан), сравнение с последовательностью лессов Китая: памяти В. А. Ранова (1924–2006) и А. Е. Додонова (1940–2008)», В. Г. Трифонов, Д. В. Ожерельев, А. С. Тесаков, А. Н. Симакова (Москва) — «Палеогеографические и геодинамические условия расселения древнейших гоминин в Аравийско-Кавказском регионе», Я. И. Трихунков (Москва) — «Геолого-геоморфологическая позиция Ахштырской (Казачебродской) среднепалеолитической стоянки».

Заседания завершились развернутой дискуссией, посвященной актуальным вопросам анализа древнейших каменных индустрий, проблеме разграничения олдувайских и раннеашельских комплексов. На основе докладов, зачитанных на юбилейной конференции, создан настоящий выпуск «Записок ИИМК РАН».

Увы, судьба отвела В. П. Любину немного времени после торжественного юбилея. 14 июня 2018 г. жизнь ученого прервалась... Завершился век Любина. Но ученики и последователи дела В. П. Любина продолжают его неустанный научный поиск.

Литература

- Амирханов 1986 — *Амирханов Х. А.* Верхний палеолит Прикубанья. М.: Наука, 1986. 112 с.
- Беляева 1999 — *Беляева Е. В.* Мустьерский мир Губского ущелья (Северный Кавказ). СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 216 с.
- Величко 1978 — *Величко А. А.* (ред.). Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа. М.: Наука, 1978. 102 с.
- Вишняцкий 1996 — *Вишняцкий Л. Б.* Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб.: Европейский Дом, 1996. 213 с.
- Джафаров 1983 — *Джафаров А. К.* Мустьерская культура Азербайджана. Баку: Ылым, 1983. 98 с.
- Иванова, Черняховский 1980 — *Иванова И. К., Черняховский А. Г.* (ред.). Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии. М.: Наука, 1980. 183 с.
- Любин 1953 — *Любин В. П.* Каменный век Юго-Осетии в связи с некоторыми вопросами нижнего палеолита Закавказья и стран Передней Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: ЛО ИИМК АН СССР, 1953. 21 с.
- Любин 1957 — *Любин В. П.* Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества // СА. 1957. Т. 27. С. 71–90.

- Любин 1964 — Любин В. П. Нижний палеолит в районе Дакки-Коштамны // Пиотровский Б. Б. (ред.). Древняя Нубия. М.; Л.: Наука, 1964. С. 32–68.
- Любин 1965 — Любин В. П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // Борисковский П. И. (ред.). Палеолит и неолит СССР. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 5. С. 7–75 (МИА. № 131).
- Любин 1970 — Любин В. П. Нижний палеолит // Формозов А. А. (отв. ред.). Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970. С. 19–42 (МИА. № 166).
- Любин 1975 — Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л.: ЛОИА АН СССР, 1975. 48 с.
- Любин 1977 — Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. Л.: Наука, 1977. 223 с.
- Любин 1984а — Любин В. П. Палеолит Туркмении (история исследования, новые материалы, ближайшие задачи) // СА. 1984. № 1. С. 26–45.
- Любин 1984б — Любин В. П. Ранний палеолит Кавказа // Борисковский П. И. (ред.). Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. С. 45–94 (Археология СССР).
- Любин 1988 — Любин В. П. (ред.). Закономерности в развитии палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л.: Наука, 1988. 69 с.
- Любин 1989 — Любин В. П. Палеолит Кавказа // Борисковский П. И. (ред.). Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л.: Наука, 1989. С. 9–142 (Палеолит мира).
- Любин 1990 — Любин В. П. Стоянки в скальных убежищах: специфика и методика полевых исследований // КСИА. 1990. Вып. 202. С. 68–77.
- Любин 1991 — Любин В. П. Изображения мамонтов в палеолитическом искусстве (по материалам Каповой пещеры) // СА. 1991. № 1. С. 20–42.
- Любин 1992 — Любин В. П. Кавказ и Ближний Восток в палеолитическом мире // РА. 1992. № 2. С. 79–80.
- Любин 1994 — Любин В. П. (ред.). Неандертальцы Гупского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп: Меоты, 1994. 238 с.
- Любин 1997 — Любин В. П. С. Н. Замятнин — собиратель и хранитель палеолитических древностей // Попова Т. А. (ред.). Развитие культуры в каменном веке. СПб.: МАЭ РАН, 1997. С. 21–23.
- Любин 1998 — Любин В. П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. 191 с.
- Любин, Беляева 2004 — Любин В. П., Беляева Е. В. Стоянка Homo Erectus на центральном Кавказе (пещера Кударо 1). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 272 с.
- Любин, Беляева 2006 — Любин В. П., Беляева Е. В. Ранняя преистория Кавказа. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 180 с.
- Любин, Беляева 2011 — Любин В. П., Беляева Е. В. Страницы ранней преистории Абхазии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. 120 с.
- Любин, Геде 2000 — Любин В. П., Геде Ф. Й. Палеолит Республики Кот д'Ивуар. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 156 с.
- Хварцкия и др. 2005 — Хварцкия М. Х., Полякова Н. Е., Очередной А. К. Мачагуа — памятник среднего каменного века в Абхазии. СПб.: Копи-Р, 2005. 140 с.
- Чистяков 1996 — Чистяков Д. А. Мустьерские памятники Северо-Восточного Причерноморья. СПб.: Европейский Дом, 1996. 254 с.
- Lioubine 2002 — Lioubine V. P. L'Acheuléen du Caucase. Liège, 2002. 140 p. (ERAUL. No. 93).

LYUBIN'S CENTURY: THE SEARCH FOR THE EARLIEST MAN IN EURASIA AND AFRICA

S. A. VASILIEV

Keywords: *Paleolithic, Caucasus, Africa, Turkmenistan, Acheulean, Mousterian cultures, typology.*

The paper considers the contribution of V. P. Lyubin (1918–2018), one of the leading Russian researchers in the field of Paleolithic archaeology, to the development of the studies of ancient Man in our country, and traces the main milestones of his biography. He made more than a few outstanding discoveries. The Kudaro caves in South Ossetia belong to the golden fund of the world science. His exploratory routes went through almost all parts of the Northern Caucasus and extended also into Armenia. Ample archaeological materials were obtained during his fieldwork in Turkmenistan. A special page of the scholar's biography is the study of the Paleolithic of West Africa. V. P. Lyubin worked out the foundations of the methodology of fieldwork at cave sites which is currently in use in our country. He had no equals among Russian Paleolithic archaeologists in the subtlety of stone tool analysis. V. P. Lyubin left us numerous printed works, including a number of seminal monographs such as “The Mousterian cultures of the Caucasus”, “The Acheulean epoch in the Caucasus” (published in both Russian and French), “A site of *Homo erectus* in the Kudaro I cave”, “Early prehistory of the Caucasus” (the latter two written in co-authorship with E. V. Belyaeva), “The Paleolithic of the Republic of Côte d'Ivoire” (jointly with F. Y. Guede), a book about the Neanderthals of the Gubs Gorge, important chapters in the multi-volume editions “The Paleolithic of the World” and “The Paleolithic of the USSR”.

A true scholar continues in his students, and in this respect one cannot but envy V. P. Lyubin. He prepared a group of brilliant researchers, who are successfully working in different regions. The final part of the paper presents the results of the International Conference dedicated to the memory of V. P. Lyubin, that was held at IHMC RAS in 2018.

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

В. П. ЛЮБИН

Детство и школьные годы

Большую часть жизни я прожил в Ленинграде-Петербурге и очень полюбил этот город, но так и не примирился с северным климатом, потому что вырос на юге, на Украине. Мои родители, уроженцы украинской глубинки, познакомились и поженились в г. Николаеве в 1915 г. Они оба приехали из своих сел в этот город, ставший со времен Екатерины Великой тыловой базой Черноморского флота и центром судостроения, для того, чтобы найти работу и устроить свою жизнь. Отец, который не знал тогда грамоты, начинал разнорабочим на заводе, а маму, закончившую два класса церковноприходской школы, взяли в горничные. В 1916 г. у них появился сын Виктор, а я родился по старому стилю в последний день 1917 г. Вскоре после революции мой папа ушел в Красную армию, где служил фельдшером, а мама в это время устроилась уборщицей в школе и растила двух сыновей. Вернувшись домой, отец стал работать пожарным и закончил ликбез.

В первой половине 1920-х гг. наша семья жила очень бедно: малышами мы с братом Виктором нередко утоляли голод макухой, то есть отжатыми семечками, а когда чуть подросли, стали рыбачить на реке. На всю жизнь я запомнил, как в возрасте примерно пяти лет был просто потрясен, услышав вопрос директрисы школы к своей дочке: «Ты что будешь на полдник — яблоко или творог?». Мы о подобной еде тогда и не слыхивали. Пойдя в школу, я в теплое время года бегал туда босиком — надо было беречь единственные ботинки. Тем не менее это время осталось в памяти не столько тяготами, сколько бесконечными солнечными днями на реке — купанием и рыбалкой, играми с братом и другими ребятами. Учась плавать, я дважды чуть не утонул, но обошлось. Зато научился так хорошо держаться на воде, что впоследствии не раз переплывал текущий через город Южный Буг в самом широком месте, где к причалам подходят корабли.

В школе мне было интересно, но серьезных знаний я там не почерпнул. Учили нас тогда своеобразно: большинство старых учебников отменили, новых вначале совсем не было, так что знания мы получали, в основном, из рассказов учителей. Интересно, что истории в подлинном смысле слова нас не обучали, так как ее курс начинался с Парижской коммуны, а в центре внимания были классовая борьба и революционные события. Много времени мы посвящали всякой общественной работе, которая меня тогда увлекала. Было очень весело, например, ходить с барабаном вместе с шествием юных безбожников. Однако когда взрывали городской собор, мне это было совсем не по душе и запомнилось ощущение потери чего-то очень красивого и важного. Участвуя в обычных мальчишеских проказах, включая

лежание на спор под проходящим трамваем, я в то же время пристрастился читать книги. Дома их почти не было, но я стал ходить в библиотеку и брать книги у друга. Очень нравилось мне также заниматься в школьной самодеятельности и выступать в концертах и спектаклях. Артистическими талантами я особо не блистал, но меня ценили за энтузиазм и хорошую память, которая позволяла быстро заучивать тексты.

С конца двадцатых годов жизнь нашей семьи стала меняться к лучшему. Отец был очень способным человеком, поэтому его продвигали по службе. Он быстро поднимался от одной должности к другой, став в 1934 г. начальником пожарной охраны всей Николаевской области. Мама смогла оставить работу и стать домохозяйкой, в семье появился еще один сын — младший брат Владимир. Однако жила наша семья очень скромно: мама старалась на всем экономить, а мы с братьями по очереди донашивали вещи отца и друг друга. Главной для меня выгодой от должности отца была возможность занимать положенное ему место на спектаклях в городском театре, включая гастрольные ведущие труппы из Москвы и Ленинграда. Помимо театра, в старших классах школы я стал еще более увлекаться чтением, а также разными спортивными занятиями — шахматами, греблей и волейболом. Еще я начал собирать коллекцию зарубежных марок путем переписки на популярном тогда языке эсперанто, но это вскоре жестко пресек отец. Как выяснилось через много лет, став начальником, он жил в постоянном напряжении и остерегался дать хоть малейший повод стукачам, которые повсюду искали и находили очередных «врагов народа».

Мой старший брат, окончив школу, пошел на завод, а во мне созрело желание учиться дальше. После выпускных экзаменов летом 1935 г. я отправился вслед за нравившейся мне одноклассницей поступать в один из вузов Ленинграда, но подвела слабая школьная подготовка. На экзамене по математике меня ждал провал на простейших примерах с десятичными дробями. Еще две попытки попасть в другие вузы закончились аналогично. Денег на обратную дорогу не было, так что мне пришлось при помощи папиных знакомых устроиться на работу в ЭПРОН (Экспедиция подводных работ особого назначения) в Кронштадте. Эта очень известная тогда организация занималась подъемом кораблей, затонувших за годы Первой мировой и Гражданской войн. Я работал на подхвате на какой-то барже около двух месяцев, а потом, когда холод стал пробирать меня через летние туфли и куртку, наскреб деньги на билет и вернулся в Николаев. Папа объявил, что после этой неудачи мне следует идти в военное училище, и сам направил туда мои документы. Тут я впервые посмел воспротивиться отцу и, поддержанный мамой, упрямил его разрешить мне вторую и последнюю попытку получить высшее образование.

Студенчество

Провал с поступлением в вуз и жесткая позиция отца заставили меня напрячься и крепко взяться за ум. Я записался на Николаевское отделение рабфака Одесского университета, чтобы попытаться стать его студентом на следующий год. Там начал, наконец, учиться по-настоящему, но камнем преткновения стала математика, которую предстояло сдавать в числе прочих обязательных экзаменов. Преподаватель математики не без оснований считал меня полным невеждой и был уверен, что я не смогу осилить этот предмет. На кону стояла вся моя дальнейшая судьба, что заставило найти решение: я продал свою коллекцию марок и нанял учительницу для ликвидации моей математической безграмотности. Через три месяца ежедневных

занятий я, к изумлению моего преподавателя, с блеском сдал математику и даже получил от приемной комиссии приглашение подавать документы на физико-математический факультет. Однако душа лежала к гуманитарным наукам, поэтому летом 1936 г. я стал студентом исторического факультета.

В Одесском университете еще оставалось немало дореволюционной профессуры, благодаря чему там были прекрасные специалисты, читавшие курсы по всем разделам истории. Вначале я и подобные мне вчерашние малообразованные школьники с трудом постигали доселе неведомые нам предметы. Нас опережали так называемые «лишенцы» — дети бывшей элиты, которые до принятия Конституции 1936 г. были лишены многих гражданских прав, включая право на получение высшего образования. Эти ребята после окончания школы учились с преподавателями на дому, поэтому они пришли в университет, уже освоив часть университетских курсов. Однако я занимался упорно и быстро подтянулся к группе лучших студентов, получив за все годы лишь четыре «четверки». Мама очень радовалась этому, а папа признал, наконец, мой выбор и выразил свое одобрение, заказав мне первый в жизни костюм. Большинство студентов жили тогда очень бедно. Нередко мы просыпали утренние лекции, чтобы сэкономить на завтраке, а потом мчались в нашу столовую утолять голод пирожками с горохом и дельфинятиной, которая тогда заменяла мясо небогатым жителям Одессы.

Студенты активно интересовались всем, что происходило в стране и в мире, но, конечно, мы знали лишь то, что нам сообщали. О преступной деятельности «врагов народа» рассказывали так убедительно, что трудно было не поверить в необходимость борьбы с ними. Если же виновными объявляли близких или хороших знакомых, большинство объясняло это случайной ошибкой или перегибами. Когда однажды был арестован практически весь состав военной кафедры университета, я и мои сокурсники были неприятно поражены, но успокоились на том, что была какая-то причина и что с этими людьми разберутся по справедливости. О подлинной ситуации и огромных масштабах репрессий я не догадывался, как, вероятно, и мои товарищи. Те же, кто в той или иной мере мог быть в курсе, включая моего отца, держали рот на замке. Только в 60-е годы папа в разговоре о Сталине напомнил мне, как, приехав в 1938 г. на каникулы в Донецк, куда перебрались мои родители из-за новой должности отца, я мог слышать за забором одного из зданий постоянную работу движка, а порой и видеть выезжавшие крытые грузовики. Он сказал мне с горечью: «Они там расстреливали днем и ночью, заглушая выстрелы работой мотора, а потом вывозили тела». Пожарная охрана, где он был большим чином, входила тогда в НКВД, и папа, видимо, кое-что знал о своих коллегах. Именно такое знание и страх попасть в эту молотилку были, видимо, главной причиной того, что он уже в 1940 г., будучи еще вполне здоровым и бодрым человеком, решил оставить службу, воспользовавшись правом на досрочную пенсию.

Учась в университете, я еще не представлял, чему посвящу свою жизнь. Некоторые области истории нравились более других, но я не чувствовал сильного влечения к определенной тематике и не думал о занятии наукой. Никаких археологических практик или экспедиций у нас тогда не было. Но однажды я всё же побывал на раскопках — в Ольвии, куда ездил с отцом на экскурсию. В конце пятого курса мы получили направления на работу: мне предложили преподавать историю в одной из сельских школ на Волыни. Я был вполне доволен, хотя всё же надеялся

в дальнейшем найти для себя какую-то более интересную стезю. Однако мою судьбу, как и судьбы многих и многих, круто изменила начавшаяся война.

Годы на войне

Утром 22 июня 1941 г. я сидел в читальном зале Публичной библиотеки Одессы, готовясь с сокурсниками к сдаче последнего государственного экзамена по древней истории. Кто-то вошел и громко сообщил о начале войны. Все студенты мгновенно высыпали на Дерибасовскую улицу, где столпились массы людей, слушающих речь Молотова. Когда через три дня, 25 июня, мы пришли на экзамен, над Одессой уже кружили немецкие самолеты-разведчики и по ним стреляли зенитные орудия. Все будущие солдаты сразу получили «пятерки», затем дипломы, а 7 июля нас уже погрузили в товарные вагоны эшелона и повезли в г. Горький, в Училище зенитной артиллерии. Здесь мы пробыли почти 11 месяцев. Хилых студентов нещадно муштровали и жестоко закаляли, приучая к воинской дисциплине. Зенитному делу, однако, нас по-настоящему не научили, так как современные зенитные орудия направлялись на фронт, а в училище оставались только устаревшие пушки образца 1911 г.

В начале июня 1942 г. мы вышли из училища лейтенантами. Я попал на Брянский фронт, в зенитно-артиллерийский дивизион, стоявший в районе Малоярославца. В первую же ночь командир дивизиона майор Ужинский разбудил меня с поручением, сказав запомнившиеся на всю жизнь слова: «Вставай, лейтенант, отоспишься после смерти!». Утром я впервые увидел бомбежку немцев и из любопытства даже побежал поближе к местам взрывов. Меня, по счастью, не убило, однако оглушило взрывной волной, что раз и навсегда выбило из головы юношескую наивность. Вот так началась моя военная жизнь.

Всю войну я прошел в составе одной и той же зенитной части — вначале дивизиона, а затем сформированного на его базе полка 1276. С 15 июня 1942 г. по 9 мая 1945 г. наша часть воевала в составе Брянского, Западного и Прибалтийского фронтов. Я был первым помощником начштаба полка по огневой службе и отвечал за связь с другими родами войск и организацию их прикрытия с воздуха. Я должен был бывать как на позициях наших батарей, так и в соседних пехотных и артиллерийских частях, что позволяло довольно многое видеть и оценивать. Летом 1942 г., когда я попал на фронт, нам было еще очень трудно противостоять немецкой авиации. Я неоднократно наблюдал с болью, как «мессеры» нагло и безнаказанно срубали наши «илы» и «миги» с фюзеляжами из фанеры, как расстреливали наши колонны и даже одиночные машины. Гибель шофера была особенной потерей, так как у нас, в отличие от немцев, было мало людей, умевших водить автомобили. Трудно было не заметить также превосходство немцев в стрелковом оружии и в тяжелых танках.

К весне 1943 г. состояние нашей армии, однако, уже изменилось. Резко усилилась наша противотанковая артиллерия, появилось много средних танков Т-34, тяжелых ИС и КВ, из которых формировали корпуса и армии. Чрезвычайно эффективным оружием оказались появившиеся на фронте ГМЧ «катюши». Намного возросла и боеспособность зенитных частей: в нашем полку было уже пять батарей малокалиберных орудий, которые били до высоты 4 км, и две роты зенитных пулеметов. Теперь немецкие самолеты стали уклоняться от нашего огня, нередко

сбрасывая бомбы мимо целей. Наш полк вошел вскоре в состав 17-й зенитно-артиллерийской дивизии Резерва Главного Командования (РГК), вследствие чего стал участвовать, главным образом, в наступательных операциях.

Когда я только попал на фронт, армия несла огромные потери. Кадровых военных осталось немного, поэтому и офицерам, и солдатам-призывникам, большинство которых были крестьянами, приходилось овладевать военным делом в ходе боев. В полку было всего два человека с высшим образованием, включая меня. Большинство младших офицеров также выдвинулись из солдат, восполняя недостаток профессионального образования способностью к делу и ежедневным опытом. Мы теряли не так много людей, как пехота или танкисты, но всё же погибло немало моих товарищей. Поскольку зенитчики обычно располагались на некотором расстоянии от линии фронта, главный урон нам наносили не пули, а бомбы, снаряды и мины. Мы охотились на самолеты, а самолеты охотились на нас, сбрасывая бомбы или наводя огонь артиллерии. Наш штаб обычно маскировался лучше, нежели батареи, но часто доставалось и ему. Навсегда запомнил день 7 февраля 1944 г., когда я трижды едва не погиб. Это произошло близ Витебска, где часть наших войск, включая мой полк, из-за неудачного наступления оказалась в «полукотле», по которому нещадно били немцы. Первый раз осколочный снаряд упал рядом с земляной «щелью», где я прятался, оглушив меня и изрешетив спину полшубка чешуйками металла. Затем, когда мы с начальником штаба бросились прочь из этого опасного места, между нами разорвалась мина, осколки которой лишь чудом не задели ни одного из нас. Вскоре мы выехали оттуда на машине, но часом позже встали на дороге из-за неполадок в моторе. Едва завели его и стали отъезжать, как в то место, где мы стояли, упал тяжелый снаряд.

Войну наш полк заканчивал в Прибалтике, на территории Латвии, где в Курляндском котле была окружена большая группировка немецких войск, отошедших от Ленинграда и Новгорода. Утром 9 мая 1945 г. наши войска должны были перейти в наступление, однако в 6 часов немцы выбросили белые флаги. Чтобы представители нашего командования могли принять капитуляцию немцев, саперы проделали проходы в минных полях. Сгорая от любопытства, я вместе с ординарцем прокрался вслед за нашими генералами и смог, затаившись на опушке леса, присутствовать при капитуляции элитной танковой дивизии СС «Мертвая голова». Вечером по всему фронту наши части праздновали победу: боезапасы, накопленные для наступления, были выпущены в воздух, озарив небо грандиозным салютом. В тот вечер впервые за всю войну выпил спиртного, попробовав трофейный коньяк.

Через две недели отдыха наш полк погрузили в эшелон, двинувшийся на восток. Я был начальником эшелона, но не знал, как и все, конечного пункта. Проехали через европейскую Россию, затем пересекли Урал. Всё очевиднее становилось, что нам предстоит снова участвовать в войне, на этот раз с Японией. Чтобы поднять настроение, я котелками покупал на полустанках клубнику и сливки. Вместе с нами тем же маршрутом проследовали сотни эшелонов, которые шли по Транссибу один за другим с интервалами 1–2 км. Наш полк выгрузили недалеко от Читы, откуда мы своим ходом, пересекая Монголию, вошли в Западную Маньчжурию. При движении по бездорожью каменистой пустыни Гоби гусеницы машин-тягачей стали ломаться, но полк, выполняя приказ, должен был безостановочно идти дальше, оставляя по пути людей и орудия. Боеспособность полка падала, поэтому командир

полка дал мне поручение вернуться и найти эти орудия, отремонтировать машины, а затем догнать полк. Я козырнул, взял хлеб, фляжку с водой и пешком пошел назад по пустыне выполнять приказ, не думая о риске. Когда через несколько суток я предстал перед командиром полка, приведя пять машин с орудиями, он был столь поражен и обрадован, что, несмотря на отсутствие военных действий, представил меня к награждению боевым орденом Красной Звезды. Первую Красную Звезду и орден Отечественной войны II степени я ранее получил на Западном фронте.

Начало мирной жизни

Япония быстро капитулировала, и в середине сентября 1945 г. наш полк отправился на зимние квартиры под Владивостоком. Я был к тому времени капитаном и получил приглашение поступать в Военно-политическую академию имени Фрунзе. Однако я не хотел оставаться в армии и начал хлопотать о демобилизации. Меня отпустили лишь поздней осенью 1946 г., заставив написать историю полка, поскольку я служил в нем с момента основания и хорошо помнил весь боевой путь. Я вернулся к родителям на Украину, узнав от них о гибели старшего брата. Там царил послевоенный голод, а работу можно было найти только на шахтах, чего я не хотел. В то же время нависла угроза над младшим братом. Во время оккупации он был угнан немцами на работу в Германию, а потом освобожден французскими войсками и репатриирован на родину. Знакомые намекнули, что Володей заинтересовались в местном НКВД, а это пахло арестом. Кто-то посоветовал махнуть от всех бед в Закавказье, где проще жить и меньше строгостей. В начале 1947 г. мы вместе с братом, прихватив котелок маминой картошки, сели на поезд и покинули Украину — как оказалось, навсегда. Вскоре я впервые увидел всё великолепие Кавказа, который, однако, вначале принял нас не очень гостеприимно.

Тогда было выпущено распоряжение правительства о первоочередном и обязательном трудоустройстве фронтовиков. Однако попытки найти работу в нескольких городах Кавказа не удались, потому что я не мог быть учителем, не зная местные языки. У нас стали заканчиваться деньги, и приходилось практически голодать. Наконец, меня взяли в детскую трудовую колонию около г. Кутаиси. Там содержались осиротевшие после войны дети-беспризорники, которых было тогда великое множество. Я был рад работать с детьми, но порядки в этой колонии меня очень сильно возмущали: с воспитанниками там обращались грубо, продукты воровали и т. п. Осенью 1947 г. я поехал в Тбилиси, в соответствующее управление, чтобы уволиться и вернуться на Украину. Однако там меня остановил С. А. Калабалин — бывший воспитанник А. С. Макаренко и сам педагог, работавший с беспризорными детьми. Он как раз в тот день получил назначение на должность заместителя начальника по воспитательной работе в Детскую трудовую воспитательную колонию в г. Цхинвали (ныне Цхинвал) в Юго-Осетии (совр. название — Южная Осетия) и разглядел во мне подходящего сотрудника. Отправившись с ним, я получил место директора школы, а также небольшую комнатку с кроватью, столом и стулом, чем был чрезвычайно счастлив. Мой брат остался в Кутаиси, где устроился на завод.

Работать с беспризорниками мне нравилось и удавалось с ними ладить. Эти ребята, которые научились жить вне дома без помощи взрослых и часто сбегали из детских колоний, чтобы кочевать по всей стране, были очень самостоятельными и смыслеными. Когда же они начинали хулиганить или даже бунтовать, то их

быстро урезонивал Калабалин, который сам вышел из их среды и умел быть им как старшим товарищем, так и строгим отцом. Он был невероятно обаятельным, талантливым и очень порядочным человеком, который отдал всю жизнь беспризорным детям и пользовался безграничным уважением и любовью воспитанников. Семен Афанасьевич Калабалин навсегда остался в моей памяти как образец учителя и надежный друг.

Мне нравилась жизнь в Цхинвале — прекрасная работа, теплый климат, общение с друзьями, которых я быстро обрел в этом маленьком городке. Понемногу я обустроил и свою домашнюю жизнь, а потом встретил милую девушку из осевшей в этих краях русско-польской семьи и женился, перейдя жить в большой и хлебосольный дом ее родителей. Всё было вроде бы прекрасно, но у меня возникло и всё более укреплялось желание сделать свою жизнь менее обыденной и наполненной чем-то новым и интересным.

Путь в археологию

В свободное от работы время я начал интересоваться древнейшей историей Юго-Осетии. Стал бродить по окрестностям Цхинвала — нашел наконечник стрелы и медный топорик, который, как объяснили специалисты в местном музее, оказался очень архаичным типом времени раннего энеолита. Это меня так вдохновило, что я еще более увлекся поисками древних изделий, а также начал общаться с работниками музея и читать литературу по археологии. Однако поначалу это было лишь любительским краеведением и могло оставаться таковым, если бы не счастливая случайность.

В начале 1949 г. я узнал, что в городском лектории археолог Евгения Георгиевна Пчелина прочтет доклад «Археологическая карта Юго-Осетии». Конечно, я пошел послушать Пчелину, а после доклада подошел к ней и попросил взять меня в экспедицию. Я не был уверен в успехе, но, к моей радости, Пчелина охотно согласилась. Как потом она говорила мне, местных жителей не привлекала работа в экспедиции, поэтому она тоже была счастлива обрести во мне подходящего во многих отношениях сотрудника. Я был физически крепок, имел определенные познания в истории, а мой дилетантизм в археологии компенсировали огромный интерес к ней и стремление впитывать новые знания. Мне несказанно повезло, что я волей случая встретился с таким изумительным человеком и ученым. Евгения Георгиевна, работавшая много лет в Эрмитаже, была крупным специалистом по археологии и этнографии Осетии. Поссорившись однажды с тогдашним директором Эрмитажа И. А. Орбели, она сгоряча подала заявление об уходе, которое он подписал. Пчелина была очень расстроена, но отступать не стала и устроилась на работу в Юго-Осетинский НИИ, где активно продолжила свои научные исследования.

Знакомство с Пчелиной стало переломным в моей жизни. Попав в ее экспедицию, я, наконец, впервые приобщился к настоящей археологии. За два года мы с Евгенией Георгиевной объездили почти все районы Южной Осетии, прежде всего, полосу предгорий Большого Кавказа, занимаясь поисками новых археологических памятников. Получая этот новый и бесценный опыт, я всё более и более увлекался археологией. Вскоре я открыл на окраине Цхинвала могильник бронзового века, который заинтересовал самого Бориса Алексеевича Куфтина — одного из крупнейших специалистов по археологии Закавказья. Он в 1949 г. исследовал

на Кавказе древние места добычи сурьмы, а мы с Евгенией Георгиевной присоединились к работам его экспедиции. Куфтин был высоким седовласым человеком, очень энергичным и приветливым. Когда я испытал неприятное чувство, увидев, что он стал без всякого предупреждения копать открытый мной могильник, Куфтин быстро обезоружил меня своей любезностью, а также уделил время для разговора на археологические темы и подарил свой оттиск.

Уже после первого сезона полевых работ с моим участием Пчелина поняла, что я влюбился в археологию и имею способности к этой науке. Она решила помочь мне и написала письмо Борису Борисовичу Пиотровскому с вопросом, нельзя ли взять меня в аспирантуру. Он в свойственном ему лаконичном и остроумном стиле ответил: «Кота в мешке не покупают, пусть приедет — посмотрим». Когда я приехал в Ленинград и предстал перед Борисом Борисовичем, он увидел, конечно, сколь мало я искушен в области археологии. Однако мой энтузиазм ему, по всей видимости, так понравился, что благословение было получено. После этого осенью 1949 г. я оставил колонию и перешел на работу учителем в городскую женскую школу. Это было необходимо, чтобы иметь больше времени для подготовки к экзаменам в аспирантуру ИИМК.

Я сдавал эти экзамены в 1950 г. — это был первый послевоенный набор в аспирантуру. На два места вместе со мной претендовали еще трое: Массон, Заднепровский и Воробьев. Сдавали три экзамена. Наиболее трудным был для меня немецкий язык, который я уже почти позабыл со времен окончания университета и не мог, конечно, заново освоить лишь за несколько месяцев. Однако, несмотря на очень слабые познания, мне всё же поставили «тройку», скорее всего, только из уважения к заступничеству Бориса Борисовича. Марксистско-ленинскую философию и археологию я сдал на «пять». Но на экзамене по археологии чуть было не произошел курьез, который мог стать для меня катастрофой. Простудировав рекомендованную литературу, я довольно легко справился со всеми вопросами, включая последний, который касался пещерной стоянки Киик-Коба в Крыму. Однако вдруг раздался дополнительный вопрос: «А это верхний палеолит или нижний?». И вот тут я вдруг растерялся и призадумался. Спасителем стал член экзаменационной комиссии Сергей Николаевич Бибииков, который ранее уже помогал мне при подаче документов, будучи ученым секретарем ИИМК. Он выразительно посмотрел сначала на меня, а потом вниз, позволив дать правильный ответ: «Нижний палеолит!». По результатам этих экзаменов в аспирантуру прошли я и Воробьев. Позднее всё же приняли и Массона с Заднепровским — по квотам союзных республик.

Первые годы в ИИМК

Научным руководителем моей аспирантуры стал Пиотровский. Вначале меня взяли в Отдел Средней Азии и Кавказа. Сотрудниками этого отдела в то время были такие блестящие исследователи, как Пиотровский, Артамонов, Йессен, Дьяконов. Особенно меня поражал своей эрудицией Йессен. Он был скромным кандидатом наук, но, как правило, блистал в дискуссиях даже на фоне других мэтров. Поскольку своего материала у меня не было, Борис Борисович сам предложил мне тему для диссертации. Это был могильник позднебронзового века Редкин лагерь на севере Армении, который копал Николай Яковлевич Марр. Я послушался и начал работать. Однако вскоре обнаружил, что раскопки плохо документированы, а инвентарь

неполон и описан весьма поверхностно. Даже при отсутствии опыта научной работы мне стало ясно, что этот материал не годится для написания диссертации.

Выручило меня то, что я не терял связи с Цхинвали и летом продолжал там археологические разведки. Во время этих поисков я открыл ашельское местонахождение близ сел. Лаше-Балта, где собрал серию ручных рубил и другие изделия. Это были первые ашельские находки за пределами Армении и Абхазии. Борис Борисович весьма обрадовался, увидев эти рубила, и сказал: «Раньше у тебя был тощий цыпленок, а теперь — жирная курица. Этим стоит заниматься».

Так, потеряв почти целый год в бесплодных трудах над марровскими коллекциями, я начал писать работу по каменному веку Южной Осетии. Меня перевели в Отдел палеолита, которым заведовал тогда Ефименко, а сотрудниками были Бибиков, Борисковский, Рогачёв. Очень часто на заседаниях отдела присутствовали также Замятнин и Паничкина. Он работал в МАЭ, а она — в Эрмитаже. Они отнеслись ко мне по-доброму и несколько раз приглашали к себе домой. Особенно приветлива и общительна была Паничкина, которая охотно отвечала на мои вопросы. Замятнин же не очень любил вступать в научные беседы, а когда его спрашивали о чем-то важном, нередко давал такой ответ: «Ну, этого никто не знает...». В целом все коллеги приняли меня благожелательно, но сам я из-за недостатка знаний поначалу чувствовал себя неуверенно. Приходя на заседания отдела, я порой плохо понимал, о чем идет речь, ведь мне нужно было учиться пониманию камня с самых азов, начиная буквально с того, что такое ударный бугорок.

Однако старание и труд, как уже было мною не раз проверено, давали шанс быстро освоиться в новой области. В то время объем материалов и публикаций был еще не столь бесконечно велик, как ныне, что позволяло приобрести необходимые знания в короткий срок. Итак, я стал очень много заниматься и постепенно начал разбираться в палеолите, в особенности в раннем. Борис Борисович, хотя и не был палеолитчиком, очень помогал мне важными советами. В ходе бесед с ним, в частности, я пришел к пониманию того, что описание ашельских изделий из Южной Осетии следует дополнить сопоставлением их с подобными находками из сопредельных территорий. Я нашел и перевел литературу по палеолиту Турции, а потом проанализировал и обобщил данные по археологии и палеогеографии в отдельной статье и в одной из глав диссертации, высказав там соображения о возможных путях распространения ранних людей на Кавказ. Впоследствии я всегда старался анализировать материалы в широком контексте и использовать информацию из всех доступных источников. Летом я продолжал работать в поле в Юго-Осетии и собрал дополнительные ашельские коллекции. Диссертация была подготовлена в срок, ее защита состоялась в декабре 1953 г.

В январе 1954 г. я был зачислен на должность младшего научного сотрудника ИИМК и в этой роли продолжил изучать палеолит Южной Осетии. В 1955 г. мне удалось открыть в Кударском ущелье первые в СССР пещерные ашельские стоянки. Ранее я никогда не копал пещеры — это было очередным вызовом для меня. Искал описание методики раскопок пещер в литературе, затем поехал поучаствовать в работах Бибикова в гроте Фатма-Коба в Крыму. Однако особенности строения и стратиграфии Кударских пещер заставили меня вырабатывать собственную методику исследований. Чтобы приобрести опыт раскопок пещерных стоянок, в Кударскую экспедицию приезжали Н. Д. Праслов, Н. К. Анисюткин, а позднее

А. Е. Матюхин, Д. А. Чистяков, Е. В. Беляева, С. А. Кулаков и другие исследователи. С большим желанием ехали в Кударо студенты, которых привлекала также романтика работы в горах и особая атмосфера экспедиции. Постепенно я стал исследовать ранний и средний палеолит не только в Южной Осетии, но и во многих других районах Кавказа, а затем и за его пределами (Средняя Азия, Западная Африка). Поскольку эти годы моей работы хорошо известны коллегам, я не буду касаться их в данной статье.

* * *

Подводя итоги своей жизни, могу сказать, что я всегда работал честно, в полную силу и с головой погружался в свое дело. Благодаря этому я, надеюсь, сумел внести определенный вклад и в науку о палеолите. Быть может, мой рассказ о том, как провинциальный мальчик из самой простой семьи, несмотря на все преграды и невзгоды, нашел свое место в археологии, подбодрит молодых людей, которые собираются или уже начали пробивать свой путь в эту замечательную науку.

ВЕК ЛЮБИНА В АРХИВНЫХ ФОТОМАТЕРИАЛАХ

Е. В. БЕЛЯЕВА

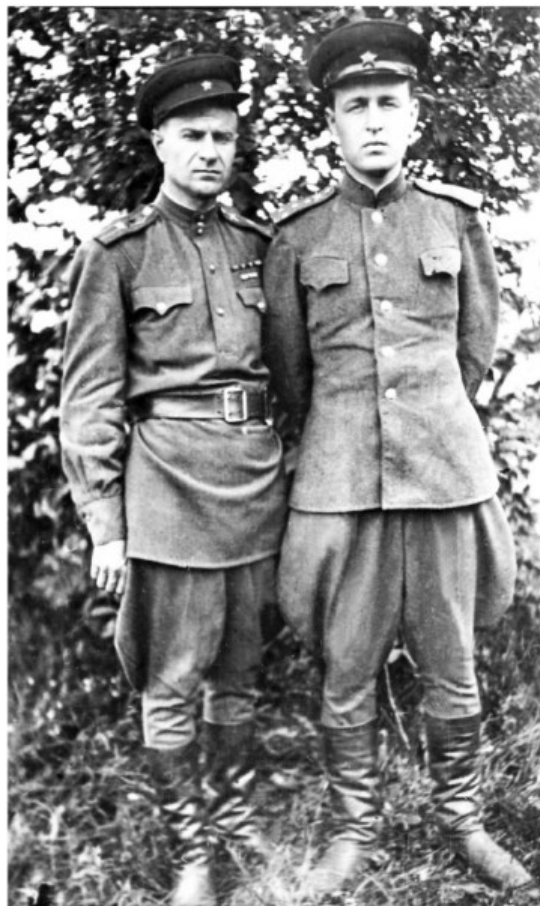

Рис. 1. Капитан В. П. Любин (справа) и начальник штаба зенитно-артиллерийского полка 1276 майор М. Н. Бочаров на Западном фронте, 1944 г.

Fig. 1. Captain V. P. Lyubin (on the right) and the executive officer of Anti-Aircraft Artillery Regiment 1276 Major M. N. Bocharov on the Western Front, 1944

В. П. Любин закончил Одесский университет в 1941 г., прямо в дни начала войны. Вместе с товарищами он был сразу направлен в Зенитно-артиллерийское училище в г. Горьком, а в 1942 г. попал на фронт. Всю войну он прошел в составе одной и той же зенитной части — вначале дивизиона, а затем сформированного на его базе полка 1276, который воевал с немцами в составе Брянского, Западного и Прибалтийского фронтов, а позднее побывал и на войне с Японией. Благодаря способностям и образованию В. П. Любин вскоре стал первым помощником начштаба полка по огневой службе. У него сложились также очень хорошие отношения с товарищами по полку. На снимке 1944 г. (рис. 1) В. П. Любин вместе с начальником штаба полка 1276 майором М. Н. Бочаровым, с которым он сдружился на фронте и продолжал общаться после войны.

Рис. 2. В. П. Любин — сотрудник Сектора палеолита ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН), 1965 г.

Fig. 2. V. P. Lyubin — a staff member of the Department of Paleolithic at the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR (now Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences), 1965

В. П. Любин начал заниматься археологией лишь в 1949 г., в возрасте более 30 лет, не имея специального образования и проведя годы на фронте и на учительской работе. Однако исследовательский талант и упорная работа помогли ему быстро овладеть этой наукой. Уже в 1953 г. он защитил кандидатскую диссертацию по каменному веку Южной Осетии, а в 1955 г. стал сотрудником Сектора палеолита ЛО ИИМК. Фотография сделана в 1965 г. (рис. 2). В. П. Любин стал ведущим специалистом по палеолиту всего Кавказа, приобретя огромный авторитет как успешными полевыми исследованиями, так и значимыми публикациями.

Рис. 3. Сотрудники Кавказской палеолитической экспедиции ЛОИА АН СССР, возглавляемой В. П. Любиным, во время раскопок пещерных стоянок Кударо I и III (Южная Осетия), 1980 г. Слева направо, верхний ряд: В. П.Любин, Г. Ф. Барышников, Г. П. Шестакова, Ж. К. Чистякова, Л. В. Равнушкин, П. Оджуога; нижний ряд: Л. В. Голованова, Е. В. Беляева, О. В. Остроуценко, Д. А. Чистяков, М. Н. Попова, Н. Ю. Косьянковская

Fig. 3. Staff of the Caucasian Paleolithic Expedition (headed by V. P. Lyubin) from the Leningrad Branch of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the USSR during the excavations at the cave sites of Kudaro I and III, 1980. From left to right, upper row: V. P. Lyubin, G. F. Baryshnikov, G. P. Shestakova, Zh. K. Chistyakova, L. V. Ravnushkin, P. Odjuoga; lower row: L. V. Golovanova, E. V. Belyaeva, O. V. Ostroushchenko, D. A. Chistyakov, M. N. Popova, N. Yu. Kosiankovskaya

Главным делом своей жизни В. П. Любин считал исследования палеолитических пещерных стоянок в ущелье Кударо в Южной Осетии. Эти стоянки были открыты им в 1955 г. и затем копались в течение почти двух десятков лет. В пещерах Кударо I и III были изучены культурные слои среднего палеолита и, что особенно ценно, ашельской эпохи раннего палеолита. Ашельские слои доставили около пяти тысяч каменных орудий, включая великолепные рубила, а также остатки очагов и десятки тысяч костей ныне вымерших животных, птиц и рыб. Эти стоянки признаны мировой археологией как одни из наиболее ценных памятников ашельской эпохи. Сотрудники Кударской экспедиции разных лет до сих пор гордятся своим участием в ней и с ностальгией вспоминают замечательную атмосферу, которая сложилась там благодаря В. П. Любину. Фотография (рис. 3) представляет собой коллективный портрет участников Кударской экспедиции 1980 г.

Рис. 4. В. П. Любин (справа) и Ф. Й. Геде во время раскопок стоянки Аньяма в Кот-д'Ивуар (Западная Африка), 1993 г.

Fig. 4. V. P. Lyubin (on the right) and F. Y. Guede during the excavation of the Anyama site in Côte d'Ivoire (West Africa), 1993

В конце 1970-х гг. среди студентов-археологов ЛГУ появился невысокий, но очень обаятельный и толковый паренек из Западной Африки — Франсуа Йоде Геде. Он увлекся палеолитом и стал заниматься им под научным руководством В. П. Любина. В 1977–1978 гг. Ф. Геде был активным участником Кударской экспедиции. Закончив учебу, он уехал домой в Кот-д'Ивуар, где стал работать в Университете г. Абиджана. В начале 1990-х гг. Ф. Геде пригласил В. П. Любина и Е. В. Беляеву в свою страну для совместных исследований палеолита. Работы там велись в 1991 и 1993 гг. Были проведены раскопки на ранее открытом посташельском памятнике Аньяма, а также обнаружен и изучен еще ряд разновременных палеолитических памятников. Результаты этих работ стали основой кандидатской диссертации Ф. Геде, а также были отражены в совместной монографии и ряде статей. На снимке 1993 г. (рис. 4) В. П. Любин и Ф. Геде обсуждают ход раскопок Аньямы.

Рис. 5. В. П. Любин около пещерной стоянки Усть-Канская (Алтай), 2005 г.

Fig. 5. V. P. Lyubin near the cave site of Ust'Kanskaya (Altai), 2005

Снимок (рис. 5) сделан во время Международной конференции, которую проводили в 2005 г. на Алтае сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН под руководством академика А. П. Деревянко. Наряду с научными заседаниями участники конференции посещали ранне- и среднепалеолитические памятники в долине р. Ануй и ее окрестностях. Одним из интереснейших среднепалеолитических памятников не только данного района, но и Сибири в целом является пещера Усть-Канская расположенная на скальном утесе на относительной высоте около 35 м. В. П. Любин вместе с коллегами преодолел этот подъем по извилистой и крутой тропе, чтобы воочию увидеть раскопки замечательного памятника. На фотографии запечатлена минута отдыха В. П. Любина на середине пути в пещеру.

Рис. 6. В. П. Любин с участниками международного проекта по палеоэкологии и хронологии среднего палеолита у входа в пещерную стоянку Ахштырь в Причерноморье, 2004 г. Слева направо: Д. Н. Богданов, Д. Сэндерсон, Ф. Оллсворт-Джонс, В. П. Любин, Е. В. Беляева, Д. Пайл, К. Бербидж и Р. Хаусли

Fig. 6. V. P. Lyubin among the participants of the International Project on the Paleocology and Chronology of the Middle Paleolithic, at the entrance to the Akhshtyrskaya cave site in the Black Sea region, 2004. From left to right: D. N. Bogdanov, D. Sanderson, Ph. Allsworth-Jones, V. P. Lyubin, E. V. Belyaeva, D. Pile, C. Burbidge, R. Housley

В 2004 г. к В. П. Любину обратился Р. Хаусли — глава группы английских исследователей, участвующих в международном проекте по изучению палеоэкологии и хронологии поздней стадии заселения Европы неандертальцами. В. П. Любину и Е. В. Беляевой было предложено провести в рамках этого проекта соответствующие работы на ряде опорных среднепалеолитических памятниках Кавказа, которые они ранее исследовали. Было высказано также пожелание включить в проект пещерную стоянку Ахштырь в сочинском Причерноморье, раскапываемую на тот момент С. А. Кулаковым. С его любезного разрешения В. П. Любин вместе с Е. В. Беляевой и Д. Н. Богдановым организовал посещение пещеры Ахштырь группой Р. Хаусли. Вместе они произвели вскрытие разреза отложений стоянки и отбор естественно-научных образцов, которые требовались для абсолютного датирования и других анализов. На фотографии (рис. 6) В. П. Любин и другие участники этих работ запечатлены у входа в пещеру Ахштырь, который защищен решеткой от проникновения неорганизованных туристов.

Рис. 7. В. П. Любин с коллегами А. В. Дроновым и Г. А. Письменской на раскопках стоянки Кинжал на Ставрополье, 2005 г.

Fig. 7. V. P. Lyubin with A. V. Dronov and G. A. Pismenskaya at the excavations of the site of Kinzhal in the Stavropol region, 2005

В 2001 г. В. П. Любин вместе с Е. В. Беляевой начали заниматься поисками палеолитических памятников на Ставрополье. К ним присоединился молодой местный краевед А. В. Дронов. Вначале находки изделий этого периода были крайне редкими, однако в 2004 г. удалось обнаружить пункт, где артефакты ашельского типа встречались на осыпях высокой террасы р. Суркуль. Эта терраса примыкает к склону самой северной из Минераловодских гор-лакколитов — горы Кинжал. Поскольку стало очевидно, что речь идет о стратифицированном памятнике, в этом пункте начались раскопки, продолжавшиеся до 2009 г. и принесшие богатую коллекцию изделий раннеашельского облика. В разные годы к работам на памятнике привлекались не только археологи, но и геологи. На снимке (рис. 7) В. П. Любин и А. В. Дронов обсуждают формирование отложений на стоянке Кинжал с геологом предприятия «Кавказгеолсъемка» (г. Ессентуки) Г. А. Письменской.

Рис. 8. В. П. Любин во время Международной конференции в Сухуме (Абхазия), 2011 г.

Fig. 8. V. P. Lyubin during the International Conference at Sukhum (Abkhazia) in 2011

После обретения независимости власти и научная общественность Абхазии стали организовывать регулярные конференции по археологии Кавказа. В. П. Любин дважды посещал Абхазию для участия в таких конференциях. Во время последнего посещения он побывал в доме М. Х. Хварцкии — его ученика и выдающегося специалиста по палеолиту Абхазии, который погиб, воюя за независимость страны с грузинскими войсками. В этом доме сохранились коллекции палеолитических изделий, которые М. Х. Хварцкия собирал в окрестностях Сухума, в том числе на знаменитом местонахождении Яштух. На снимке (рис. 8) В. П. Любин рассматривает одну из таких находок — крупный чоппер из кремненного известняка.

Рис. 9. В. П. Любин на раскопках стоянки Карахач на севере Армении, 2014 г.

Fig. 9. V. P. Lyubin at the excavations of the Karagach site in the north of Armenia, 2014

Впервые В. П. Любин побывал в Армении в 1958 г. вместе с группой специалистов по четвертичной геологии, совершавших поездку по разным районам Кавказа. В то первое посещение Армении В. П. Любин сумел открыть группу местонахождений с позднеашельскими рубилами и сопутствующими изделиями в долине р. Раздан. Он продолжал там сборы ашельских артефактов и в последующие несколько лет, но потом полностью переключился на исследования пещерных стоянок в Южной Осетии. Возвращение В. П. Любина в Армению состоялось в 2004 г., когда он вместе с коллегой и супругой Е. В. Беляевой был приглашен участвовать в совместной армяно-росийской экспедиции, организованной бывшим сотрудником ИИМК РАН С. А. Асланяном. В ходе последующей многолетней работы на севере Армении, в Лорийской котловине, были вначале обнаружены десятки поверхностных местонахождений с позднеашельскими изделиями, а затем и несколько стратифицированных памятников. Сенсацией стало открытие раннеашельских стоянок, возраст которых составляет 1,7–1,8 млн л. Наиболее надежно датированной и богатой находками стоянкой среди них является Карахач. В. П. Любин занимался раскопками этого памятника в 2010–2014 гг. Фотография (рис. 9) отражает момент общения В. П. Любина, присевшего у края раскопа в Карахаче.

ВЕК ЛЮБИНА В БИБЛИОГРАФИИ (СПИСОК ПЕЧАТНЫХ РАБОТ В. П. ЛЮБИНА)

Л. М. ВСЕВИОВ¹

1953

1. Каменный век Юго-Осетии в связи с некоторыми вопросами нижнего палеолита Закавказья и стран Передней Азии: автореф. дис. ... канд. ист. наук (АН СССР. ЛО ИИМК). Л. 21 с.

1954

2. Палеолитические находки в Юго-Осетии: работы 1951–1952 гг. // КСИИМК. Вып. 54. С. 49–61: ил.

1955

3. Археологическая разведка в окрестностях города Сталинира: Юго-Осетия // КСИИМК. Вып. 60. С. 14–22: ил.

1956

4. Изучение нижнего палеолита СССР за последние десять лет: 1946–1955. М.; Л.: Изд-во АН СССР. (V МКАЭ. Доклады советской делегации) (в соавторстве с А. А. Формозовым).

1957

5. Нижнепалеолитические находки на Тереке // Тр. КИЧП. Т. 13. С. 332–343: ил.
6. О некоторых вопросах, связанных с условиями нахождения нижнего палеолита на Кавказе // Всесоюзное междуведомственное совещание по изучению четвертичного периода: Секция истории ископаемого человека: ТД. М. С. 6–10.
7. Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества // СА. № 27. С. 71–90: карт.

1958

8. Исследования палеолита в Юго-Осетии: предварительное сообщение о работах 1954 г. // КСИИМК. Вып. 71. С. 28–40: ил.

1959

9. Высокогорная пещерная стоянка Кударо I (Юго-Осетия): предварительное сообщение // ИВГО. Т. 91, № 2. С. 173–183: ил.

¹ Отдел БАН при ИИМК РАН, Библиотека Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия.

10. Кударо I // Советский Союз. № 8. С. 32–33: ил.
11. Первая находка нижнего палеолита на Ставрополье // КСИИМК. Вып. 73. С. 33–35: ил., карт.

1960

12. К вопросу об изучении древнего палеолита Азербайджана // ВА. Вып. 3. С. 99–105: ил., карт.
13. Когда жили обезьяны на Кавказе // Природа. № 6. С. 101–103: ил. (в соавторстве с Н. К. Верещагиным).
14. Нижнепалеолитические памятники Юго-Осетии // МИА. № 79. С. 4–78: ил., карт.

1961

15. Верхнеашельская мастерская Джрабер: Армения // КСИА. Вып. 52. С. 59–67: ил.
16. Древнейшее поселение человека на территории СССР и палеогеография антропогена // БКИЧП. № 26. С. 74–86 (в соавторстве с А. Д. Колбутовым).
17. Мезолитическая стоянка Явора // КСИА. Вып. 84. С. 45–48: ил.
18. Новые находки культуры палеолита на вулканическом нагорье Армянской ССР // Доклады АН Арм. ССР. Т. 33, № 2. С. 67–72. Рез. арм.
19. О некоторых вопросах, связанных с условиями нахождения нижнего палеолита на Кавказе // Материалы Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. М. Т. 1. С. 466–471.

1962

20. Новое о нижнем палеолите Северной Осетии // КСИА. Вып. 92. С. 29–36: ил.
21. Палеолитические пещерные стоянки и остатки палеолитического человека в Турции // ВА. Вып. 9. С. 122–127.
22. Первые местонахождения орудий каменного века в Чечено-Ингушетии // КСИА. Вып. 92. С. 29–36: ил. (в соавторстве с Н. О. Бадером, В. И. Марковиным).

1963

23. Первые исследования памятников каменного века в Чечено-Ингушетии // БКИЧП. № 28. С. 153–158: ил.

1964

24. Мустьерское местонахождение Золотариха близ г. Белев (Тульская обл.) // БКИЧП. № 29. С. 171–174: ил. (в соавторстве с И. И. Петраковым).
25. Находки скифской эпохи в Карачаево-Черкесии // Тр. Карач.-Черкес. НИИЯЛИ. Сер. ист. Вып. 4. С. 253–261: ил.
26. Неолитические кремневые мастерские в Дигории (Сев. Осетия) // КСИА. Вып. 64. С. 43–46: ил.
27. Нижний палеолит в районе Дакки-Коштамны // Древняя Нубия. М.; Л. С. 32–68: ил.

1965

28. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // МИА. № 131. С. 7–75: ил.
29. К вопросу об охотничьем вооружении мустьерского человека // Материалы сессии, посвящ. итогам археол. и этногр. исслед. 1964 г. в СССР: ТД. Баку. С. 42.

1966

30. Исследование Малой Воронцовской и Навалишенской пещер // АО 1965 года. С. 50–52: ил.
31. Исследование Малой Воронцовской и Навалишенской пещер в 1965 г. // Пленум ИА АН СССР 1966 г. Секция «Палеолит»: ТД. М. С. 26–27.
32. Неолитическая стоянка на р. Овечке (Карачаево-Черкесия) // Тр. Карач.-Черкес. НИИЯЛИ. Вып. 5. С. 261–264: ил.
33. Первые сведения о мезолите Горного Кавказа (Осетия) // МИА. № 126. С. 155–163: ил.
34. Разведки палеолита в горном Причерноморье // АО 1965 года. С. 64–65.
35. Раннесредневековое городище Учкулька (Карачаево-Черкесия): предварительное сообщение // Тр. Карач.-Черкес. НИИЯЛИ. Вып. 5. С. 265–274: ил. (в соавторстве с Б. Д. Гальпериной).
36. Энеолитический комплекс из грота Шау-Легет (Сев. Осетия) // КСИА. Вып. 108. С. 49–54: ил.

1967

37. Достижения археологической науки в РСФСР // СА. № 3. С. 9–19 (в соавторстве с А. Н. Рогачевым, Н. Н. Гуриной и др.).
38. Исследование Навалишенской пещеры в 1965 г. // КСИА. Вып. 111. С. 73–79: ил.
39. Мустьерский наконечник копья из Северной Осетии // СА. № 4. С. 286–287: ил.

1968

40. Исследование палеолита в горах Западного Кавказа // АО 1967 года. С. 71–72.
41. Нижний палеолит СССР: Основные проблемы // ТД на заседаниях, посвящ. итогам полевых исслед. 1967 г. М. С. 5–8.

1969

42. Изучение нижнего палеолита Кавказа: история исследований и проблема первоначального заселения // КСИА. Вып. 118. С. 13–19.
43. Краткий очерк древнего и среднего палеолита Кавказа // Actes du IV Congrès inter. de spéléologie en Yougoslavie. Ljubljana. С. 363–368.
44. О вероятности искусственных сооружений в гроте Киик-Коба // СА. № 2. С. 244–246: ил.
45. Палеолит Северной Осетии // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 2. С. 6–46: ил.
46. Ранний палеолит Кавказа // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М. С. 154–168: ил.

1970

47. Нижний палеолит // МИА. № 166. С. 19–42: ил.

1971

48. Исследование Малой Воронцовской пещеры на Черноморском побережье Кавказа (раскопки 1960, 1961, 1964 гг.) // МИА. № 173. С. 7–40: ил. (в соавторстве с Л. Н. Соловьёвым).
49. Кепшинская пещера и вопросы палеогеографии плейстоцена Сочинского Причерноморья // КСИА. Вып. 126. С. 40–48: ил. (в соавторстве с Н. М. Бурчак-Абрамовичем, М. Н. Клапчуком).

50. Мустьерская эпоха на Кавказе // ТД, посвящ. итогам полевых археол. исслед. в 1970 г. в СССР (Археол. секция). Тбилиси. С. 11–14.

51. Les cavernes paléolithiques de Kudaro (le Caucase). М. 11 p. (CISPP. 8. Les rapports et les communications de la délégation des archéologues de l'URSS).

1972

52. К вопросу о локальных различиях в нижнем палеолите: по материалам Кавказа // Каменный век Средней Азии и Казахстана: ТД. Ташкент. С. 15–21.

53. Мустье Кавказа // ТД на секциях, посвящ. итогам полевых исслед. 1971 г. (Археол. секции). М. С. 245–250.

54. Новые данные о нижнем палеолите Сочинско-Абхазского Причерноморья // БКИЧП. № 38. С. 68–98: ил.

55. О проявлениях локальных различий в нижнем палеолите: по материалам Кавказа // УСА. Вып. 2. С. 19–29.

56. Орнитофауна пещеры Кударо I (Закавказье) // СА. № 2. С. 159–164 (в соавторстве с Н. М. Бурчак-Абрамовичем).

57. Первобытный человек в горах Кавказа // КСИА. Вып. 131. С. 25–30: ил.

58. Пещера Кударо III (Юго-Осетия) // МИА. № 185. С. 25–40: ил.

1973

59. Кударо // БСЭ. Т. 13. С. 556.

60. Лаше-Балта // БСЭ. Т. 14. С. 224.

61. Мустьерская стоянка в Губском навесе I (Прикубанье) // КСИА. Вып. 137. С. 54–62: ил. (в соавторстве с П. У. Аутлевым, В. П. Гричуком и др.).

62. Об изменениях природной обстановки на Кавказе в среднем и верхнем плейстоцене (по археологическим источникам) // ТД к 4-му Всесоюз. совещ. по изуч. четвертич. периода. Ереван. С. 38.

63. Среда и человек в плейстоцене Кавказа // Всесоюзный симпозиум «Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене (палеолит и неолит)»: ТД. М. С. 59–61.

64. То же на англ. яз.

1974

65. Природная среда и человек в плейстоцене Кавказа // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М. С. 169–177.

1975

66. Мустьерские культуры Кавказа: автореф. дис. ... д-ра ист. наук / АН СССР. ИА. М. 48 с. Список работ автора: с. 46–47.

67. Возобновление раскопок пещеры Кударо III // АО 1974 года. С. 457.

68. Исследование пещеры Кударо III в 1974 г. // Новейшие открытия сов. археологов: ТД. Киев. Ч. 1. С. 25–26 (в соавторстве с Н. Б. Селивановой).

69. Мустьерские культуры Северного Кавказа // КЧ. 5. С. 1–3.

1976

70. Е. Г. Пчелина (1895–1972). Некролог // Сб. тр. СОНИИЯЛИ. С. 240–243: портр. (в соавторстве с Б. Б. Пиотровским).

71. Исследования палеолита Прикубанья // АО 1975 года. С. 134–135 (в соавторстве с П. У. Аутлевым и др.).

72. Палеолитические изыскания в Юго-Осетии // АО 1975 года. С. 488–489.

73. The Acheulean in the Caucasus and other regions in the South of the USSR // IX Междунар. конф. доист. и протоист. наук: докл. и сообщ. археологов СССР. М. С. 3–8.

74. Environment and stone age at Caucasus and Crimea // Programme et résumés des communications. Supplement IX Congrès de l'UISPP. Nice, 1976 (в соавторстве с И. К. Ивановой, И. П. Герасимовым).

1977

75. Мустьерские культуры Кавказа / АН СССР. ИА. Л.: Наука. 223 с.: ил. Библиогр.: с. 205–210.

76. Ашельская эпоха на Кавказе // Всесоюзная конф. «Новейшие достижения советских археологов»: ТД. М. С. 1–4.

77. Возобновление исследований Тагларской пещеры // АО 1976 года. С. 493–494 (в соавторстве с А. К. Джафаровым).

78. Открытие мустьерской культуры в Кабардино-Балкарии // АО 1976 года. С. 107.

79. Раскопки палеолитических стоянок в каньоне р. Губс в Прикубанье // АО 1976 года. С. 107–108 (в соавторстве с П. У. Аутлевым, Х. А. Амирхановым).

1978

80. К методике изучения фрагментированных сколов и орудий в палеолите // Проблемы советской археологии. М. С. 23–32: ил.

81. Пещера Кударо I // Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа: Путеводитель. С. 76–87 (в соавторстве с Г. М. Левковской, Г. Ф. Барышниковым и др.).

82. Пещера Кударо III // Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа: Путеводитель. С. 87–95 (совм. с Г. М. Левковской, Г. Ф. Барышниковым, Н. Б. Селивановой).

83. Раскопки Кударских пещер в Юго-Осетии // АО 1977 года. С. 485–486.

84. Распространение памятников раннего палеолита Крыма и Кавказа и история их исследования // Археология и палеогеография раннего палеолита Крыма и Кавказа: Путеводитель. М. С. 7–11 (в соавторстве с С. Н. Бибиковым).

1979

85. Исследование пещер Кударо III и I // АО 1978 года. С. 502 (в соавторстве с А. Е. Матюхиным, Д. А. Чистяковым и др.).

86. Мария Захаровна Паничкина (некролог) // СА. № 1. С. 318–319 (в соавторстве с П. И. Борисковским).

1980

87. Введение // Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии. М. С. 3–5.

88. Географическое положение пещерных стоянок Юго-Осетии // Там же. С. 6–12: ил.

89. Геолого-стратиграфические условия залегания палеолита в восточной галерее пещеры Кударо I // Там же. С. 13–32: ил.

90. Некоторые итоги изучения литолого-стратиграфических и биостратиграфических показателей Кударских пещер // Там же. С. 153–166: ил.

91. Результаты изучения отложений пещер Кударо I и Кударо III методом фосфатного анализа // Там же. С. 45–50: ил. (в соавторстве с Т. Ф. Кульковой).

92. Изучение палеолита Закубанья // АО 1979 года. С. 94 (в соавторстве с П. У. Аутлевым).
93. Раскопки стоянки Кударо III // АО 1979 года. С. 410–411.

1981

94. Древнейшие люди в Европе и условия их обитания: первые результаты совместных сов.-фр. исслед. // Вестник АН СССР. № 10. С. 13–24 (в соавторстве с И. П. Герасимовым, А. А. Величко, Н. Д. Прасловым).
95. Древний палеолит Кавказа // X UISPP. Supplements. Commission VI, XI. Mexico.
96. Изучение палеолита в СССР // КСИА. Вып. 165. С. 3–9.
97. Исследование Баракаевской пещерной стоянки // АО 1980 года. С. 108 (в соавторстве с П. У. Аутлевым, Г. Ф. Барышниковым и др.).
98. Исследование Кударских пещер // АО 1980 года. С. 405–406.
99. Нижний палеолит Кавказа: История исследования, опорные памятники, местные особенности // Древний Восток и мировая культура. М. С. 12–16.
100. О заселении Кавказа человеком // Среднеазиатско-кавказские чтения: КСД. Л. С. 18–19.
101. Палеолитические коллекции в музеях Ленинграда // Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины. М. С. 133–134.
102. Результаты ознакомления специалистов с материалами В. Е. Ларичева // СА. № 4. С. 295 (совм. с З. А. Абрамовой, П. И. Борисковским).
103. L'Acheuléen de la partie européenne de l'URSS et du Caucase: matériaux et quelques problèmes // Anthropologie (Brno). Т. 19, no. 1. С. 33–46: ил.

1982

104. Охотничья деятельность древнейших (ашель-мустье) обитателей Кавказа // ТД XI Конгресса ИНКВА. М. Т. 3. С. 204–205 (в соавторстве с Г. Ф. Барышниковым).
105. То же на англ. яз.
106. Les hommes les plus anciens en Europe // Sciences sociales. № 4. P. 134–146.

1983

107. Изучение палеолита Закубанья // АО 1981 года. С. 105 (в соавторстве с П. У. Аутлевым).
108. Обсидиановый бифас из Армении // КСИА. Вып. 173. С. 71–73: ил. (совм. с Г. А. Азияном).
109. Открытие раннего палеолита в Приатречье и в Джанаке // ПТ. № 1. С. 22–24: ил.
110. Палеолит Туркмении // Новые экспедиционные исследования археологов Ленинграда: ТД. Л. С. 5–6.
111. Проблема первоначального заселения Средней Азии // Всесоюзная конф. «Советская археология в XI пятилетке»: ТД. М. С. 8–11.

1984

112. Археологические исследования пещер Кавказа: История исследования // Тр. 5-й Европ. спелеол. конф. София. Т. I. С. 200–203.
113. Археология на Московском конгрессе ИНКВА // СА. № 2. С. 274–279 (в соавторстве с П. И. Борисковским).
114. Геология палеолита европейской территории СССР: ископаемый человек и следы его деятельности как элементы стратиграфии // ТД XVII Междунар. геол. конгресса. Секции 01–03. М. С. 368 (в соавторстве с И. К. Ивановой, Н. Д. Прасловым).

115. То же на англ. яз.
116. Палеолит Туркмении (история исслед., новые материалы, ближайшие задачи) // СА. № 1. С. 26–45: ил., карт. Рез. англ.
117. Первоначальное заселение Средней Азии // Природа. № 1. С. 90–93: ил., карт.
118. Ранний палеолит Кавказа // Палеолит СССР. М. С. 45–94: ил., карт.
119. L'activité de chasse des plus anciens habitants du Caucase (Achéléen, Moustérien) // L'Anthropologie. Т. 88, no. 2. P. 221–229: карт. Рез. англ. (в соавторстве с Г. Ф. Барышниковым).

1985

120. Введение // Каменный век. М. С. 3–4 (КСИА. Вып. 181) (в соавторстве с Н. Я. Мерпертом).
121. Древний палеолит Кавказа // КСИА. Вып. 181. С. 72–77: ил.
122. Исследования Кударских пещер // АО 1983 года. С. 471–472.
123. К вопросу об абсолютной и относительной датировке палеолита Кавказа // Геохронология четвертичного периода: ТД. Таллин. С. 75.
124. К истории древнейшего человечества на территории СССР (первые люди на Кавказе и в Средней Азии) // Культурное наследие Востока. Л. С. 333–346.
125. Новые раскопки в Малой Воронцовской пещере // АО 1985 года. С. 12 (в соавторстве с Д. А. Чистяковым).
126. Основные проблемы палеолита Кавказа // Всесоюзная археол. конф. «Достижения сов. археологии в XI пятилетке»: ТД. Баку. С. 16–19.
127. Открытие палеолита в Восточном Туркменистане // ПТ. № 2. С. 22–23: ил. Рез. англ. (в соавторстве с Л. Б. Вишняцким).
128. Охотничья деятельность древнейших (ашело-мустьерских) обитателей Кавказа // КСИА. Вып. 181. С. 5–9 (в соавторстве с Г. Ф. Барышниковым).
129. Пещера Кударо I (опыт комплексного исследования) // СА. № 3. С. 5–24: ил. Рез. англ. (в соавторстве с Г. Ф. Барышниковым, Н. Б. Селивановой, Г. М. Левковской).
130. Среда и охотничья деятельность в каменном веке // XI Конгресс ИНКВА: Итоги и перспективы. М. С. 190–193.
131. La grotte de Koudaro I: Résultats de recherches pluridisciplinaires // L'Anthropologie. 1985. Т. 89, no. 2. P. 159–180. Рез. англ. (в соавторстве с Г. Ф. Барышниковым, Г. М. Левковской и др.).

1986

132. Введение // Палеолит и неолит СССР. Л. С. 3–5 (в соавторстве с Н. Н. Гуриной).
133. Новая разновидность скребел (скребла с утонченным корпусом в инвентаре Тагларской стоянки) // Палеолит и неолит. Л. С. 74–77: ил. (в соавторстве с А. Д. Джафаровым).
134. Открытие скелетных остатков палеоантропа на Баракаевской стоянке (Западный Кавказ) // ВА. Вып. 77. С. 60–71: ил. Рез. англ. (в соавторстве с П. У. Аутлевым, А. А. Зубовым и др.).
135. Работа Кавказской палеолитической экспедиции // АО 1984 года. С. 401–402.
136. Стратиграфия и геохронология палеолитических пещерных стоянок Кавказа // Корреляция отложений, событий и процессов антропогена: ТД Всесоюзного совещания по изучению четвертичного периода. Кишинёв. С. 241–242.
137. Early Stone Age industries of Eastern Europe and Caucasus (The World Archaeol. Congress. Final Papers. Vol. 1). Southampton. 5 p.

1987

138. Исследование мустьерской стоянки в Баракаевской пещере в Прикубанье // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: ТД. М. С. 153–154 (в соавторстве с П. У. Аутлевым, Г. Ф. Барышниковым, Г. М. Левковской).

1988

139. Изображение мамонтов и лошадей в монументальном палеолитическом искусстве Урала (Каповая пещера) и Франко-Кантабрийской области // Закономерности развития палеолитических культур на территории Франции и Восточной Европы. Л. С. 41–43 (в соавторстве с В. Е. Щелинским).

140. Палеолитические охотники и собиратели // История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М. С. 27–44; ил. (в соавторстве с Х. А. Амирхановым, П. У. Аутлевым).

141. Пещерные стоянки: специфика и особенности исследования // Проблемы взаимосвязи природы и общества в каменном веке в Средней Азии: ТД. Ташкент. С. 56–57.

142. Раскопки пещеры Кударо I // АО 1986 года. С. 445–446.

143. Aĉin // Leroi-Gourhan A. (dir.). Dictionnaire de la Préhistoire. Paris. P. 7.

144. Akhštyr // Ibid. P. 22–23.

145. Apianca // Ibid. P. 53.

146. Azykh // Ibid. P. 95.

147. Barakaev // Ibid. P. 108.

148. Cona // Ibid. P. 256.

149. Copi // Ibid. P. 259.

150. Cuckhvati // Ibid. P. 275.

151. Devis-Khvreli // Ibid. P. 300.

152. Džraber // Ibid. P. 323.

153. Dzrucula // Ibid. P. 323–324.

154. Džudžuana // Ibid. P. 324.

155. Erevan // Ibid. P. 361.

156. Gub (abri № 1) // Ibid. P. 452–453.

157. Gvardžilas-Klde // Ibid. P. 457.

158. Ignatenkov Kutok // Ibid. P. 508.

159. Jaštuh // Ibid. P. 528.

160. Kepšin // Ibid. P. 556.

161. Kударо I // Ibid. P. 586–587.

162. Kударо (culture moustérienne de) // Ibid. P. 587.

163. Lašhe-Balta // Ibid. P. 609.

164. Lusakert // Ibid. P. 637.

165. Monaše (grotte de) // Ibid. P. 702.

166. Okumi // Ibid. P. 768.

167. Sakažia // Ibid. P. 936–937.

168. Samerckle-Klde // Ibid. P. 942.

169. Satani-Dar // Ibid. P. 952.

170. Svanta Savane // Ibid. P. 1010.

171. Taglar // Ibid. P. 1018.

172. Togon Klde // Ibid. P. 1056–1057.

173. Voroncov // Ibid. P. 1118.

1989

174. Геология палеолита Восточной Европы (ископаемый человек и следы его деятельности как элементы стратиграфии) // БКИЧП. № 58. С. 49–57: ил., карт. Рез. англ. (в соавторстве с И. К. Ивановой, Н. Д. Прасловым).

175. Палеолит Кавказа // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л. С. 9–142: ил., карт. (Палеолит мира. Т. 3).

176. Le paléolithique en URSS: découvertes récentes [Буклет]. L.

1990

177. Введение // Полевая археология древнекаменного века (КСИА. Вып. 202). С. 3.

178. Динамика природной среды Западного Кавказа в голоцене и в позднем плейстоцене (по материалам многослойных стоянок) // VII Всесоюзное совещание «Четвертичный период: методы исследования, стратиграфия и экология»: ТД. Таллин. Т. 2. С. 142–143 (в соавторстве с Е. В. Беляевой, Г. М. Левковской и др.).

179. Динамика растительности и климата Северо-Западного Кавказа в позднем плейстоцене и голоцене: (по материалам многослойных пещерных стоянок) // Человек и природа в древнекаменном веке. Тбилиси. С. 32–33 (в соавторстве с Е. В. Беляевой, Г. М. Левковской и др.).

180. Изображения мамонтов в Каповой пещере // Проблемы изучения наскальных изображений в СССР. М. С. 56–64: ил.

181. Исследования Кударских пещер в Юго-Осетии // Палеолит Кавказа и сопредельных территорий. Тбилиси. С. 29–31.

182. Открытие палеолита в Восточной Туркмении // СА. № 4. С. 5–15: ил. Рез. англ. (в соавторстве с Л. Б. Вишняцким).

183. Природная среда и человек в палеолите Кавказа // Человек и природа в древнекаменном веке. Тбилиси. С. 35–38.

184. Стоянки в скальных убежищах: специфика и методика полевых исследований // КСИА. Вып. 202. С. 68–77: ил.

1991

185. Изображения мамонтов в палеолитическом искусстве (по материалам Каповой пещеры) // СА. № 1. С. 20–42: ил., карт. Рез. англ.

186. О возрасте древнейших палеолитических памятников Кавказа // СА. № 4. С. 5–8. Рез. англ. (в соавторстве с О. А. Куликовым).

187. Хроностратиграфия палеолита Кавказа // Древние культуры и археол. изыскания. СПб. С. 45–47.

1992

188. Исследование Малой Воронцовской пещеры в 1989 г. // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп. С. 4–60: ил. (в соавторстве с Ж. К. Чистяковой).

189. Исследования палеолита в Республике Кот д'Ивуар // РА. № 4. С. 102–108: ил., карт. Рез. англ. (в соавторстве с Г. Ф. Йоде (Ф. Й. Геде), Е. В. Беляевой).

190. Кавказ и Ближний Восток в палеолитическом мире // РА. № 2. С. 79–80. Рез. англ.

191. О первоначальном заселении Западной Африки // ВДИ. № 2. С. 162. Рез. англ. (в соавторстве с Е. В. Беляевой, Г. Ф. Йоде (Ф. Й. Геде)).

192. Хроностратиграфия палеолита Кавказа // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки: доклады междунар. симпоз. Новосибирск. С. 49–56.

1993

193. Евразия изначальная (Последние открытия на Кавказе) // ВДИ. № 1. С. 173–174.
194. Памяти Мушни Хумсаевича Хварцкия (1955–1982) // РА. № 2. С. 221: портр. (в соавторстве с Н. Д. Прасловым, Е. В. Беляевой, Е. Ю. Гирей, С. А. Кулаковым, М. В. Аниковичем).
195. Хроностратиграфия палеолита Кавказа // РА. № 2. С. 5–13. Рез. англ.
196. La chronostratigraphie du Paléolithique du Caucase // L'Anthropologie. Т. 97, no. 2/3. P. 291–298: ill.
197. La grotte de Barakaevskaia (Caucase du Nord): les rétouchoirs osseux et la planigraphie des vestiges culturels // Ibid. P. 299–310: ill. (в соавторстве с А. К. Филипповым).
198. Human use of caves in the Caucasus: Abstract // The human use of caves. Newcastle. P. 51.

1994

199. Адаптация человека в горах Кавказа в верхнем палеолите и мезолите // РА. № 2. С. 5–14: ил., карт. Рез. англ.
200. Географическое положение Кубани и Губского ущелья: особенности природной обстановки // Неандертальцы Гупсского ущелья на Северном Кавказе. Майкоп. С. 5–11 (в соавторстве с П. У. Аутлевым).
201. История исследования палеолита Гупсского бассейна // Там же. С. 12–21 (в соавторстве с П. У. Аутлевым).
202. Итоги комплексного изучения Баракаевской мустьерской стоянки // Там же. С. 151–154: ил.
203. Каменная индустрия // Там же. С. 99–141: ил. (в соавторстве с П. У. Аутлевым).
204. Костяные ретушеры из мустьерского слоя и пространственное размещение культурных остатков // Там же. С. 142–147 (в соавторстве с А. К. Филипповым).
205. Местоположение и история изучения Баракаевской пещеры // Там же. С. 46–55.
206. Методика исследований и литолого-стратиграфические полевые наблюдения // Там же. С. 56–63.
207. Исследование палеолита в Западной Африке: (Республика Кот д'Ивуар) // Изучение древних культур и цивилизаций. С. 9–11 (в соавторстве с Ф. Й. Геде, С. Н. Седовым, Е. В. Беляевой).
208. Палинологическая оценка возможности использования магнитного метода для палеоклиматических реконструкций (на примере отложений раннепалеолитических пещерных и лессопочвенных стоянок Треугольная, Кударо I, Погребя) // Междунар. конф. по применению методов естественных наук в археологии, посвящ. памяти Б. А. Колчина: ТД. СПб. С. 57–58. Рус., англ. (в соавторстве с Н. К. Анисюткиным, Г. М. Левковской, Г. Ф. Барышниковым и др.).
209. Памяти Пшимафа Улагаевича Аутлева (1927–1991) // РА. № 1. С. 251–252: портр. (в соавторстве с Н. Д. Прасловым, Х. А. Амирхановым).
210. Работы Российско-Ивуарийской палеолитической экспедиции в Западной Африке // АО 1993 года. С. 199–200 (в соавторстве с Е. В. Беляевой, Ф. Й. Геде, С. Н. Седовым).
211. Human adaptation in the mountain environments of the Caucasus during Upper Palaeolithic and Mesolithic // Praeistoria-Alpina. Vol. 28. P. 207–219: ill.

1995

212. Вариабельность изображений мамонтов в палеолитическом искусстве // ТД I международного мамонт. совещ. СПб. С. 624–625. Рус., англ.

213. Палеолит Туркмении: древнейшие индустрии и проблемы первоначального заселения // АА (Донецкий обл. краевед. музей.) № 4. С. 41–46: ил., карт. Рез. англ. (в соавторстве с Л. Б. Вишняцким).

214. Памяти Игоря Ильича Коробкова (1934–1993) // РА. № 1. С. 251–252: портр. (в соавторстве с Н. Д. Прасловым, Х. А. Амирхановым, С. А. Кулаковым).

215. Российско-Ивуарийские палеолитические экспедиции в Западной Африке // Природа. № 10. С. 41–53: ил., карт. (в соавторстве с Е. В. Беляевой, Ф. Й. Геде).

216. The earliest occupation of the Caucasian region // The earliest occupation of Europe. Leiden. P. 207–253: карт. (в соавторстве с G. Bosinski).

1996

217. Предисловие // Чистяков Д. А. Мустьерские памятники Северо-Восточного Причерноморья. СПб. С. 7–8.

218. Проблемы первоначального заселения Северного Кавказа // КЧ. 19. С. 105–108.

219. The earliest Palaeolithic technocomplexes in Caucasus: the peculiarities and probable relations to Levant and Africa // The sections of the XIII International congress of prehistoric and protohistoric sciences. 1. Abstracts. Forli. P. 127–128.

1997

220. С. Н. Замятнин — собиратель и хранитель палеолитических древностей // Развитие культуры в каменном веке. СПб. С. 21–23.

221. Нижний палеолит Кавказа: связи с югом, специфические черты и основные этапы // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб.; Псков. Т. 2. С. 20–25: ил., карт.

222. Палеолит Кавказа: этапы, основные особенности и вероятные связи с югом // Археология Кавказа: новейшие открытия и перспективы. Тбилиси. С. 89–90.

223. Homo erectus — первооткрыватель Евразии // Природа. № 11. С. 3–13: ил., карт.

224. Human use of caves in the Caucasus // The human use of caves. Oxford. P. 144–149: ill. (BAR. IS. 667).

225. The Palaeolithic of the Caucasus: stages, main peculiarities and probable links with the South // Archaeology of Caucasus. Tbilisi. P. 56–57.

1998

226. Ашельская эпоха на Кавказе / РАН. ИИМК. СПб.: Петербургское Востоковедение. 192 с.: ил., карт. Библиогр.: с. 176–181 (АИ. Вып. 47; Archaeologica Petropolitana. 4).

227. Кавказ и его место в преистории Старого Света // Эрмитажные чтения памяти Б. Б. Пиотровского. С. 52–55.

228. Палеогеографические факторы расселения ранних гоминид на Кавказе // Главнейшие итоги в изучении четвертичного периода и основные направления исследований в XXI в.: ТД. Всероссийского совещания. СПб. С. 265.

229. Пещеры Кавказа в преистории и в историческое время // Археология. № 4. С. 48–54: ил., карт. Рез. англ.

230. Проблемы первоначального заселения человеком Кавказа и Евразии // АВ. № 5. С. 15–41: ил., карт. Рез. англ.

231. The Caucasus-Levant-Zagros: Possible Relations in the Middle Palaeolithic // ÉRAUL. Vol. 85, no. 1. P. 39–55: ill. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

232. La grotte moustérienne de Barakaevskaïa (Caucase du Nord) // L'Anthropologie. Vol. 102, iss. 1. P. 67–90: ill.

233. Le paléolithique inférieur du Caucase: ses relations avec le Sud, ses principales étapes // ÉRAUL. Vol. 85, no. 1. P. 29–37: ill.

1999

234. Исследования палеолита в Западной Африке (республика Кот д'Ивуар) // АВ. № 6. С. 19–40: ил., карт. Рез. англ. (в соавторстве с Ф. Й. Геде).

235. К проблеме вариабельности ашельских индустрий Кавказа // Локальные различия в каменном веке. СПб. С. 72–75.

236. Variability of mammoth images in Paleolithic art // Mammoth and Mammoth Fauna. Rotterdam. P. 43–54: ill.

2000

237. Палеолит Республики Кот д'Ивуар (Западная Африка). СПб.: Петербургское Востоковедение. 156 с.: ил., карт. Библиогр.: с. 149–151 (Тр. ИИМК РАН. Т. 3. Archeologia Petropolitana. 10) (в соавторстве с Ф. Й. Геде).

238. Бифасы ашельских местонахождений Армении // XXI КЧ: ТД. Кисловодск. С. 88–91 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

239. Исследования ашельских пещерных стоянок Кударо I и III (Юго-Осетия) // АО 1998 года. С. 368–369: ил. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

240. Les industries acheuléennes dans le Caucase: les caractères générales et la variabilité // Les premiers habitants de l'Europe. Colloque International (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

241. Paleoclimate recorded in sections from the Kudaro I and Kudaro III caves // Problems of Geocosmos: Тезисы 3-й Междунар. конф. СПб. С. 79 (в соавторстве с Г. А. Поспеловой и др.).

242. Magnetic and paleomagnetic studies of sedimentary rocks from the Kudaro I and Kudaro III caves, South Osetia, Georgia // Geophysical Research Abstracts. Vol. 2. P. 77 (в соавторстве с Г. А. Поспеловой и др.).

2001

243. К вопросу о транскавказских связях в нижнем и среднем палеолите // ТД III Кубанской археол. конф. С. 78–83 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

244. Макроорудия как показатель этапов первоначального расселения гоминид из Африки в Западную Африку // Каменный век Старого Света. СПб. С. 50–53 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

245. Туркменистан в эпоху палеолита // АВ. Вып. 8. С. 9–28: ил., карт. Рез. англ.

246. Application of scalar magnetic rock parameters to the reconstruction of climate coeval with the deposition of sediments in the Kudaro-1 and Kudaro-3 caves, South Osetia, Georgia // Izvestia. Physics of the Solid Earth. Vol. 37, no. 10. P. 844–854 (в соавторстве с Г. А. Поспеловой и др.).

247. Acheulian industry of the Kudaro I cave: raw material diversity and characteristics of the assemblage // Pré-actes of the XIV Intern. Congress of Prehist. and Protohist. Sciences. Liège. P. 96 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

248. Préhistoire de la typologie des industries sangoennés // Pré-actes of the XIV Intern. Congress of Prehist. and Protohist. Sciences. Liège. P. 338 (в соавторстве с Ф. Й. Геде).

249. Среднепалеолитические памятники Ингушетии и проблема миграций палеолитических людей в центральной части Большого Кавказа // Stratum plus. № 1. С. 322–337 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

250. Рецензия: Джафаров А. К. Средний палеолит Азербайджана. Баку, 1999 // АВ. № 8. С. 260–262 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

2002

251. Первые находки среднего и нижнего палеолита на Ставрополье // ТД XXII КЧ. С. 79–81 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

252. Разведки палеолита в Ставрополье // АО 2001 года. С. 285–286 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

253. L'Acheuléen du Caucase. Liège. 140 p.: ill. Библиогр.: p. 129–134 (ÉRAUL. 93).

254. Les premiers hommes en Russie // Dossiers d'archéologie. № 270. P. 18–23: ill. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

2003

255. Новые нижнепалеолитические находки в Пятигорье // АО 2002 года. С. 251–252 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

256. Среднепалеолитические памятники Ингушетии и проблема миграций палеолитических людей в центральной части Большого Кавказа // Stratum plus. 2001/02. № 1. С. 322–337: ил., карт. Рез. англ. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

257. Obsidian of the Trans-Caucasus: geology and archaeology // L'ossidiana del Monte Arci nel Mediterraneo: recupero dei valori di un territorio. Conference proceedings. P. 133–141 (в соавторстве с Е. В. Беляевой, А. В. Лаппо).

2004

258. Стоянка Homo Erectus в пещере Кударо I (Центр. Кавказ). СПб.: Петербургское Востоковедение. 272 с: ил., карт. Рез. англ. Библиогр.: с. 266–269 (Тр. ИИМК. Т. 13; Archaeologica Petropolitana. 17) (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

259. Нуклеидные скребки раннего палеолита // Археология и палеоэкология Евразии. Новосибирск. С. 159–164: ил. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

260. Открытие следов нижнего палеолита в Пятигорье (Ставропольский край) // Проблемы первобытной археологии Евразии. М. С. 104–111: ил. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

261. Первое ашельское местонахождение в Пятигорье // ТД XXIV КЧ. М. С. 114–115 (в соавторстве с Е. В. Беляевой, Б. Л. Годзевичем).

262. Разведки палеолита на Сунженской равнине в Ингушетии // Там же. С. 113–114 (в соавторстве с Е. В. Беляевой, Б. Ж. Мальсаговым).

263. Работы Центральнокавказской палеолитической экспедиции // АО 2003 года. С. 274–276 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

264. Расселение ашело-мустьерских людей в центральной части Кавказского перешейка // Евразия: Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. М. С. 11–16 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

265. Acheulian industry of the Kudaro I Cave: Raw material diversity and characteristics of the assemblage // BAR. IS. 1272. Actes of the XIVth UISPP Congress. P. 21–27 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

2005

266. Реконструкция палеоклимата по скалярным магнитным характеристикам пород // Квартер-2005. Сыктывкар. С. 341–342 (в соавторстве с С. А. Кулаковым и др.).

267. Роль сырьевой базы в вариативности ашельских и мустьерских индустрий Кавказа // Проблемы палеонтологии и археологии юга России и сопредельных территорий: материалы междунар. конф. Ростов н/Д. С. 57–58 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

268. Человек и каменное сырье в палеолите Кавказа // Археоминералогия и ранняя история минералогии: материалы междунар. семинара. Сыктывкар. С. 105–108 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

269. «Человек прямоходящий» — открыватель Пятигорья // СтавроСЮг. № 25/26. С. 4–6: ил., карт. (в соавторстве с Б. Л. Годзевичем).

2006

270. Ранняя преистория Кавказа. СПб.: Петербургское Востоковедение. 180 с.: ил., карт. Рез. англ. (Тр. ИИМК РАН. Т. 19; *Archaeologica Petropolitana*). Библиогр.: с. 99–104 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

271. Древнекаменный век Абхазии: итоги и перспективы исследований // Первая Абхазская междунар. археол. конф. «Древние культуры Кавказского Причерноморья, их взаимодействие с культурами соседних регионов. Сохранение культурного наследия»: материалы конф. Сухум. С. 60–64 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

272. Кавказ в ранней преистории Евразии // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. М. Кн. 1. С. 69–90: ил. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

273. Палеолит Ингушетии и проблема заселения палеолитическими людьми предгорных равнин Северного Кавказа // ЗИИМК. № 1. С. 10–22: ил., карт. (в соавторстве с Е. В. Беляевой, Б. Ж. Мальсаговым).

274. Cleavers and handaxes with transverse cutting edge in the Caucasus Acheulian // Ache Age. London. P. 347–364: ill., maps. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

275. On the typology of the Sangoan industries // BAR Intern. Series 1522. Actes of the XIVth UISPP Congress. P. 23–31: ill. (в соавторстве с Ф. Й. Геде).

2007

276. Археолого-палеоботанико-палинологический банк данных по стоянкам эпох среднего и верхнего палеолита Русской равнины и Кавказа: материалы по палеоклиматическому экстремуму HE4 (вариабельность природных сценариев и типов адаптаций обитателей кавказских пещер и равнинных стоянок) // Экология древних и традиционных обществ. Вып. 3. С. 41–42 (в соавторстве с Е. В. Беляевой, Г. М. Левковской, М. В. Аниковичем и др.).

277. То же на англ. яз. // Abstracts book European Association of Archaeologists: 13 Annual Meeting, Zadar. P. 277–278.

278. Исследование палеолита на Ставрополье в 2001–2002 годах // Материалы по изучению ист.-культ. наследия Северного Кавказа. Вып. 7. С. 9–32: ил., карт. Рез. англ. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

279. Работы Армяно-Российской археологической экспедиции в 2003–2006 гг. // ЗИИМК. № 2. С. 142–154: ил., карт. (в соавторстве с С. А. Асланяном, Е. В. Беляевой, Е. М. Колпаковым и др.).

280. Цалди — новый тип ашельских орудий // Проблемы археологии каменного века (к юбилею М. Д. Гвоздовер). М. С. 100–108: ил.

2008

281. Возникновение чувства гармонии у гоминид // Природа. № 1. С. 72–75: ил. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

282. История палеолита в Армении и роль Б. Б. Пиотровского // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. С. 71–72.

283. Новый этап в изучении ранней преистории Кавказа // Там же. С. 141–143.

284. Новые данные о раннем палеолите Армении // Ранний палеолит Евразии: новые открытия. Ростов н/Д. С. 82–84: ил. Рус., англ. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

2009

285. Палеоэкологическая динамика и обитание человека в Губском микрорегионе (Кубанский Кавказ) в среднем палеолите-мезолите // Адаптация культур палеолита-энеолита к изменениям природной среды на Северо-Западном Кавказе. СПб. С. 27–48 (в соавторстве с Е. В. Беляевой и др.).

286. Путь к вершинам (к 60-летию Х. А. Амирханова) // РА. № 4. С. 58–65: портр.

287. Раскопки ашельской стоянки на горе Кинжал (Пятигорье) // АО 2006 года. С. 401–402 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

288. Сырьевая база каменных индустрий Кавказа в раннем и среднем палеолите // С. Н. Биби-ков и первобытная археология. СПб. С. 59–86: карт. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

289. Штрихи к портрету С. Н. Бибикова // Там же. С. 32–34.

2010

290. Исследование раннего палеолита в Центральном Предкавказье (Ставропольский край) // Вестник РГНФ. № 3. С. 182–191: ил., карт. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

291. Новые данные о раннем палеолите Армении // Тр. ИИМК. Т. 35. С. 107–126: ил., карт. Рез. англ. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

292. Открытие раннепалеолитической стоянки в районе Нурнусского палеозера (Центральная Армения) // Исследование первобытной археологии Евразии. Махачкала. С. 36–59: ил., карт. (в соавторстве с Е. В. Беляевой, М. В. Саблиным).

293. Первоначальное заселение территории России // Культурное наследие Российского государства. Вып. 5. Ч. 1. С. 35–37: ил. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

294. Путь к вершинам (к 60-летию Х. А. Амирханова) // Исследования первобытной археологии Евразии. Махачкала. С. 27–35.

2011

295. Страницы ранней преистории Абхазии /РАН. ИИМК. СПб.: Петербургское Востоковедение. 120 с.: ил., карт. (Тр. ИИМК; Т. 38). Библиогр.: с. 116–118 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

296. Ашельские рубила и истоки протодизайна // РАЕ. № 1. С. 73–99: ил. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

297. Открытие раннего ашеля на Кавказе // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. 1. С. 69–70: ил. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

298. Раннеашельский памятник Карахач в Северной Армении // АВ. Вып. 17. С. 13–19: ил. Рез. англ.

2012

299. Первые данные о ранних этапах ашеля на Кавказе // КСИА. Вып. 227. С. 28–36: ил. Рез. англ. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

300. Развитие технологий и протодизайна в раннем палеолите на примере ашельских рубил Кавказа // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. М. С. 10–20 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

301. Хронологические, палеоэкологические и культурные аспекты заселения Закавказского нагорья (Южный Кавказ) в раннем и среднем плейстоцене // Мегаструктура

евразийского мира. М. С. 43–47: ил. (в соавторстве с Е. В. Беляевой, Д. В. Ожерельевым, А. А. Бессудновым).

2013

302. Ашельские памятники Северной Армении // Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. Новосибирск. С. 370–372: ил. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

303. Древнейшие ашельские индустрии Кавказа // Кавказ и Абхазия в древности и в средневековье: ТД 4-й междунар. Абхазской конф. С. 67–68 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

304. Е. Г. Пчелина — кавказовед от Бога // Пчелина Е. Г. *Ossetica*. Владикавказ. С. 8–12.

305. Исследование раннего палеолита на Ставрополье // АО 2009 года. С. 157–158 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

306. Палеолит Армении // Археологическое наследие Армении. Ереван. С. 14–17. Арм., англ. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

307. Страницы ранней преистории Абхазии // Проблемы древней и средневековой археологии Кавказа. Сухум. С. 63–67: ил., карт.

2014

308. Макро-ножи в ашеле Кавказа // КСИА. Вып. 235. С. 44–59: ил. Рез. англ. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

309. Новый взгляд на развитие ашеля на Кавказе // Тр. исторического факультета СПбГУ. Вып. 18. С. 189–214: ил. Рез. англ. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

2015

310. Динамика природной среды и формирование древнейших раннепалеолитических культур Юго-Западной Азии // Естественнонаучные методы исследования и парадигма современной археологии. М. С. 45–49: ил. (в соавторстве с Е. В. Беляевой, В. Г. Трифоновым, Д. В. Ожерельевым и др.).

311. Долота и струги в ранне- и среднеашельских индустриях Северной Армении // Следы в истории. СПб. С. 70–75: ил. Рез. англ. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

312. Исследование раннего ашеля в Северной Армении // АО 2010–2013 годов. С. 783–786: ил. (в соавторстве с Е. В. Беляевой, Д. В. Ожерельевым).

313. Традиции и трансформации в раннем палеолите Кавказа и Ближнего Востока // Традиции и инновации в истории и культуре. М. С. 12–20: ил. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

2016

314. Исследования раннего ашеля в северо-западной Армении: новейшие данные и перспективы // Материалы LVI Российской археолого-этнографической конф. студентов и молодых ученых. Сибирская археология и этнография: вклад молодых ученых. Чита. С. 45–47 (в соавторстве с Е. В. Беляевой, Е. А. Филатовым).

315. Carbonate features in uppermost layers of Quaternary deposits, Northern Armenia and their significance for paleoenvironmental reconstruction // QI. Vol. 418. P. 94–104 (в соавторстве с Е. В. Беляевой, О. А. Хохловой и др.).

316. Stratigraphic and tectonic settings of Early Paleolithic of North-West Armenia // QI. Vol. 420. P. 178–198 (в соавторстве с Е. В. Беляевой, В. Г. Трифоновым и др.).

2017

317. Древнейшие ашельские индустрии Кавказа // Кавказ и Абхазия в древности и в Средневековье: взаимодействие и преемственность культур: материалы IV абхазской междунар. конф., посвящ. археологу-кавказоведу Л. Н. Соловьёву. Сухум. С. 35–36 (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

318. Древнейшие обитатели «Страны камней» // Аватамк: Газета Армянской общины в Санкт-Петербурге. № 5 (283). С. 10–11: ил. (в соавторстве с Е. В. Беляевой).

319. Четвертичная геотектоника новейших впадин северо-западной Армении // Геотектоника. № 5. С. 42–64 (в соавторстве с Е. В. Беляевой, В. Г. Трифоновым и др.).

2018

320. О получении информации об объектах собирательства каменного века с помощью СЭМ (данные по стоянкам Баракаевская, Монашеская, Костёнки 1/І, Борщёво 5, Атапуэрка) // Стратегия жизнеобеспечения в каменном веке. СПб. С. 252–254: ил. Рез. англ. (в соавторстве с Е. В. Беляевой, Г. М. Левковской, С. Н. Лисицыным и др.).

Литература о В. П. Любине

Василий Прокофьевич Любин: Список научных трудов // Изучение раннего палеолита Старого Света. СПб., 1998. С. 10–25 / Сост. Л. М. Всевиов.

Длужневская Г. В. Материалы полевых и кабинетных исследований В. П. Любина в фотоархиве ИИМК РАН // Там же. С. 26–33.

Кулаков С. А. Василий Прокофьевич Любин // Там же. С. 7–9.

Массон В. М. Ранний палеолит и его исследователи // Там же. С. 5–6.

Василию Прокофьевичу Любину, нашему выдающемуся ученому-палеолитоведу 13 января 1998 года исполнилось 80 лет // АВ. 1998. № 5. С. 14: портр.

Васильев С. А. Василий Прокофьевич Любин: Биографический очерк // Кавказ и первоначальное заселение человеком Старого Света. СПб., 2007. С. 5–10: ил. (Тр. ИИМК РАН. Т. 26).

Василий Прокофьевич Любин: Список научных трудов // Там же. С. 11–20 / Сост. Л. М. Всевиов.

Василий Прокофьевич Любин: К 90-летию со дня рождения // АВ. 2008. № 15. С. 11: портр.

Амирханов Х. А. Слово о патриархе (к 90-летию В. П. Любина) // Stratum plus. 2005–2009 (2009). № 1. С. 9–10.

Алёкшин В. А. Василий Прокофьевич Любин — временно исполняющий обязанности заведующего ЛОИА АН СССР с 12 января по 20 мая 1976 г. // Академическая археология на берегах Невы. СПб., 2013. С. 44: портр.

Васильев С. А. Расширенное заседание Ученого совета и Отдела палеолита ИИМК РАН, посвященное юбилею В. П. Любина // ЗИИМК. 2013. № 8. С. 203–204: портр.

Медведев Г. И., Липнина Е. А., Васильев С. А. // К 95-летию Василия Прокофьевича Любина // Известия ИркутГУ. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1. С. 272–275: портр.

Васильев С. А. Вручение В. П. Любину государственной награды Республики Ингушетия // ЗИИМК. 2015. № 12. С. 223–224: портр.

Васильев С. А. Памяти Василия Прокофьевича Любина (1918–2018) // АВ. 2018. Вып. 24. С. 421–422: портр.

ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ АШЕЛЯ В АРМЕНИИ И ВКЛАД В. П. ЛЮБИНА¹

Е. В. БЕЛЯЕВА²

Ключевые слова: *Армения, ашель, история исследований, В. П. Любин.*

Первые местонахождения ашеля в Армении были открыты в середине прошлого века в долине Раздана (Арзни, Нурнус и др.) и у вулкана Артени (Сатани-дар). Поверхностные коллекции включали уплощенные рубила-бифасы и продукты леваллуазского расщепления, указывающие на поздний ашель. В 1960-е гг. В. П. Любин выявил новую большую группу местонахождений с аналогичными изделиями в бассейне Раздана (Джрабер и др.). Долгое время в Армении были известны только подобные нестратифицированные индустрии с позднеашельскими изделиями из обсидиана. В начале XXI в. палеолитический отряд Армяно-российской экспедиции под руководством В. П. Любина обнаружил на севере страны (Лорийская котловина) множество местонахождений с преимущественно позднеашельскими и отдельными более архаичными изделиями из дацитовых пород. На этой территории были также впервые открыты четыре стратифицированных памятника с намного более древними средне- и раннеашельскими индустриями. Судя по абсолютным датировкам памятников и палеомагнитным данным, ашельские люди появились в регионе уже 1,8 млн л. н. Эти открытия позволили по-новому взглянуть на раннюю преисторию Армении и всего Кавказа.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-22-55-69

Имя Василия Прокофьевича Любина по праву занимает первое место в ряду исследователей раннего палеолита Кавказа. Ученый открыл и изучил целый ряд ашельских памятников в разных частях региона. В его многочисленных публикациях, включая ряд монографий, был проанализирован весь массив данных по ашелю Кавказа и сделаны обобщения, касающиеся различных аспектов развития и специфики индустрий этого типа (Любин 1984; 1989; 1998; Любин, Беляева 2004; 2006). Особого внимания заслуживает вклад В. П. Любина в исследования ашеля в Армении, которым он посвятил несколько лет в начале своей научной карьеры и последние 15 лет жизни. Работы Любина следует рассматривать в контексте всей истории исследований ашельских индустрий на территории Армении.

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0001 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде».

² Отдел палеолита, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Первые находки изделий каменного века в Армении были сделаны еще в конце XIX в. французским геологом и археологом Ж. де Морганом (de Morgan 1909). Однако открытие ашеля в Армении произошло позже — в 1933 г., а автором его стал геолог А. П. Демехин. Он собрал небольшую коллекцию крупных обсидиановых орудий (22 экз.), включавшую три рубила-бифаса из обсидиановых галек, в 18 км к северу от г. Еревана, около курорта Арзни (рис. 1). Находки, как позднее писал автор открытия, были собраны на поверхности 80-метровой террасы р. Раздан (Демехин 1956: 11–13). Следует отметить, что эти изделия были почти сразу определены как «шелльские и ашельские» выдающимся армянским археологом Е. А. Байбуртяном (1938: 195–196). К ашелю их отнес и один из крупных геологов того времени В. В. Богачёв (1940: 29).

Однако эти публикации не имели должного резонанса, и находки из Арзни не приобрели заслуженной научной известности. От забвения в музейных фондах материалы Арзни спас Б. Б. Пиотровский, который упомянул о них в одной из статей по археологии Армении (Пиотровский 1943). В 1943 и 1945 гг. во время встреч с ведущими в то время палеолитоведами С. Н. Замятниным и М. З. Паничкиной он рассказал им об Арзни и показал свои рисунки нескольких бифасов (Замятнин 1947). Так, местонахождение Арзни, наконец, привлекло внимание специалистов по палеолиту более чем через десять лет после открытия. Случись это сразу, Арзни могло бы разделить славу одного из первых ашельских памятников на территории Кавказа и всего Советского Союза с местонахождением Яштух в Абхазии, изучение которого начал в том же 1933-м году С. Н. Замятнин.

Приехав по приглашению Б. Б. Пиотровского в Армению в 1946 г., С. Н. Замятнин вместе с А. П. Демехиным и М. З. Паничкиной посетил местонахождение Арзни, где они сделали новые сборы обсидиановых изделий. Замятнин выделил среди них группу явно ашельских изделий, обращая внимание на выразительные бифасиальные формы и особо отметив три крупных ручных рубила. В то же время он указал, что в Арзни присутствуют мустьерские материалы, причем некоторые предметы можно относить как к мустье, так и к ашелю (Замятнин 1947: 15–22; 1950: 130). В 1947–1948 гг. М. З. Паничкина произвела более обстоятельные работы на местонахождении Арзни. Охарактеризованная ею коллекция составляет более 360 обсидиановых изделий, включая как ее сборы, так и находки А. П. Демехина и С. Н. Замятнина. Около 100 изделий, в том числе 10 уплощенных и хорошо отделанных рубил, она правомерно относит к позднему ашелю (Паничкина 1950).

В 1947–1949 гг. поисковые работы в этом же районе проводились аспирантом Б. Б. Пиотровского С. А. Сардаряном. Он обнаружил скопления обсидиановых палеолитических находок в пяти пунктах в 10-километровой полосе вдоль левого берега р. Раздан. Все они находятся на некотором расстоянии к северу от курорта Арзни — в 2 км (Чаткран), в 4 км (Аширабат), в 7 км (Аркел) и в 10 км (Нурнус) (рис. 1). Ашельские, мустьерские и верхнепалеолитические артефакты повсюду находились в совместном залегании на поверхности террасы. Уплощенность найденных там рубил и их тщательная отделка указывали на позднюю стадию ашеля. Ашельские орудия преобладали вблизи Арзни, но изредка встречались также в Нурнусе и Аркеле (Сардарян 1954: 94–100, 114–123).

Параллельно с работами на Раздане разворачивались исследования на горе Богутлу, или Артин, на западе Армении (рис. 1), где в XIX в. впервые были най-

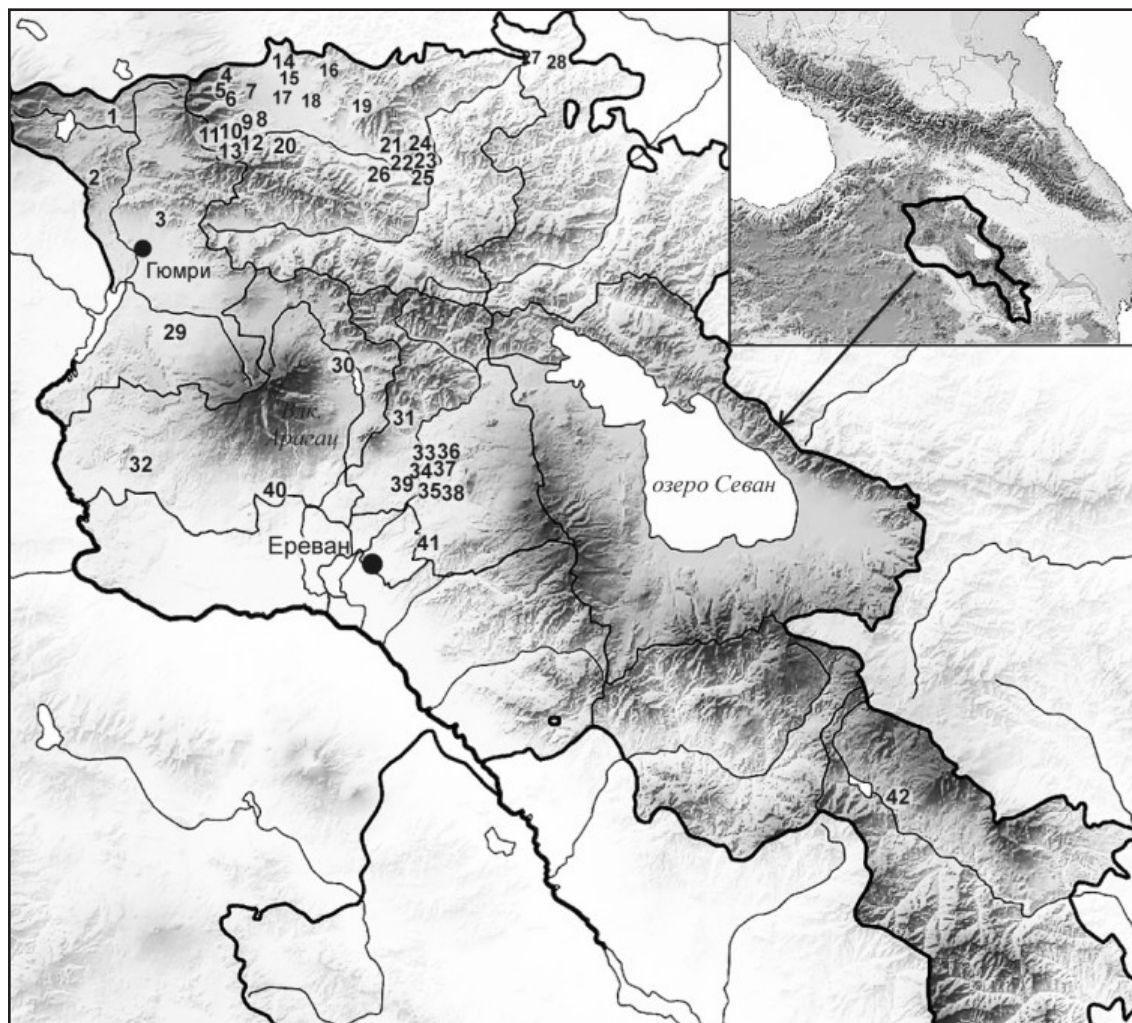

Рис. 1. Расположение ашельских памятников на территории Армении: 1 — Агворик (Ени-ель); 2 — Джрадзор; 3 — Ширак; 4 — Пахгахпюр (пункты 4, 5); 5 — Даштадем (пункты 1–10); 6 — Норамут; 7 — Атка-лич; 8 — Благодарное (пункты 1–4); 9 — Мурадово; 10 — Карахач; 11 — Чомча; 12 — Севджур (пункты 1–2); 13 — Карахачский перевал; 14 — Мецаван; 15 — Чахмахкар, Казсар; 16 — Дзорамут; 17 — Ташир; 18 — Медовка; 19 — Привольное; 20 — Мецару; 21 — Ягдан; 22 — Кохес; 23 — Мгарт; 24 — Ардви; 25 — Аревацаг; 26 — Куртан I–III; 27 — Ахтанак (пункты 1–4); 28 — Геаси-кар; 29 — Ором; 30 — Кучак, Сараванч; 31 — Бужакан; 32 — Сатани-дар, Арегуни, Еркарук и др.; 33–35 — Аргвел, Нурнус, Аширабад, Чаткран, Капутан, Амо и др.; 36–38 — Атис (пункты 1–10), Фантан (пункты 1–3), Джрабер (пункты 1–17), Кендарасы (пункты 1–4); 39 — Нор Гехи 1; 40 — Ахавнатун, Агарак; 41 — Мушакан; 42 — Горайк

Fig. 1. Map showing the location of Acheulean sites on the territory of Armenia: 1 — Agvorik (Eni-el); 2 — Dzhradzor; 3 — Shirak; 4 — Pakhgakhpyur (localities 4, 5); 5 — Dashtadem (loc. 1–10); 6 — Khoramut; 7 — Atka-lich; 8 — Blagodarnoe (loc. 1–4); 9 — Muradovo; 10 — Karakhach; 11 — Chomcha; 12 — Sevdzhur (loc. 1–2); 13 — Karakhach pass; 14 — Metzavan; 15 — Chakhmakhkar, Kazsar; 16 — Dzoramut; 17 — Tashir; 18 — Medovka; 19 — Privolnoe; 20 — Metzary; 21 — Yagdan; 22 — Kokhes; 23 — Mgart; 24 — Ardvi; 25 — Arevatzag; 26 — Kurtan I–III; 27 — Akhtanak (loc. 1–4); 28 — Gheasi-kar; 29 — Orom; 30 — Kuchak, Saravanch; 31 — Buzhakan; 32 — Satani-dar, Areguni, Erkarblur, etc.; 33–35 — Argel, Nurnus, Ashiradad, Chatkran, Kaputan, Amo, etc.; 36–38 — Atis (loc. 1–10), Fantan (loc. 1–3), Dzhraber (loc. 1–17), Kendarasy (loc. 1–4); 39 — Nop Gekhi 1; 40 — Akhavnatun, Agarak; 41 — Mushakan; 42 — Goraik

дены артефакты из обсидиана (de Morgan 1909). Это произошло также благодаря Б. Б. Пиотровскому, в упомянутой статье которого говорилось не только об ашельских изделиях из Арзни, но и о давних находках около обсидианового вулкана Богутлу (Пиотровский 1943). Гора имеет две вершины — более высокую северную (Большой Богутлу) и меньшую в южной части (Малый Богутлу). Для обследования Богутлу был направлен С. А. Сардарян, который, по его данным, в 1944–1945 гг. открыл на склонах горы 12 стоянок с преимущественно обсидиановыми изделиями. Ашельское ручное рубило и сопровождающие изделия были найдены на холме Сатани-дар в северо-восточном подножии Большого Богутлу, или Мец Артин. Сходные изделия были обнаружены также в двух пунктах южного склона Малого Богутлу (Покр Артин) (Сардарян 1954: 17).

В 1946 г. С. Н. Замятнин и М. З. Паничкина, которые были приглашены в Армению Б. Б. Пиотровским для ознакомления с Арзни, посетили также и гору Богутлу (Артин), уделив особое внимание пункту Сатани-дар (рис. 1). Среди обсидиановых изделий, найденных на Сатани-даре С. А. Сардаряном и ими самими, были сильно патинированные предметы и в том числе ручные рубила, которые Замятнин отнес к раннему и развитому ашелю (Замятнин 1947). Паничкина продолжила исследовать этот пункт в 1947–1949 гг., собрав более 400 изделий из обсидиана и породы, определенной как долеритовый базальт. Стремясь обнаружить стратифицированные материалы, она заложила ряд шурфов, однако все они показали переотложение ашельских слоев предположительно в постнеолитическое время. Результаты работ 1947–1948 гг., включая анализ собранных коллекций и их атрибуцию (поздний шелль — ранний ашель и поздний ашель), М. З. Паничкина опубликовала в первой обобщающей работе по палеолиту Армении. Она интерпретировала материалы местонахождения Сатани-дар как остатки разновременных стоянок (Паничкина 1950). Из находок 1949 г. были описаны только изделия, отнесенные ею к «шелльскому комплексу» (Паничкина 1953).

В те же годы С. А. Сардарян продолжил независимые изыскания у горы Артин, или Богутлу, — на Сатани-даре и на других близлежащих пунктах Арегуни (Барож), Еркарук. Он собрал около 600 изделий и в том числе почти сотню рубил, выделив в этих материалах «шелльские» и «ашельские» комплексы (Сардарян 1954). К сожалению, эти сборы С. А. Сардаряна представлены в музейных фондах Армении лишь небольшим количеством рубил, а местонахождение и степень сохранности остальных находок неизвестны. Сатанидарские коллекции М. З. Паничкиной и С. Н. Замятнина хранятся в Эрмитаже, что позволяет провести их повторный анализ. На его основании В. П. Любин и А. Е. Матюхин пришли к выводу, что технико-морфологические характеристики основной массы найденных на Сатани-даре рубил (уплощенность, преобладание тщательно отделанных сердцевидных и овальных форм) и развитие леваллуазской техники расщепления указывают на поздний ашель (Любин 1977; 1984; Матюхин 1981).

К началу 1950-х гг. работы на Артинских и Разданских ашельских местонахождениях почти прекратились, исключая небольшие сборы во время периодических визитов туда С. А. Сардаряна и его студентов. Вместе с тем впервые стали появляться единичные ашельские находки из других районов Армении. В 1952 г. на северо-востоке страны, неподалеку от границы с Грузией, археолог Л. М. Барсемян нашел на горе Геаси-кар (рис. 1) два крупных ашельских рубила из известняка —

миндалевидное и овальное, а также крупный обломок халцедонового орудия (Барсемян 1959). В 1953 г. геолог А. Т. Асланян, обследовавший склоны Ширакского хребта к северо-востоку от г. Ленинакан (совр. Гюмри), обнаружил около с. Ширак (рис. 1) небольшие скопления каменных изделий (несколько крупных ашельских рубил, нуклеусы, заготовки орудий и т. п.) из андезито-дацитов (Асланян 1956). Они залегали на размытой поверхности галечников, которые он предположительно отнес к миндельскому времени (около 400 тыс. л. н.). Став первооткрывателем ашеля в Ширакской области, А. Т. Асланян также впервые зафиксировал существование в Армении ашельских индустрий, в которых использовалось, в основном, не obsидиановое сырье. Его находки изучал С. А. Сардарян, но, к сожалению, он их так и не опубликовал. Судя по краткому описанию А. Т. Асланяна и немногочисленным рисункам, это поздний ашель.

Новый всплеск открытий произошел через пять лет, когда к работам в Армении подключился В. П. Любин. В 1958 г. он посетил гору Артин и открыл новый пункт с изделиями из obsидиана и базальта на поверхности потока андезитово-дацитовых лав, изливавшегося из ее южной вершины, вблизи с. Верин-Талин (рис. 1). Коллекция из 52 предметов, включавшая скребла, остроконечники и различные отщепы, была определена им как ашело-мустьерская. Наличие ашельского компонента удостоверяла находка небольшого подсердцевидного рубила из базальта (Любин, Бальян 1961). В том же году В. П. Любин обнаружил новую большую группу поверхностных местонахождений с obsидиановыми ашельскими изделиями на левобережье р. Раздан (Любин 1961). Участок Разданского плато, который он обследовал, находится примерно на том же расстоянии к северу от Еревана, что и местонахождение Нурнус, но дальше от каньона р. Раздан и ближе к окраине Гегамского вулканического нагорья. Там расположены вулканы, являющиеся источниками obsидиана. Несколько плоских рубил-бифасов позднеашельского типа, а также сколов и нуклеусов, изготовленных из местного obsидиана, были найдены В. П. Любиным у с. Джрабер (рис. 1), в подножии вулканического купола Гутансар. Первые находки были немногочисленны, но, вернувшись туда в 1959 г., он сумел многократно увеличить их количество, обнаружив аналогичные бифасы (рис. 2, 1) и другие изделия в девяти пунктах в окрестностях Джрабера и в трех пунктах у с. Фантан, расположенного в 5 км к северо-востоку. В 1963 г. В. П. Любин собрал подобные материалы, включая бифасы, к югу от Джрабера, в четырех пунктах около с. Кендарасы (рис. 1).

Эти коллекции, которые насчитывают в сумме около 3000 предметов, в том числе более 100 рубил, были описаны В. П. Любиным в ряде публикаций. Исходя из характеристик рубил-бифасов (уплощенность, преобладание сердцевидных и овальных форм), а также заметного присутствия леваллуазских продуктов расщепления, он отнес их к позднему ашелю. Был также сделан важный вывод о том, что состав находок позволяет видеть в данных пунктах остатки мастерских (Любин 1961; 1984; 1998). Позднее часть этих коллекций В. П. Любина, а именно продукты расщепления, были подробно проанализированы С. А. Кулаковым в контексте изучения нижнепалеолитических мастерских Кавказа (Кулаков 1991).

С 1967 г. и по конец 1980-х гг. новые спорадические сборы ашельских и более поздних палеолитических изделий на левобережье Раздана проводились в рамках комплексной экспедиции, созданной по решению Президиума Национальной

академии наук Республики Армения для изучения древностей этого района. Работами по палеолиту руководил сотрудник Института археологии и этнографии Республики Армения (ИАЭ РА) Б. Г. Ерицян (Ерицян и др. 1996). Сотрудники экспедиции открыли несколько новых местонахождений с обсидиановыми ашельскими изделиями — Аргвел 1–2, Зар, Капутан и др. (рис. 1). Особо стоит отметить очень крупный (26,5 × 13,3 × 4,4 см) и тщательно отделанный бифас, изготовленный из обсидианового отщепы, который был обнаружен Г. А. Азизяном близ пещеры Амо (Азизян, Любин 1983). Группа Б. Г. Ерицяна посещала также ранее открытые ашельские местонахождения (Арзни, Джрабер и др.), увеличив обследуемую площадь и приумножив количество пунктов сборов (Ерицян, Казарян 1977; Ерицян, Коробков 1979). Сообщается, в частности, что в течение более двух десятков лет в 10 пунктах близ горы Гутансар экспедиция под руководством Б. Г. Ерицяна собрала 7840 изделий, включая около 690 ручных рубил. Среди этих рубил доминируют уплощенные бифасы овальных, сердцевидных или, реже, подтреугольных очертаний, то есть позднеашельские формы. К сожалению, в публикациях нет сведений о том, как пункты сборов Б. Г. Ерицяна в районе Джрабера соотносятся с пунктами, в которых производил сборы В. П. Любин. Описание находок было сделано Б. Г. Ерицяном крайне поверхностно, иллюстрации ограничены единичными предметами, а сами коллекции недоступны для других специалистов. Это ставит вопрос о достоверности его данных о количестве и составе собранных материалов. Наконец, возникают даже сомнения в профессионализме Б. Г. Ерицяна, поскольку краткую характеристику собранных рубил он завершает следующим абсурдным заключением: «...материалы Джрабера мы определяем как комплекс каменного века, бытующий в исторические времена» (Ерицян и др. 1996: 131).

К югу от Гутансара находится другой источник обсидиана — вулкан Атис. Начиная с 1983 г. на протяжении ряда сезонов Г. П. Казарян открыл на юго-восточных и южных склонах этой горы более десятка местонахождений с разновозрастными обсидиановыми изделиями (рис. 1). В пунктах Атис 1–4 и 6–10 им было собрано свыше 9500 изделий позднеашельского облика, в том числе более 1500 рубил (Казарян 1986). По мнению Г. П. Казаряна, в этих коллекциях можно выделить два генетически связанных комплекса — позднеашельский и финальноашельский. Наибольший интерес представляет пункт Атис 1, позднеашельская коллекция которого насчитывает 2100 предметов, включая 420 рубил. Лишь около трети из них являются, по заключению Г. П. Казаряна, законченными формами, среди которых доминируют рубила овальных и подсердцевидных очертаний. Пренуклеусы (4 экз.) и нуклеусы (11 экз.) говорят о леваллуазской технике расщепления. В то же время большая часть сколов (1665 экз.) имеет признаки, указывающие на их получение при обработке бифасов. В пункте Атис 1 был сделан небольшой зондаж глубиной около 1,5 м, где были выявлены четыре слоя, варьирующие по цвету супеси и составу обломочника. Во всех слоях залежали позднеашельские изделия, аналогичные поверхностным находкам. К сожалению, в силу кризисной ситуации начала 1990-х гг. перспективные изыскания Г. П. Казаряна на Атисе были свернуты, а последующие драматические события в Армении и в жизни самого исследователя привели к утрате коллекций, о которых можно судить лишь по краткой публикации автора открытия (Казарян 1986).

Хотя в 1990-е гг. исследования ашельских памятников приостановились, спорадические находки изделий ашельского облика все-таки случались. Несколько

обсидиановых позднеашельских рубил вместе с леваллуазскими нуклеусами и сколами были найдены в ходе поисков более поздних памятников на террасах р. Касах к востоку от Арагаца, близ с. Кучак (Арешян 1991). Два дацитовых рубила, включая частичный бифас на сколе, и два рубильца обнаружил Р. Бадалян (личн. сообщение) во время раскопок урартского поселения Ором на северо-западных склонах Арагаца (рис. 1). В этот же период к изучению палеолита Армении подключился младший из учеников С. А. Сардаряна — Б. З. Гаспарян, который вместе с коллегами собрал небольшие коллекции ашело-мустьерских изделий из обсидиана, дацита и, реже, кремня в ряде районов Армении (Gasparyan et al. 2014). Единичные позднеашельские обсидиановые бифасы были найдены ими в Апаранской котловине к востоку от вулкана Арагац (пункты Кучак и Сараванч), на северо-восточном склоне вулкана Араилер (Бужакан), а также на южных склонах этой горы (Ахавнатун). Позднеашельский бифас из кремня был обнаружен при раскопках урартского памятника Агарак, который расположен недалеко от Ахавнатуна (рис. 1). Проводились также дополнительные изыскания на склонах горы Атис, где удалось открыть еще два пункта с позднеашельскими изделиями, включавшими около двух десятков бифасов, которые отчасти изготовлены из больших отщепов. Четыре обсидиановых рубила были обнаружены при посещении района Нурнуса. Наконец, Б. З. Гаспарян с коллегами впервые посетили Лорийскую котловину на севере Армении, где на юго-западных склонах горы Чахмахар (рис. 1) были найдены два рубила: небольшой дацитовый бифас с необработанной пяткой и крупный кремневый бифас (Gasparyan et al. 2014: 42).

Итогами исследований ашеля в Армении во второй половине XX в. стало постепенное расширение географии находок и весьма заметное увеличение их количества. Однако все ашельские бифасы и другие изделия по-прежнему были собраны на поверхности, то есть вне геохронологического контекста. Нельзя не отметить также скудость публикаций новых материалов, найденных армянскими специалистами.

С наступлением нынешнего столетия армянские исследователи стали более активно заниматься поисками памятников каменного века, в том числе следов ашеля. В 2000 г. экспедиция под руководством Б. Г. Ерицяна и Б. З. Гаспаряна провела ряд изысканий в районе выходов кремневых и других осадочных пород у с. Мушакан в предгорьях к востоку от Еревана (Ерицян, Гаспарян 2010). В пункте Мушакан 1 (рис. 1) на поверхности и в траншеях, прорезавших покровные отложения, было собрано более 5000 изделий. Сообщается, что в коллекции доминируют чопперы, бифасы, кливеры, грубые ядрища и отщепы, что было интерпретировано как «преашель» или же ранний ашель (Gasparyan et al. 2014: 42). Однако принять этот вывод трудно. Во-первых, исследователи отмечают, что уверенно выделить палеолитический комплекс среди всех изделий, часть которых явно относится к более поздним эпохам, вплоть до бронзового века, практически невозможно (Gasparyan et al. 2014: 42). Во-вторых, единственный кремневый бифас, приведенный как иллюстрация раннеашельского компонента коллекции (Ibid: 42, fig. 1, 3), имеет правильную субовальную форму и оформлен путем частичной двусторонней обработки крупного краевого отщепа, что характерно для позднего ашеля региона. Наконец, что касается чопперов, то в мастерской, которой является этот памятник, многие из них могут отражать всего лишь начальную стадию обработки галек и обломков.

Представляется, что Мушакан 1 пока следует рассматривать как мастерскую с разновременными материалами, начиная, видимо, с периода позднего ашеля.

Интенсивность палеолитических исследований возросла, когда Б. З. Гаспарян стал проводить экспедиции по изучению каменного века Армении вместе с исследователями из Франции, Германии, Австрии, США и Японии. Армяно-французская экспедиция (соруководители — Б. З. Гаспарян и Кр. Шатенье) обнаружила неподалеку от с. Агворик (Ширакская обл.), в подножии хребта Ени-ель (рис. 1), местонахождение с изделиями, атрибутированными как ашель. Однако численность находок и их перечень авторы открытия не приводят. Хотя в отчете и в публикации говорится о находках дацитовых бифасов и даже кливеров вместе с отщеповыми заготовками, их описания отсутствуют. Единственный рисунок бифаса выполнен столь смутными штрихами, что не дает никакого представления об этом предмете помимо его очертаний (Fourloubey et al. 2003: 7, fig. 2, 2).

Совместно с американскими коллегами Б. З. Гаспарян вел поиски раннего палеолита на северо-востоке Армении, в долине р. Дебед (Egeland et al. 2014). В пунктах Ахтанак 1–4 (рис. 1), которые расположены на высоких речных террасах, находки каменных изделий из базальта и известняка были связаны с рыхлыми отложениями, перекрывающими расчлененное базальтовое плато. Наибольшее число изделий (117 экз.) собрано в пункте Ахтанак 1 — на дневной поверхности и в траншеях глубиной до 4 м, вскрывших серию палеопочв. В публикации указывается, что большинство артефактов относится к среднему палеолиту, но имеется и явный раннепалеолитический компонент, о чем свидетельствует находка сердцевидного позднеашельского рубила из кремнистого известняка. В нижней части толщи были также встречены обитые гальки, «напоминающие олдованские чопперы», на основании чего авторы раскопок допускают наличие и доашельской индустрии (Gasparyan et al. 2014: 45). Однако небольшое количество находок и отсутствие абсолютных датировок культурных отложений пока не позволяют разделить мнение исследователей Ахтанака 1 о принадлежности этой индустрии к доашелю и соответствующем возрасте вмещающих отложений.

На юге Армении ашельские находки вновь были сделаны близ с. Ахавнатун, на склонах Арагаца, обращенных к Араратской долине (рис. 1). В ущельях ручьев там встречаются обломки местного дацита и изделия из этой породы. В пункте Ахавнатун 1 было собрано 160 артефактов, среди которых преобладают грубые массивные ядрища и сколы, а также чопперы и пики. Присутствуют также толстые и массивные рубила без следов утончения профиля. Подробное описание этой коллекции, к сожалению, отсутствует, но приведенные изображения чоппера, пика и двух массивных рубил подтверждают вывод исследователей об архаичности этих ашельских изделий (Gasparyan et al. 2014), поскольку подобные формы нехарактерны для местного позднего ашеля. В то же время утверждение авторов публикации, что эти артефакты относятся к раннему ашелю, представляется пока слишком смелым ввиду отсутствия геохронологических данных.

Наиболее результативными оказались новые работы армяно-американской экспедиции в долине Раздана. Там были выявлены дополнительные пункты на ашельских местонахождениях в окрестностях Джрабера и Атиса и, что чрезвычайно важно, впервые обнаружен стратифицированный комплекс позднеашельских изделий — Нор Гехи 1 (Adler et al. 2012). Этот пункт был открыт в 2008 г. на правом берегу

р. Раздан между с. Нор Гехи и Аргвел (рис. 1), на высоте около 48 м над уровнем реки. Между двумя базальтовыми потоками там обнажена пачка аллювиально-коллювиальных отложений пойменного генезиса (до 2 м), подразделяемых на пять слоев. Датирование базальтов методом $Ar^{40r}-Ar^{39}$ показало, что подстилающий эту пачку поток лав имеет возраст около 440 тыс. л. н., а перекрывающий поток — примерно 200 тыс. л. н. Обсидиановые изделия первоначально были найдены в осыпях заключенных между ними слоев. Последующие вскрытия показали, что артефакты происходят преимущественно из слоя 2, который был определен как погребенная почва. Частички пемзы и пепла из этого слоя имеют $Ar^{40r}-Ar^{39}$ даты 335–325 тыс. л. н.

В публикации, посвященной Нор Гехи 1, говорится о 1589 изделиях, однако они охарактеризованы довольно скупо. Сообщается о присутствии полного набора продуктов расщепления, нацеленного на получение леваллуазских отщепов и пластин. Рубила часто изготовлены на отщепе, среди них преобладают бифасы овальных, субсердцевидных и подтреугольных очертаний. Мелкий инвентарь включает зубчатые орудия, разные варианты скребел, резцы и скребки (Adler et al. 2012: 23–26, fig. 6–11). Исследователи памятника интерпретируют индустрию Нор Гехи 1 как переходную от ашеля к среднему палеолиту, причем индикаторами последнего они считают мелкие бифасы и технику леваллуа. Следует заметить, однако, что на Ближнем Востоке леваллуазская техника известна со среднего ашеля, а небольшие рубильца встречаются в ашельских индустриях разного возраста (Muhesen 1985). Представляется, что как возраст, так и технико-типологические характеристики индустрии Нор Гехи 1 позволяют рассматривать ее в рамках позднего ашеля. Отмечая новые результативные работы на Раздане, следует упомянуть, что в последнее время единичные позднеашельские бифасы из обсидиана были впервые обнаружены экспедицией А. Симоняна в южной области Сюник, в ущелье р. Воротан у с. Горайк (Lyubin, Belyaeva 2013).

Параллельно с исследованиями Гаспаряна и его коллег с 2003 г. на севере Армении, в Лорийской котловине развернулись работы армяно-российской экспедиции. Эту экспедицию организовал и возглавил С. А. Асланян, а палеолитическим отрядом стал руководить В. П. Любин, который вернулся в Армению спустя почти полвека после своих изысканий на Раздане. Уже за первые три года работ в Лорийской котловине были выявлены около трех десятков местонахождений с ашельскими изделиями из местной породы — гиалоциста (Асланян и др. 2007). Большинство пунктов (рис. 1) находятся в предгорной полосе вулканического Джавахетского хребта, который ограничивает эту котловину с запада (Пахгахпюр 4, 5, Даштадем 1, 2, 4–10, Норамут, Благодарное 1–4, Чомча и др.). Четыре ашельских местонахождения расположены в предгорьях Сомхетского хребта (Мецаван, Чахмаккар, Казсар, Медовка), а еще один пункт — в ущелье р. Мецару, стекающей с Базумского хребта. Изделия встречаются в переотложенном состоянии в русловых галечниках мелких рек и ручьев, а также на их террасах, где залегают непосредственно в дерне и в нижних горизонтах голоценовой почвы. Всего в этих пунктах найдено около 360 рубил, львиную долю которых составляют уплощенные и хорошо отделанные бифасы из гиалоциста, более половины из них являются частичными бифасами, оформленными на крупных отщепе. Доминируют овальные и сердцевидные формы, имеются также рубила с обушком, с поперечным лезвием и др. Эти типичные позднеашельские бифасы, как и в других районах Армении, сопровождаются

леваллуазскими нуклеусами и сколами (Асланян и др. 2007; Любин, Беяева 2010). В пункте Даштадем 3 (рис. 1) такая позднеашельская индустрия была найдена на террасе ручья в маломощном слое суглинка, налегающем на скальный цоколь из андезитовой лавы. Среди 2464 изделий из гиалодацита преобладают продукты леваллуазской техники расщепления. В состав орудий (262) входят 49 ручных рубил, среди которых более половины частичных бифасов на отщепках. Имеются также леваллуазские остроконечники, скребла, скребки, ножи, клювовидные и некоторые другие формы (Kolpakov 2009).

Эта большая группа позднеашельских памятников, выявленная В. П. Любиным и его коллегами в Лорийской котловине, отличается от разданских и артинских местонахождений тем, что основным сырьем служил не обсидиан, а гиалодацит, что налогало свой отпечаток на облик индустрии. Ценность открытия лорийских местонахождений была также в том, что среди позднеашельских изделий встречались единичные крупные и грубо отделанные рубила, а также пики из риодацита. Это говорило о наличии в данном районе отложений с более древними ашельскими индустриями, что побудило к их специальному поиску в карьерах и обнажениях террас.

Успех пришел не сразу, но через несколько лет в Лорийской котловине удалось найти такие стратифицированные памятники (Любин, Беяева 2010; Беяева, Любин 2012; 2013; 2014). Среднеашельская индустрия была обнаружена на юго-западе Лорийской котловины в палеопочвах, которые залегают в верхней части отложений в карьере Куртан I (рис. 1). Формирование этих слоев, судя по изотопным датировкам и палеомагнитным показателям, происходило в конце раннего — начале среднего плейстоцена. Заготовками изделий служили в основном плитчатые обломки и — редко — отщепы местного базальта и риолита плохого качества. Наряду с мелким орудийным инвентарем (скребла, скребки, острия) присутствуют единичные массивные рубила, а также более многочисленные пики и чопперы небольших размеров. Сходная индустрия, изготовленная в основном из плитчатых обломков дацита, была найдена в палеопочве, залегающей в верхней части разреза в пункте Мурадово на западе Лорийской котловины, в предгорьях Джавахетского хребта (рис. 1).

Нижележащие галечно-валунные отложения Мурадово, которые определяются как пролювий, содержат более архаичную ашельскую индустрию с более крупными и грубо отделанными рубилами, пиками и чопперами. Имеются также макро-ножи и крупные долотовидные орудия. Мелкоразмерный инвентарь представлен в основном разнообразными скреблами, скребками, остриями и долотовидными формами. Основными заготовками служили плитчатые обломки риодацита. Аналогичная индустрия из риодацита, включающая как мелкий инвентарь, так и чопперы, пики, массивные грубые рубила (рис. 2, 2), долота и макро-ножи, была обнаружена поблизости в карьере Карахач (рис. 1). Эти изделия залегали в мощной пачке пролювиальных отложений, перекрытых многометровой толщей спрессованного вулканического пепла с пирокластами (туф), что дало возможность получить серию из шести уран-свинцовых датировок в диапазоне $1,75 \pm 0,02$ — $1,944 \pm 0,046$ млн л. н. (Presnyakov et al. 2012). Палеомагнитный анализ показал обратную намагниченность толщи туфа и прямую намагниченность нижележащих культуросодержащих отложений, что с учетом датировок позволяет отнести ашельские слои Карахача к раннему плейстоцену, а именно к эпизоду Олдувай и началу заключительной фазы эпохи Матуяма (Trifonov et al. 2015). Это означает, что индустрия Карахача и,

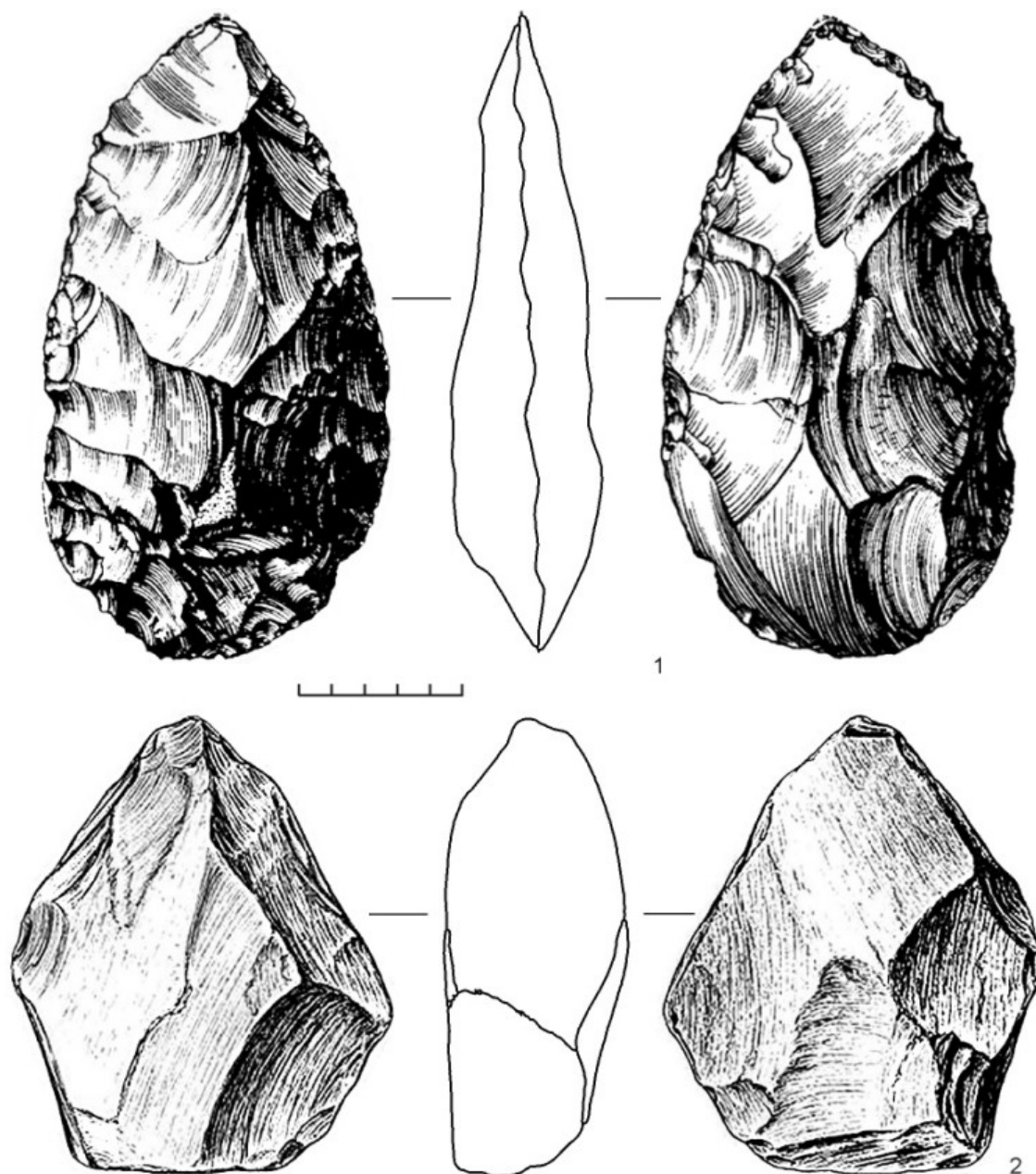

Рис. 2. Рубила: 1 — позднеашельское из обсидиана, Джрабер, долина Раздана, сборы В. П. Любина; 2 — раннеашельское из риодацита, Карахач, Лорийская котловина; раскопки В. П. Любина и Е. В. Беляевой

Fig. 2. Handaxes: 1 — Late Acheulean of obsidian, Dzhraber, Razdan valley, V. P. Lyubin's finds; 2 — Early Acheulean of rhyodacite, Karahach, Lori depression; V. P. Lyubin's and E. V. Belyaeva's excavations

видимо, сходная с ней древнейшая индустрия Мурадово представляют собой ранний ашель (Беляева, Любин 2013; 2014).

По мере расширения поисковых работ на севере Армении стали обнаруживаться всё новые пункты с раннеашельскими изделиями. Несколько лет назад сотрудничавший с армяно-российской экспедицией Д. В. Ожерельев (ИА РАН) и автор

этих строк вместе с группой специалистов из ГИН РАН, возглавляемой В. Г. Трифоновым, произвели геологическое и археологическое обследование разрезов ранне- и среднелейстоценовых отложений в межгорных впадинах к западу от Лорийской котловины (Трифонов и др. 2017). Каменные изделия раннеашельского облика (пики, грубые рубила, чопперы) были обнаружены в двух раннелейстоценовых разрезах — Агворик на севере Верхнеахурянской котловины и Джрадзор на северо-западе Ширакской котловины (рис. 1). В самое последнее время изделия раннеашельского типа (грубые рубила, чопперы, пики) были собраны автором этих строк в пяти пунктах (Привольное, Кохес, Мгарт, Аревацаг, Ардви) в предгорьях Сомхетского хребта в восточной части Лорийской котловины. Там же, около с. Ягдан, была исследована палеопочва, перекрытая раннелейстоценовыми базальтами и содержащая изделия раннеашельского облика. Еще один пункт, где были обнаружены пик и чопперы, находится у с. Дзорамут, на севере котловины, в предгорьях этого же хребта (рис. 1).

Таким образом, палеолитический отряд армяно-российской экспедиции во главе с В. П. Любиным не только открыл в Лорийской области новый район концентрации позднеашельских памятников, но и впервые обнаружил там бесспорные свидетельства присутствия в Армении индустрий среднеашельского и раннеашельского времени. Если Лорийская группа позднеашельских местонахождений, как и подобные пункты, ранее найденные В. П. Любиным в районе Джрабера, существенно увеличили массив материалов этого периода, то выявление намного более древних ашельских памятников можно оценить как подлинный научный прорыв. Анализ полученных коллекций каменных изделий и комплексных естественно-научных данных привел к пересмотру прежних представлений о первоначальном заселении Армении и всего Кавказа, удревнив его более чем на миллион лет. Были сделаны важнейшие выводы о том, что ашель региона сопоставим по возрасту с аналогичными индустриями Африки и имеет преимущественно местные корни, а формирование и развитие составляющих его индустрий во многом определялись спецификой сырьевой базы (Беляева, Любин 2014). Эти результаты, полученные под руководством В. П. Любина, стали чрезвычайно ценным вкладом не только в армянское палеолитоведение, но и в мировую преисторическую науку.

Литература

- Азизян, Любин 1983 — Азизян Г. А., Любин В. П. Обсидиановый бифас из Армении // КСИА. 1983. Вып. 173. С. 71–73.
- Арешян 1991 — Арешян Г. Новая ашельская стоянка в Апаранском районе // *Hayastani Hanrapetutyunum 1989–1990 tt. dashtayin hnagitakan ashkhatankneri ardyunknerin nvirvats gitakan nstashrjan, Zekutsumneri tezisner* (Тезисы докладов конференции, посвященной результатам полевых работ в Армении в 1989–1990 гг.). Ереван, 1991. С. 4–5 (на арм. яз.).
- Асланян 1956 — Асланян А. Т. Об открытии нижнего палеолита в Ленинанканской котловине и его геологическом значении // Долуханова Н. И., Егоян В. Л. (отв. ред.). Вопросы геологии и гидрогеологии Армянской ССР. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1956. С. 14–19.

- Асланян и др. 2007 — *Асланян С. А., Беляева Е. В., Колтаков Е. М., Любин В. П., Саркисян Г. М., Суворов А. В.* Работы армяно-российской археологической экспедиции в 2003–2006 гг. // ЗИИМК. 2007. № 2. С. 142–154.
- Байбуртян 1938 — *Байбуртян Е. А.* Орудия труда в древней Армении // Известия Армянского филиала АН. Ереван, 1938. № 1. С. 193–231.
- Барсегян 1959 — *Барсегян Л.* Палеолитическая стоянка на севере Армении // Историко-филологический журнал. Ереван, 1959. № 3. С. 396–397.
- Беляева, Любин 2012 — *Беляева Е. В., Любин В. П.* Первые данные о ранних этапах ашеля на Кавказе // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 28–36.
- Беляева, Любин 2013 — *Беляева Е. В., Любин В. П.* Ашельские памятники Северной Армении // Молодин В. И., Шуньков М. В. (отв. ред.). Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию академика А. П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 37–52.
- Беляева, Любин 2014 — *Беляева Е. В., Любин В. П.* Новый взгляд на развитие ашеля на Кавказе // Савинов Д. Г. (отв. ред.), Мурашкин А. И. (отв. ред.), Дороничева Е. В. (ред.). Проблемы археологии эпохи камня: Сб. ст. к 70-летию В. И. Беляевой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 189–214 (Тр. исторического факультета СПбГУ. Т. 18).
- Богачёв 1940 — *Богачёв В. В.* К вопросу о геологическом возрасте некоторых третичных свит Армении // Известия АН СССР. 1940. № 1. С. 53–69.
- Демехин 1956 — *Демехин А. П.* О находке обсидиановых орудий палеолитического типа в Армении // Долуханова Н. И., Егоян В. Л. (отв. ред.). Вопросы геологии и гидрогеологии Армянской ССР. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1956. С. 11–13.
- Ерицян, Гаспарян 2010 — *Ерицян Б. Г., Гаспарян Б. З.* Комплекс галечных орудий местонахождения каменного века Мушакан-1 (Армения) // Гамбашидзе Г. (отв. ред.). Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Сб. ТД МК. Тбилиси: Меридиани, 2010. С. 151–153.
- Ерицян и др. 1996 — *Ерицян Б. Г., Тадевосян С. В., Гаспарян Б. З.* Культурные особенности материалов местонахождения каменного века Джрабер // Записки Ереванского университета. 1996. № 3. С. 125–139.
- Ерицян, Казарян 1977 — *Ерицян Б. Г., Казарян Г. П.* Работы Лусакертской экспедиции // АО 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 498–499.
- Ерицян, Коробков 1979 — *Ерицян Б. Г., Коробков И. И.* Исследование палеолитических памятников в среднем течении р. Раздан // АО 1978 года. М.: Наука, 1977. С. 519–520.
- Замятнин 1947 — *Замятнин С. Н.* Находки нижнего палеолита в Армении // Известия АН Армянской ССР. Общественные науки. Ереван, 1947. № 7. С. 15–25.
- Замятнин 1950 — *Замятнин С. Н.* Изучение палеолитического периода на Кавказе за 1936–1948 гг. // Материалы по четвертичному периоду СССР. Вып. 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. С. 127–139.
- Казарян 1986 — *Казарян Г. П.* Верхнеашельское местонахождение Атис I // АО 1984 года. М.: Наука, 1986. С. 433–434.
- Кулаков 1991 — *Кулаков С. А.* Нижнепалеолитические мастерские Кавказа. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1991. 16 с.
- Любин 1961 — *Любин В. П.* Верхнеашельская мастерская Джрабер (Армения) // КСИА. 1961. Вып. 82. С. 59–67.
- Любин 1977 — *Любин В. П.* Ашельская эпоха на Кавказе // Новейшие достижения советских археологов. Всесоюзная конф.: Тезисы пленарных докладов. М., 1977. С. 3–4.

- Любин 1984 — Любин В. П. Ранний палеолит Кавказа // Борисковский П. И. (отв. ред.). Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. С. 45–94 (Археология СССР).
- Любин 1989 — Любин В. П. Палеолит Кавказа // Борисковский П. И. (отв. ред.). Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л.: Наука, 1989. С. 7–142 (Палеолит мира).
- Любин 1998 — Любин В. П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. 192 с. (АИ. Вып. 47).
- Любин, Бальян 1961 — Любин В. П., Бальян С. П. Новые находки культуры палеолита на вулканическом нагорье Армянской ССР // Доклады АН Армянской ССР. 1961. Т. 33, № 2. С. 67–72.
- Любин, Беляева 2004 — Любин В. П., Беляева Е. В. Стоянка *Homo erectus* в пещере Кударо I (Центральный Кавказ). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 272 с.
- Любин, Беляева 2006 — Любин В. П., Беляева Е. В. Ранняя преистория Кавказа. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 108 с.
- Любин, Беляева 2010 — Любин В. П., Беляева Е. В. Новые данные о раннем палеолите Армении // Васильев С. А., Щелинский В. Е. (ред.). Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 107–126.
- Матюхин 1981 — Матюхин А. Е. Технология изготовления и типология бифасов Сатани-дара // КСИА. 1981. Вып. 165. С. 12–16.
- Паничкина 1950 — Паничкина М. З. Палеолит Армении. Л.: Изд-во ГЭ, 1950. 109 с.
- Паничкина 1953 — Паничкина М. З. Шелльский комплекс древнепалеолитического местонахождения Сатани-дар // Окладников А. П. (ред.). Палеолит и неолит. Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 9–38 (МИА СССР. № 39).
- Пиотровский 1943 — Пиотровский Б. Б. Новая страница древнейшей истории Кавказа // Известия Армянского филиала Академии наук. 1943. № 1. С. 53–69.
- Сардарян 1954 — Сардарян С. А. Палеолит в Армении. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1954. 185 с.
- Трифонов и др. 2017 — Трифонов В. Г., Шалаева Е. А., Саакян Л. Х., Бачманов Д. М., Лебедев В. А., Трихунков Я. И., Симакова А. Н., Авагян А. В., Тесаков А. С., Фролов П. Д., Любин В. П., Беляева Е. В., Латышев А. В., Ожерельев Д. В., Колесниченко А. А. Четвертичная геотектоника новейших впадин Северо-Западной Армении // Геотектоника. 2017. № 5. С. 42–64.
- Adler et al. 2012 — Adler D. S., Yeritsyan B., Wilkinson K., Pinhasi R., Bar-Oz G., Nahapetyan S., Mallol C., Berna F., Bailey R., Schmidt B. A., Glauberman P., Wales N. and Gasparyan B. The Hrazdan Gorge Palaeolithic project, 2008–2009 // Avetisyan P., Bobokhyan A. (eds.). Archaeology of Armenia in Regional Context: Proceedings of the International Conference dedicated to the 50th Anniversary of the Institute of Archaeology and Ethnography Held on September 15–17, 2009 in Yerevan. Yerevan: National Academy of Sciences of the Republic of Armenia; Gitutyun, 2012. P. 21–37.
- Egeland et al. 2014 — Egeland Ch. P., Gasparian B., Arakelyan D., Nicholson C. M., Petrosyan A., Ghukasyan R., Byerly R. M. Reconnaissance survey for Palaeolithic sites in the Debed River Valley, Northern Armenia // Journal of Field Archaeology. 2014. Vol. 39, iss. 4. P. 370–386.
- Fourlobey et al. 2003 — Fourlobey C., Beauval C., Colonge D., Liagre J., Ollivier V., Chataigner C. Le Paleolithique en Arménie: état des connaissances acquises et données récentes // Paléorient. 2003. Vol. 29, no. 1. P. 5–18.
- Gasparyan et al. 2014 — Gasparyan B., Adler D., Egeland Ch., Azatyan K. Recently Discovered Lower Paleolithic Sites of Armenia // Gasparyan B., Arimura M. (eds.). Stone age of Armenia. Monograph of the JSPS-Bilateral Joint Research Project. Center for Cultural Resource Studies, Kanazawa University, 2014. P. 37–64.

- Kolpakov 2009 — *Kolpakov E.* The Late Acheulian site of Dashtadem 3 in Armenia // *Paleoanthropology*. 2009. P. 3–31.
- Lyubin, Belyaeva 2013 — *Lyubin V. P., Belyaeva E. V.* Paleolithic Armenia // Simonyan H. (ed.). *Archaeological heritage of Armenia*. Yerevan: Hushardzan Publishers, 2013. P. 15–18.
- de Morgan 1909 — *de Morgan J.* Les stations préhistoriques de l'Alagheuz (Arménie russe) // *Revue de l'École d'Anthropologie de Paris*. Paris, 1909. P. 189–203.
- Muhsen 1985 — *Muhsen S.* L'Acheuleen recent evoule de Syrie. Oxford, 1985. 261 p. (BAR IS. 248).
- Presnyakov et al. 2012 — *Presnyakov S. L., Belyaeva E. V., Lyubin V. P., Radionov N. V., Antonov A. V., Saltykova A. K., Berezhnaya N. G., Sergeev S. A.* Age of the earliest Paleolithic sites in the northern part of the Armenian Highland by SHRIMP-II U-Pb geochronology of zircons from volcanic ashes // *Gondwana Research*. 2012. No. 21. P. 929–938.
- Trifonov et al. 2015 — *Trifonov V. G., Lyubin V. P., Belyaeva E. V., Lebedev V. A., Trikhunkov Ya. I., Tesakov A. S., Simakova A. N., Veselovsky R. V., Latyshev A. V., Presnyakov S. L., Ivanova T. P., Ozhereliev D. V., Bachmanov D. M., Lyapunov S. M.* Stratigraphic and tectonic settings of Early Paleolithic of North-West Armenia // *QI*. 2015. Vol. 420. P. 178–198. DOI: 10.1016/j.quaint.2015.08.019.

HISTORY OF ACHEULEAN STUDIES IN ARMENIA AND V. P. LYUBIN'S CONTRIBUTION

E. V. BELYAEVA

Key words: *Armenia, Acheulean, history of research, V. P. Lyubin.*

The first Acheulean sites in Armenia were discovered in the middle of the last century in the Hrazdan River valley (Arzni, Nurnus etc.) and near the Arteni volcano (Satani-dar). The surface collections included flattened and carefully fashioned bifaces accompanied by Levallois products, both indicative of the Late Acheulean age. In the 1960's V. P. Lyubin discovered a new large group of surface occurrences with analogous artifacts in the Hrazdan basin. For a long time only such non-stratified Late Acheulean industries based on obsidian were known in Armenia. In the beginning of the XXI century the Paleolithic team of the Armenian-Russian expedition headed by V. P. Lyubin discovered in the north of Armenia (Lori depression) numerous localities with predominantly Late Acheulean but also some more archaic artifacts made of dacitic rocks. In addition, the first four stratified sites with much older Middle and Early Acheulean inventories were found in this area. Judging by the available absolute dates and paleomagnetic evidence, the Acheulian tool-makers were present in the region as early as 1.8 mya. These discoveries shed a new light on the early prehistory of Armenia and the entire Caucasus.

В. П. ЛЮБИН, ЗАБАЙКАЛЬЕ И LGM

М. В. КОНСТАНТИНОВ¹

Ключевые слова: *В. П. Любин, Забайкалье, палеолит, Толбага, ледниковый максимум, типологический пасьянс, наставничество, научные публикации.*

В. П. Любин, проводя исследования на Кавказе, оказывал влияние на все отечественное палеолитоведение. По его работам коллеги и особенно молодые археологи учились детальности анализа стратиграфии памятников, глубинному пониманию технологии и тщательности построения типологии каменных индустрий. В. П. Любин внимательно относился к процессу развития представлений о палеолите Сибири. Его соображения о ледниковом максимуме, получившем ныне определение LGM, оказались применимы и к сибирским памятникам палеолита. С особым интересом он относился к Забайкалью, с которым его связала фронтовая судьба. Комментарии В. П. Любина при его знакомстве с забайкальскими палеолитическими материалами являли собой удивительный пример научного проникновения в тайны каменных индустрий. Выступления В. П. Любина на заседаниях отдела палеолита и диссертационных советах были яркими, запоминающимися и доброжелательными. Теперь уже, к сожалению, приходится употреблять слово «были»...

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-22-70-75

С бескрайними забайкальскими степями Василий Прокофьевич Любин повстречался в годы войны. Вместе со своей войсковой частью капитан Любин выдвигался к государственной границе СССР. Предстояло освобождение Северного Китая от японских милитаристов. Переходы были длинными, дни — голодными, ситуация — тревожной. Спасали фронтовой опыт, закалка и жизненный оптимизм, сцементированные Великой Победой над фашистами...

Об этом походе мне довелось услышать рассказ от самого Василия Прокофьевича.

То было в 1975 г., во время моей первой командировки в ЛОИА. После одного из заседаний отдела палеолита мы случайно встретились на выходе из Ново-Михайловского дворца. Вместе шли по набережной Невы, вдоль Эрмитажа, через Дворцовый мост на Стрелку Васильевского острова, к Кунсткамере, и далее к зданию Двенадцати коллегий — маршрут для ленинградцев обычный, а для приезжего молодого археолога, почти незнакомого с северной столицей, весьма примечательный.

¹ Исторический факультет, Забайкальский ГУ, г. Чита, 672039, Россия.

Был зимний день со снегом и ветром. Забайкальцу, в привычной для наших студенческих мест одежде, серьезных проблем такая погода не составляла. Напротив, моему старшему коллеге в его осеннем пальто, продуваемом, судя по всему, насквозь, было зябко. В ответ на мой немой вопрос он пояснил, что ему предлагали приобрести шубу, но он решил, что «на его век достаточно и того, что имеется». Отмечу, что тогда Василию Прокофьевичу было 57 лет.

На стенде «Они сражались за Родину», размещенном в парадном коридоре ЛОИА, под фотографиями были представлены биографические справки фронтовиков. Год рождения В. П. Любина — 1918-й — тот же, что и моей матушки, и поэтому он мне сразу запомнился.

К счастью, и личному, и общественному, жизненный и научный век Василия Прокофьевича оказался удивительно полноценным!

Ученый с фронтовой судьбой уже тогда, в 1970-х гг., выдающийся археолог, многие дальнейшие десятилетия продолжает неустанно творить на благо науки и на пользу общества!

И ныне, в свое прекрасное 100-летие, Василий Прокофьевич Любин остается флагманом отечественного палеолитоведения и в полной мере является примером в том, как надо мыслить и как надо жить.

«Разложим пасьянс, — предлагал мудрый исследователь своим ученикам, учающим кавказские или, например, алтайские коллекции, — и посмотрим, как все это выглядит в целом и по частностям».

В тот раз, будучи аспирантом А. П. Окладникова, я доставил в ЛОИА коллекцию верхнепалеолитической Толбаги, ее наиболее выразительную часть, несколько сот артефактов. Камни были разложены на зеленом сукне длинного стола, за которым проходили заседания отдела палеолита. Вокруг стола собрались сотрудники отдела, все те, кого я раньше знал только заочно как авторов важнейших публикаций. И я удивлялся тому, что все они, оказывается, работают в одном институте. Павел Иосифович Борисковский, в то время заведующий отделом палеолита, и ведущие сотрудники, такие как Василий Прокофьевич Любин, Зоя Александровна Абрамова, Сергей Никитич Астахов, Нина Николаевна Гурина, Игорь Ильич Коробков, Галина Фёдоровна Коробкова, Николай Дмитриевич Праслов, Геннадий Павлович Григорьев, Галина Васильевна Григорьева, Николай Кузьмич Анисюткин, Вячеслав Евгеньевич Щелинский (прошу извинить, что не перечислил всех!), — все они с удовольствием знакомились с коллекцией, высказывая свои соображения. Коллекция оставалась на столе еще пару дней, и мне запомнилось, что Василий Прокофьевич несколько раз просматривал артефакты и перемещал их по столу, группируя между собой так, как ему представлялось правильным (это и называлось пасьянсом!). Для меня было очень важно то, что известный специалист по палеолиту согласился со мной в том, что в толбагинской коллекции присутствует несколько леваллуазских нуклеусов, поскольку с пониманием леваллуазской техники в Сибири была большая неурядица. Существенным оказался и расклад орудий. Оформилась приличная группа долотовидных орудий, которую я раньше не выделял. Затем зашел спор о том, есть ли в толбагинской индустрии фрагментация пластин. Это была моя идея, я ее отстаивал. Василий Прокофьевич проверял меня на прочность и предостерегал от абсолютизации.

Ко времени визита в ЛОИА мне были известны несколько статей В. П. Любина. Они были посвящены палеолитическим памятникам Кавказа, таким как Малая Воронцовская пещера на Черноморском побережье и пещера Кударо 3 в Южной Осетии (Любин, Соловьёв 1971; Любин, Левковская 1972). По ним я учился принципам типологии и нюансам описания каменных артефактов. В этом отношении значение исследований выходило далеко за пределы Кавказа.

Особый интерес представляла статья В. П. Любина в томе «Каменный век на территории СССР». Она была посвящена нижнему палеолиту. В ней для себя я заметил такие строки: «Внимание к качественным и культурным различиям в составе культурных остатков ашельских и мустьерских памятников — главный источник познания экономической и социальной жизни древнейших людей» (Любин 1970: 35). Такой подход был, на мой взгляд, приемлемым и для верхнего палеолита Сибири, но ведущей в то время оставалась идея о полном единстве культуры на всей этой огромной территории. В той же обобщающей статье впервые применительно ко всей территории нашей страны была отмечена возможность заселения ашело-мустьерским человеком Алтая и Южной Сибири (Там же: 27). Это стало подтверждаться благодаря открытию алтайской Улалинки и других памятников (Окладников 1972).

В 1977 г. вышла из печати монография В. П. Любина «Мустьерские культуры Кавказа» (Любин 1977), которая стала классическим трудом по палеолитоведению, а вместе с тем учебником для молодого поколения археологов. В 1989 г. в книге «Палеолит Кавказа и Северной Азии» в серии «Палеолит мира» примечательно объединились два очерка по отдаленным, но сравнимым по археологическим параметрам территориям. Их авторы — В. П. Любин и З. А. Абрамова (Любин 1989; Абрамова 1989). Такая публикация ориентировала сибирских палеолитчиков на освоение опыта изучения палеолита Кавказа, в том числе в плане изучения пещерных памятников.

Для меня весьма памятно обсуждение моей кандидатской диссертации по теме «Палеолит Хилка и Чикоя (Юго-Западное Забайкалье)» (Константинов 1979) на отделе палеолита ЛОИА, согласившегося взять на себя обязанности ведущей организации. Обсуждение было заинтересованным, горячим и творческим. Задавалось много вопросов. Их полагалось сначала записывать, а затем обстоятельно отвечать. Один из вопросов Василия Прокофьевича Любина вызвал у меня затруднение. Он спросил о том, есть ли в разрезах отложений палеолитических памятников Забайкалья следы большого холода на уровне 20 тыс. л. н., отмечаемого в Европе? В моей диссертации по этому вопросу сведений не было. Но мне уже тогда стало понятно, что я по этому вопросу что-то недосмотрел, и обозначил для себя эту проблему как важную.

В дальнейшем соображения В. П. Любина полностью подтвердились. Наличие значительного холода в период от 20 до 18 тыс. л. н. отметил по археологическим памятникам Сибири выдающийся геолог С. М. Цейтлин (1979). С его помощью мерзлотные нарушения в отложениях гыданьского периода сартанского оледенения были зафиксированы на забайкальских палеолитических поселениях Куналей, Приисковое и др. (Константинов 1994). В последнее время тема большого холода в указанный период стала особенно актуальной, что нашло отражение в исследованиях отечественных и зарубежных авторов. Она получила обозначение LGM — последний ледниковый максимум (Изухо и др. 2013). По наиболее радикальным соображениям, холод был такой силы, что население полностью покинуло Сибирь

и вернулось только с относительным потеплением. Мне представляется, что, несмотря на большой холод, население при возможном небольшом оттоке сохранялось в Сибири, в том числе в Забайкалье. Доказательством этого является такой памятник, как Санный Мыс, в шестом культурном слое которого найдено замечательное жилище с массивной внешней обкладкой и тремя очагами внутри. Выявлены культурные слои этого времени и на таких поселениях, как Усть-Менза-2, Студёное-2, Куналей (Константинов 1994; 2013). Наблюдения В. П. Любина по европейской территории оказались полезными и для понимания структуры сибирского палеолита.

Докторскую диссертацию мне посчастливилось защищать в ИИМК (так в новых условиях стал обозначаться ЛОИА). Как и полагалось, защите предшествовал ряд творческих обсуждений. В итоге мне разрешили представить диссертацию в виде монографии «Каменный век восточного региона Байкальской Азии» (Константинов 1994). Защита состоялась в 1995 г. В рамках научной дискуссии с развернутым анализом диссертации выступил В. П. Любин. Он вновь обратился к фазе максимального холода, на этот раз в связи с биостратиграфией. В протоколе диссертационной защиты зафиксировано такое суждение: «Нужно сказать, что биостратиграфия совершенно в данной работе не прозвучала. Может быть, только где-то упомянута: где-то на рубеже 18–20 тыс. л. н. мы имеем всплеск развития носорожьей фауны. Видимо, этот регион (насколько мне известно) и вообще регионы такого рода не дают благодатного материала для такого рода определений, для того чтобы опираться на биостратиграфию. Период небольшой, климат резко континентальный. Очевидно, больших перепадов не было в составе фауны, и опираться на эти критерии очень сложно. Что касается литологостратиграфии, то она здесь работает, и превосходно работает» (Константинов 2008: 153). Этот научный анализ представляется замечательно точным. Действительно, от 20 до 18 тыс. л. н. был большой холод и, наверное, имел место всплеск носорожьей фауны, но установить его для территории, где носороги были главным видом животных во все фазы верхнего плейстоцена вплоть до его финала, на достигнутом уровне знаний невозможно. Примерно так же обстоит дело и с другими видами животных, включая фауну грызунов. В. П. Любин совершенно правильно представил забайкальские плейстоценовые ландшафты как степные, очень холодные и аридные.

Мне думается, что при этом Василий Прокофьевич вспоминал ту забайкальскую степь, которая запомнилась ему с военной поры!

Василий Прокофьевич поддержал все основные позиции, освещенные в диссертации, заключив, что «создан новый палеолитический центр в Сибири. В нашей стране не так уж много в провинции центров такого крупного калибра. А этот центр новый, но уже сформировавшийся, потому что есть уже кадры, есть ученики, есть школа» (Константинов 2008: 153–154).

Диссертационный совет ИИМК поддержал положительное заключение, данное оппонентами, В. П. Любиным и другими учеными.

Такая оценка высокой научной инстанции придавала уверенность в правильности методов нашей работы и в основных теоретических выводах. Последующее двадцатилетие читинская школа археологов старалась соответствовать высоким критериям науки, присущим деятельности ИИМК.

В нынешние годы читинские студенты помимо забайкальских экспедиций трудятся в экспедиции ИИМК, действующей на территории Армении. Под началом неутомимого Василия Прокофьевича Любина и его заботливой супруги Елены Владимировны Беляевой они раскапывали нижнепалеолитические стоянки, датированные от 0,5 до 2 млн л. Молодые археологи, прошедшие полевую школу В. П. Любина, намерены обнаружить такие же древности в Забайкалье. Уверен, что они вскоре приедут с научными докладами в Отдел палеолита ИИМК!

Литература

- Абрамова 1989 — *Абрамова З. А.* Палеолит Северной Азии // Борисковский П. И. (отв. ред.). Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л.: Наука, 1989. С. 145–243 (Палеолит мира).
- Изухо и др. 2013 — *Изухо М., Бувит Й., Терри К.* Введение: текущие исследования последнего ледникового максимума в доисторический период развития северо-восточной Азии // Гуманитарный вектор. Серия: История. Политология. Чита: Изд-во Забайкальского ГУ, 2013. № 3 (35). С. 9.
- Константинов 1979 — *Константинов М. В.* Палеолит Хилка и Чикоя (Юго-Западное Забайкалье): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1979. 18 с.
- Константинов 1994 — *Константинов М. В.* Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита: Байкальский НЦ СО РАН; Читинский госпединститут, 1994. 265 с.
- Константинов 2008 — *Константинов М. В.* Провинциальная археология. Чита: Изд-во Забайкальского ГУ, 2008. 295 с.
- Константинов 2013 — *Константинов М. В.* Археология Забайкальского края: верхний палеолит // Гуманитарный вектор. Серия «История. Политология». 2013. № 3 (35). Чита: Забайкальский ГУ, 2013. С. 10–11.
- Любин 1970 — *Любин В. П.* Нижний палеолит // Формозов А. А. (отв. ред.). Каменный век на территории СССР. М.: Наука, 1970. С. 19–42 (МИА СССР. № 166).
- Любин 1977 — *Любин В. П.* Мустьерские культуры Кавказа. Л.: Наука, 1977. 223 с.
- Любин 1989 — *Любин В. П.* Палеолит Кавказа // Борисковский П. И. (отв. ред.). Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л.: Наука, 1989. С. 9–144 (Палеолит мира).
- Любин, Левковская 1972 — *Любин В. П., Левковская Г. М.* Пещера Кударо III (Юго-Осетия) // Абрамова З. А., Праслов Н. Д. (отв. ред.). Палеолит и неолит СССР. Л.: Наука, 1972. Т. 7. С. 25–40 (МИА СССР. № 185).
- Любин, Соловьёв 1971 — *Любин В. П., Соловьёв Л. Н.* Исследование Малой Воронцовской пещеры на Черноморском побережье Кавказа (Раскопки 1950, 1951, 1964 гг.) // Борисковский П. И. (отв. ред.). Палеолит и неолит СССР. Л.: Наука, 1971. Т. 6. С. 7–40 (МИА СССР. № 173).
- Окладников 1972 — *Окладников А. П.* Улалинка — древнепалеолитический памятник Сибири // Абрамова З. А., Праслов Н. Д. (отв. ред.). Палеолит и неолит СССР. Л.: Наука, 1972. Т. 7. С. 7–19 (МИА СССР. № 185).
- Цейтлин 1979 — *Цейтлин С. М.* Геология палеолита Северной Азии. М.: Наука, 1979. 286 с.

V. P. LYUBIN, TRANSBAIKALIA AND LGM

M. V. KONSTANTINOV

Keywords: *V. P. Lyubin, Transbaikalia, Paleolithic, Tolbaga, Glacial Maximum, typological solitaire, mentoring, scholarly publications.*

Though V. P. Lyubin's studies were mainly confined to the Caucasus, he greatly influenced Russian Paleolithic archaeology as a whole. For his colleagues, and particularly younger ones, his profound knowledge and understanding of stratigraphy and stone tool typology served as guidance and inspiration. V. P. Lyubin paid close attention to the development of Paleolithic studies in Siberia. His thoughts about the Last Glacial Maximum turned out to be applicable to the Paleolithic sites of Siberia. He always expressed interest to Transbaikalia, the region he first visited as a front-line officer. The comments he made when examining Transbaikalian Paleolithic materials were a striking example of scholarly inquiry into the secrets of stone industries. V. P. Lyubin's speeches at the meetings of the Department of Paleolithic and at the Dissertation Council sessions were always bright, memorable and well-meaning. Unfortunately, we have to speak of it in the past tense now...

СТАТЬИ

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПАЛЕОЛИТА ЕВРАЗИИ

РАННИЙ ПАЛЕОЛИТ КАВКАЗА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ¹

С. А. КУЛАКОВ²

Ключевые слова: *ранний палеолит Евразии, результаты комплексных исследований археологических материалов.*

Пристальное изучение первоначального заселения и жизнедеятельности древнейших предков человека в Северной Евразии стало возможным только после сенсационных открытий, в конце XX — начале XXI в., археологических памятников возрастом древнее 1 млн лет на Южном Кавказе (Азых, Дманиси, Карахач), в Дагестане (Айникаб I, Мухкай I и II, Гегалашур III, Рубас I), на Таманском п-ове (Богатыри/Синяя Балка, Родники 1 и 2, Кермек) и в Ростовской обл. (Ливенцовка). Данные, полученные на этих стоянках и местонахождениях, полностью перевернули представления о времени и путях первоначального заселения Евразии гоминидами вида *Homo erectus*. Вместе с тем проведенные комплексные исследования этих памятников выявили ряд сложных проблем при изучении и интерпретации новых данных. В статье предлагаются варианты их решения.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-22-76-98

История вопроса

История изучения палеолита Кавказа своеобразна, богата открытиями и интересными результатами. Честь научного открытия раннего (нижнего) палеолита Кавказа принадлежит С. Н. Замятнину, который в ходе больших разведочных работ в 1930-х гг. в Сочинско-Абхазском Причерноморье собрал на поверхности морских террас серию ручных рубил. Эти находки, бесспорно, свидетельствовали о заселении этих территорий в ашельское время (Замятнин 1937). Дальнейшие поиски С. Н. Замятина и М. З. Паничкиной позволили выявить присутствие раннепалеолитических изделий, в первую очередь ручных рубил, практически на всей территории Кавказа (Замятнин 1961; Паничкина 1950). Начиная с 1950-х гг. ранний палеолит Кавказа и Предкавказья стал активно изучаться как палеолитооведами из Ленинграда и Москвы, так и археологами Азербайджана, Армении и Грузии (Васильев 2008; Кулаков 2019б). Результаты не заставили себя долго ждать. Открытие и исследования раннепалеолитических пещерных стоянок на Большом и Малом

¹ Исследование проведено в рамках выполнения программы ФНИ ГАН по теме государственного задания № 0184-2019-0001 «Древнейшие обитатели России и сопредельных стран: пути и время расселения, эволюция культуры и общества, адаптация к природной среде».

² Отдел палеолита, ИИМК РАН, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.

Кавказе позволили говорить о стабильном обживании региона древним человеком начиная со среднего ашеля (Гусейнов 2010; Любин 1984; 1998; Любин, Беляева 2004; 2006). Работы на пещерной стоянке Треугольная в 1980–1990-х гг. позволили уточнить возраст ашеля на Северном Кавказе и удревнить его до 700 тыс. л. н. (Дороничев и др. 2007).

Наряду с этим во второй половине XX в. появились данные, позволившие предположить более раннее заселение Северной Евразии, начавшееся около 1 млн л. н. На Тамани, в карьере Цимбал, среди костей, относящихся к таманскому фаунистическому комплексу, А. А. Формозовым были обнаружены артефакты (Формозов 1965). В те же годы М. М. Гусейнов выделил «куручайскую культуру» в нижних слоях Азыхской пещерной стоянки (Азербайджан), возраст которой составил более 1 млн л. (Гусейнов 2010; Зейналов, Кулаков 2017). К сожалению, общий уровень археологических знаний того времени не допускал наличие столь древних и столь северных следов деятельности самых ранних предков человека, и эти открытия были приняты настороженно и вызвали споры (Дороничев 2004; Любин 1984; 1998; Любин, Беляева 2006).

Скептическое отношение к наиболее древним находкам в пределах Южного и Северного Кавказа стало постепенно меняться после открытия и исследований стоянки Дманиси в Южной Грузии, датируемой 1,8 млн л. (Археология... 2011; Дманиси I 1998; Ниорадзе М., Ниорадзе Г. 2010). Археологический и палеоантропологический материал, полученный при исследовании Дманиси, позволил утверждать, что Южный Кавказ входил в область первоначального расселения гоминид из Африки (Bosinski 1996). Этот вывод послужил основанием для активного поиска раннего палеолита вне африканской прародины. Целенаправленные усилия российских и кавказских палеолитоведов увенчались успехом (Кулаков 2019а). В результате многолетних междисциплинарных исследований раннепалеолитических памятников факт заселения Кавказской горной страны и Предкавказья древнейшими человеческими предками, потомками «Великой миграции», около 2 млн л. н. стал общепринятым. Этот регион в то время входил в единую зону доступной суши между Апшеронским бассейном Каспия и Гурийским бассейном Чёрного моря. Носителями первой волны миграций гоминид были, судя по находкам в Дманиси, *Homo ergaster* — *Homo erectus* (Деревянко 2009; Зубов 2012). Это эпохальное событие фиксируется находками памятников раннего палеолита на Южном Кавказе (Азых, Дманиси, Карахач), в Дагестане (Айникаб I, Мухкай I и II, Рубас I), в Ростовской обл. (Ливенцовское местонахождение) и на Таманском п-ове (Богатыри/Синяя Балка, Родники 1 и 2, Кермек, Цымбал) (Амирханов 2016; Гусейнов 2010; Деревянко и др. 2012; Кулаков 2018а; Любин, Беляева 2010; Саблин, Гиря 2010; Щелинский 2014; Щелинский и др. 2004).

Современное состояние изучения вопроса

В настоящее время на юге Русской равнины, на Северном и Южном Кавказе насчитывают около 15 раннепалеолитических памятников, датируемых от 2 млн л. до 800 тыс. л., которые свидетельствуют о первоначальном заселении этого региона первыми представителями рода *Homo*, вышедшими из Африки. Все эти памятники имеют различную сохранность и вследствие этого изучены в разной степени.

Наиболее полно на настоящий момент исследованы многослойные стратифицированные стоянки Дманиси в Южной Грузии (Lumley et al. 2005), Дарвагчай I и Рубас I в Приморском Дагестане (Анойкин 2010; Деревянко и др. 2012), стоянки Айникаб I и Мухкай I, II в Горном Дагестане (Амирханов 2016; Ожерельев 2017; Таймазов 2010), стоянки Богатыри/Синяя Балка, Родники 1, 2 и Кермек на Тамани (Щелинский 2013; Щелинский, Кулаков 2007; 2009; Щелинский и др. 2010). Многолетние комплексные работы на этих памятниках показали их гомогенность и неслучайность обнаружения каменных изделий вместе с остатками фауны в этих пунктах. Это, действительно, были места жизнедеятельности древнейших представителей рода *Homo*, которые удачно законсервировались, сохранились и дошли до наших дней. Коллекции каменных изделий каждого из указанных памятников насчитывают не одну сотню бесспорных артефактов, включая нуклеидные изделия, различные сколы и орудийные формы. Геоморфологическое положение культуросодержащих отложений на этих памятниках, при всей своей сложности, по мере углубления исследований становится все более понятным и не противоречит такому древнему возрасту памятников.

Каменные индустрии раннепалеолитических памятников Северной Евразии входят в круг индустрий олдованской технологической стадии и имеют общие африканские корни. Развитие олдованских индустрий во времени и пространстве определялось количеством и, главное, качеством местного каменного сырья, объемом пищевых ресурсов и конкретными возможностями добычи мясной пищи (Амирханов 2016; Кулаков 2018а; Щелинский 2014; Щелинский, Кулаков 2007; 2009; Lumley et al. 2005). Носители индустрий олдованской стадии появились и расселились на Южном и Северном Кавказе и на юге Русской равнины около 2 млн л. н., хорошо адаптировались к конкретным природным условиям этих районов и проживали здесь очень длительное время, по всей видимости, более 1 млн л. Последним проявлением олдованской технологии на Кавказе можно рассматривать индустрии нижних слоев стоянки в пещере Треугольной в Карачаево-Черкесии (Кулаков 2018б).

При непредвзятом исследовании археологических памятников древнее 1 млн л. в этом регионе Евразии можно увидеть отличительные черты, как представляется, самого первого способа адаптации *Homo erectus* к конкретным природным условиям (Зубов 2012: 26). Этот способ получил наименование «прибрежная адаптация», когда раннепалеолитические памятники приурочены к берегам крупных водных бассейнов (морских заливов, озер, дельтам крупных рек и т. п.). Вместе с этим раннепалеолитические памятники приурочены к местам скопления фауны, где были обнаружены палеонтологические местонахождения (ловушки). Обязательным признаком является то, что раннепалеолитические памятники базируются на местном каменном сырье и располагаются, как правило, в непосредственной близости от его источников. Все доступные разновидности каменного сырья в месте обитания человеческих коллективов в раннем палеолите опробуются и используются.

Однако «прибрежный» способ адаптации первых гоминид был не единственным. На Кавказе достоверно зафиксирован еще один вид адаптации человеческих коллективов — использование пещер как убежищ, зародившийся в Африке и через Аравию принесенный первыми поселенцами в Кавказскую горную страну. Пещерные стоянки Азых и Треугольная свидетельствуют о возникновении и длительном

использовании представителями рода *Homo* такого способа адаптации к природным условиям Евразии.

По имеющимся в настоящее время данным ашель, как и предшествовавший ему олдован, зародился в Африке и датируется примерно 1,6 млн л. н. В отличие от предшественников носители ашельских индустрий распространились по всей доступной тогда земной суше гораздо быстрее и гораздо обширнее, вплоть до Юго-Восточной Азии (Деревянко 2014; Любин 1998). До сих пор самым древним ашельским памятником вне Африки является стоянка Убейдия в Израиле, датированная 1,4 млн л. (Bar-Yosef, Goren-Inbar 1993). Ашельская стадия традиционно хронологически подразделяется на ранний, средний и поздний (верхний) ашель. Общепринятое определение этих периодов таково: ранний ашель включает индустрии раннеплейстоценового возраста, средний ашель содержит индустрии конца раннего плейстоцена — первой половины среднего плейстоцена, а поздний ашель объединяет индустрии второй половины среднего плейстоцена (Любин 1998). Длительность каждого периода развития зависела от потенциала конкретного региона и степени способности к адаптации коллективов древнейших гоминид. На роль создателей ашельских индустрий в Евразии претендуют поздние представители вида *Homo erectus* (Вишняцкий 2005; Деревянко 2009; 2014).

Ашель в раннем палеолите Кавказа представлен гораздо большим количеством материалов, чем олдован. Правда, до сих пор, к сожалению, в этом регионе найдено крайне мало стратифицированных памятников, которые представлены только пещерными стоянками (Гусейнов 2010; Дороничев и др. 2007; Любин 1984; 1998; Любин, Беляева 2004). В основном ашельские артефакты происходят из местонахождений на дневной поверхности, не имеющих, за редким исключением, надежной геологической привязки. Даже недавно обнаруженные новые ашельские памятники типа открытых стоянок пока не имеют строгого стратиграфического положения (Деревянко и др. 2012; Зейналов и др. 2014; Колпаков 2009). Поэтому присутствие ашеля в этом регионе фиксируется только по наличию ручных рубил — бифасов. Это положение применимо ко всем трем периодам ашеля на Кавказе. Примечательно, что пещерные стоянки дают небольшие серии ручных рубил, и, как правило, рубила эти имеют незаконченный вид (Гусейнов 2010; Любин 1998; Любин, Беляева 2004). Наиболее многочисленные находки ручных рубил происходят из поверхностных сборов, причем большинство этих разновременных изделий имеют законченный облик (Деревянко и др. 2012; Зейналов и др. 2014; Колпаков 2009; Любин 1984; 1998; Любин, Беляева 2006).

Морфологически самыми ранними ашельскими изделиями могут быть признаны два ручных рубила из Яштухского местонахождения в Абхазии. Одно из них, по мнению И. И. Коробкова, идентично бифасам из Латамны, индустрия которого входит «в общий круг раннего ашеля Средиземноморского региона» (Коробков 1978: 106). Не противоречит наличию следов раннего ашеля на Яштухе и выделение категории «грубых рубящих орудий» (Замятнин 1961: табл. IX–XII), среди которых В. П. Любин и Е. В. Беляева выделили 23 выразительных «чоппера и чоппинга» (Любин, Беляева 2011б: 31–33, рис. 10–20). Прямым доказательством присутствия на Кавказе носителей раннеашельских индустрий стало выделение В. П. Любиным и Е. В. Беляевой уникального изделия — колуна (*hachereau sur éclat*, *flake cleaver*)

(Там же: 34, рис. 28). Само наличие этого орудия в коллекциях является ярким свидетельством проникновения на Кавказ раннепалеолитических технологий с африканскими корнями (Кулаков, Зейналов 2014). По всей видимости, к концу раннего и к среднему ашелю Кавказа можно отнести некоторые пункты сборов ручных рубил и «грубых рубящих форм» на многочисленных местонахождениях на р. Псекупс (Замятнин 1961: 63–66; Формозов 1965). Все остальные ручные рубила из кавказских местонахождений по своей морфологии обоснованно относятся авторами находок к концу ашельской стадии или даже к началу среднего палеолита. Примечательно, что многие находки бифасов сопровождались находками «грубых рубящих орудий» — чопперов (Аутлев 1963; Голованова, Доронищев 2003; Замятнин 1937; 1961; Любин 1984; 1998; Паничкина 1950; Соловьёв 1971; Формозов 1965; Щелинский 2007).

Итоги многолетнего обсуждения места кавказского ашеля среди нижнего палеолита Европы и Ближнего Востока подвели обобщающие работы В. П. Любина и Е. В. Беляевой, изданные до 2006 г. Согласно исследователям, основу нижнего палеолита Кавказа составляют «ашельские индустрии с бифасами». Ручные рубила в коллекциях при этом весьма разнообразны как хронологически, так и морфологически, присутствуют и рубила с поперечным лезвием, а именно кливеры. К изделиям с яркими морфологическими характеристиками можно отнести скребки высокой формы, чопперы и колуны. «Кавказ, таким образом, вписывается в ареал распространения приафриканских средне/позднеашельских индустрий с рубилами и кливерами» (Любин, Беляева 2004: 33).

Наряду с этими мнениями имеются и другие точки зрения на появление и развитие раннего палеолита в Северной Евразии (Деревянко 2009; Доронищев и др. 2007).

Крайне оригинальными являются выводы В. П. Любина и Е. В. Беляевой, касающиеся атрибуции коллекций каменных изделий местонахождений, открытых ими на севере Армении, недалеко (на расстоянии 30–40 км) от стоянки Дманиси (Беляева 2011; Любин, Беляева 2010; 2011а). Авторы, ориентируясь, главным образом, на особенности местного каменного сырья (крайне низкокачественного), выделили в этом районе особую ашельскую культуру. Коллекции камней, добытые на стратифицированных пунктах Даштадем, Куртан, Мурадово и Карахач, разделены авторами на две части. Первая, содержащая различные бифасы и леваллуазские индустрии, вполне обоснованно относится исследователями к среднему и позднему ашелю Армянского нагорья. Вторую часть составляют коллекции каменных предметов, изготовленных из местного вулканического «плитчатого» сырья. В эту группу входят наряду с редкими сколами нуклевидные и чопперовидные формы, многочисленные «специфические ручные рубила», «пиковидные изделия», «долотовидные изделия», «макро-ножи» и т. п. Эти специальные формы стали основанием для выделения на севере Армении особой «индустрии раннего ашеля». Весомым аргументом для этого стало получение абсолютных дат для вулканических отложений в карьерах Куртан и Карахач — более 1,9 млн л. (Беляева, Любин 2012; 2013; 2014).

Согласно авторам, «Северную Армению...» можно рассматривать «...как самостоятельную провинцию формирования и развития ашельских индустрий наряду с такими регионами, как Восточная Африка и Ближний Восток» (Беляева, Любин

2014: 201; Беляева 2018). Такой вывод возвращает нас на позиции автохтонизма, неясно, правда, на каком основании. Ведь сильно окатанные коллекции камней — «плитчатых изделий» — из новых армянских памятников, известные до сих пор только в рисунках (что всегда является авторской интерпретацией), пока малопонятны, а их интерпретация вызывает недоверие. Это касается всего «лорийского» ашельского набора категорий, главным отличием изделий которых является «грубость и массивность». Морфология камней на рисунках, переходящих из публикации в публикацию, вызывает сомнения в артефактности изделий категорий «пик», «брусковидных чопперов» и «макро-ножей», но особенно «грубых, массивных, пиковидных рубил» (Беляева 2011; Беляева, Любин 2012; 2013; 2014; Любин, Беляева 2010; 2011б), которые просто не имеют четкой двусторонней обработки.

Автохтонистская гипотеза «самостоятельного» генезиса и развития ашеля в Армении чрезвычайно оригинальна, интересна и вполне имеет право на существование при условии расширения доказательной базы ее выделения. На мой взгляд, самым сложным является вопрос о соотношении олдованской стоянки Дманиси (1,78 млн л.) и «армянского ашеля» (1,99 млн л.), который получается древнее ее, ведь памятники расположены в непосредственной близости, на расстоянии около 40 км друг от друга, на западном склоне одного и того же Джавахетского хребта (Любин, Беляева 2010). Особенно интересен вопрос, кто же тогда является изготовителем «древнейшего» ашеля в Евразии? Ведь олдованская индустрия *Нотогеоргис* из Дманиси принципиально отличается от «индустрий» армянской части этого района.

В. Е. Щелинский после начала исследований стоянки Кермек на Тамани (Щелинский 2013) изменил обоснованную ранее коллективную атрибуцию «таманской раннепалеолитической индустрии» как «местной разновидности олдована» (Щелинский и др. 2010: 18–19). Основой для такого решения стало выделение исследователем в индустриях раннепалеолитических памятников Таманского палеолитического комплекса с ашельским компонентом (около 40 форм), а именно «грубыми ручными рубилами» — 4 экз., колунами («кливерами») — 3 экз., «пиками» — 30 экз., которые автор сам более точно определяет как «пиковидные изделия». При этом совокупная коллекция стоянок Богатыри/Синяя Балка, Родники 1, 2 и Кермек насчитывает более 1500 изделий (Щелинский 2014; 2018; 2019б). Наряду с этим основанием для атрибуции «таманской раннеашельской индустрии» (Щелинский 2018; 2019б) стало выделение «крупных специальных отщепов» в коллекциях этих памятников (Щелинский 2019а) — приблизительно 17 экз. из совокупности около 700 сколов. Выделение сколов, а особенно крупных, в таманских индустриях весьма проблематично (Щелинский, Кулаков 2007; 2009; Щелинский и др. 2010), так как местное сырье (сильно окварцованный доломит) достаточно качественное для изготовления каменных орудий, но довольно хрупкое. Формой сырьевых отдельных являются разновеликие валуны условно плитчатой формы. Многолетние полевые работы показали, что отдельности доломитов могут расслаиваться и разваливаться в слое без участия человека. Эти получившиеся естественные отдельности зачастую имеют вид сколов и очень крупных сколов. Поэтому исследователями памятников, исходя из критики источников, было принято обязательное условие, что все искусственные отщепы должны иметь полный набор технологических

Рис. 1. Изделие с двусторонней обработкой (доломит) из осыпи берега восточнее стоянки Родники 1 (фотография Е. Ю. Гири)

Fig. 1. Bifacially worked tool (dolomite) from the coastal debris east of the Rodniki 1 site (photo by E. Yu. Girya)

критериев: целую форму, ударную площадку, ударный бугорок, выразительные вентральную и дорсальную поверхности. Если рассмотреть с этих позиций опубликованные рисунки «крупных специальных отщепов» (Щелинский 2019б), то очень крупных (более 10 см в длину или ширину) сколов останется всего 4 экз.: три изделия — это сколы без обработки и один продольный скол, использованный для орудия «чоппероидное» скребло (Щелинский 2019б: рис. 11, 2). Однако надо честно признаться, что последний предмет был найден в осыпи в 2003 г. под стенкой старого раскопа палеонтологов и, естественно, должен восприниматься с большой долей критики (Кулаков 2004). Точно так же скептически надо относиться и к изделию, определяемому В. Е. Щелинским как «пик» и являющемуся самым ярким орудием во всех публикациях «ашельской» группы (Щелинский 2014: рис. 84; 2018: рис. 3, 3; 2019б: рис. 16, 3). На мой взгляд, этот предмет наиболее полно соответствует определению ручного рубила (Brezillon 1968), что вполне оправданно, так как это изделие было найдено мною в осыпи на западном краю большого оползневого цирка, разделяющего стоянки Богатыри/Синяя Балка и Родники 1 (Кулаков 2007) (рис. 1).

Хронология Таманского палеолитического комплекса, наряду с биостратиграфическими данными, базируется на многочисленных палеомагнитных исследова-

ниях (Байгушева, Титов 2008; Вангенгейм и др. 1991; Додонов и др. 2008; Соколов и др. 2019; Титов, Тесаков 2009; Тесаков и др. 2019). Бесспорным является то, что все раннепалеолитические памятники располагаются в отложениях, имеющих обратную полярность хрона Матуяма, который датируется от 2,5 до 0,8 млн л. н. (Додонов и др. 2008; Тесаков и др. 2019). Хронологическое же распределение раннепалеолитических стоянок, помимо палеомагнитных данных, должно опираться, в первую очередь, на четко определенное стратиграфическое положение их культуросодержащих отложений. Культуросодержащие слои стоянок относятся, по всей видимости, ко второй половине этого хрона, начиная от 1,6–1,5 млн л. Культуросодержащий слой Родников 1 и 2 перекрывается мощной толщей песков, имеющих прямую намагниченность, скорее всего, субхрона Харамильо, датируемого периодом 1,1–0,9 млн л. (Трубихин и др. 2017). По всей видимости, к этому же промежутку палеомагнитной шкалы следует относить и культуросодержащий горизонт Кермека, заключенный в песчаную толщу с переменной намагниченностью (Соколов и др. 2019).

Эти предположения основываются на наблюдениях геологов, которые говорят о том, что раннепалеолитические памятники комплекса находятся внутри «ксенолитических пакетов», образовавшихся под действием грязевого вулканизма и активной тектоники в этом регионе. То, что стоянка Богатыри/Синяя Балка включена в огромный отторгнутый и запрокинутый на бок «ксенолитический пакет», ни у кого теперь не вызывает сомнений, при этом культуросодержащие слои памятника сохранились *in situ*. Но таким же отторгнутым и наклоненным «ксенолитическим пакетом» должна рассматриваться моноклиальная толща со стоянкой Кермек, что хорошо задокументировано стратиграфически (Измайлов, Щелинский 2013: рис. 4). Стоянки Родники 1 и 2, возможно, также были включены в огромный «ксенолитический пакет», который был только отторгнут, без какого-либо запрокидывания. В пользу этого говорит то, что стоянки Родники 1 и 2 отделены от стоянок Богатыри/Синяя Балка и Кермек оползневыми цирками, заполненными грязевулканической брекчией.

Представляется, что на таком ограниченном пространстве эти «ксенолитические пакеты» вряд ли являются следами нескольких извержений разных грязевых вулканов, скорее всего, все эти структуры образовались в результате одного крупного катастрофического извержения (Измайлов, Щелинский 2013). Жерло вулкана располагалось в непосредственной близости от берега водоема, в результате катастрофического извержения и землетрясения этот берег был расколот на несколько огромных блоков, которые были разъединены (отторгнуты), а некоторые и опрокинуты. Отторгнутые осколки берега сразу же были перекрыты мощным грязекаменным потоком и только благодаря этому сохранились в первоначальном виде и дошли до нас. Так сейчас вырисовывается процесс разрушения комплекса раннепалеолитических памятников, который мог состояться в конце раннего плейстоцена, но не позже, так как в стратиграфии отложений памятников нигде не прослежены более поздние отложения «чаудо-бакинского» времени начала среднего плейстоцена.

Рассматривая стратиграфию отложений таманских раннепалеолитических стоянок, можно достаточно уверенно предположить, что фрагменты слоя 0 на стоянке

Богатыри/Синяя Балка и слоя 1 на стоянке Кермек являются отложениями одной и той же куяльницкой глины с морской фауной. Таким образом, песок слоя 3, включающий костеносную культуросодержащую линзу на Богатырях/Синей Балке и песчаную пачку моноклиальной толщи Кермека, можно рассматривать как одно-временные пески одного генезиса. А вот пески, перекрывающие культуросодержащий слой стоянок Родники 1 и 2, можно рассматривать как пески более молодого генезиса, образовавшиеся, судя по геоморфологии и палеомагнитным данным, во время эпизода прямой намагниченности хрона Матуяма. При этом вопрос, какого точно плюсового эпизода, пока еще не решен. Возможно при этом предположить, что толща песков на Родниках 2 формировалась и в более древние эпизоды прямой намагниченности, например, в эпоху субхрона Олдувей. Эти предположения влекут за собой попытку удревнить все раннепалеолитические стоянки Таманского комплекса примерно на 0,5 млн л. Это заманчиво, но пока может быть принято только в виде самой предварительной гипотезы.

Самым же острым на сегодняшний день является вопрос о соотношении каменных индустрий раннепалеолитических памятников Таманского комплекса. Каменные изделия на всех стоянках, изготовленные только из местного сырья, составляют гомогенные индустрии. Артефакты, как правило, имеют хорошую сохранность с острыми краями и гранями, но встречаются и оглаженные, и, редко, окатанные находки. Практически для всех предметов характерно химическое выветривание поверхностей разной степени. Каменные изделия всех четырех стоянок имеют гораздо больше сходных черт, чем различий. На взгляд автора, морфологически они практически едины. Поэтому закономерно возникает вопрос, каков мог быть хронологический разрыв между индустриями и был ли он вообще? Ответ неясен, так как пока нет непротиворечивого комплекса биостратиграфических данных, приемлемого для всех таманских памятников, крайне сложно выстраивать их хронологическую последовательность, а индустрии не дают явных морфологических различий. Автору кажется, что изделия индустрий Родников и Кермека имеют более законченный и выразительный облик, в отличие от более грубых артефактов Богатырей/Синей Балки.

Итак, к настоящему времени на Кавказе имеются бесспорные раннепалеолитические памятники — свидетели первой и последующих волн расселения древнейших гоминид из Африки. Но различия в интерпретации каменных индустрий этих памятников настолько существенны, что позволяют говорить о противоположных гипотезах первоначального заселения Кавказа. Большая часть палеолитоведов придерживается общепринятых взглядов и считает кавказские индустрии возрастом древнее 1 млн л. олдованскими со своими местными особенностями (Амирханов 2016; Археология... 2011; Деревянко 2009; Кулаков 2018а; Ожерельев 2017; Таймазов 2010; Bosinski 1996; Lumley et al. 2005). Меньшая часть исследователей в последнее время стала рассматривать эти же индустрии как раннеашельские, зародившиеся более 2 млн л. н. и развивавшиеся на месте в Кавказской горной стране и прилегающих территориях (Беляева 2018; Беляева, Любин 2012; 2013; 2014; 2019; Щелинский 2014; 2018; 2019а; 2019б; Щелинский и др. 2015). Почему исследования одного и того же археологического источника позволяют делать столь различные выводы?

Основы изучения каменных изделий

Исторически сложилось, что для изучения каменных орудий существуют три основных метода: типологический, технологический и трасологический. Типология — основной инструмент любого археолога — подразумевает выявления сходства или различия в формах артефактов, определение типичных изделий, их классификацию и выделение на этой основе культур, культурных групп и, в итоге, цивилизаций. Рассмотрение этих подразделений в развитии дает возможность воссоздания истории человечества. Для изучения истории развития коллективов человека современного вида начиная уже с позднего палеолита этот метод очень результативен.

Для более ранних представителей рода *Ното* классическая типология каменных орудий труда отражает в большей мере представления современных исследователей о процессах формообразования изделий вообще, чем реальные процессы производства древнейшей материальной культуры. Понимание этой особенности изучения ранних индустрий сложилось уже у первых археологов, занимавшихся изучением первобытности, так как невозможно найти два одинаковых каменных изделия раннего и среднего палеолита. Наиболее ярко это проявилось при сравнении самых выразительных орудий — бифасов. Невозможно найти два совершенно идентичных ручных рубила или наконечника копий, типологических различий между ними всегда будет больше, чем сходства. Построение типологических рядов даже самых ярких и понятных каменных изделий — леваллуазских сколов-заготовок — приводит к тому, что по краям такого ряда могут легко оказаться разные формальные типы.

Поэтому исследователи каменного века изначально стали искать и использовать другие способы определения и интерпретации древних орудий. Наиболее удачными оказались изыскания в сфере изучения особенностей изготовления и использования каменных орудий. Многолетние исследования проблем осознания и применения древним человеком физических закономерностей раскалывания камня и использования продуктов этого процесса для работы по природным материалам привели в середине XX в. к созданию технологического и экспериментально-трасологического методов изучения каменных артефактов. Без понимания того, что морфология каменных изделий несет информацию о физических закономерностях обработки и, в крайне незначительной степени, демонстрирует применение каких-то традиционных и культурных установок мастерами, невозможны современные анализ и интерпретация каменных артефактов (Семёнов 1968; Технология... 1983).

Объясняется этот феномен тем, что каменное сырье является полностью природным явлением и подчиняется физическим законам, действующим на нашей планете. Камень нельзя «резать, как картошку» или обрабатывать, как дерево. Камень можно раскалывать (расщеплять), обивать (обтесывать), отжимать (отдавливать), пилить и шлифовать, осознанно используя физические законы (Там же). Эти свойства каменного сырья и предопределили возможности и историю его использования. Древнейшие предки человека, австралопитеки, скорее всего, использовали деревянные и каменные предметы для работы (Матюхин 1972а; 1972б; Семёнов 1958), что хорошо демонстрируют человекообразные обезьяны и сейчас (Вишняцкий 2005; Фирсов 1982). Камни, особенно удачно подобранные,

показали наибольшую продуктивность при использовании. Понимание того, что камни нужной формы можно не только находить, но и изготавливать намеренно, по всей видимости, и послужило гранью, определившей развитие рода *Homo*. Древнейший человек осознал, что для работы необходимы острый край и острый конец, которые можно получить на осколках, разбив камень. Так, возможно, и появилось первое, еще неосознанное понимание «технологической необходимости» производства первых искусственных орудий труда. Два с половиной миллиона лет понадобилось для осознания и использования физических закономерностей создания каменных изделий. Этот долгий процесс использования и обработки камня от простейшего дробления до вершин мастерства, проявившихся в создании «усиленного отжима» и кремневых произведений искусства, продолжается и поныне.

Осознание того, что морфология и форма каменных изделий во многом определялись умением понимать и использовать технологические необходимости их производства и использования (Гиря 1997; Коробкова, Щелинский 1996; Любин 1965; Нехорошев 1999; Технология... 1983), а не представлениями древнего мастера (которых нам никогда не узнать) о «дизайне» предметов, ставит крест на возможности выделения типов в раннем и среднем палеолите. Автор придерживается понимания типа как формы изделия с серийно повторяемым конечным набором признаков. Это условие справедливо только для первых полностью искусственных орудий — металлических. Тем не менее процесс серийного производства орудий начался в позднем палеолите и только с появлением *Homo sapiens*, который в полной мере овладел управлением «технологическими необходимостями» при обработке камня. Этот рубеж отразился в переходе от некраевого скалывания к краевому скалыванию, который совпадает со временем появления *Homo sapiens* (Гиря 1997; Гиря, Нехорошев 1993а; 1993б). Именно в верхнем палеолите можно говорить о подлинной серийности некоторых изделий и возможности их типизировать при изучении. Для изучения орудий позднего палеолита возможно и необходимо применение всех трех методов исследования, что дает наиболее полный результат.

Для изучения каменных изделий предков современного человека возможно и оправданно применение, главным образом, морфолого-технологического и экспериментально-трассологического методов исследования артефактов (применение последнего, впрочем, крайне ограничено неудовлетворительной сохранностью материалов). Морфологически всё разнообразие каменных изделий палеолита может быть сведено к двум элементам: острому краю — лезвию и острому выступу — острию (Семёнов 1968; Технология... 1983). Эта аксиома не требует особых доказательств, так как для любой ручной работы человеку во все времена необходимо было, в первую очередь, резать и прокалывать (ковырять) при разделке и обработке разнообразных материалов.

Морфология каменного изделия — это намеренно созданная форма предмета, которая определяется анализом внешнего вида, метрических данных и, главное, выяснением и объяснением их взаимозависимости, обусловленной конкретной технологической необходимостью обрабатывать каменное сырье именно таким образом. Проиллюстрируем это на примере ярких, но простых изделий — леваллуазских сколов. Внешний вид и параметры дают определение формы — отщеп или треугольный скол; анализ дорсальной поверхности скола необходим для выяснения

степени и порядка ее обработки-подготовки, анализ ударной площадки скола — для выяснения степени ее обработки ради выделения точки удара, вместе они дают нам однозначную морфологию специально подготовленного скола predeterminedной формы, выполненного на конкретном виде сырья.

Полученные в результате анализа коллекции морфологические виды изделий группируются в категории, которые могут включать и субкатегории. Далее категории артефактов объединяются в индустрии. Если степень сохранности материала позволяет провести трасологический анализ функций артефактов, при необходимости верифицируемый экспериментами, то каменная индустрия объекта наполняется, дополнительно к морфолого-технологическому содержанию, данными о степени постдепозиционных изменений и, самое важное, данными о способах и методах трудовой деятельности первобытных людей. В уникальных случаях к каменной индустрии могут добавляться костяная и деревянная индустрии, что чрезвычайно обогащает изучение первобытной истории.

Таким образом, индустрия становится основным инструментом изучения палеолита. Анализ индустрий объектов, относящихся к одному хронологическому этапу, дает возможность получать новые знания о расселении и адаптации первобытных коллективов в конкретных районах, различных регионах и по всей палеолитической Ойкумене.

Переход к уровню интерпретации полученных знаний подразумевает применение культурно-исторического метода анализа, что абсолютно закономерно для истории *Homo sapiens*. Но для предков современного человека в раннем и среднем палеолите такая закономерность неочевидна. Человеческая культура — понятие чрезвычайно многогранное, по вопросам ее изучения до сих пор идут жаркие споры гуманитариев (Классификация... 2013). Как представляется, главное наполнение этого понятия — гармоничный симбиоз материальной и духовной составляющих этого явления, predeterminedного появлением и развитием вида *Homo sapiens*.

Археологическая культура — понятие более конкретное, опирающееся, в первую очередь, на изучение материальной составляющей во всем ее многообразии (Там же). Выделенные с разной степенью достоверности такие подразделения воспринимаются как таксоны, отражающие реальную суть жизнедеятельности человеческих коллективов. На основании таких культур строятся модели расселения, освоения человеком палеолитической Ойкумены и дальнейшего исторического развития. Тем не менее выделение подлинных археологических культур невозможно без привлечения хотя бы некоторых духовных элементов, выражающихся в материальных объектах неутилитарного назначения, для каменного века таковыми являются атрибуты искусства («магической практики»): мелкая пластика, настенная живопись, скульптура, украшения и прочее. Все эти предметы связаны только с человеком современного вида. Ведь ни для *Homo neanderthalensis*, ни для *Homo erectus*, а уж тем более для *Homo habilis* нет находок достоверных свидетельств духовной деятельности, в первую очередь проявлений искусства в любых его формах. Таким образом, для раннего и среднего палеолита применение культурно-исторического метода, опирающегося на выделение культур, малоэффективно. К объективным причинам такой низкой эффективности следует отнести и малочисленность сохранившихся стратифицированных памятников (да и для последних

геологическое положение не всегда четко определимо), и редкость стратифицированных антропологических находок, особенно на самих археологических объектах.

Очень сложны проблемы хронологии памятников раннего и среднего палеолита, обусловленные достоверными возможностями их датирования. В наименьшей степени трудности интерпретации данных археологии зависят от субъективных причин — личных знаний, опыта и пристрастий каждого исследователя палеолита.

К настоящему времени сложилось два направления изучения древнейших человеческих памятников. Сторонники первого пытаются увидеть в них проявления прежде всего культурного развития рода *Ното*. Сторонники второго направления, пытаясь более объективно понять закономерности различий между памятниками раннего и среднего палеолита, объясняют их, главным образом, с позиций технологического метода изучения каменных изделий (Семёнов 1968; Технология... 1983; Гирия 1997; Нехорошев 1999). Автор придерживается второй точки зрения. Представляется, что для большей достоверности в классификации индустрий раннего и среднего палеолита и взаимопонимания исследователей можно вернуться к использованию понятий «эпоха» и «стадия развития», определяемых различными технологиями изготовления каменных изделий, выражающихся в наборе «руководящих форм» — категорий и субкатегорий. Для древнекаменного века — палеолита — автор придерживается признанного трехчленного деления на эпохи раннего (нижнего), среднего и позднего (верхнего) палеолита. Эти подразделения отражают не только хронологию развития, но, главным образом, хорошо отвечают морфолого-технологическому содержанию таксонов.

Для эпохи раннего палеолита выделяются две технологические стадии — олдованская и ашельская. *Олдованская технологическая стадия* — начало антропогенеза, когда предковые формы гоминин перешли грань между естественным использованием «острого края» и «острого конца» и их намеренным изготовлением на каменном сырье любого качества и формы. Олдованские индустрии состоят из «руководящих форм», включающих четыре категории:

1) категория грубых рубящих орудий, с субкатегориями чопперовидных и собственно грубых рубящих орудий, изготавливаемых из разнообразных отдельностей местного сырья, выделяя путем обивки лезвийные и острийные морфологические элементы;

2) категория мелких («легких») орудий, выполненных на разнообразных обломках и осколках, а также на разнообразных сколах, «рабочие элементы» на них выделялись разновеликой обивкой и ретушью; как правило, в этой категории выделяются субкатегории скребловидных, скребковидных орудий и острий, на которых основными морфологическими элементами также являются лезвие и острие;

3) категория нуклевидных изделий, состоящая из разнообразных отдельностей сырья с достаточно интенсивной обивкой, как правило, бессистемной;

4) категория разнообразных и разновеликих сколов, полученных в основном при обивке грубых рубящих орудий, но также полученных намеренно с простейших ядрищ.

Изготовление олдованских «руководящих форм» было сугубо конкретно-ситуационным, практически полностью обусловленным формой и качеством исходного сырья. На основании анализа морфологии конкретных изделий формируется облик

отдельных олдованских индустрий, изучение и сравнение которых дают возможность исследовать некоторые аспекты жизнедеятельности первых гоминин (Амирханов 2016; Гусейнов 2010; Григорьев 1977; Деревянко 2009; Деревянко и др. 2012; Кулаков 2018а; 2019а; Любин, Беляева 2010; Саблин, Гирия 2010; Щелинский 2014; Щелинский и др. 2010; Bordes 1968; 1979; Bosinski 1996; Brezillon 1968; Leakey 1971).

Главным результатом длительного развития обработки камня в олдованской стадии стало осознание закономерностей и преимуществ двусторонних технологий и техник обивки камня, впервые проявившихся в изготовлении двусторонних чопперов, которые морфологически вполне можно рассматривать как протобифасы. Другим достижением олдованской стадии развития стало осознание перспективности намеренного изготовления качественных сколов с помощью специальных инструментов — отбойников (Гирия 2010).

Ашельская технологическая стадия раннего палеолита наследует всем достижениям олдована. Наступает время расцвета технологии двусторонней обработки камня, проявившейся в создании уникального ручного орудия — бифаса. Наряду с этим продолжала развиваться субкатегория грубых рубящих орудий — чопперов. Главным отличием ашельской стадии стало изобретение нескольких новых категорий каменных изделий:

1) категория двусторонне обработанных самых разнообразных полифункциональных ручных рубил, которыми вряд ли рубили, но на которых впервые морфологически идеально совмещались острия и протяженные острые лезвия;

2) категория разнообразных пиковидных изделий, на которых второй основной морфологический элемент — «острый конец» — не просто выделялся, как на чопперах и ручных рубилах, а формировался специальной технологией и техниками;

3) категория колунов (*hachereau sur éclat, flake cleaver*) — еще одна сугубо специализированная морфологическая группа орудий, изготовлявшихся обработкой крупных сколов.

Ашельская триада — рубило, пик, или колун, и чоппер, их различные морфологии и количественное сочетание и формируют богатство ашельских индустрий (Амирханов 2016; Голованова, Дороничев 2003; Григорьев 1977; Гусейнов 2010; Деревянко 2009; 2014; Деревянко и др. 2012; Зейналов и др. 2014; Коробков 1978; Любин 1984; 1998; Любин, Беляева 2004; 2006; Bar-Yosef, Goren-Inbar 1993; Bordes 1968; 1979; Bosinski 1996; Brezillon 1968; Leakey 1971; Tavoso 1975; Tixier 1957).

Наряду с этим продолжают развиваться категории нуклевидных сколов и мелких орудий. Так, идея получения намеренных сколов-заготовок для орудий достигла расцвета в леваллуазских технологиях и техниках финального ашеля. Появившиеся в конце ашельской технологической стадии леваллуазские технология и техники получения сколов-заготовок predetermined формы, с максимально протяженными острыми краями и острием, стали резким прорывом в производстве каменных изделий и послужили основой для создания и понимания закономерностей пластинчатого расщепления.

Раннепалеолитические пластины, технологически бывшие изначально также леваллуазскими, с индивидуальной подготовкой морфологии, к рубежу раннего и среднего палеолита выделились в самостоятельную технологию производства с конкретными техниками, определяемыми качеством и формой сырья. Древние

мастера поняли, что для получения большого количества сколов-пластин с максимально удлиненными острыми краями с одного ядрища достаточно на выпуклой в продольно-поперечном направлении поверхности расщепления ядрища поддерживать минимум два направляющих продольных параллельных или субпараллельных ребра. При этом обязательным условием оставалось поддержание угла скалывания на ядрище до 90°, которое достигалось разнообразными техниками скола (Семёнов 1968; Технология... 1983; Гиря 1997; Нехорошев 1999).

Приведенное обоснование морфолого-технологического различия олдована и ашеля, как представляется, вполне убедительно. Но при изучении кавказских раннепалеолитических материалов возникла парадоксальная ситуация по поводу выделения и определения ашельской категории «пик», которая требует более пристального рассмотрения.

Орудие «пик» было выделено в материалах позднего каменного века в конце XIX в. — это изделие из категории бифасов, полностью обработанное, с одним или двумя острыми концами и треугольного или полигонального сечения, длиной от 7 до 35 см (Brezillon 1968: 284–286). Ф. Борд первый перенес этот тип в классификацию орудий категории бифасов в раннем и среднем палеолите, считая «пики» разновидностью очень удлиненных ашельских ручных рубил (Bordes 1979: 84, pl. 91). М. Лики, следуя африканской традиции определения «пик» в среднем каменном веке, выделила в некоторых индустриях Олдувайского ущелья орудия категории «пик», но, как представляется, более всего для убедительной доказательности статуса «развитого олдована А» как переходной индустрии к «древнему ашелю» (Leakey 1971). «Пики» в большом количестве были выделены в коллекции стоянки Убейдия в Израиле, где вместе с ручными рубилами и чопперами составили основу раннеашельской индустрии, датируемой 1,4 млн л. (Bar-Yosef, Goren-Inbar 1993). Тем не менее исследователи убейдийской индустрии отказались от употребления терминов М. Лики «удлиненный пик» и «массивный пик», заменив их совершенно справедливо терминами «трехгранник» и «четырёхгранник» соответственно для некоторых разновидностей ручных рубил. Примечательно, что и олдованским «проторубилам» М. Лики не нашлось места в Убейдии — подобные изделия были отправлены в незаконченные формы ручных рубил (Bar-Yosef, Goren-Inbar 1993: 144–159). Несмотря на это, в категорию «пик» зарубежными исследователями были включены самые разные изделия и неолита, и ашеля Евразии, а также артефакты олдована, ашеля и среднего каменного века Африки (Любин, Геде 2000).

«Пики и пиковидные орудия» в большом количестве были выделены в раннепалеолитических индустриях Кавказа и Предкавказья (Амирханов 2016; Деревянко 2009; 2014). В. П. Любин и Е. В. Беляева в коллекциях некоторых армянских раннепалеолитических местонахождений выделяют категорию «пик» (Беляева 2011; Беляева, Любин 2012; Любин, Беляева 2011а) как орудий, имеющих «массивность и тяжеловесность их мощных в поперечном сечении корпусов, отсутствие на них продольных лезвий, резкое сужение этих корпусов к дистальным концам, представляющих здесь единственные специально оформленные и выделенные рабочие элементы» — определение было выработано на западноафриканских материалах (Любин, Геде 2000: 32–34). Но такое определение изделий типа «пик» в корне отличается от общепринятого зарубежного определения этих изделий как орудий,

имеющих несколько (от трех) хорошо обработанных смежных сторон и лезвий и закономерно входящих в категорию бифасов (Brezillon 1968). В. П. Любин на африканских материалах выделил новый своеобразный вид каменных изделий, но использовал для их наименования не самый удачный термин — «пик». Важно отметить, что для В. П. Любина и Е. В. Беляевой категория «пик» является неотъемлемой частью ашельских индустрий и чрезвычайно показательна для самого раннего ашеля Кавказа (Беляева, Любин 2014).

В Центральном Дагестане Х. А. Амирханов в индустриях всех раннепалеолитических памятников «акушинской свиты» выделяет категорию «пик», обосновывая это тем, что «пики» являются неотъемлемой частью «олдованского технокомплекса», представляя главную составляющую — «руководящую форму», олдованского орудийного набора (Амирханов 2016: 140–147). Но дагестанские «пики» — это также крупные (иногда очень крупные) массивные остроконечные изделия, морфологически, на наш взгляд, не имеющие отношения к неолитическим пикам или «трехгранникам и четырехгранникам» Убейдии (Там же: рис. 53, 2; 63–65, 68, 69).

Точно так же «пики» таманских раннепалеолитических индустрий — совсем не то, что убейдийские «трехгранные и четырехгранные» изделия, а уж тем более пики неолита. В орудийных наборах стоянок Богатыри/Синяя Балка и Родники 1 присутствуют крупные остроконечные изделия, но единично (Щелинский 2014: рис. 26–28, 81). Большинство крупных так называемых пиков со скругленными концами (Там же: рис. 20, 2; 76–80) не выходят за рамки варибельности чопперов. И уж совсем не имеют отношения к любым «пикам» острия, изготовленные на средних и мелких доломитовых обломках (Там же: рис. 22, 1; 71, 1; 82, 83, 85).

Да, в раннепалеолитических индустриях Центрального Дагестана и Тамани, бесспорно, выделяется группа крупных остроконечных орудий, так как *Homo erectus* для ручной работы требовался не только острый край, но и острый конец, иногда крупный и массивный. Называя такие орудия пиками, мы загоняем себя в очень узкие морфологические рамки, уже очерченные для «ашельского технокомплекса», где субкатегория «пик» — это составная часть ручных рубил. В определении «пиков» В. П. Любиным очень хорошо подмечены все особенности этих своеобразных крупных и массивных изделий раннего палеолита Кавказа. Особенно важно, на наш взгляд, то, что исследователь выделяет такие черты раннепалеолитических «пиков», как отсутствие у них обработанных протяженных лезвий, а выделение обработкой только острейшего морфологического элемента. Так почему тогда это не массивные крупные острия? Продолжая называть такие орудия «пиками», мы всегда будем вынуждены оговаривать, что наши кавказские раннепалеолитические «пики» — это совсем не то, что пики африканские и убейдийские, и уж совсем не то, что пики европейского неолита.

Такое внимательное отношение к проблеме выделения категории «пик» в кавказских раннепалеолитических индустриях определяется не только вопросами интерпретации некоторых своеобразных орудийных форм, но более всего тем, что выделение категории «пик» влечет за собой постановку вопросов хронологического и индустриального определения статуса индустрий раннего палеолита. Да, действительно, если в индустрии присутствует ашельская триада (рубила, чопперы, пики, или колуны), то памятник можно отнести к ашельской стадии раннего

палеолита. Возможно, В. Е. Щелинский, В. П. Любин и Е. В. Беляева считают, что если в индустрии выделяются так называемые пики и пиковидные изделия, которые, на наш взгляд, не соответствуют категории «пик», то это уже служит основанием для рассмотрения ее в качестве ашельской. Но одних только «пиков» на фоне чопперов оказывается маловато, тогда и начинается выделение в коллекциях достаточно сомнительных ручных рубил («грубых», «плитчатых», «частичных», «с обушком», «пиковидных» и прочее), чтобы оправдать выделение самого древнего в мире автохтонного кавказского «архаичного ашеля» (Беляева 2018; Беляева, Любин 2014; 2019; Щелинский 2014; 2018; 2019а; 2019б).

Заключение

Таким образом, несмотря на все новые веяния в вопросах хронологии и интерпретации раннепалеолитических индустрий Кавказа и Предкавказья, автор остается на позиции, выработанной изначально в результате коллективного обсуждения результатов исследований памятников. А именно индустрии раннепалеолитических стоянок Дманиси, Азых, Айникаб, Мухкай 1 и 2, Богатыри/Синяя Балка, Родники 1 и 2, Кермек и, возможно, Карахач и Куртан надежно вписываются в олдованскую технологическую стадию раннего палеолита на Кавказе и датируются в диапазоне от 1,8 до 1,2 млн л. Орудийные наборы индустрий перечисленных стоянок демонстрируют однообразный категориальный состав, а удивительное морфологическое сходство большого числа изделий, особенно среди чопперов, нуклевидных скребков и острий, ярко удостоверяет их стадияльное положение как памятников «классического олдована».

Литература

- Амирханов 2016 — Амирханов Х. А. Северный Кавказ: начало преистории. Махачкала: Мавраевъ, 2016. 344 с.
- Анойкин 2010 — Анойкин А. А. Палеолит Приморского Дагестана: основные культурно-хронологические этапы // Рагимова М. Н., Джафаров А. Г., Зейналов А. А. (ред.). Карабах в каменном веке: ММНК, посвящ. 50-летию открытия палеолитической пещерной стоянки Азых в Азербайджане. Баку: Текнур, 2010. С. 26–45.
- Археология... 2011 — Археология Кавказа. Тбилиси: Национальный музей Грузии, 2011. № 4. 212 с.
- Аутлев 1963 — Аутлев П. У. Абадзехская нижнепалеолитическая стоянка. Майкоп: Адыгейское книжное изд-во, 1963. 223 с.
- Байгушева, Титов 2008 — Байгушева В. С., Титов В. В. Таманский фаунистический комплекс крупных позвоночных Приазовья и Нижнего Дона // Васильев С. А., Щелинский В. Е. (отв. ред.). Ранний палеолит Евразии. Новые открытия: ММК. Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 38–39.
- Беляева 2011 — Беляева Е. В. Исследования ранне-среднеашельской стоянки Куртан на Севере Армении // ЗИИМК. 2011. № 6. С. 37–45.
- Беляева 2018 — Беляева Е. В. Ашель Кавказа и Ближнего Востока: сравнительный анализ // Рагимова М. Н. (отв. ред.). Палеолитическая стоянка Азых в Азербайджане и миграционные процессы: Сб. материалов МНК. Баку: ИАЭ НАН Азербайджана, 2018. С. 49–58.

- Беляева, Любин 2012 — *Беляева Е. В., Любин В. П.* Первые данные о ранних этапах ашеля на Кавказе // КСИА. 2012. Вып. 227. С. 28–36.
- Беляева, Любин 2013 — *Беляева Е. В., Любин В. П.* Ашельские памятники северной Армении // Молодин В. И., Шуньков М. В. (отв. ред.). Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию академика А. П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 37–52.
- Беляева, Любин 2014 — *Беляева Е. В., Любин В. П.* Новый взгляд на развитие ашеля на Кавказе // Савинов Д. Г. (отв. ред.). Проблемы археологии эпохи камня. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 189–214 (Тр. исторического факультета СПбГУ. Т. 18).
- Беляева, Любин 2019 — *Беляева Е. В., Любин В. П.* Новые данные о первоначальном заселении Южного Кавказа (Результаты работ Армяно-Российской экспедиции, 2003–2018 гг.) // Виноградов Ю. А., Васильев С. А. (отв. ред.). Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 18–26.
- Васильев 2008 — *Васильев С. А.* Древнейшее прошлое человечества: поиск российских ученых. СПб.: ИИМК РАН, 2008. 179 с.
- Вангенгейм и др. 1991 — *Вангенгейм Э. А., Векуа М. Л., Жегалло В. И., Певзнер М. А., Тактакишвили И. Г., Тесаков А. С.* Положение Таманского фаунистического комплекса в стратиграфической и магнитохронологической шкалах // БКИЧП. 1991. № 60. С. 41–52.
- Вишняцкий 2005 — *Вишняцкий Л. Б.* История одной случайности, или Происхождение человека. Фрязино: Век 2, 2005. 240 с.
- Гиря 1997 — *Гиря Е. Ю.* Технологический анализ каменных индустрий. Методика микромакроанализа древних орудий труда. Ч. 2. СПб.: Академ Принт, 1997. 198 с.
- Гиря 2010 — *Гиря Е. Ю.* Отбойник из олдованских слоев стоянки Айникаб I // Рагимова М. Н., Джафаров А. Г., Зейналов А. А. (ред.). Карабах в каменном веке: ММНК, посвящ. 50-летию открытия палеолитической пещерной стоянки Азых в Азербайджане. Баку: Текнур, 2010. С. 80–95.
- Гиря, Нехорошев 1993а — *Гиря Е. Ю., Нехорошев П. Е.* Некоторые технологические критерии археологической периодизации каменных индустрий // РА. 1993. № 4. С. 5–24.
- Гиря, Нехорошев 1993б — *Гиря Е. Ю., Нехорошев П. Е.* Технологическая периодизация каменных индустрий // Массон В. М. (отв. ред.). Проблемы культурогенеза и культурное наследие: материалы к конференции. Ч. II. Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб.: ИИМК РАН, 1993. С. 23–26.
- Голованова, Дороничев 2003 — *Голованова Л. В., Дороничев В. Б.* Палеолит Северо-Западного Кавказа // Марченко И. И. (отв. ред.). Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар: Изд-во Кубанского ГУ, 2003. Вып. 3. С. 3–44.
- Григорьев 1977 — *Григорьев Г. П.* Палеолит Африки // Борисковский П. И. (отв. ред.). Возникновение человеческого общества. Палеолит Африки. Л.: Наука, 1977. С. 45–193 (Палеолит мира).
- Гусейнов 2010 — *Гусейнов М. М.* Древний палеолит Азербайджана. Баку: Текнур, 2010. 220 с.
- Деревянко 2009 — *Деревянко А. П.* Древнейшие миграции человека в Евразии в раннем палеолите. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. 232 с.
- Деревянко 2014 — *Деревянко А. П.* Бифасиальная индустрия в Восточной и Юго-Восточной Азии. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2014. 372 с.
- Деревянко и др. 2012 — *Деревянко А. П., Амирханов Х. А., Зенин В. Н., Анойкин А. А., Рыбалко А. Г.* Проблемы палеолита Дагестана. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2012. 292 с.

- Дманиси I 1998 — Дманиси I. Тбилиси: Мецниереба; Центр археологических исследований АН Грузии. 1998. 247 с.
- Додонов и др. 2008 — Додонов А. Е., Трубихин В. М., Тесаков А. С. Палеомагнетизм костеносных отложений местонахождения Синяя Балка/Богатыри // Васильев С. А., Щелинский В. Е. (отв. ред.). Ранний палеолит Евразии. Новые открытия: ММК. Ростов-н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2008. С. 57–58.
- Дороничев 2004 — Дороничев В. Б. Ранний палеолит Кавказа: между Европой и Азией // Столяр А. Д. (отв. ред.). Невский археолого-историографический сборник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 234–261.
- Дороничев и др. 2007 — Дороничев В. Б., Голованова Л. В., Барышников Г. Ф., Блэквелл Б. А. Б., Гарутт Н. В., Левковская Г. М., Молодьков А. Н., Несмеянов С. А., Поспелова Г. А., Хоффекер Д. Ф. Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. СПб.: Островитянин, 2007. 270 с.
- Замятнин 1937 — Замятнин С. Н. Палеолит Абхазии. Сухуми: ИАК АН СССР, 1937. 55 с. (Тр. ИАК. Вып. 10).
- Замятнин 1961 — Замятнин С. Н. Очерки по палеолиту. М.; Л.: Наука, 1961. 176 с.
- Зейналов, Кулаков 2017 — Зейналов А. А., Кулаков С. А. Миграции ранних гоминидов и ареал распространения куручайской культуры // Васильев С. А., Щелинский В. Е. (отв. ред.). Древний человек и камень: технология, форма, функция. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. С. 141–152.
- Зейналов и др. 2014 — Зейналов А. А., Кулаков С. А., Идрисов И. А., Эйбатов Т. М., Авшарова И. Н. Раннепалеолитические местонахождения в апшеронских отложениях Азербайджана // АВ. 2014. Вып. 20. С. 31–42.
- Зубов 2012 — Зубов А. А. Трудные эпизоды в ходе первоначального расселения древнейшего человечества // РАЕ. 2012. № 2. С. 13–32.
- Измайлов, Щелинский 2013 — Измайлов Я. А., Щелинский В. Е. Геологическая ситуация раннепалеолитических местонаждений и Южном Приазовье на Таманском полуострове // Васильев С. А., Ларионова А. В. (ред.). Древнейший Кавказ: перекресток Европы и Азии. СПб.: ИИМК РАН, 2013. С. 20–39.
- Классификация... 2013 — Классификация в археологии / Колпаков Е. М. (отв. ред.). СПб.: ИИМК РАН, 2013. 251 с.
- Колпаков 2009 — Колпаков Е. М. Верхнеашельская стоянка Даштадем 3 в Армении // Stratum plus. 2005–2009. № 1. С. 196–224.
- Коробков 1978 — Коробков И. И. Палеолит Восточного Средиземноморья // Борисковский П. И. (отв. ред.). Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л.: Наука, 1978. С. 9–185 (Палеолит мира).
- Коробкова, Щелинский 1996 — Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е. Методика микро- и макроанализа древних орудий труда. СПб.: ИИМК РАН, 1996. Ч. 1. 80 с.
- Кулаков 2004 — Кулаков С. А. Отчет о работе Таманского отряда Кубанской палеолитической экспедиции ИИМК РАН в 2003 г. // НОА ИА РАН. 2004. Ф.-1. Р-1. № 25545.
- Кулаков 2007 — Кулаков С. А. Отчет о работе Приазовской экспедиции ИИМК РАН в 2006 г. // НОА ИА РАН. 2007. Ф.-1. Р-1. № 27666.
- Кулаков 2018а — Кулаков С. А. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка на Таманском полуострове // АВ. 2018. Вып. 24. С. 19–32.
- Кулаков 2018б — Кулаков С. А. Раннепалеолитическая стоянка Богатыри/Синяя Балка — пример адаптации древнейших гоминид // Рагимова М. Н. (отв. ред.). Палеолитическая

- стоянка Азых в Азербайджане и миграционные процессы: Сб. материалов МНК. Баку: ИАЭ НАН Азербайджана, 2018. С. 119–135.
- Кулаков 2019а — Кулаков С. А. Достижения сотрудников ИИМК РАН в изучении палеолита Кавказа в конце XX — начале XXI века // Виноградов Ю. А., Васильев С. А. (отв. ред.). Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 9–17.
- Кулаков 2019б — Кулаков С. А. История изучения палеолита Северо-Западного Кавказа: результаты и проблемы // Бессуднов А. А., Захарова Е. Ю. (отв. ред.). Верхнедонской археологический сборник. Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2019. Вып. 11. С. 523–531.
- Кулаков, Зейналов 2014 — Кулаков С. А., Зейналов А. А. Первый топорик (*hachereau sur éclat, flake cleaver*) в ашеле Кавказа // *Stratum plus*. 2014. № 1. С. 17–27.
- Любин 1965 — Любин В. П. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // Палеолит и неолит СССР. М.; Л.: Наука, 1965. Т. 5. С. 7–75 (МИА. № 131).
- Любин 1984 — Любин В. П. Ранний палеолит Кавказа // Борисковский П. И. (отв. ред.). Палеолит СССР. М.: Наука, 1984. С. 45–93.
- Любин 1998 — Любин В. П. Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. 192 с.
- Любин, Беляева 2004 — Любин В. П., Беляева Е. В. Стоянка *Homo Erectus* в пещере Кударо I: Центральный Кавказ. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 272 с.
- Любин, Беляева 2006 — Любин В. П., Беляева Е. В. Ранняя преистория Кавказа. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. 108 с.
- Любин, Беляева 2010 — Любин В. П., Беляева Е. В. Новые данные о раннем палеолите Армении // Васильев С. А., Щелинский В. Е. (ред.). Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 107–126.
- Любин, Беляева 2011а — Любин В. П., Беляева Е. В. Раннеашельский памятник Карахач в северной Армении // АВ. 2011. Вып. 17. С. 13–19.
- Любин, Беляева 2011б — Любин В. П., Беляева Е. В. Страницы ранней преистории Абхазии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. 120 с.
- Любин, Геде 2000 — Любин В. П., Геде Ф. Й. Палеолит Республики Кот д'Ивуар (Западная Африка). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 160 с.
- Матюхин 1972а — Матюхин А. Е. О связи австралопитековых с древнейшими каменными орудиями // ВА. 1972. № 41. С. 60–71.
- Матюхин 1972б — Матюхин А. Е. Открытия последних лет и проблема наидревнейших орудий (критический обзор литературы) // СА. 1972. № 3. С. 364–373.
- Нехорошев 1999 — Нехорошев П. Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб.: Европейский Дом, 1999. 174 с.
- Ниорадзе М., Ниорадзе Г. 2010 — Ниорадзе М., Ниорадзе Г. Ранний палеолит Грузии (Дманиси) // Васильев С. А., Щелинский В. Е. (отв. ред.). Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 84–91.
- Ожерельев 2017 — Ожерельев Д. В. Особенности формирования культурного слоя стоянок эпохи олдована Северо-Восточного Кавказа на примере стоянки Мухкай II, слой 80 // КСИА. 2017. Вып. 249, ч. I. С. 16–31.
- Паничкина 1950 — Паничкина М. З. Палеолит Армении. Л.: Изд-во ГЭ, 1950. 108 с.

- Саблин, Гирия 2010 — Саблин М. В., Гирия Е. Ю. К вопросу о древнейших следах появления человека на юге Восточной Европы/России // АЭАЕ. 2010. № 2 (42). С. 7–13.
- Семёнов 1958 — Семёнов С. А. О каменных орудиях австралопитека // СА. 1958. № 3. С. 244–246.
- Семёнов 1968 — Семёнов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л.: Наука, 1968. 362 с.
- Соколов и др. 2019 — Соколов С. А., Гайдаленок О. В., Тесаков А. С., Фролов П. Д., Трифононов В. Г. Новые данные о тектоническом строении и стратиграфии нижнеплейстоценовых отложений азовского побережья Таманского полуострова // Дегтярёв К. Е. (отв. ред.). Проблемы тектоники континентов и океанов: материалы LI Тектонического совещания. М.: ГЕОС, 2019. С. 258–262.
- Соловьёв 1971 — Соловьёв Л. Н. Первобытное общество на территории Абхазии: Природа и человек нижнего и среднего палеолита. Сухуми: Алашара, 1971. 80 с.
- Таймазов 2010 — Таймазов А. И. Сравнительный типолого-статистический анализ чопперов в некоторых памятниках Олдована // Рагимова М. Н., Джафаров А. Г., Зейналов А. А. (ред.). Карабах в каменном веке: ММНК, посвящ. 50-летию открытия палеолитической пещерной стоянки Азых в Азербайджане. Баку: Текнур, 2010. С. 242–251.
- Технология... 1983 — Технология производства в эпоху палеолита / Рогачёв А. Н. (отв. ред.). Л.: Наука, 1983. 208 с.
- Титов, Тесаков 2009 — Титов В. В., Тесаков А. С. Таманский фаунистический комплекс: ревизия типовой фауны и стратотипа // Конторович А. Э. (отв. ред.). Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: материалы VI Всерос. совещания по изучению четвертичного периода. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. С. 585–588.
- Тесаков и др. 2019 — Тесаков А. С., Гайдаленок О. В., Соколов С. А., Фролов П. Д., Трифононов В. Г., Симакова А. Н., Латышев А. В., Титов В. В., Щелинский В. Е. Тектоника плейстоценовых отложений северо-восточной части Таманского полуострова, Южное Приазовье // Геотектоника. 2019. № 5. С. 12–35.
- Трубихин и др. 2017 — Трубихин В. М., Чепалыга А. Л., Кулаков С. А. Возраст стратотипа Таманского комплекса и стоянок олдованского типа на Тамани (по палеомагнитным данным) // Лаврушин Ю. А. (отв. ред.). Фундаментальные проблемы квартера: итоги изучения и основные направления дальнейших исследований: материалы X Всероссийского совещания по изучению четвертичного периода. М.: ГЕОС, 2017. С. 434–436.
- Фирсов 1982 — Фирсов Л. А. Обезьяны, берущие палки // Наука и жизнь. 1982. № 11. С. 86–91.
- Формозов 1965 — Формозов А. А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965. 160 с.
- Щелинский 2007 — Щелинский В. Е. Палеолит Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа (памятники открытого типа). СПб.: Европейский Дом, 2007. 189 с.
- Щелинский 2013 — Щелинский В. Е. Кермек — стоянка начальной поры раннего палеолита в Южном Приазовье // Молодин В. И., Шуньков М. В. (отв. ред.). Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии. К 70-летию академика А. П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 153–168.
- Щелинский 2014 — Щелинский В. Е. Эоплейстоценовая раннепалеолитическая стоянка Родники 1 в Западном Предкавказье. СПб.: ИИМК РАН; ООО «Периферия», 2014. 168 с.
- Щелинский 2018 — Щелинский В. Е. Раннеашельские стоянки южного Приазовья // Рагимова М. Н. (отв. ред.). Палеолитическая стоянка Азых в Азербайджане и миграционные процессы: Сб. материалов МНК. Баку: ИАЭ НАН Азербайджана, 2018. С. 193–217.
- Щелинский 2019а — Щелинский В. Е. Крупные специальные отщепы и орудия из них Таманской раннеашельской индустрии (Южное Приазовье): типология, технология изготовления и функции // АВ. 2019. Вып. 25. С. 18–43.

- Щелинский 2019б — *Щелинский В. Е.* Начало заселения первобытными людьми территории России: древнейшие раннепалеолитические стоянки Южного Приазовья // Виноградов Ю. А., Васильев С. А. (отв. ред.). Прошлое человечества в трудах петербургских археологов на рубеже тысячелетий (К 100-летию создания российской академической археологии). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 27–55.
- Щелинский и др. 2004 — *Щелинский В. Е., Кулаков С. А., Бозински Г., Киндлер Л.* Открытие нижнепалеолитической стоянки на Таманском полуострове // Столяр А. Д. (отв. ред.). Невский археолого-историографический сборник. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 223–233.
- Щелинский и др. 2010 — *Щелинский В. Е., Додонов А. Е., Байгушева В. С., Кулаков С. А., Симакова А. Н., Тесаков А. С., Титов В. В.* Раннепалеолитические памятники Таманского полуострова (Южное Приазовье) // Васильев С. А., Щелинский В. Е. (отв. ред.). Древнейшие обитатели Кавказа и расселение предков человека в Евразии. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010. С. 11–46.
- Щелинский и др. 2015 — *Щелинский В. Е., Тесаков А. С., Титов В. В., Симакова А. Н., Фролов П. Д., Куршаков С. В.* Раннеплейстоценовая стоянка Кермек в Западном Предкавказье (предварительные результаты комплексных исследований) // КСИА. 2015. Вып. 239. С. 240–257.
- Щелинский, Кулаков 2007 — *Щелинский В. Е., Кулаков С. А.* Богатыри (Синяя Балка) — раннепалеолитическая стоянка эоплейстоценового возраста на Таманском полуострове // РА. 2007. № 3. С. 7–18.
- Щелинский, Кулаков 2009 — *Щелинский В. Е., Кулаков С. А.* Каменные индустрии эоплейстоценовых раннепалеолитических стоянок Богатыри/Синяя Балка и Родники на Таманском полуострове (Южное Приазовье, Россия) // Деревянко А. П., Шуньков М. В. (отв. ред.). Древнейшие миграции человека в Евразии: материалы междунар. симпоз. (г. Махачкала, Россия). Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2009. С. 188–206.
- Bar-Yosef, Goren-Inbar 1993 — *Bar-Yosef O., Goren-Inbar N.* The lithic assemblages of ‘Ubeidiya: a lower palaeolithic site in the Jordan valley. With a contribution by Gilead I. Jerusalem: Institute of archaeology, Hebrew university of Jerusalem, 1993. 209 p. (Qedem. 34).
- Bosinski 1996 — *Bosinski G.* Les origines de l’Homme en Europe et en Asie: atlas des sites du Paléolithique inférieur. Paris: Errance, 1996. 176 p.
- Bordes 1968 — *Bordes F.* Le Paléolithique dans le monde. Paris: Hachette, 1968. 256 p.
- Bordes 1979 — *Bordes F.* Typologie du Paléolithique ancien et moyen. Paris: CNRS Éditions, 1979. 99 p.
- Breizillon 1968 — *Breizillon M.* La dénomination des objets de pierre taillée. Paris: CNRS Éditions, 1968. 411 p.
- Leakey 1971 — *Leakey M. D.* Olduvai Gorge, vol. 3: excavations in Beds I and II, 1960–1963. Cambridge: University Press, 1971. 306 p.
- Lumley et al. 2005 — *Lumley H. de, Nioradze M., Barsky D., Cauche D., Celiberti V., Nioradze G., Notter O., Zvania D., Lordkipanidze D.* Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocène inférieur du site de Dmanissi en Géorgie // L’Anthropologie. 2005. Vol. 109, is. 1. P. 1–182.
- Tavoso 1975 — *Tavoso A.* Les Hachereaux sur Éclats de l’Acheuléen. Montalbanais // Quartär. 1975. 26. P. 13–30.
- Tixer 1957 — *Tixer J.* Le hachereau dans l’Acheuléen nord-africain. Notes typologiques // Congrès préhistorique de France. Compte rendu de la 15ème session, Poitiers — Angoulême 1956. Paris: Bureau de la Société Préhistorique Française, 1957. P. 914–923.

EARLY PALEOLITHIC OF THE CAUCASUS: THE CURRENT STATUS OF RESEARCH

S. A. KULAKOV

Keywords: *Early Paleolithic, Eurasia, archaeological materials, complex study.*

The purposeful study of the initial peopling of North Eurasia has become possible only after the sensational discoveries of archaeological sites predating 1 million years in the Caucasus and adjacent areas of East Europe. These discoveries were made in the late XX — early XXI c. in the South Caucasus (Azykh, Dmanisi, Karakhach), Dagestan (Ainikab I, Mukhkai I and II, Ghegalashur III, Rubas I), on the Taman peninsula (Bogatyri/Sinyaya Balka, Rodniki 1 and 2, Kermek) and in the Rostov region (Liventsovka). The data obtained from these sites has radically changed our views on the timing and routes of the initial peopling of Eurasia by *Homo erectus*. At the same time, the complex studies carried out at these sites gave rise to a number of new important questions, which are considered in this paper. Possible solutions are suggested.

НОВЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА В ГОРНЫХ СИСТЕМАХ ВОСТОЧНОЙ АНАТОЛИИ И МАЛОГО КАВКАЗА¹

Д. В. ОЖЕРЕЛЬЕВ, В. Г. ТРИФОНОВ, Х. ЧЕЛИК, Я. И. ТРИХУНКОВ²

Ключевые слова: *ранний палеолит, ранний плейстоцен, река Евфрат, олдован, археологическая датировка и периодизация.*

Находки раннего палеолита древнее ашеля на территории Восточной Анатолии до недавнего времени были практически неизвестны. В ходе разведочных работ, проводившихся в 2013–2017 гг. совместной исследовательской группой Геологического института РАН, Института археологии РАН и Евфратского университета, в районе Джавахетского нагорья и в долине р. Евфрат было обнаружено несколько стратифицированных местонахождений раннего палеолита. Среди собранных каменных изделий чопперы, пики, орудия с ретушью, отщепы. Схожие каменные индустрии, имеющие возраст первой половины раннего плейстоцена, были обнаружены на территории Кавказа (Армения, Дагестан). Помимо археологической типологической датировки раннеплейстоценовый возраст находок подтверждают геоморфологические, стратиграфические, палеонтологические, палеомагнитные данные. Некоторые из этих местонахождений датируются древнее субхрона Олдувей, то есть около 2 млн л. н. Новые открытия раннего палеолита в Восточной Турции могут иметь большое значение для исследования древнейшей человеческой культуры Ближнего Востока и Кавказа. Обнаружены также каменные изделия ашеля и среднего палеолита, позволяющие датировать более молодые речные террасы.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-22-99-127

Введение

Ближний Восток и Кавказ являются ключевыми территориями для изучения древнейшей человеческой культуры вне Африки. Открытия последних лет подтверждают, что человек широко осваивал пространства Евразии уже в начале плейстоцена. Предполагается, что пути расселения древних гоминид из Африки проходили через Левантский коридор, долину пра-Евфрата в Восточную Анатолию и далее на Кавказ. Логично предположить, что путь расселения древних гоминид

¹ Работа выполнена в рамках плановой темы № АААА-А18-118011790090-1.

² Д. В. Ожерельев — Отдел археологии каменного века, ИА РАН, 117036, г. Москва, Россия; В. Г. Трифонов и Я. И. Трихунков — Отдел тектоники, ГИН РАН, 119017, г. Москва, Россия; Х. Челик — Департамент геологической инженерии, Факультет инженерии, Евфратский университет, 23119, Элязыг, Турция.

должен маркироваться соответствующими стоянками. Стратифицированные местонахождения раннего палеолита (олдована — раннего ашеля) обнаружены в Йемене (Амирханов 2006), Израиле (Bar-Yosef et al. 1993; Bar-Yosef 1994; Ronen 2006; Zaidner et al. 2010), в Сирии в долинах р. Оронт (Van Liere 1961; 1966; Hours 1975; Besançon et al. 1978; Copeland, Hours 1993), среднего течения Евфрата (Copeland 2004) и в оазисе Эль-Каум (Le Tensorer et al. 2015), в Иране (Ariai, Thibault 1975; Biglari, Shidrang 2006), на севере Армении (Беляева, Любин 2013; Egeland et al. 2014; Gasparyan et al. 2014), на юге Грузии (Lordkipanidze et al. 2007; de Lumley et al. 2005), на северо-западном (Shchelinsky et al. 2010; 2016) и восточном (Amirkhanov et al. 2014; 2016) окончаниях Большого Кавказа.

Находки в долине р. Евфрат в Сирии датируются не точнее чем ~2,0–1,5 Ма (Demir et al. 2007; Trifonov et al. 2012; 2014). Недавние исследования в оазисе Эль-Каум (Сирия) определяют возраст олдованского слоя около 1,8 млн лет и, возможно, до эпизода Олдувей (Le Tensorer et al. 2015). Находки из Грузии и Армении датированы в интервале ~1,85–1,75 Ма, соотносятся с эпизодом Олдувей и самым началом верхней Матуямы (калабрия) (de Lumley et al. 2002; Ferring et al. 2011; Presnyakov et al. 2012; Trifonov et al. 2016). Памятник Мухкай II в Дагестане (северо-восточный Большой Кавказ) охватывает верхи гелазия и калабрий (большую часть раннего пелйстоцена), причем нижние слои с изделиями олдованской культуры по фаунистическим и палеомагнитным данным залегают ниже слоев эпизода Олдувей и имеют возраст не моложе ~2,0 Ма (Amirkhanov et al. 2014; 2016). Таким образом, наиболее ранние памятники Ближнего Востока и Кавказа датируются сейчас возрастом около 2,0–1,8 млн лет. Практически все известные раннепалеолитические памятники древнее 1 млн л. н. обнаружены либо на территории Леванта–Сирии, либо на Кавказе.

Древнейшим свидетельством присутствия человека на территории современной Турции является находка фрагмента черепа *Homo erectus* возрастом ~1,1 млн л. н. из местонахождения Кочабаш в Западной Анатолии (Kappelman et al. 2008; Lebatard et al. 2014; Vialet et al. 2012). Древнейший палеолитический памятник с каменными орудиями — стоянка Дурсунлу возрастом 0,9–0,78 млн лет (Güleç et al. 1999; 2009), расположенная в Центральной Анатолии. На юго-востоке Турции единичные находки раннего палеолита отмечены в районе Биреджик долины р. Евфрат (Sanlaville 2004; Demir et al. 2008).

Уровень изученности палеолита в районе Восточного Тавра неоднородный. Отдельные поверхностные находки палеолитических изделий отмечены на северных склонах Таврского хребта в провинциях Элязыг и Малатья (Kökten 1971; 1974; 1976). Эти материалы трудно датировать, но, видимо, самые ранние из них относятся к ашелю. К югу от Таврского хребта в провинции Адыяман известно значительное количество палеолитических местонахождений. Все они представляют собой поверхностные находки и не имеют стратиграфического контекста. Среди них такие местонахождения, как Анеп, Егричай, Чакал Сую, Гри Мемо, Хашишкан, Кирмизи-Асидере, Мемишхан, Мироглу, Салахан, Шамбаят, Еникёй, Пирин, Паланлы, Пирун, пещера Кесилер и некоторые другие (Pittard 1931; 1939; Bostanci 1973; Yalçınkaya 1983; 1984; Harmankaya, Tanındı 1996). Коллекции этих местонахождений часто содержат разновременный смешанный материал. Наиболее ранние палеолитические орудия с большой серией рубил обнаружены в местности Шехремюз.

Коллекция датируется поздним ашелем (Müller-Beck, Albrecht 1988). Ашельские местонахождения обнаружены в бассейне р. Евфрат и к югу от водохранилища Ататюрка (Kansu 1947; Şenyürek, Bostancı 1958; Bostancı 1962; Özdoğan 1977; Minzoni-Déroche 1993; Minzoni-Déroche, Sanlaville 1988; Kuhn 2002; Taşkıran 2008; Dinçer 2010; Güleç et al. 2012). Юго-восток Турции является самым богатым на находки ашельских рубил, причем среди них помимо поверхностных находок известны рубила в аллювиальных террасах.

Таким образом, на территории Анатолии, за исключением единичных находок, не имеющих четкого стратиграфического и культурного контекста, неизвестны археологические памятники эпохи олдована древнее 1 млн л. Вместе с тем Восточная Турция и, в частности, долина Евфрата находились на пути расселения древнейших гоминид (Любин 1957; Bar-Yosef, Belfer-Cohen 2001), следы которых обнаружены как южнее, в Сирии–Леванте, так и севернее и восточнее, на Кавказе. Исходя из этого, целью наших исследований являлся поиск стратифицированных памятников раннего палеолита в бассейне р. Евфрат в районе Восточного Тавра и в северо-восточной части Армянского нагорья.

Географическая характеристика района исследований и методика исследований

Горы Восточного Тавра пересекают район исследований с ЗЮЗ на ВСВ. Их образование связано с глобальными тектоническими процессами, продолжающимися в плиоцене и плейстоцене. Отправным пунктом в этой системе является Великая Африканская рифтовая система, продолжающаяся на север в виде Красноморского рифта и трансформы Мёртвого моря. Их развитие связано с движением Аравийской плиты на север. На границе Аравийской плиты с Анатолийской и Евразийской плитами сформировалась Южно-Таврская (Битлисская) надвиговая зона, с движениями которой связано образование гор Восточного Тавра. Протяженность этих гор — около 600 км. Самые высокие вершины достигают отметок около 2600 м. Территория, где проводились поиски, охватывает западную часть Восточного Тавра. Этот район включает бассейн р. Евфрат в месте, где река прорезает горный хребет и выходит на невысокие плато Северной Месопотамии (рис. 1, А, Б).

Обследования проводились на двух крупных участках бассейна р. Евфрат. Северный участок охватывает область между Армянским нагорьем и Восточным Тавром. Это межгорные котловины, разделенные небольшими хребтами. Средние высоты 1100–900 м н. у. м. Река Евфрат в районе г. Кебан делает петлю, огибая с запада отроги Тавра Хасан и Булутлу. В межгорных долинах протекают реки. Крупнейшими притоками Евфрата являются Мурат и Тохма. Вдоль рек протягиваются водохранилища Кебан и Каракая. Крупнейшим естественным водоемом является озеро Хазар, находящееся непосредственно в Восточно-Анатолийской зоне разломов. В административном отношении исследуемые районы относятся к провинциям Элязыг и Малатья.

Второй участок охватывает южные предгорья Восточного Тавра. На этом участке Евфрат поворачивает на запад — юго-запад, огибая обширное лавовое поле Карачадаг и плато Шанлыурфа. Река подпружена, образуя водохранилище Ататюрка. Местность представляет собой понижающуюся к югу плоскую равнину, изрезанную долинами многочисленных рек — правых притоков р. Евфрат. Наиболее

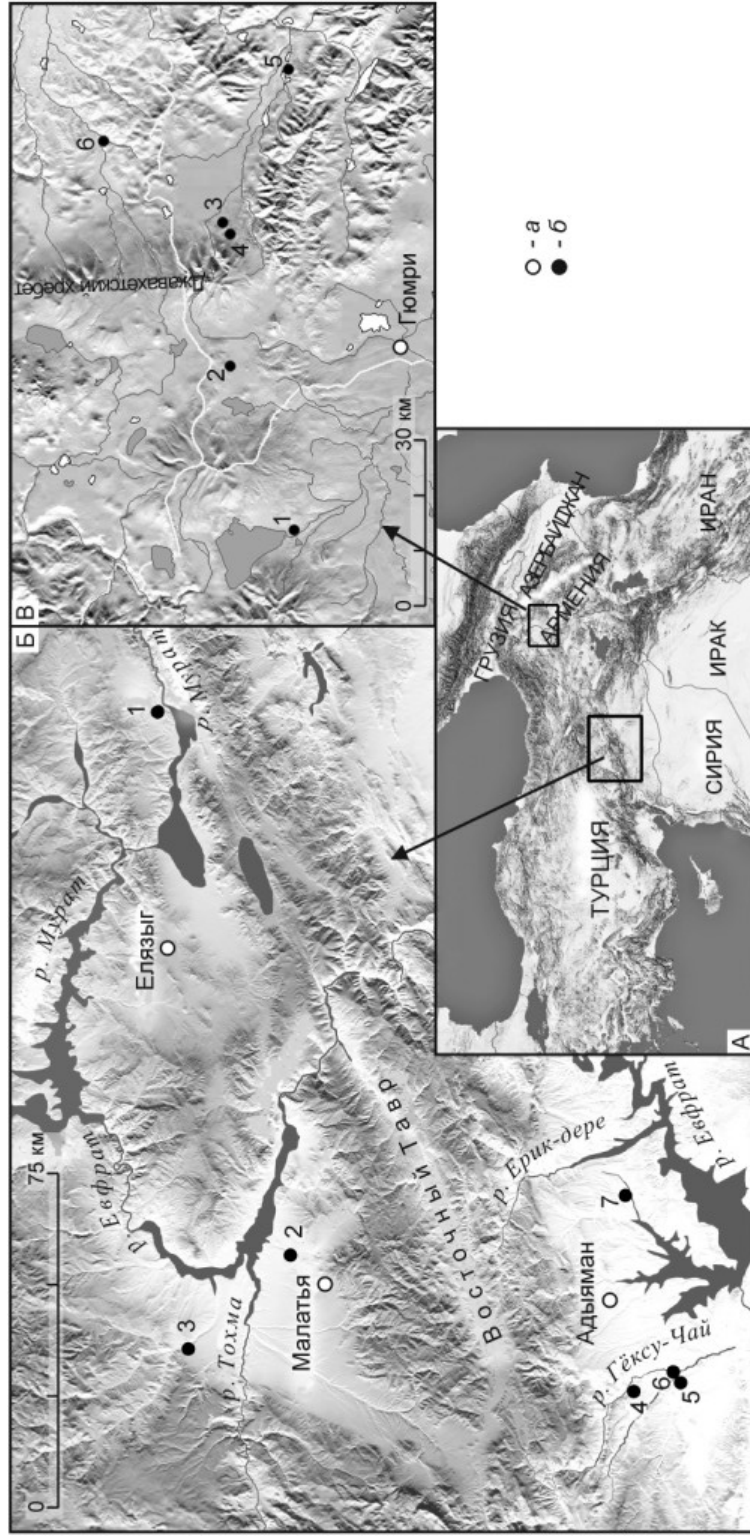

Рис. 1. Карта палеолитических местонахождений, открытых в районе Восточного Тавра и северо-восточной части Армянского нагорья (а — современные города; б — местонахождения и стоянки): А — участки обследований на карте Малой Азии и Кавказа; Б — местонахождения в районе Восточного Тавра (1–5, 7 — ранний палеолит; 6 — средний палеолит); 1 — Кованджилар; 2 — Ескималатгя; 3 — Тахтали; 4 — Шамбаят; 5 — Бостанджик; 6 — Ескикёй-дере; 7 — Калбурчу; В — местонахождения (1, 2) и стоянки (3–6) в районе северо-восточной части Армянского нагорья: 1 — Чилдыр; 2 — Агворик; 3 — Муратово; 4 — Карахач; 5 — Куртах; 6 — Дманиси

Fig. 1. Map showing the location of Paleolithic sites discovered in the Eastern Taurus region and the northeastern part of the Armenian Highlands (a — modern sites; б — surface occurrences and occupation sites): А — study areas on the maps of the Caucasus and Asia Minor; Б — sites in the Eastern Taurus region (1–5, 7 — Early Paleolithic; 6 — Middle Paleolithic); 1 — Kovandzhilar; 2 — Eskimalatia; 3 — Takhtali; 4 — Shambayat; 5 — Bostandzhik; 6 — Eskikeyi-dere; 7 — Kalburchu; В — surface occurrences (1, 2) and occupation sites (3–6) in the northeastern part of the Armenian Highlands: 1 — Childyr; 2 — Agvorik; 3 — Muradovo; 4 — Karakhach; 5 — Kurtan; 6 — Dmanisi

крупные из них — реки Гёксу, Ерикдере, Ескикёй-дере, Калбурчу. Истоки этих рек находятся в Восточном Тавре. Устья и нижние террасы рек часто затоплены водами водохранилища Ататюрка. Исключение составляет долина крупного притока р. Гёксу, впадающей в Евфрат ниже плотины Ататюрка. Абсолютные отметки в среднем 800–500 м н. у. м. Исследуемый участок является северной оконечностью Верхней Месопотамии и представляет собой единое ландшафтно-географическое целое с Северной Сирией. В административном делении территория относится к провинции Адьяман (рис. 1, Б).

Следующий район разведок охватывал небольшие участки на северо-востоке Армянского нагорья. Регион характеризуется активным плиоцен-плейстоценовым вулканизмом и представлен несколькими межгорными впадинами и хребтами, разделяющими их. Один из районов обследований, где были сделаны стратифицированные находки, находится в северо-западной Армении. В частности, это Верхнеахурянская межгорная впадина, ограниченная Джавахетским, Ширакским и Егнахагским хребтами (Лебедев и др. 2008; Трифонов и др. 2017). Верхнеахурянская впадина расположена к западу от Лорийской впадины, где открыты и исследуются известные памятники раннего палеолита Мурадово, Карахач, Куртан (Беляева, Любин 2013). Небольшие разведки также были осуществлены на примыкающей с запада восточной части Карского плоскогорья (Турция). Район обследований охватил впадину озера Чилдыр и долину р. Карс (рис. 1, В).

При поиске стратифицированных палеолитических памятников использовался подход, включавший геоморфологическую привязку террас, описание и сопоставление разрезов памятников. Детальное обоснование геологического возраста местонахождений представлено в статье. Геологический возраст определялся методом измерения остаточной намагниченности, спорово-пыльцевым анализом, изучением различных фаунистических остатков. Археологическое изучение каменных коллекций базировалось на типологическом и технологическом методах. За основу принимались фундаментальные методические разработки, созданные для раннепалеолитических материалов Африки, Ближнего Востока, Европы и Кавказа (Bordes 1961; Clark 1961; Kleindienst 1962; Biberson 1967; Leakey 1971; Toth 1985; Bar-Yosef et al. 1993; Isaac et al. 1997; Clark, Kleindienst 2001; de Lumley et al. 2005; de la Torre, Mora 2005). При характеристике каменных коллекций понятие «олдован» использовалось в том же смысле, что и в публикациях М. Leakey.

Находки раннего палеолита в северо-восточной части Армянского нагорья

Свидетельство наличия раннего палеолита было установлено в местонахождении Агворик, в Северо-Западной Армении (рис. 1, В). В археологической литературе район обследований еще известен под названием Ениель (Fourloubey et al. 2003). В разное время недалеко от с. Агворик были обнаружены находки верхнеашельского и среднепалеолитического времени. Находки приурочены либо к дневной поверхности, либо погребены на незначительную глубину в дерн и современную почву. К востоку от с. Агворик в карьере было обнаружено местонахождение с погребенными находками. Карьер вскрывал аллювиальные отложения левого борта долины р. Ахурян, которые, в свою очередь, прислонены к древним базальтовым лавам. Геологическая позиция, характер отложений и палеомагнитная характеристика предполагают, что отложения эти имеют раннеплейстоценовый возраст

и представляют собой фациальный вариант карахачской свиты, с которыми связаны основные стоянки соседнего Лорийского плато — Карахач, Мурадово, Куртан (Trifonov et al. 2016) (рис. 1, В). Тем не менее находки сильно окатаны, и их первоначальная позиция остается не совсем ясной. Среди изделий, происходящих непосредственно из слоев 3 и 5 разреза, устанавливаются пик (1 экз.), пикообразные изделия (2 экз.), чопперы (2 экз. — долотовидный и двусторонний) (рис. 2, 1–3).

Замечательный образец двустороннего чоппера был обнаружен в галечниково-песчаных отложениях озерной террасы оз. Чилдыр (Карсский ил, северо-восток Турции; рис. 1, В). Видимая часть разреза имеет мощность около 10 м. В нижней части разрез сложен песками и песчаниками (3–10 м). В верхней части встречаются слои галечника и гравия. Чоппер обнаружен в галечниково-гравийном слое 3. Чоппер двусторонний, подовальной формы (рис. 2, 4), изготовлен из базальтового валуна. Обработкой затронута одна из более узких сторон заготовки. Обивка тщательная, крупная, двусторонняя. Лезвие имеет заостренную форму и забито. Остальная часть чоппера не обработана. Размеры орудия — 19,2 × 13,0 × 9,7 см. Сама озерная терраса, откуда происходит орудие, прислонена к плиоцен-раннеплейстоценовым базальтам. Базальты служили субстратом для галечников плейстоценовых отложений оз. Чилдыр.

Раннепалеолитические местонахождения к северу от Таврского хребта

Более результативными оказались поиски в районе Таврского хребта (Юго-Восточная Турция). К северу от Таврского хребта нижнечетвертичным осадкам соответствует формация Палу (в районе р. Мурат) и ее аналоги (бассейн р. Султан-Сую). Формация Палу чаще всего с несогласием и размывом залегает на формации Чайба, которая охватывает плиоцен и, вероятно, часть гелазия. Находки раннего палеолита были сделаны при обследовании 200-метрового геологического разреза на правом берегу р. Мурат у г. Кованджилар (N 38° 41,952'; E 39° 51,695'; Н = 981 м) (рис. 1, Б). Нижняя часть разреза Кованджилар (~85 м) принадлежит формации Чайбаджи, сложенной суглинками, алевритами и песчаниками и датированной плиоценом и в верхней части, возможно, гелазием. Выше со слабым несогласием залегает формация Палу (~115 м), в которой содержание грубообломочного материала возрастает. Формация Палу сопоставляется с самыми верхами гелазия и калабрием. Формация Палу несогласно перекрыта галечно-гравийным слоем мощностью от 0,5 до 2 м, слагающим поверхность самой высокой III террасы. К востоку мощность этого верхнего слоя возрастает до 4–6 м. Слой, вероятно, относится к началу среднего плейстоцена.

Каменные изделия со следами обработки были обнаружены в 5-метровом базальном слое формации Палу (слой 17), сложенном серыми песчаниками с линзовидными прослоями конгломератов (рис. 3). Находки сделаны в прослое конгломерата с обильным песчаным матриксом мощностью до 1,5 м, залегающим в основании слоя, и в осypi непосредственно рядом с ним. Были обнаружены: один пик, два пикообразных орудия, два чоппера, крупный обломок подчетырёхугольной формы с обработкой на одной из боковых сторон (табл. 1). Среди чопперов один — односторонний, один — двусторонний. Пик имеет каплевидную (грушевидную?) форму, размеры: 12,5 × 10,1 × 7,8 см. Фронтальная сторона обработана центростремительными сколами с двух сторон, которые формируют срединную

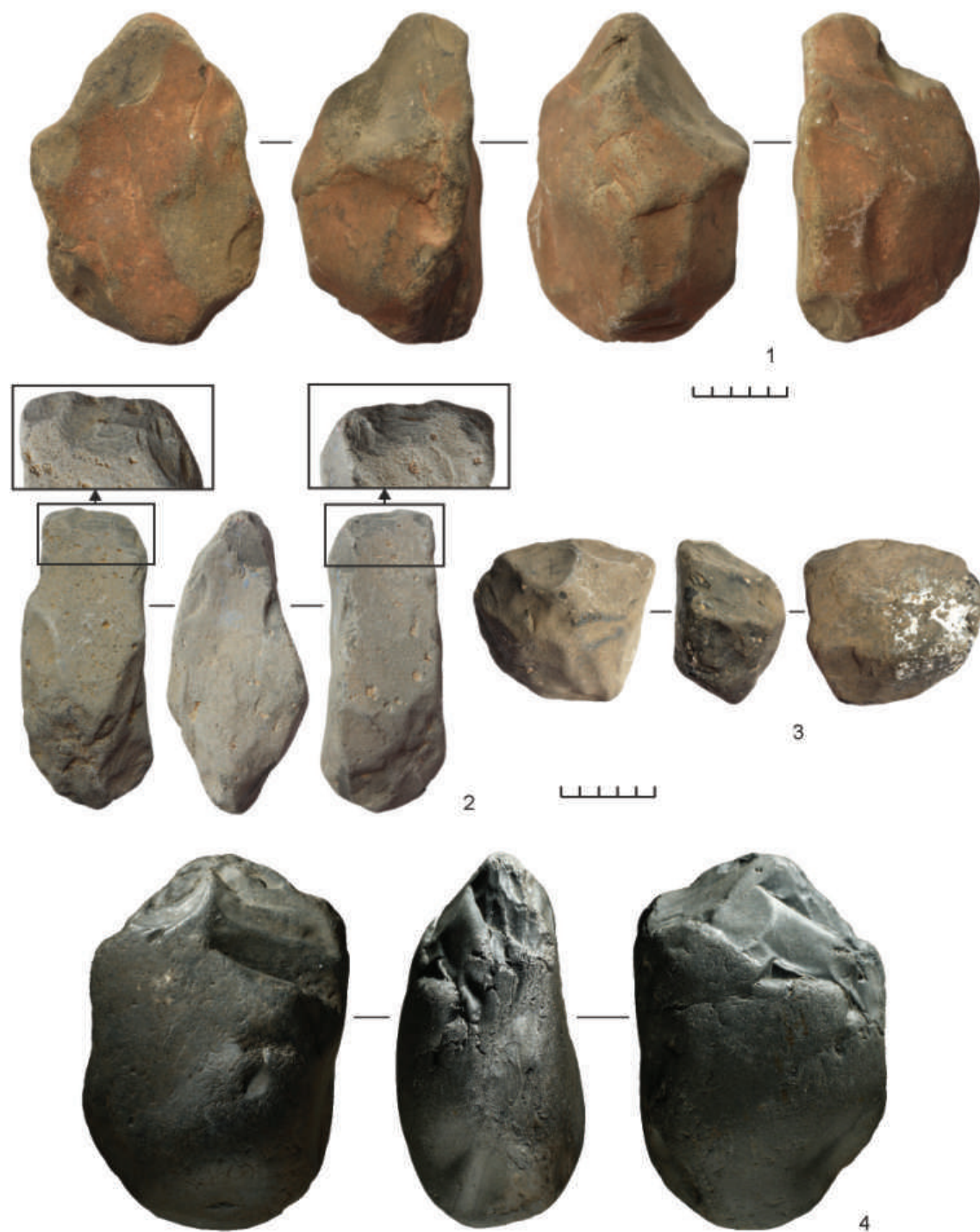

Рис. 2. Каменные орудия из местонахождений Агворик и Чилдыр (4): 1 — пик; 2–3 — чопперы; 4 — двусторонний чоппер

Fig. 2. Stone tools from Agvorik and Childyr (4) sites: 1 — pick; 2–3 — choppers; 4 — bifacial chopper

Рис. 3. Раннепалеолитическое местонахождение Кованджилар; стрелками указаны места находок в слоях 1 и 17

Fig. 3. Early Paleolithic site of Kovandzhilar; arrows show where artifacts were found in layers 1 and 17

Таблица 1

Каменные находки из раннепалеолитических местонахождений

Категория	Шамбаят			Босанджик	Ескималатъя	Кованджилар		Тахтали	Агворик	Чилдыр
	IV ^a	IV				L.17	L.1			
		L.9	L.2							
Пренуклеус	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Односторонние чопперы	2	1	1	–	2	1	2	–	–	–
Двусторонние чопперы	3	2	1	1	1	1	2	–	2	1
Стрельчатые чопперы	3	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Пики	1	–	–	1	2	1	1	–	1	–
Пикообразные орудия	2	–	1	–	–	2	–	–	2	–
Многогранники с нерегулярным скалыванием	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Изделия с частичной бифасиальной обивкой	–	–	–	2	–	–	–	–	–	–
Орудия с ретушью	5	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Отщепы, обломки отщепов	11	2	–	2	1	–	3	4	–	–
Обломки со сколами	7	–	1	–	–	1	1	–	–	–
Обломки	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего	36	6	4	–	–	–	–	–	–	–
Итого		46		6	6	6	9	4	5	1

грань. Конец приострен уплощающим сколом. У орудия фиксируется крупная обработанная «пятка». Контрфронт плоский (рис. 4, 1). Два пикообразных орудия близки по форме к пику, но имеют достаточно грубую обработку. Предметы окатаны.

Каменные находки были сделаны также в подпочвенном слое (слой 1; рис. 3), перекрывающем формацию Палу. Здесь были найдены: четыре чоппера, пик, три отщепа и обломок со сколами. Предметы изготовлены на гальках кристаллизованного известняка, сильно окатаны и покрыты толстой карбонатной коркой. Вероятно, они были переотложены из более низких горизонтов формации Палу. Чопперы представлены двумя односторонними предметами и двумя двусторонними. Особый интерес представляет пик, изготовленный на уплощенной гальке. Изделие имеет укороченную подтреугольную форму. Заостренный конец орудия был придан несколькими крупными сколами с фронтальной стороны. Форма «пятке» была придана одним продольным сколом с контрфронта. Предмет отдаленно напоминает рубила «дауанского» типа, выделенные в Южной Аравии (Амирханов 2006: 153). Серии таких рубил выделяются для верхнего ашеля (рис. 4, 2).

На правом берегу р. Евфрат, к востоку от с. Ескималатья (N 38° 24,711'; E 38° 24,141'; Н = 849 м), также обнаружено местонахождение с раннепалеолитическими изделиями (рис. 1, Б). Местонахождение приурочено к карьеру, который врезан в верхнюю часть той же III террасы. Вскрытый карьером разрез сопоставляется с формацией Палу и сложен конгломератами с линзами и прослоями гравия, супесей и суглинков (~17 м). Их перекрывает супесь с карбонатными стяжениями (~2 м) и карбонатным травертином в основании (0,3 м). В нижней и средней частях вскрытой конгломератовой толщи обнаружены сильноокатанные изделия раннепалеолитического облика: три чоппера (два односторонних и один двусторонний), два пика (укороченный и удлиненный), крупный первичный отщеп (табл. 1; рис. 5, 3–4). Предметы изготовлены из доломитизированного известняка.

В 20 км к северо-западу от с. Ескималатья, на правом берегу р. Куру (приток р. Евфрат) в местности Тахтали (N 38° 37,959'; E 38° 09,166'; Н = ~875 м; h = ~125 м) был обследован разрез мощностью ~105 м, также сопоставляемый с формацией Палу (рис. 1, Б). Разрез подразделяется на две пачки. Верхняя часть (75–80 м) сложена песчаниками и суглинками с крупными прослоями галечников. Нижняя часть, видимой мощностью 25–35 м, представлена хорошо окатанными конгломератами русловой фации аллювия. В кровле разреза обнаружены четыре вторичных отщепа, изготовленных из кремня и красной яшмы (табл. 1). Предметы окатаны. Несмотря на скудость археологического материала, местонахождение может быть интересно для дальнейших поисков.

Палеолитические местонахождения к югу от Таврского хребта

Шамбят

Другой крупной областью, охваченной исследованиями, стала южная присклонная зона Восточного Тавра, где р. Евфрат выходит на равнинную часть южной Турции, то есть краевую часть Аравийской плиты. Плиоцен — раннеплейстоценовые отложения слагают чехлы высоких террас речных долин. Наиболее значительные результаты получены в долине р. Гёксу — крупного правого притока р. Евфрат. Здесь выделено пять террас. Верхняя V терраса отнесена к плиоцену; терраса IV соответствует палеомагнитному эпизоду Олдувей и смежным с ним частям гелазия и

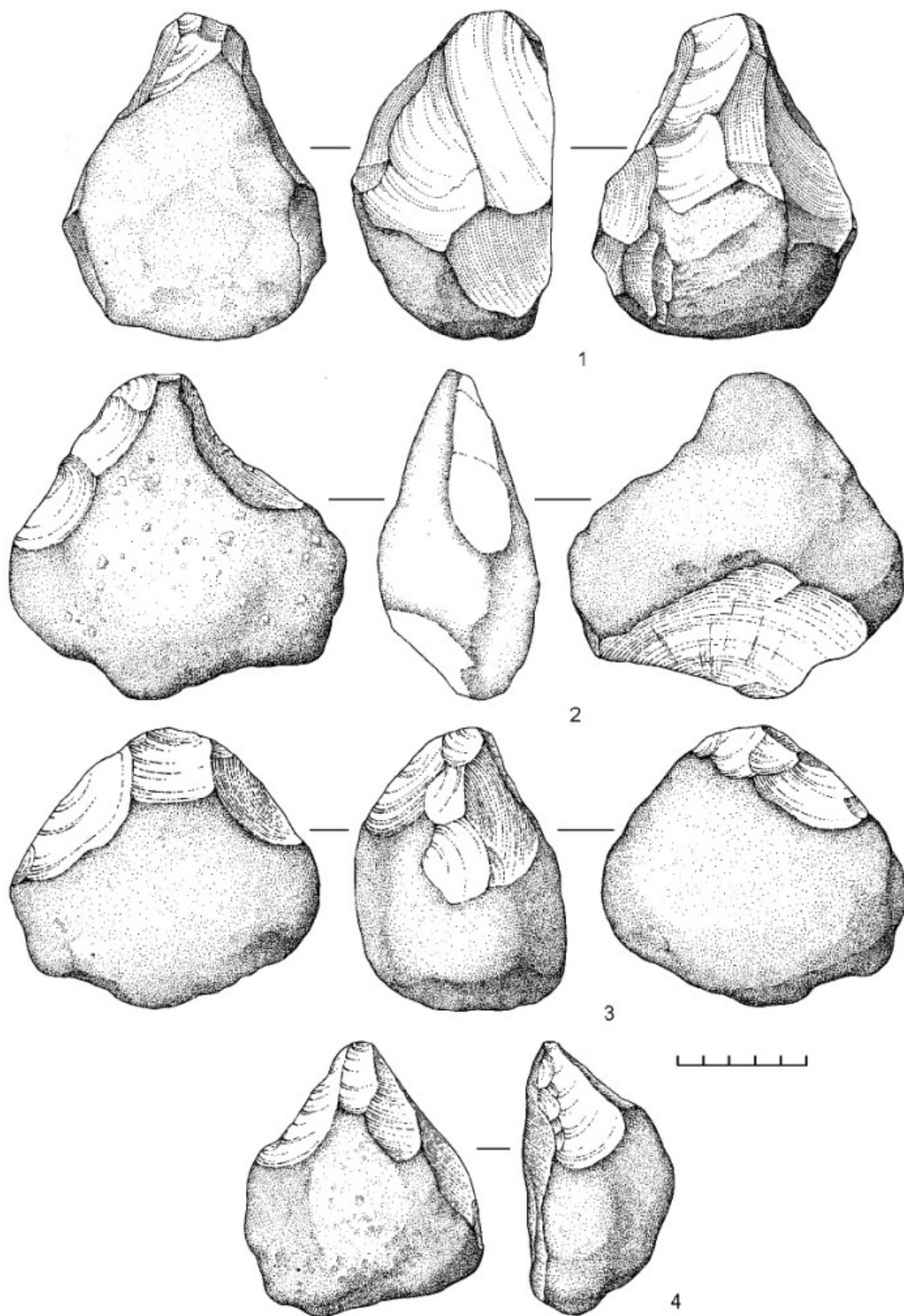

Рис. 4. Каменные орудия из раннепалеолитических местонахождений к северу от Восточного Тавра: 1 — пик (Кованджилар, слой 17); 2 — пикообразное орудие (Кованджилар, слой 1); 3 — чоппер двусторонний; 4 — пик (3 и 4 — Ескималатя)

Fig. 4. Stone tools from the Early Paleolithic sites situated north of Eastern Taurus: 1 — pick (Kovandzhilar, layer 17); 2 — pick-like tool (Kovandzhilar, layer 1); 3 — bifacial chopper; 4 — pick (3 and 4 — Eskimalatia)

калабрия, терраса III — концу калабрия и началу среднего плейстоцена, терраса II — среднему — позднему плейстоцену, терраса I — позднему плейстоцену — голоцену. Палеолитические находки обнаружены в разрезах террас IV и IV^a в придорожном обнажении в 1,5 км к востоку от с. Шамбят (N 37,67928°; E 38,06823°; H = 632 м; h = 150 м; рис. 1, Б; 5; 6). В обнажении терраса IV имеет следующее строение (рис. 5, 1).

1. Алеврит; 1,7 м.
2. Галечники, переслаивающиеся с линзами песчаника (0,2 м); 2 м. Слой содержит раннепалеолитические каменные находки.
3. Алеврит с линзами галечника (до 0,4 м) в средней части; 3,7 м. Обнаружен фрагмент проксимальной части метаподии копытного млекопитающего среднего размера. Слой имеет прямую намагниченность.
4. Крупный галечник; 1,5–2,5 м.
5. Алеврит с горизонтом палеопочвы (0,3–0,4 м) в средней части; 3,9–4,3 м. Нижняя часть слоя имеет прямую намагниченность.
6. Галечник с крупной линзой палеопочвы; 1,0–1,5 м.
7. Суглинок с линзой гравия до 0,3 м в основании; 2,8 м. Нормальная полярность.
8. Алеврит с галечной линзой до 1,5 м в основании. Слой имеет обратную намагниченность.
9. Галечник; до 3 м. В слое обнаружены раннепалеолитические находки.
10. Коричневый суглинок; 1,5 м. Галечник слоя 9 уменьшается, отдаляясь от реки, и мощность суглинка увеличивается до 4,5–5,0 м. Слой имеет прямую намагниченность.

Общая мощность вскрытого чехла террасы IV — около 26 м. Терраса IV^a (H = 590 м; h = 108 м) является локальным образованием и представляет собой частично эродированный фрагмент террасы IV, сползший на поверхность террасы III на расстояние ~40 м (по вертикали). Разрез имеет мощность ~15 м и соответствует слоям 4–9 разреза террасы IV (рис. 5, 2, 3; 6). Каменный раннепалеолитический материал найден в слое 6, сложенном конгломератом с хорошо окатанной галькой мелкой и средней размерности и линзовидным прослоем суглинка (палеопочвы); 4,0–4,4 м. Этот слой примерно соответствует слою 9 разреза террасы IV.

Всего в трех слоях местонахождения Шамбят (слои 2 и 9 террасы IV и слой 6 террасы IV^a) обнаружено 46 предметов (табл. 1). Наиболее представительная коллекция была получена в слое 6 террасы IV^a. Насыщенность естественным кремневым материалом (желваки, обломки и т. д.) здесь выше, чем в других слоях местонахождения, но тем не менее остается незначительной. Здесь найдены: один пренуклеус, два односторонних чоппера, три двусторонних чоппера, три стрелчатых чоппера, массивный пик, два пикообразных орудия, полиэдр с нерегулярным скалыванием, три массивных скребла, орудие с выемкой на фрагменте отщепе, скребок на отщепе, семь обломков со сколами и 11 обломков отщепов. Всего 36 предметов.

Односторонние чопперы схожи между собой и имеют простую морфологию. Так, один из них сделан на подтреугольном кремневом желваке (18,0 × 12,3 × 6,6 см). Односторонняя двурядная обивка сосредоточена на одной из узких концов желвака (рис. 7, 1). В коллекции преобладают более сложные формы чопперов: двусторонние и стрелчатые. Один из двусторонних чопперов изготовлен на обломке

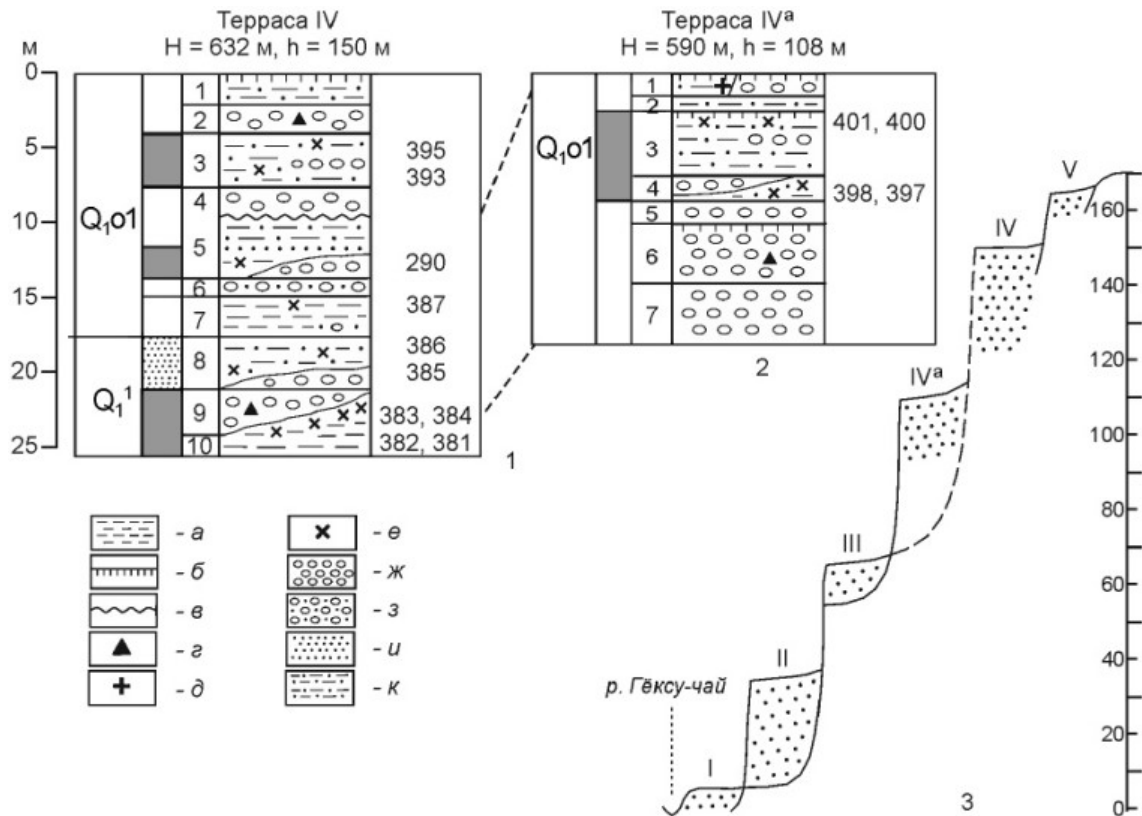

Рис. 5. Находки каменного века в разрезах террас долины р. Гёксу: 1 — терраса IV^а; 2 — терраса IV; 3 — общий разрез террас. Условные обозначения: *а* — суглинки; *б* — почва и палеопочва; *в* — несогласие, эрозионный контакт; *г* — раннепалеолитические находки в галечных отложениях; *д* — находки конца верхнего палеолита — неолита в покровном суглинке; *е* (X401) — место отбора и номер образца на палеомагнитный анализ; *ж* — галечники, конгломераты; *з* — гравийно-галечники; *и* — пески, песчаники; *к* — мелкозернистый песок, алевриты, супеси

Fig. 5. Stone age finds from the cross-sections of the Göksu valley terraces: 1 — terrace IV^a; 2 — terrace IV; 3 — cross-sections of the terraces. Legend: *a* — loam, clay; *b* — soil and paleosoil; *v* — unconformity erosional contact; *г* — Early Paleolithic finds from gravel deposits; *д* — Final Paleolithic and Neolithic finds from the covering loam; *e* (X401) — provenience and numbering of paleomagnetic samples; *ж* — pebbles, conglomerate; *з* — gravel; *и* — sand, sandstone; *к* — fine-grained sand (stone), silt, sandy loam

желвака подчетырехугольной формы (размеры: 10,8 × 8,4 × 5,4 см). Лезвие выполнено также на узкой стороне заготовки, обивка двусторонняя.

Стрельчатые чопперы имеют также двустороннюю обивку, целью которой было получение заостренного конца (рис. 7, 3–4). Эти предметы имеют подтреугольную форму, корковую или подработанную «пятку». Размеры: 13,1 × 10,0 × 7,2 см; 12,4 × 11,5 × 6,5 см; 9,0 × 9,1 × 7,5 см.

Пики и пикообразные орудия представлены тремя предметами. Пик относится к разновидности массивных (19,0 × 17,0 × 8,8 см), изготовлен на крупном фрагменте желвака. Среди пикообразных орудий выделяется крупный предмет, изготовленный на плоском вытянутом желваке (размеры: 28,5 × 12,3 × 5,5 см). У предмета тщательной конвергентной обивкой с двух сторон оформлен заостренный

Рис. 6. Местонахождение Шамбаят, места обнаружения каменных находок в разрезе террас IV и IV^а: *а* — раннепалеолитические находки в галечных отложениях; *б* — находки конца верхнего палеолита — неолита в покровном суглинке

Fig. 6. Shambayat site, find spots of stone artifacts in the cross-section of terraces IV and IV^a: *a* — Early Paleolithic finds from gravel deposits; *b* — Final Paleolithic and Neolithic finds from the covering loam

пикообразный конец, в то время как остальная часть орудия практически не обрабатывалась (рис. 8, 2).

Скребла массивные (3 экз.; $9,6 \times 10,1 \times 3,8$ см; $8,5 \times 10,3 \times 4,5$ см; $7,5 \times 10,5 \times 3,2$ см), изготовлены на уплощенных желваках подчетырёхугольной формы. Лезвие изготовлялось на одной из длинных сторон заготовки крупной обивкой. Вся остальная часть орудий за исключением единичных сколов представляет собой желвачную поверхность (рис. 9, 5). Важно отметить, что орудия этого типа были найдены в обнажении слоя на достаточно локализованном участке. Больше таких предметов на местонахождении не обнаружено.

Орудие с выемкой выполнено на фрагменте скола ($5,1 \times 4,5 \times 2,7$ см). Выемка клетонская, оформлена одним крупным и одним мелким сколами (рис. 9, 3). Скребок боковой изготовлен на вторичном отщепе. Лезвие скребка оформлено на одной из боковых сторон орудия. Размеры предмета: $3,7 \times 4,6 \times 1,4$ см, ширина лезвия — 3,3 см (рис. 9, 4), имеются следы естественной забитости. Обломки со сколами представляют собой фрагменты кремневых желваков, несущие на себе негативы нескольких снятий. Обломки отщепов представляют собой достаточно крупные образцы от 5,0 до 8,5 см по одной из осей (3 экз.). Другие 5 экз. имеют размеры до 4 см по продольной оси. Обломки — дистальные. Среди крупных обломков отщепов два являются первичными, один — вторичным. Из обломков отщепов до 4 см в длину два предмета являются первичными и три вторичными (рис. 9, 1–2). Практически все обломки отщепов несут следы окатанности и образовавшуюся благодаря переносу естественную ретушь.

Находки в слоях 2 и 9 террасы IV местонахождения Шамбаят немногочисленны (рис. 5; 6). В слое 9 были обнаружены один односторонний чоппер и два двусторонних. Выделяется крупный двусторонний чоппер ($25,2 \times 14,7 \times 9,6$ см) с дугообразным лезвием с тщательной односторонней обивкой и незначительной подправкой с другой стороны (рис. 8, 1). Также коллекция из слоя содержит два обломка отщепов

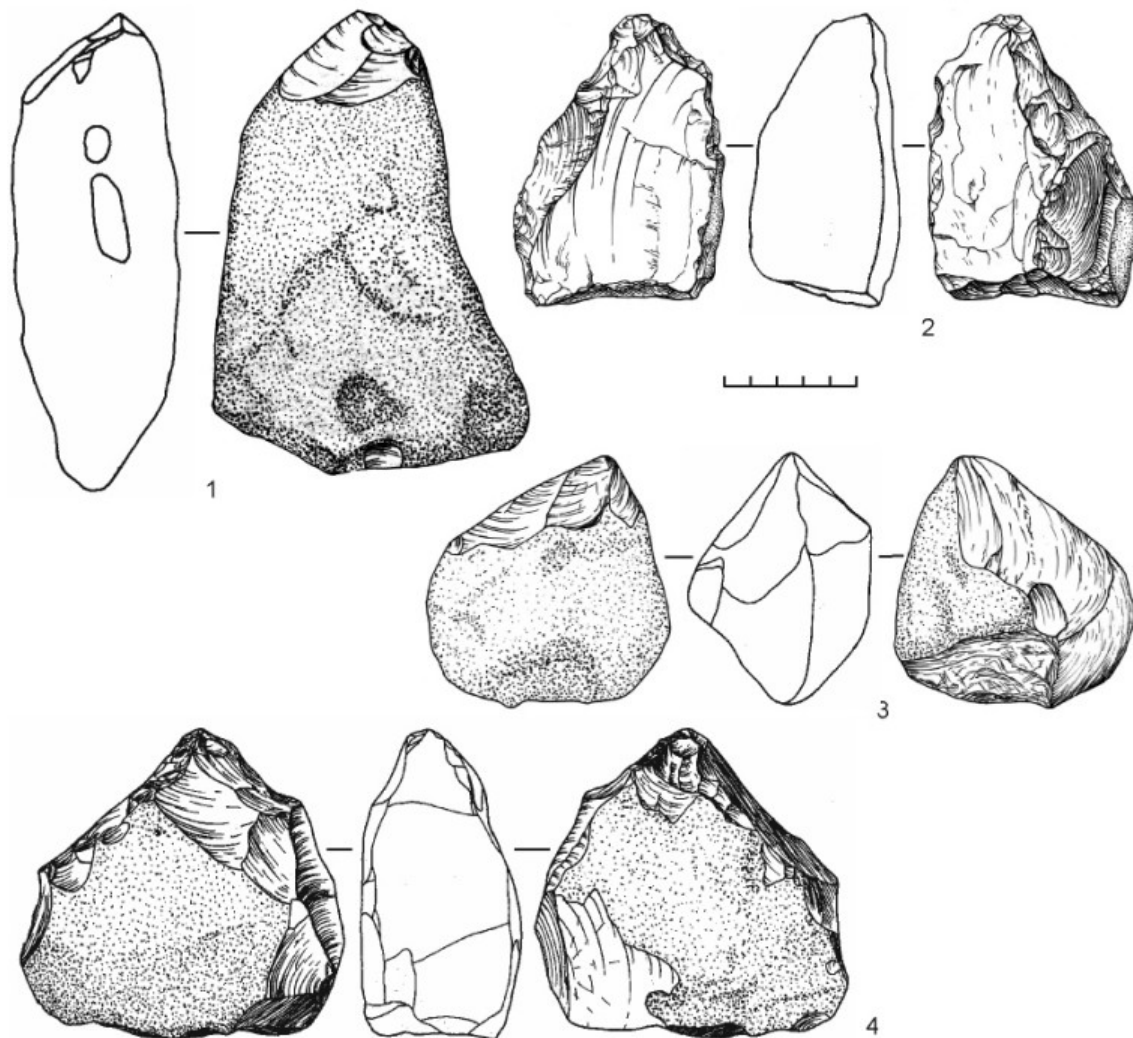

Рис. 7. Местонахождение Шамбаят, каменные орудия: 1 — односторонний чоппер; 2 — пикообразное орудие; 3–4 — стрельчатые чопперы

Fig. 7. Shambayat site, stone tools: 1 — unifacial chopper; 2 — pick-like tool; 3–4 — ogival choppers

и обломок без видимых следов обработки. Обломки отщепов представлены вторичным медиальным ($1,8 \times 2,6 \times 0,6$ см) и первичным дистальным ($1,9 \times 1,8 \times 0,5$ см). Предметы слегка окатаны.

Среди находок из слоя 2 присутствуют два чоппера, пикообразное орудие и обломок со сколами. Чоппер односторонний, изготовлен на желваке подтреугольной формы. Двухлезвийный чоппер имеет подокруглую форму. Лезвия сделаны на двух противоположных сторонах орудия и обработаны двусторонней обивкой. Пикообразное орудие изготовлено на крупном отщепе ($10,8 \times 7,7 \times 4,8$ см). Тыльная сторона предмета представляет собой вентральную поверхность отщепа. Лицевая сторона — это, соответственно, дорсальная поверхность. В сечении орудие треугольное (рис. 7, 4).

Примерно в 40 м к востоку (ближе к руслу р. Гёксу) в IV^a террасе фиксируется незначительный уступ в виде ступени, верхняя часть которого заполнена покровным

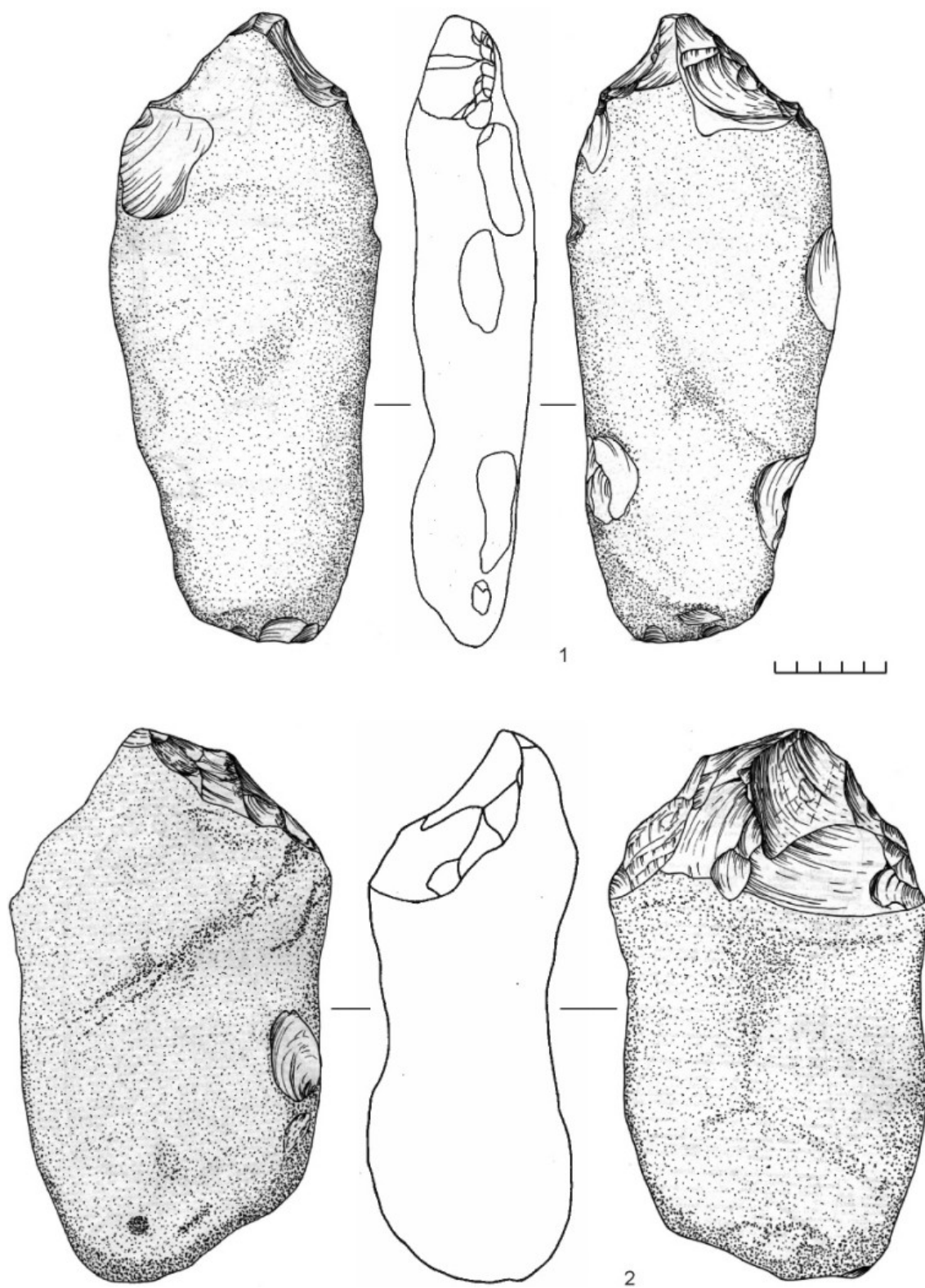

Рис. 8. Местонахождение Шамбаят, каменные орудия: 1 — двусторонний чоппер; 2 — пикообразное орудие

Fig. 8. Shambayat site, stone tools: 1 — bifacial chopper; 2 — pick-like tool

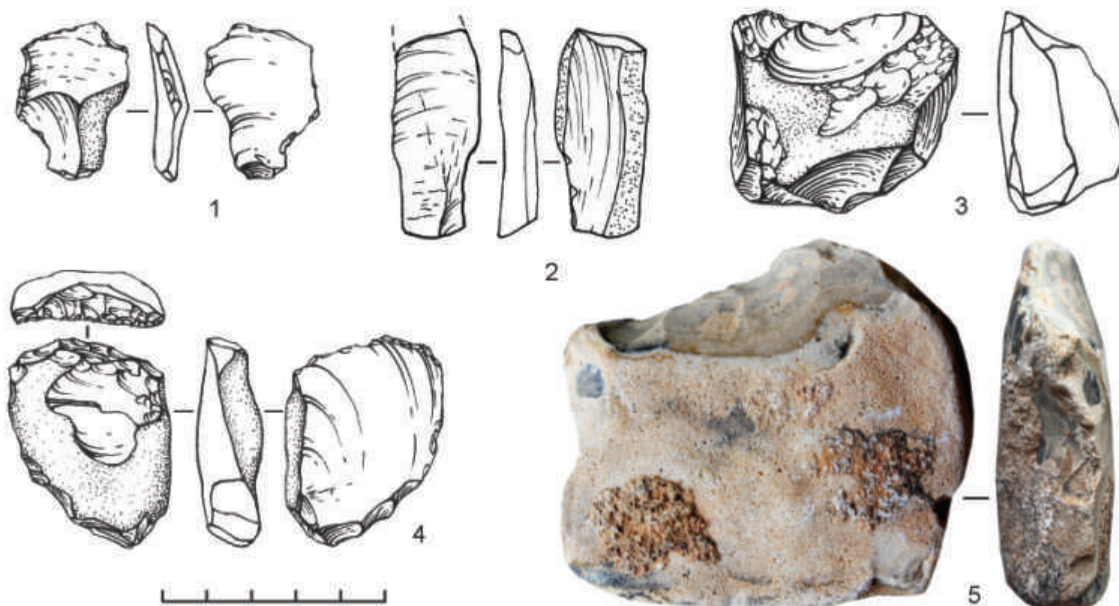

Рис. 9. Каменные орудия из местонахождения Шамбайт: 1, 2 — обломки отщепов; 3 — орудие с выемкой; 4 — скребок; 5 — массивное скребло

Fig. 9. Stone tools from Shambayat site: 1, 2 — flake fragments; 3 — notched tool; 4 — endscraper; 5 — massive scraper

суглинком (0,8 м) буроватого цвета. В стенке разреза в суглинке на глубинах от 0,4 до 0,7 м от современной поверхности были обнаружены кремневые изделия иной морфологии, образующие небольшие скопления (рис. 5; 6). Изделия совершенно не окатаны, но покрыты белой патиной. Коллекция включает 18 предметов. Из них — два нуклеуса призматического принципа скалывания. Нуклеусы небольшие (3,9 × 5,8 × 4,8 см и 7,5 × 6,5 × 5,3 см), подтреугольной формы, одноплощадочные. Судя по форме, с них скалывались отщепы и пластинчатые отщепы (рис. 10, 1, 4). Кроме нуклеусов, обнаружено 15 отщепов и один обломок отщепа (рис. 10, 2, 3, 5–8). Длина отщепов — от 9,0 до 1,5 см, ширина — от 6,5 до 1,6 см. Из них первичных — 2 экз., вторичных — 7 экз., отщепов с участком желвачной корки — 6 экз. Гладкие ударные площадки имеют 14 предметов, корковую — 1, линейную — 1. Орудий в коллекции нет. Здесь же в стенке разреза найден фрагмент мелкой трубчатой кости. По всей видимости, в этом месте были обнаружены остатки погребенной стоянки. Датировка такой небольшой коллекции затруднена, также не может быть пока определен возраст суглинка, в который включен культурный слой. Предварительная датировка стоянки — конец позднего палеолита — неолит.

Бостанджик

Раннепалеолитическое местонахождение Бостанджик обнаружено в долине р. Ескикёй-дере — правого притока р. Гёксу (рис. 1, Б). В этой долине выделяются три террасы. Терраса III соответствует террасе IV долины р. Гёксу, а террасы II и I коррелируют с таковыми террасами р. Гёксу. Каменные изделия были найдены в базальном слое террасы III, обнаженной в разрезе правого берега реки возле с. Бостанджик (N 37,60675°; E38,08144°; Н = 583 м; h = 130–140 м). Этот слой мощностью

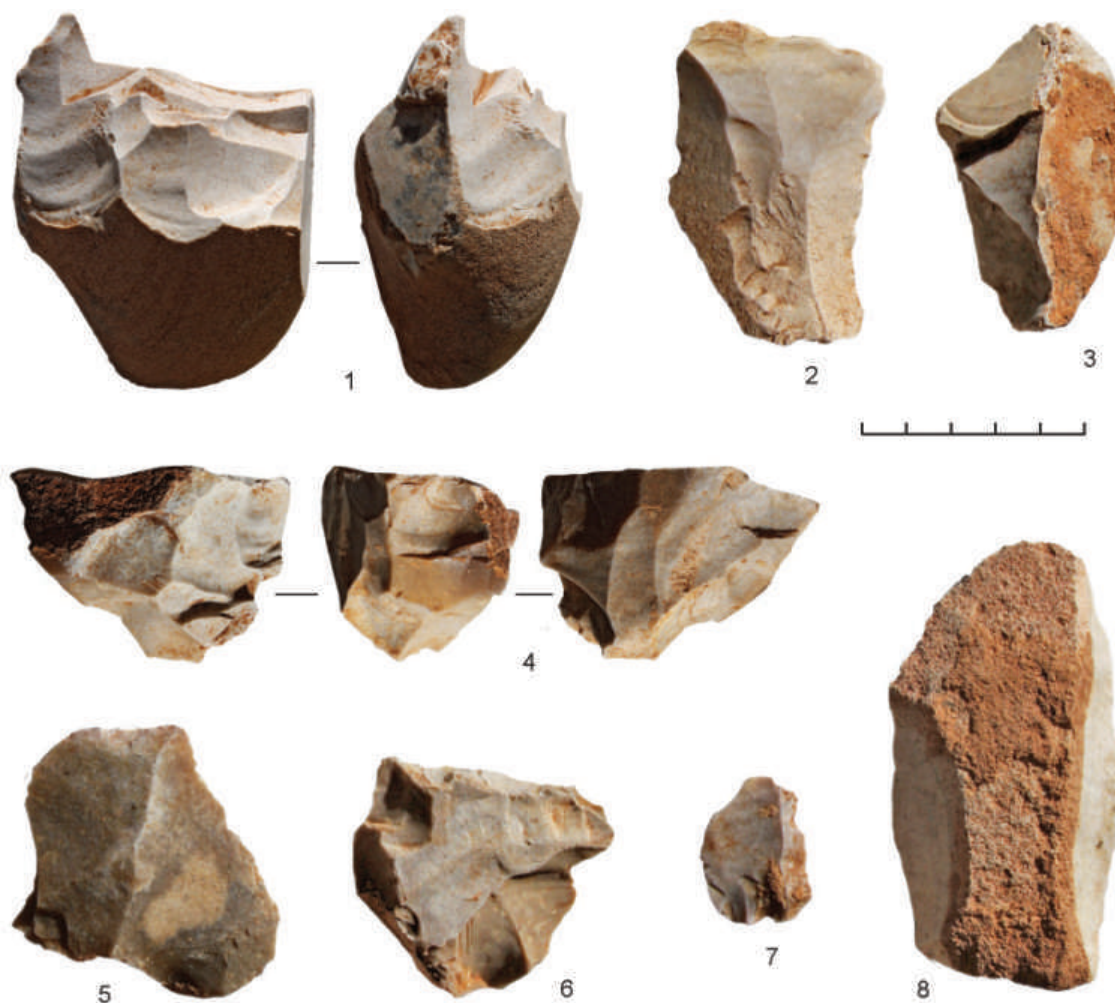

Рис. 10. Местонахождение Шамбаят, каменные изделия верхнего палеолита — неолита, обнаруженные в покровном суглинке террасы IV^а: 1, 4 — нуклеусы; 2–3, 5–8 — отщепы

Fig. 10. Shambayat site, Upper Paleolithic and Neolithic artifacts from the covering loam of terrace IV^a: 1, 4 — cores; 2–3, 5–8 — flakes

7–10 м с несогласием залегает на миоценовых (?) отложениях и состоит из хорошо окатанного конгломерата с линзами песчаников. Магнитная полярность прямая и, возможно, обратная в верхней части.

В местонахождении Бостанджик найдено шесть предметов: чоппер двусторонний, пик, два предмета с частичной двусторонней обработкой, сильноокатанный вторичный отщеп и окатанный дистальный обломок отщепа из сердолика (табл. 1). Чоппер двусторонний (13,2 × 7,3 × 6,4 см) изготовлен на гальке кремня продолговатой овальной формы (рис. 11, 2). Лезвие широкое, дугообразное (длина — 5,2 см), оформлено на одном из узких концов гальки. Обивка производилась крупными удлиненными снятиями (максимально до 4,5 см). Изделие сильно окатано, местами покрыто карбонатной коркой. Пик (7,5 × 7,9 × 4,5 см) сделан из кремневого желвака (рис. 11, 1). Острые орудия выполнено несколькими крупными сколами: ортогональным — с острия и поперечными — от краев к центру. «Пятка» и тыльная сторона пика представляют необработанную желвачную поверхность. Острые

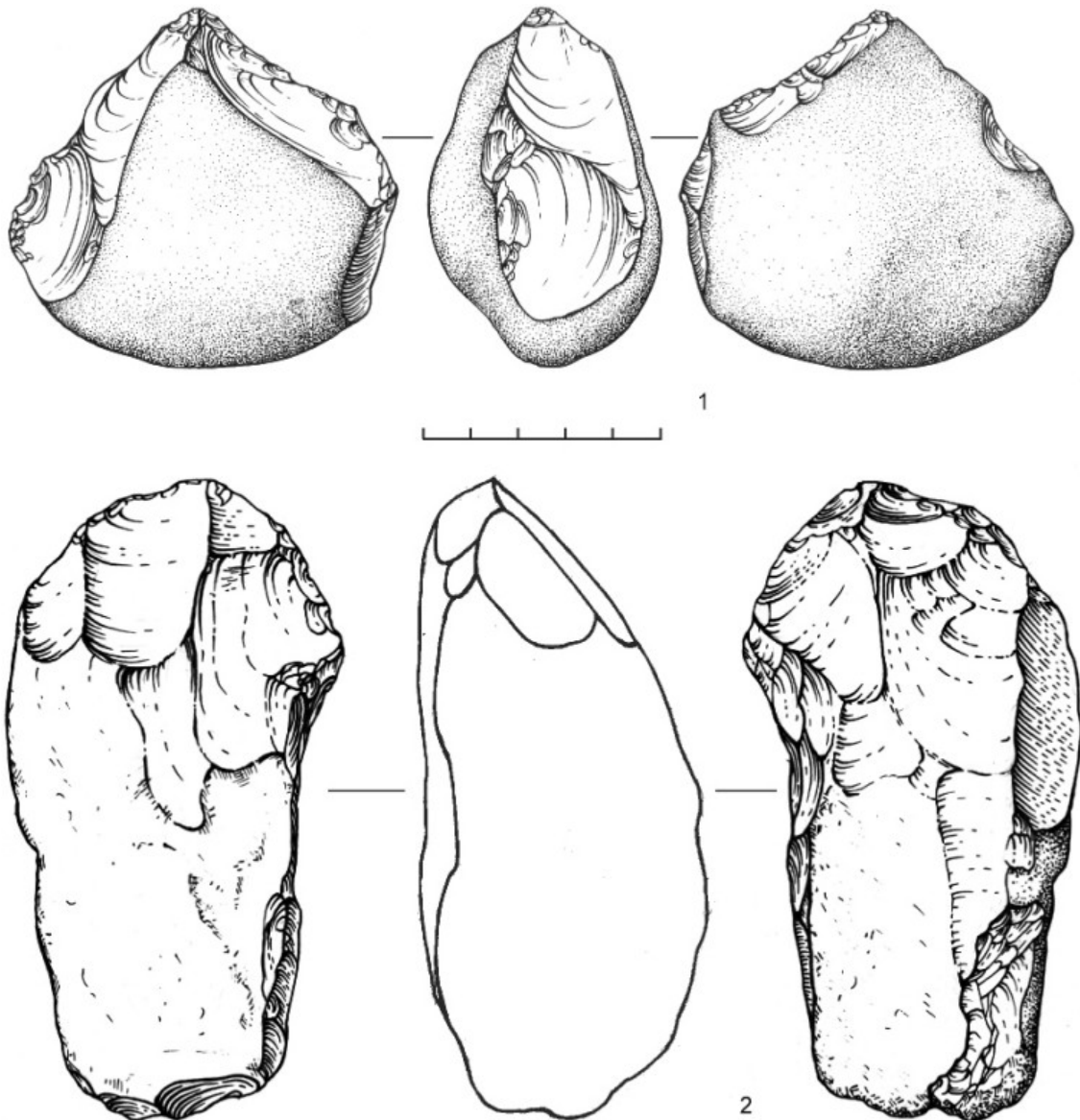

Рис. 11. Каменные орудия из местонахождение Бостанджик: 1 — пик; 2 — двусторонний чоппер

Fig. 11. Stone tools from Bostandzhik site: 1 — pick; 2 — bifacial chopper

пика в сечении треугольное. В то же время предмет напоминает и разновидность стрелчатого чоппера. Предметы с частичной двусторонней обивкой содержат несколько сколов, нанесенных на двух сторонах желваков. Это не бифасы. Скорее они напоминают незавершенные орудия, поскольку частичная двусторонняя обивка сосредотачивается на определенных участках предметов.

Ескикёй-дере

Местонахождение среднего палеолита Ескикёй-дере находится на левом берегу реки в 1,5 км к востоку от местонахождения Бостанджик (рис. 1, Б). Находки сделаны в теле II террасы (N 37,60906°; E 38,09511°; H = 476 м; h = 23 м), высота

которой понижена из-за антропогенной деятельности. В верху разреза залегает супесь; ~6,5 м. Ее верхняя и средняя части представляют собой культурный слой поселения (небольшой телль), остатки которого сохранились наверху террасы и содержат керамику и кремневые изделия неолитического и энеолитического облика. Алеврит частично срезает нижележащий слой слоистых галечников, до 5,0–5,5 м. В галечнике обнаружен горизонт толщиной 5–10 см с многочисленными кремневыми изделиями (рис. 12, 1, 2).

Обнаруженные в слое находки включают три нуклеуса, скол леваллуа, четыре пластины, 15 отщепов. Нуклеусы для производства крупных пластинчатых сколов достаточно истощенные. Фронтальная часть у них подправлялась в технике, близкой леваллуа, с целью сужения фронта скалывания и подправки ударной площадки. У одного из нуклеусов тыльная сторона намеренно уплощалась крупными сколами (рис. 12, 8). С нуклеусов снимались удлиненные неправильные пластины, пластинчатые сколы и сколы леваллуа (рис. 12, 3–7). Пластины местонахождения соответствуют негативам, фиксируемым на нуклеусах, то есть технологическая связь имеющихся нуклеусов и сколов вполне очевидна. Пластины имеют также неправильные, несколько извилистые очертания, достаточно массивное поперечное сечение, четко выраженный ударный бугорок, тупой угол между ударной площадкой и брюшком. У трех из четырех пластин имеются участки желвачной корки. Длина пластин — 7–12 см. Отщепы укороченных очертаний связаны, по всей видимости, с подготовкой фронта и контрфронта ядрищ. По функциональному назначению относятся к отходам производства. Из них лишь один отщеп является первичным, остальные несут на себе негативы предыдущих сколов. Находки датируются средним палеолитом и имеют аналогии среди памятников среднего палеолита Леванта.

Следует упомянуть, что на поверхности IV и III террас в различных местах обследованной территории в значительном количестве встречаются разновременные каменные находки, в том числе и среднего палеолита. Часто они лежат в смешанном состоянии. Поскольку эти находки, вероятнее всего, переотложены и не имеют стратиграфического контекста, их интерпретация крайне затруднена.

Калбурчу

Не всегда поверхностные находки обнаруживаются в смешанном виде. В одном случае удалось обнаружить компактное скопление изделий ашельского времени. Местонахождение Калбурчу находится в бассейне одноименной реки, в 20 км к востоку от г. Адыяман (рис. 1, Б). Находки приурочены к поверхности фрагмента III террасы (N 37,75501°; E 38,52990°; H = 610 м; h = 54 м), вероятно, соответствующей террасе III долины Гёксу (рис. 13, 1). Терраса сложена галечником мощностью 0,5 м, покрывающим верхнемиоцен-плиоценовые песчаники. Находки сделаны на поверхности террасы площадью 120 × 30 м.

Обнаружены ручные рубила (четыре целых и одно сломанное) и пять отщепов (рис. 13, 2–5). Целые рубила имеют следующие формы: микокское — 1 экз., миндалевидное — 2 экз., овальное — 1 экз. Предметы не окатаны, покрыты легким люстражем и патиной. Выделяется искусный образец законченного ручного рубила микокского типа с удлиненным тонким концом и утолщенной «пяткой» (размеры: 15,2 × 8,3 × 6,0 см). Длина заостренного конца — 7 см, толщина в средней части —

Рис. 12. Среднепалеолитическое местонахождение Ескикёй-дере: 1, 2 — общий вид (штриховой линией указано расположение культурного слоя); 3–8 — находки из камня (3 — скол леваллуа; 4–7 — пластины; 8 — нуклеус)

Fig. 12. Middle Paleolithic site of Eskiköyü-dere: 1, 2 — general view (dashed line shows the position of the cultural layer); 3–8 — stone artifacts (3 — Levallois flake; 4–7 — blades; 8 — core)

менее 2 см (рис. 13, 3). Отщепы крупные, утолщенные, с крупными ударными площадками, также слегка патинированы. Отщепы вместе с бифасами составляют единую индустрию. На данном местонахождении не выявлено находок более позднего времени. По всей видимости, местонахождение является стоянкой с разрушенным культурным слоем. Перемещение предметов если и имело место, то было незначительным. Указанные изделия могут иметь широкие хронологические границы в пределах среднего — позднего ашеля. Наличие микокского рубила скорее определяет коллекцию как позднеашельскую, близкую индустрии Tabun E (Garrod, Bate 1937; Jelinek et al. 1973).

Стратиграфическое положение раннепалеолитических находок

Находки раннего палеолита Юго-Восточной Турции обнаружены в галечно-обломочных слоях. Все они подвергались перемещению, большая их часть в той или иной мере окатана. Однако их стратиграфическое положение в целом соответствует отложениям, в которых они обнаружены. Это раннеплейстоценовые отложения, которые образуют высокие геоморфологические уровни современных речных долин³.

Находки, происходящие из местонахождений Агворик и Чилдыр северо-востока Армянского нагорья, вероятнее всего, соотносятся с карахачской раннеплейстоценовой свитой.

Находки в местонахождении Кованджилар (к северу от Таврского хребта) сделаны в базальном слое формации Палу. Он несогласно перекрывает формацию Чайба, датируемую плиоценом и, возможно, ранним гелазием. Слой 17 расположен ниже пачки слоев с прямой намагниченностью, которые сопоставляются с эпизодом Олдувей. Соответственно, возраст находок из слоя 17 древнее 1,95 млн л. Слой 1 того же разреза, несогласно перекрывающий формацию Палу, формировался в среднеплейстоценовое время и, во всяком случае, не раньше конца калабрия. Обнаруженные в нем каменные находки раннепалеолитического облика сильно окатаны и, вероятно, переотложены из размытых слоев раннеплейстоценовой формации Палу. Возможно, коллекция из этого слоя относится к ашелю.

Находки местонахождения Ескималатъя происходят из разреза, сложенно-го аналогами формации Палу, и принадлежат той же высокой (III) террасе, что и находки из Кованджилара. Слои разреза обратно намагничены (хрон Матуяма) и предположительно сопоставлены с калабрием. Основываясь на морфологии изделий, наиболее вероятно отнести их к олдовану.

Более полная хроностратиграфическая схема выстраивается для местонахождений к югу от Таврского хребта, где в долинах Гёксу и Ерикдере выделяется пять речных террас. Основная часть разреза террасы IV долины р. Гёксу (слои 3–7) нормально намагничена и, судя по положению этой террасы в системе террас долины, сопоставляется с эпизодом Олдувей. Слой 8 обратно намагничен, и, соответственно, нижняя часть разреза террасы и, в частности, слой 9, где сделаны находки олдованского типа, древнее эпизода Олдувей, то есть принадлежат самым верхам гелазия. Слой 6 террасы IV^a, где собрана самая большая коллекция подобных

³ Подробное описание стратиграфии и обоснование возраста обследованных памятников см.: Trifonov et al. 2018.

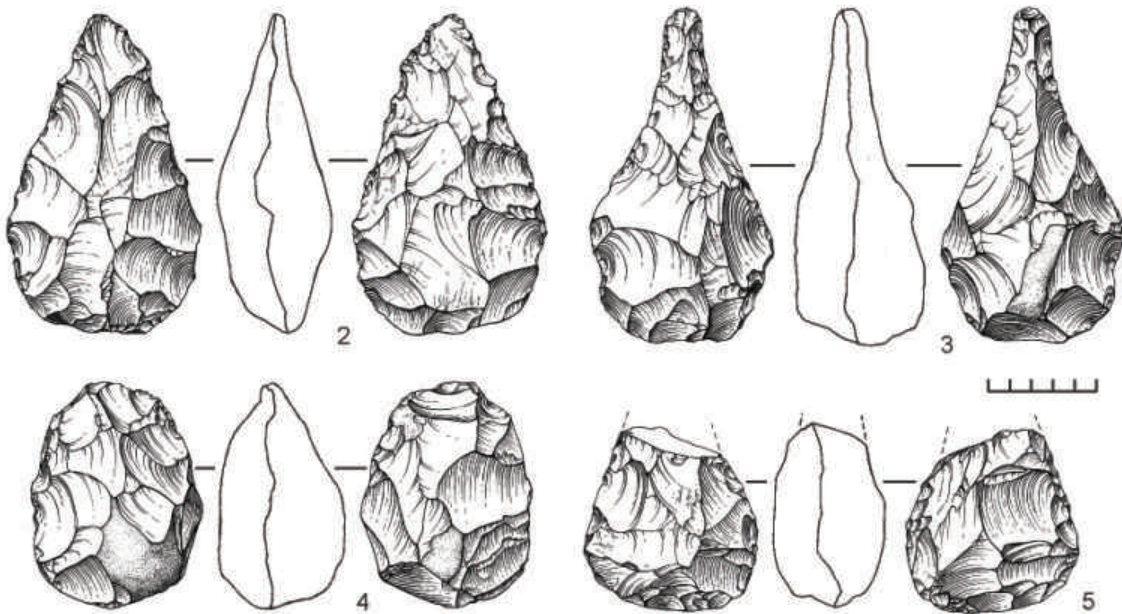

Рис. 13. Ашельское местонахождение Калбурчу: 1 — общий вид; 2–5 — ручные рубила (2 — миндалевидное; 3 — микокского типа; 4 — овальное; 5 — сломанное ручное рубило)

Fig. 13. View of the Acheulean site of Kalburchu: 1 — general view; 2–5 — handaxes (2 — almond-shaped; 3 — Micoquian; 4 — oval; 5 — broken handaxe)

раннепалеолитических изделий, примерно соответствует слою 9 разреза террасы IV и имеет тот же возраст. В отличие от них, слой 2 разреза террасы IV, где также найдены изделия олдованского типа, сопоставляется с эпизодом Олдувей или низами калабрия. То же стратиграфическое положение занимает местонахождение Бостанджик в нижнем слое чехла террасы III долины Ескикёй-дере.

Таким образом, все местонахождения олдованского типа к югу от Таврского хребта приурочены к слоям, которые либо залегают ниже слоев, сопоставляемых с эпизодом Олдувей 1,95–1,77 Ма (слой 6 террасы IV^a и слой 9 террасы IV р. Гёксу), либо соответствуют этому эпизоду или самым низам калабрия (слой 2 террасы IV р. Гёксу и местонахождение Бостанджик).

Терраса III долин Гёксу и Ерикдере сопоставляется с самыми верхами калабрия и низами среднего плейстоцена. В ее разрезах не обнаружен археологический материал. Но на поверхности аналога этой террасы в долине Калбурчу открыто ашельское местонахождение с рубилами. Датировка такой коллекции затруднительна. Ее возраст может широко оцениваться в пределах среднего — позднего ашеля. Предпочтительным является позднеашельское время.

Терраса II упомянутых долин сопоставляется с самым концом среднего и началом позднего плейстоцена. Палеолитические находки из II террасы долины Ескикёй-дере имеют среднепалеолитический возраст. Выдержанная мощность культурного слоя (5 см) в галечнике указывает на одномоментность формирования горизонта находок. Локально в покровных отложениях IV^a местонахождения Шамбаят и II террасы местонахождения Ескикёй-дере обнаруживаются стратифицированные стоянки, датруемые концом плейстоцена — голоценом (Trifonov et al. 2018).

Таким образом, все археологические находки в исследованном районе подтверждают или уточняют геологические данные.

Типологическая характеристика древнейшего палеолита района исследований

На всех трех группах местонахождений раннего палеолита для изготовления каменных орудий использовалось разное сырье. Каменные находки с территории востока Армянского нагорья изготовлены на вулканическом сырье — дацитах и базальтах. Каменные находки к северу от Таврского хребта Юго-Восточной Турции изготавливались на песчаниках и кристаллизованных известняках. Все предметы каменной индустрии, обнаруженные южнее Таврского хребта, изготовлены из серого и коричневого кремня. Общая коллекция насчитывает 83 предмета. Коллекция в целом небольшая, археологические раскопки пока не проводились, но все находки имеют четкий стратиграфический контекст. Как бы то ни было, материал позволяет сделать предварительные выводы о его культурной принадлежности.

При сравнении находок из этих местонахождений выделяются общие типологические признаки. Ведущую роль в коллекции всех раннепалеолитических памятников (за исключением Тахтали) занимают односторонние и двусторонние чопперы, пики и пикообразные орудия. Рубила и проторубила отсутствуют. Такие характеристики, как преобладание чопперов и отсутствие рубил, говорят о принадлежности коллекции к Mode 1. Кроме чопперов в индустрии памятников выделяются пики и близкие им пикообразные орудия. Эти находки достаточно индивидуальны. Например, один массивный пик на крупном желваке, другой пик на укороченном желваке близок к стрелчатому типу чопперов, третье изделие (пикообразное орудие) изготовлено на крупном сколе. На памятниках Олдувайского ущелья пики выделяются, главным образом, в средней и верхней частях Bed II (стоянки BK, EF–HR — развитый олдован B и ранний ашель) (Leakey 1971: 132–135, 209–210). Некоторые предметы, происходящие из верхней части Bed I (FLK North, типичный олдован) и интерпретированные M. Leakey как протобифасы (Ibid: 78–79), напоминают пикообразные орудия. Таким образом, пики и близкие им пикообразные орудия не могут сами по себе представлять достаточное основание для археологической датировки данной индустрии. Другой существенной характеристикой коллекции

(Шамбаят) является наличие достаточно крупных фрагментов отщепов (в том числе и вторичного) и орудий с ретушью на сколах и небольших желваках (скребла, скребок, орудие с выемкой). Типологическая вариабельность орудий с ретушью характерна как для олдована (Восточная и Северная Африка, Кавказ) (de Lumley et al. 2009), так и для памятников раннеашельского времени (Африка, Ближний Восток). Исходя из вышеизложенного, описанные раннепалеолитические находки можно отнести к олдованской культуре (Mode 1), но с элементами и чертами (единичные крупные отщепы, пикообразное орудие на крупном сколе), характерными для раннего ашеля. Не исключается, что индустрии этих местонахождений представляют переходную стадию от олдована к раннему ашелю. В ходе дополнительных исследований их культурная атрибуция может быть уточнена.

Заключение

В ходе полевого исследования долины р. Ефврат к северу и к югу от Восточного Тавра, а также северо-восточной части Армянского нагорья были обнаружены раннепалеолитические местонахождения Агворик, Чилдыр, Кованджилар, Ескималатя, Тахтали, Шамбаят, Бостанджик. Все находки имеют четкий стратиграфический контекст. Первоначальные данные по геологической датировке и культурной атрибуции вполне коррелируются. Каменные индустрии этих местонахождений в целом схожи между собой, принадлежат к единому культурному явлению. Но не исключается, что при проведении в будущем раскопок будут уточнены возраст и археологическое определение находок. На основании комплексных данных устанавливается, что территория Анатолии была заселена уже на ранних этапах раннего плейстоцена (конец гелазия). Первоначальное заселение Анатолии происходило с юга, со стороны Левантийского коридора и долины пра-Евфрата. Дальнейшие следы распространения древнего человека мы видим уже на Большом и Малом Кавказе. Человеческая история в Анатолии, начавшись в раннем плейстоцене, продолжалась позднее. Различные эпохи каменного века отражены находками, происходящими из разновременных террас притоков Евфрата.

Литература

- Амирханов 2006 — Амирханов Х. А. Каменный век Южной Аравии. М.: Наука, 2006. 693 с.
- Беляева, Любин 2013 — Беляева Е. В., Любин В. П. Ашельские памятники Северной Армении // Молодина В. И., Шунькова М. В. (ред.). Фундаментальные проблемы археологии, антропологии и этнографии Евразии: к 70-летию академика А. П. Деревянко. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2013. С. 37–52.
- Лебедев и др. 2008 — Лебедев В. А., Бубнов С. Н., Дудаури О. З., Вашакидзе Г. Т. Геохронология плиоценового вулканизма Джавахетского нагорья (Малый Кавказ). Статья 1. Западная часть Джавахетского нагорья // Стратиграфия. Геологическая корреляция. 2008. Т. 16, № 2. С. 104–126.
- Любин 1957 — Любин В. П. Палеолит Турции и проблема раннего расселения человечества // СА. 1957. Т. 27 (1). С. 71–90.
- Трифонов и др. 2017 — Трифонов В. Г., Шалаева Л. Х., Саакян Л. Х., Бачманов Д. М., Лебедев В. А., Трихунков Я. И., Симакова А. Н., Авагян А. В., Тесаков А. С., Фролов П. Д., Любин В. П.,

- Беляева Е. В., Латышев А. В., Ожерельев Д. В., Колесниченко А. А. Четвертичная тектоника новейших впадин Северо-Западной Армении // Геотектоника. 2017. № 5. С. 42–64.
- Amirkhanov 2008 — Amirkhanov H. A. Cave Al-Guza: the multilayer site of Oldowan in South Arabia. Moscow: Taus, 2008. 56 p.
- Amirkhanov et al. 2014 — Amirkhanov H. A., Ozherel'ev D. V., Gribchenko Y. N., Sablin M. V., Semenov V. V., Trubikhin V. M. Early Humans at the eastern gate of Europe: The discovery and investigation of Oldowan sites in northern Caucasus // C. R. Palevol. 2014. Vol. 13. P. 717–725.
- Amirkhanov et al. 2016 — Amirkhanov H. A., Ozherelyev D. V., Sablin M. V., Agadzhanyan A. K. Faunal remains from the Oldowan site of Muhkai II in the North Caucasus: potential for dating and palaeolandscape reconstruction // QI. 2016. Vol. 395. 233–241.
- Ariai, Thibault 1975 — Ariai A., Thibault C. Nouvelles précisions à propos de l'outillage paléolithique ancien sur galets du Khorassan (Iran) // Paléorient. 1975. Vol. 3. P. 101–108.
- Bar-Yosef 1994 — Bar-Yosef O. The Lower Paleolithic of the Near East // Journal of World Prehistory. 1994. Vol. 8. P. 211–265.
- Bar-Yosef, Belfer-Cohen 2001 — Bar-Yosef O., Belfer-Cohen A. From Africa to Eurasia — early dispersals // QI. 2001. Vol. 75. P. 19–28.
- Bar-Yosef et al. 1993 — Bar-Yosef O., Goren-Inbar N., Gilead I. The Lithic Assemblages of Ubeidiya: A Lower Palaeolithic Site in the Jordan Valley. Jerusalem: Hebrew University, 1993. 266 p.
- Besançon et al. 1978 — Besançon J., Copeland L., Hours F., Sanlaville P. The Palaeolithic sequence in Quaternary formations of the Orontes river valley, Northern Syria: A preliminary report // Bulletin of the Institute of Archaeology. London, 1978. Vol. 15. P. 149–170.
- Biberson 1967 — Biberson P. Fiches typologiques africaines. 2, Fiches 33–64, Galets aménagés du Maghreb et du Sahara, types I.1–I.8, II.1–II.16, III.1–III.6. Paris: Muséum national d'histoire, 1967. 64 p.
- Biglari, Shidrang 2006 — Biglari F., Shidrang S. The Lower Paleolithic Occupation of Iran // Near Eastern Archaeology. 2006. Vol. 69 (3–4). P. 160–168.
- Bordes 1961 — Bordes F. Typologie du Paléolithique ancien et moyen. Bordeaux: l'Institut de Préhistoire de l'Université de Bordeaux, 1961. Pp. 85, 11 figs., 108 plates.
- Bostanci 1962 — Bostanci E. Researches in South-east Anatolia, the Chellean and Acheulean Industry of Dülük and Kartal // Anadolu/Anatolia. 1962. Vol. 6. P. 111–162.
- Bostanci 1973 — Bostanci E. A new research on the palaeoanthropological prehistory and Quaternary problems of the Adiyaman Province in the Southeast Anatolia // Antropoloji. 1973. Vol. 6. P. 89–170.
- Clark 1961 — Clark G. World Prehistory — An Outline. Cambridge: Cambridge University Press, 1961. 283 p.
- Clark, Kleindienst 2001 — Clark J. D., Kleindienst M. R. The Stone Age cultural sequence: Terminology, typology and raw material // Clark J. D. (ed.). Kalambo Falls Prehistoric Site, Vol. III: The Earlier Cultures: Middle and Earlier Stone Age. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. P. 34–65.
- Copeland, Hours 1993 — Copeland L., Hours F. The Middle Orontes. Paleolithic flint industries // Sanlaville J. B. (ed.). Paléolithique de la vallée moyenne de l'Oronte (Syrie). Peuplement et environnement. 1993. P. 63–144 (BAR. IS. 587).
- Copeland 2004 — Copeland L. The Palaeolithic of the Euphrates Valley in Syria // Aurenche O., Le Mière M., Sanlaville P. (eds.). From the River to the Sea. The Palaeolithic and the Neolithic of the Euphrates and the Northern Levant. Studies in honour of Lorraine Copeland. 2004. P. 19–114 (BAR. IS. 1263).

- Demir et al. 2007 — *Demir T., Westaway R., Bridgland D., Pringle M., Yurtmen S., Beck A., Rowbotham G.* Ar-Ar dating of Late Cenozoic basaltic volcanism in northern Syria: implications for the history of incision by the River Euphrates and uplift of the northern Arabian Platform // *Tectonics*. 2007. Vol. 26, no. 3. P. 1–30. TC3012. DOI: 10.1029/2006TC001959.
- Demir et al. 2008 — *Demir, T., Seyrek A., Westaway R., Bridgland D., Beck A.* Late Cenozoic surface uplift revealed by incision by the River Euphrates at Birecik, southeast Turkey // *QI*. 2008. Vol. 186. P. 132–163.
- Dinçer 2010 — *Dinçer B.* Dülük (Gaziantep) Paleolitik Çağ Buluntuları, Basılmamış Yüksek Lisans Tezi, Uludağ Üniversitesi, Arkeoloji Bölümü, Arkeoloji Anabilim Dalı. Bursa, 2010. 184 p.
- Egeland et al. 2014 — *Egeland C. P., Gasparian B., Arakelyan D., Nicholson C. M., Petrosyan A., Ghukasyan R., Byerly R. M.* Reconnaissance survey for Palaeolithic sites in the Debed River Valley, northern Armenia // *Journal of Field Archaeology*. 2014. Vol. 39, no. 4. P. 370–386.
- Ferring et al. 2011 — *Ferring R., Oms O., Agusti J., Berna F., Nioradze M., Shelia T., Tappen M., Vekua A., Zhvania D., Lordkipanidze D.* Earliest human occupations at Dmanisi (Georgian Caucasus) dated to 1.85–1.78 Ma // *PNAS*. 2011. Vol. 108, no. 20. P. 10432–10436.
- Fourloubey et al. 2003 — *Fourloubey C., Beauval C., Colonge D., Liagre J., Ollivier V., Chataigner C.* Le Paléolithique en Arménie: état des connaissances acquises et données récentes // *Paléorient*. 2003. Vol. 29, no. 1. P. 5–18.
- Garrod, Bate 1937 — *Garrod D. A. E., Bate D.* The Stone Age of Mount Carmel. Oxford: Clarendon Press, 1937. Vol. 1. 240 p.
- Gasparyan et al. 2014 — *Gasparyan B., Adler D. S., Egeland Ch. P., Azatyan K.* Recently discovered lower Paleolithic sites of Armenia // *Gasparyan B., Arimura M. (eds.)*. Stone Age of Armenia. A Guide-book to the Stone Age Archaeology in the Republic of Armenia. Kanazawa: Kanazawa University, 2014. P. 37–64.
- Güleç et al. 1999 — *Güleç E., Howell F. C., White T.* Dursunlu — A new Lower Pleistocene artifact-bearing locality in southern Anatolia // *Ullrich H. (ed.)*. Hominid evolution: lifestyles and survival strategies. Berlin: Archea, 1999. P. 349–364.
- Güleç et al. 2009 — *Güleç E., White T., Kuhn S., Özer I., Sağır M., Yılmaz H., Howell F. C.* The Lower Pleistocene lithic assemblage from Dursunlu (Konya), Central Anatolia, Turkey // *Antiquity*. 2009. Vol. 83 (319). P. 11–22.
- Güleç et al. 2012 — *Güleç E., Baykara I., Özer I., Sağır M., Şahin S.* Preliminary survey results of the Lower and Middle Paleolithic occupation of Gaziantep, Southeastern of Turkey // 18th Congress of the European Anthropological Association, Ankara, Turkey. 2012. P. 32–34.
- Harmankaya, Tanındı 1996 — *Harmankaya S., Tanındı O.* Türkiye Arkeolojik Yerleşmeleri-1: Paleolitik/Epipaleolitik, Ege Yayınları, Cilt. İstanbul, 1996. S. 7–21.
- Hours 1975 — *Hours F.* The Lower Paleolithic of Lebanon and Syria // *Wendorf F., Marks A. E. (eds.)*. Problems in Prehistory: North Africa and the Levant. Dallas: SMU Press, 1975. P. 249–271.
- Jelinek et al. 1973 — *Jelinek A., Farrand W. R., Haas G., Horowitz A., Goldberg P.*. New Excavations at the Tabun Cave, Mount Carmel, Israel, 1967–1972, a preliminary report // *Paleorient*. 1973. Vol. 1 (2). P. 151–183.
- Isaac et al. 1997 — *Isaac G. L., Harris J. W. K., Kroll E. M.* The Stone Artefact Assemblages: A Comparative Study // *Isaac G. L. (ed.)*. The Koobi Fora Research Project. Vol. 5: Plio-Pleistocene Archaeology. Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 262–362.
- Kansu 1947 — *Kansu S. A.* Stone age in Turkey // *American Journal of Archaeology*. 1947. Vol. 51 (3). P. 227–232.

- Kappelman et al. 2008 — *Kappelman J., Alçiçek M. C., Kazancı N., Schultz M., Özkul M., Şen S.* First *Homo erectus* from Turkey and implications for migrations into temperate Eurasia // *American Journal of Physical Anthropology*. 2008. Vol. 135. P. 110–116.
- Kleindienst 1962 — *Kleindienst M. R.* Components of the East African Acheulian assemblage: an analytic approach // *Mortelmans G., Nenquin J.* (eds.). *Actes du IVème Congrès Panafricain de Préhistoire et de l'Étude du Quaternaire*. Tervuren (Belgique): Musée Royal de l'Afrique centrale, 1962. P. 81–105 (*Annales, Sciences humaines*. No. 40).
- Kökten 1971 — *Kökten I. K.* Keban Baraj Gölü Alanında Taş devri Araştırmaları // *Keban Projesi 1969 Çalışmaları I/2*. 1971. S. 13–21.
- Kökten 1974 — *Kökten I. K.* Keban Baraj Gölü Alanında Diptarih Araştırmaları // *Keban Projesi 1971 Çalışmaları I/4*. 1974. S. 1–11.
- Kökten 1976 — *Kökten I. K.* Keban Baraj Gölü Alanında Taş devri Araştırmaları // *Keban Projesi 1972 Çalışmaları I/5*. 1976. S. 1–8.
- Kuhn 2002 — *Kuhn S. L.* Paleolithic Archeology in Turkey // *Evolutionary anthropology*. 2002. Vol. 11. P. 198–210.
- Leakey 1971 — *Leakey M. D.* Olduvai Gorge, vol. 3. Excavations in Bed I & II 1960–1963. Cambridge: Cambridge University, Press. 1971. 328 p.
- Lebatard et al. 2014 — *Lebatard A.-E., Alçiçek M. C., Rochette P., Khatib S., Vialet A., Boulbes N., Bourles D. L., Demory F., Guipert G., Mayda S., Titov V. V., Vidal L., de Lumley H.* Dating the *Homo erectus* bearing travertine from Kocabaş (Denizli, Turkey) at least 1.1 Ma // *Earth and Planetary Science Letters*. 2014. Vol. 390. P. 8–18.
- van Liere 1961 — *Liere W. J. van.* Observations on the quaternary of Syria // *Berichten van de Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek*. 1960–1961. T. 10/11. P. 7–69.
- van Liere 1966 — *Liere W. J. van.* The Pleistocene and Stone Age of the Orontes River, Syria // *Annales archéologiques arabes de Syrie*. 1966. Vol. 16. P. 7–30.
- Lordkipanidze et al. 2007 — *Lordkipanidze D., Jashashvili T., Vekua A., Ponce de León M., Zollikofer Ch. P. E., Rightmire G. Ph., Pontzer H., Ferring R., Oms O., Tappen M., Bukhsianidze M., Agusti J., Kahlke R., Kiladze G., Martinez-Navarro B., Mouskhelishvili A., Nioradze M., Rook L.* Postcranial evidence from early *Homo* from Dmanisi, Georgia // *Nature*. 2007. No. 449. P. 305–310.
- de Lumley et al. 2002 — *Lumley H. de, Lordkipanidze D., Féraud G., García T., Perrenoud C., Falguères C., Gagnepain J., Saos T., Voinchet P.* Datation par la méthode $^{40}\text{Ar}/^{39}\text{Ar}$ de la couche de cendres volcaniques (couche VI) de Dmanissi (Géorgie) qui a livré des restes d'hominidés fossiles de 1.81 Ma // *C. R. Palevol*. 2002. Vol. 1. P. 181–189.
- de Lumley et al. 2005 — *Lumley H. de, Nioradze M., Barsky D., Cauche D., Celiberti V., Nioradze G., Notter O., Zvania D., Lordkipanidze D.* Les industries lithiques préoldowayennes du début du Pléistocène inférieur du site de Dmanissi en Géorgie // *L'Anthropologie*. 2005. Vol. 109. P. 1–182.
- de Lumley et al. 2009 — *Lumley H. de, Barsky D., Cauche D.* Les premières étapes de la colonisation de l'Europe et l'arrivée de l'Homme sur les rives de la Méditerranée // *L'Anthropologie*. 2009. Vol. 113. P. 1–46.
- Minzoni-Déroche 1993 — *Minzoni-Déroche A.* Middle and Upper Palaeolithic in the Taurus-Zagros Region // *Olszewski D. I., Dibble H. L.* (eds.). *The Paleolithic Prehistory of the Zagros-Taurus*. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1993. P. 147–158.
- Minzoni-Déroche, Sanlaville 1988 — *Minzoni-Déroche A., Sanlaville P.* Le Paléolithique Inférieur de la Région de Gaziantep // *Paléorient*. 1988. Vol. 14 (2). P. 87–98.

- Müller-Beck, Albrecht 1988 — *Müller-Beck H.-J., Albrecht G.* The palaeolithic of Şehremuz near Samsat on the Euphrates River. Summary of the excavation findings and morphology of the handaxes // *Paléorient*. 1988. Vol. 14 (2). P. 76–86.
- Özdoğan 1977 — *Özdoğan M.* Lower Euphrates Basin 1977 Survey. İstanbul: Middle East Technical University, 1977. 241 p. (Lower Euphrates Project Publications. I [2]).
- Pittard 1931 — *Pittard E.* Le visage nouveau de la Turquie. A travers l'Asie-Mineure. Paris : Societe d'Éditions Geographiques, Maritimes et Coloniales, 1931. 309 p.
- Pittard 1939 — *Pittard E.* Outils d'aspect moustérien découverts à Adi Yaman (Anatolie) // *Bulletin de la Société préhistorique française*. 1939. Vol. 36 (10). P. 422–428.
- Presnyakov et al. 2012 — *Presnyakov S. L., Belyaeva E. V., Lyubin V. P., Radionov N. V., Antonov A. V., Saltykova A. K., Berezhnaya N. G., Sergeev S. A.* Age of the earliest Paleolithic sites in the northern part of the Armenian Highland by SHRIMP-II U-Pb geochronology of zircons from volcanic ashes // *Gondwana Research*. 2012. Vol. 21. P. 928–938.
- Ronen 2006 — *Ronen A.* The oldest human groups in the Levant // *C. R. Palevol*. 2006. Vol. 5, no. 1–2. P. 343–351.
- Sanlaville 2004 — *Sanlaville P.* Les terraces Pléistocènes de la vallée de l'Euphrate en Syrie et dans l'extrême sud de la Turquie // Aurenche O., Le Mièrre M., Sanlaville P. (eds.). From the River to the Sea. The Palaeolithic and the Neolithic of the Euphrates and the Northern Levant. Studies in honour of Lorraine Copeland. 2004. P. 115–133 (BAR. IS. 1263).
- Şenyürek, Bostancı 1958 — *Şenyürek M., Bostancı E.* Hatay vilayetinde Prehistorya Araştırmaları // *Belleten (Ankara)*. 1958. Vol. 22. S. 147–166.
- Shchelinsky et al. 2010 — *Shchelinsky V. E., Dodonov A. E., Baigusheva V. S., Kulakov S. A., Simakova A. N., Tesakov A. S., Titov V. V.* Early Palaeolithic sites on the Taman Peninsula (Southern Azov sea region, Russia): Bogatyri/Sinyaya Balka and Rodniki // *QI*. 2010. Vol. 223–224. P. 28–35.
- Shchelinsky et al. 2016 — *Shchelinsky V. E., Gurova M., Tesakov A. S., Titov V. V., Frolov P. D., Simakova A. N.* The Early Pleistocene site of Kermek in western Ciscaucasia (southern Russia): Stratigraphy, biotic record and lithic industry (preliminary results) // *QI*. 2016. Vol. 393. P. 51–69.
- Taşkıran 2008 — *Taşkıran H.* Réflexions sur l'Acheuléen d'Anatolie // *L'Anthropologie*. 2008. Vol. 112. P. 140–152.
- Le Tensorer et al. 2015 — *Le Tensorer J.-M., Le Tensorer H., Martini P., von Falkenstein V., Schmid P., Juan José Villalain J. J.* The Oldowan site Aïn al Fil (El Kowm, Syria) and the first humans of the Syrian Desert // *L'Anthropologie*. 2015. Vol. 119. P. 581–594.
- Toth 1985 — *Toth N.* The Oldowan reassessed: a close look at early stone artifacts // *JAS*. 1985. Vol. 12, no. 2. P. 101–120.
- de la Torre, Mora 2005 — *Torre de la I., Mora R.* Technological strategies in the Lower Pleistocene at Olduvai Beds I & II. Liège, 2005. 255 p. (ÉRAUL. Vol. 112).
- Trifonov et al. 2012 — *Trifonov V. G., Bachmanov D. M., Ali O., Dodonov A. E., Ivanova T. P., Syas'ko A. A., Kachaev A. V., Grib N. N., Imaev V. S., Ali M., Al-Kafri A. M.* Cenozoic tectonics and evolution of the Euphrates valley in Syria // Robertson A. H. F., Parlak O. & Ünlügeng U. C. (eds). Geological Development of Anatolia and the Eastmost Mediterranean Region. London, 2012. P. 615–635 (Geological Society, Special Publications. Vol. 372).
- Trifonov et al. 2014 — *Trifonov V. G., Bachmanov D. M., Simakova A. N., Trikhunkov Ya. I., Ali O., Tesakov A. S., Belyaeva E. V., Lyubin V. P., Veselovsky R. V., Al-Kafri A.-M.* Dating and correlation of the Quaternary fluvial terraces in Syria, applied to tectonic deformation in the region // *QI*. 2014. Vol. 328–329. P. 74–93.

- Trifonov et al. 2016 — *Trifonov V. G., Lyubin V. P., Belyaeva E. V., Lebedev V. A., Trikhunkov Ya. I., Tesakov A. S., Simakova A. N., Veselovsky R. V., Latyshev A. V., Presnyakov S. L., Ivanova T. P., Ozherelyev D. V., Bachmanov D. M., Lyapunov S. M.* Stratigraphic and tectonic settings of Early Paleolithic of North-West Armenia // *QI*. 2016. Vol. 420. P. 178–198.
- Trifonov et al. 2018 — *Trifonov V. G., Çelik H., Simakova A. H., Bachmanov D. M., Frolov P. D., Trikhunkov Ya. I., Tesakov A. S., Titov V. M., Ozherelyev D. V., Latyshev A. V., Sychevskaya E. K.* Pliocene — Early Pleistocene history of the Euphrates valley applied to Late Cenozoic environment of the northern Arabian Plate and its surrounding, eastern Turkey // *QI*. 2018. Vol. 493. P. 137–165. DOI: 10.1016/j.quaint.2018.06.009.
- Vialet et al. 2012 — *Vialet A., Guipert G., Alçiçek M. C.* *Homo erectus* still further west. Reconstruction of the Kocabas, cranium (Denizli, Turkey) // *C. R. Palevol*. 2012. Vol. 11, no. 2–3. P. 89–95.
- Yalçinkaya 1983 — *Yalçinkaya İ.* Samsat/Şehremuztepe Çevresi Paleolitik Çağ Araştırmaları, I. Araştırma Sonuçları Toplantısı. İstanbul, 1983. S. 13–20.
- Yalçinkaya 1984 — *Yalçinkaya İ.* Samsat Şehremuz Tepesi Çevresi Paleolitik Çağ Yüzey Araştırmaları, I. Araştırma Sonuçları Toplantısı. Ankara, 1984. S. 13–20.
- Zaidner et al. 2010 — *Zaidner Y., Yeshurun R., Mallol C.* Early Pleistocene Hominins Outside of Africa: Recent Excavations at Bizat Ruhama, Israel // *PaleoAnthropology*. 2010. P. 162–195.

NEW EVIDENCE ON THE EARLY PALEOLITHIC IN THE MOUNTAIN SYSTEMS OF EASTERN ANATOLIA AND THE CAUCASUS MINOR

D. V. OZHERELYEV, V. G. TRIFONOV, H. ÇELİK, YA. I. TRIKHUNKOV

Keywords: *Early Paleolithic, Early Pleistocene, Euphrates, Oldowan, archaeological dating, periodization.*

Early Paleolithic finds older than Acheulean were practically unknown in Eastern Anatolia until recently. During reconnaissance works performed by the joint Russian-Turkish expedition in 2014–2016 several Early Paleolithic stratified sites were found in the Euphrates valley. The collections of stone artifacts include choppers, picks, retouched pieces and blades. Similar stone industries dated to the first half of the Early Pleistocene were discovered in the Caucasus (Armenia, Dagestan). Besides archaeological typological dating, the Early Pleistocene age of the finds is validated by geomorphological, stratigraphic, paleontological and paleomagnetic evidence. Some of these localities are dated earlier than Olduvai subchron, i.e. around two million years ago. New discoveries of the Early Paleolithic in eastern Turkey may have a paramount importance for studying the earliest human culture of the Near East and the Caucasus. Other finds include stone artifacts of the Acheulean and Middle Paleolithic and can be used to date younger river terraces.

ГЛАВНЫЙ КАВКАЗСКИЙ ХРЕБЕТ И ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ЛЮДЕЙ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ И РАННЕМ ВЕРХНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ ПО БОЛЬШОМУ КАВКАЗУ

Ю. Э. ДЕМИДЕНКО¹

Ключевые слова: *Главный Кавказский хребет, палеолит Северного и Южного Кавказа, Восточная Европа, Западная Азия.*

В настоящей статье предпринято исследование возможных перемещений групп людей среднего палеолита и раннего верхнего палеолита по территории Большого Кавказа через Главный Кавказский хребет. Обзор соответствующих археологических данных позволяет прийти к следующим предположениям. Для людей среднего палеолита (неандертальцев и ранних *Homo sapiens*) Главный Кавказский хребет был непреодолимым природным препятствием, и поэтому тогда не происходили передвижения групп этих людей по всему Большому Кавказу и за его пределы. Но *Homo sapiens* раннего верхнего палеолита, как кажется, нашли путь передвижения с Южного на Северный Кавказ по приморскому маршруту вдоль восточного побережья Чёрного моря, минуя горные высоты Главного Кавказского хребта. Такой обходной путь передвижения стал, скорее всего, возможен для групп людей раннего верхнего палеолита в связи со значительным расширением их адаптаций в использовании пищевых ресурсов природной среды, когда они могли при переходах вдоль берега моря также полагаться на морские и речные пищевые ресурсы, не использовавшиеся ранее в среднем палеолите.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-22-128-141

Введение

При изучении среднего палеолита и раннего верхнего палеолита Крыма и всего Большого Северного Причерноморья юга Восточной Европы и также соответствующих материалов палеолита Леванта Восточного Средиземноморья (Ближнего Востока), Среднего Востока и Южного Кавказа с выходом на вопросы перемещения коллективов людей палеолита между этими территориями Западной Евразии автор выделил здесь в качестве природного барьера Главный Кавказский хребет. Предлагается выяснить, в силу чего в среднем палеолите Главный Кавказский хребет был непреодолимым препятствием для передвижений неандертальцев и ранних *Homo sapiens* в пределах Северного и Южного Кавказа, тогда как сообщества *Homo*

¹ Кафедра истории и общественных дисциплин Закарпатского венгерского института им. Ф. Ракоци II, г. Берегово, 90202, Закарпатье, Украина; Отдел археологии Крыма и Северо-Западного Причерноморья, ИА НАН Украины, г. Киев, 04210, Украина. yu.e.demidenko@gmail.com

sapiens раннего верхнего палеолита нашли путь передвижения между кавказскими регионами. Обусловлено это было, как кажется, различиями в системах жизнеобеспечения людей среднего палеолита и верхнего палеолита. Данные вопросы явились объектом изучения, результаты которого нашли отражение в этой статье.

Отправная точка исследования

При анализе индустриально разнотипного раннего верхнего палеолита Большого Северного Причерноморья (содержание термина см.: Демиденко 2007: 52–53; 2018: 266) автор определил сходство ряда комплексов юга Восточной Европы с таковыми в раннем верхнем палеолите Ближнего и Среднего Востока и на Южном Кавказе (Демиденко 2009; Demidenko 2008–2009; 2014a; 2014b). Позднее были предложены миграционные объяснения сходству археологических материалов в направлении из южных территорий (Ближнего и Среднего Востока и Южного Кавказа) на север (Северный Кавказ, Крым). Сначала это было сделано для комплексов ориньяка (Demidenko 2011a; 2012a) и потом для комплексов нового индустриального явления на Южном и Северном Кавказе, в Крыму и на Среднем Востоке, названного мною «индустрия раннего верхнего палеолита Южного Кавказа» (Demidenko 2012b; 2014c). Определения сходства археологических материалов и выдвижение гипотез миграций были разделены во времени по причине первоначального непонимания возможных путей инфильтрации людей раннего верхнего палеолита с юга на север через Главный Кавказский хребет. В такой ситуации автор находился в начале 2010-х гг., когда занялся вопросом определения возможных путей передвижения людей среднего палеолита и раннего верхнего палеолита по территории Большого Кавказа.

Средний палеолит Северного и Южного Кавказа

Я впервые обратился к материалам среднего палеолита Большого Кавказа в начале 1990-х гг. при поиске аналогий/параллелей «острийному» леваллуа-мустье комплексу находок 2в стоянки Королево I (Украинское Закарпатье) вне пространств Центральной Европы и Ближнего Востока. Эти украинские материалы Центральной Европы я сначала рассматривал как близкие раннему левантийскому мустье типа Табун-D (Демиденко, Усик 1994; Demidenko, Usik 1993; 1995), а затем стал считать практически аналогичными позднему левантийскому мустье типа Табун-B (Demidenko 2011b). Тогда-то я определил как индустриально сравнимые с леваллуа-мустье Центральной Европы и Ближнего Востока подъемные находки местонахождений-мастерских Каркустакау и Тамарашени I (Южная Осетия, Южный Кавказ) (Любин 1977: 96–142). Тогда и в начале 2000-х гг. мною было отмечено главенство микокских комплексов на Северном Кавказе и преобладание комплексов мустье Загроса на Южном Кавказе. Разделял их Главный Кавказский хребет, отчего и сформировалось мнение о нем как о природном барьере для передвижений людей палеолита. Суммируя свои данные по среднему палеолиту Большого Кавказа, учитывая дискуссии с коллегами из разных стран, работавшими или работающими в этом регионе, и используя опубликованные данные (см. среди многих иных: Беляева 1999; Голованова, Хоффекер 2000; Beliaeva, Lioubine 1998; Gasparyan et al. 2014; Golovanova 2015; Golovanova, Doronichev 2003), ниже я представил индустриальный фон среднего палеолита региона без хронологии типов индустрий, что для целей настоящего исследования не столь уж необходимо.

Северный Кавказ. Наиболее изучен Северо-Западный Кавказ, являющийся восточным регионом Большого Северного Причерноморья. Именно здесь исследованы стратифицированные и зачастую многослойные памятники микока. Это, прежде всего, стоянка открытого типа Ильская и стоянки в пещерах Мезмайская, Магузка, Баракаевская, Монашеская и Губский навес 1. Мне представляется возможным говорить о специфике микока здесь. В микоке Крыма/крымской микокской традиции (Чабай и др. 2000) основу обработки камня составляли: 1) систематическое и интенсивное производство и переоформление двусторонних орудий в «плоско-выпуклой» технике; 2) превалирование в дебитаже сколов обработки/переоформления двусторонних орудий над сколами расщепления нуклеусов и изготовление многих односторонних орудий, включая серийные и разнообразные конвергентные скребла и остроконечники, на бифасиальном дебитаже; 3) использование практически исключительно высококачественного кремня, вне зависимости от дальности расположения стоянок по отношению к месторождениям такого кремня, тогда как кремни с плохими изотропными свойствами, даже являясь местными для стоянок, обычно использовались минимально (Демиденко 2003: 130–131; Demidenko 2015a: 128–131; 2015b: 74–80). В микоке Северо-Западного Кавказа прослеживается: 1) малое число двусторонних орудий в каждом конкретно взятом комплексе и их изготовление на преимущественно высококачественном и приносном для стоянок кремне; 2) ставка в первичном расщеплении камня на нуклеусное раскалывание и использование его дебитаж под односторонние орудия с близким Крыму содержанием конвергентных скребел и остроконечников; 3) интенсивное использование местного для стоянок кремня, часто с плохими изотропными свойствами, как раз такого, какой практически не использовали неандертальцы Крыма. Соответственно по базовым индустриальным показателям микок Северо-Западного Кавказа ближе микоку Восточно-Европейской равнины. Изучение причин отличий камнеобработки микока Северо-Западного Кавказа и Крыма актуально для палеогеографической ситуации, когда эти регионы не были разделены Азовским морем почти все время последнего оледенения. Стоянки микока на Северном Кавказе топографически и территориально «распространяются от предгорий — около 100 м н. у. м. <...> до высокогорных плато — более 1300 м н. у. м. <...> и от Северо-Западного побережья Чёрного моря почти до Центрального Кавказа» (Голованова, Хоффекер 2000: 35). Итак, это была долговременная и повсеместная «оккупация» неандертальцами микока Северо-Западного Кавказа, и каких-либо убедительных свидетельств наличия иных типов индустрий среднего палеолита в этом регионе Северного Кавказа нет.

В последнее время стали известны стоянки среднего палеолита на востоке Северного Кавказа — в Прикаспийском Дагестане. Однако коллегами отмечены значительные индустриальные отличия комплексов находок стоянок Рубас 1, Дарвагчай-залив 1, Тинит 1, а также местонахождений подъемного материала как от комплексов Северо-Западного Кавказа (двусторонние орудия микока отсутствуют), так и Южного Кавказа (малочисленны конвергентные скребла и остроконечники и отсутствуют тронкированно-фасетированные изделия/нуклеусы на сколах, типичные для мустье Загроса) (Анойкин 2017а; 2017б). Соответственно справедлив следующий вывод: «несмотря на значительное количество известных среднепалеолитических памятников на Кавказе и большое технико-типологическое

разнообразии внутри их групп, прямых аналогий между ними и среднепалеолитическими материалами Приморского Дагестана в настоящее время не прослеживается» (Анойкин 2017б: 31). Поэтому пока средний палеолит Прикаспия Северо-Восточного Кавказа — это «вещь в себе», до новых открытий там и/или в соседних ареалах Прикаспия, в Иране например.

Центральная часть Северного Кавказа также пока неясна по индустриальной составляющей среднего палеолита. Комплексы находок среднего палеолита пещеры Мыштулагты-лагат (Северная Осетия) могут ассоциироваться и с мустье Загроса, и с ранним левантийским мустье типа Табун-D, известными на Южном Кавказе (Гиджрати и др. 2010). Однако однозначное определение в пользу одного из этих двух типов индустрий сделать пока невозможно. Вторая стратифицированная стоянка среднего палеолита в центре Северного Кавказа, грот Сарадж-Чуко (Кабардино-Балкария), находится на начальном этапе исследований (Doronicheva et al. 2017), и поэтому ее артефакты могут представлять или микок, или мустье Загроса. Находки в Мыштулагты-лагат, Сарадж-Чуко и материалы местонахождений подъемного материала (Любин, Беляева 2001–2002) могут в будущем составить варибельную и не только микокскую индустриальную структуру среднего палеолита всего Северного Кавказа. При этом нахождение возможных немикокских стоянок именно в центральной части Северного Кавказа может иметь ключевое значение при определении конкретных путей перемещения людей среднего палеолита в рамках Большого Кавказа.

Южный Кавказ. Эта сторона Большого Кавказа характеризуется значительной индустриальной варибельностью среднего палеолита. Его структура от предположительно хронологически более ранних к более поздним индустриям приведена в общем виде ниже.

Ябрудиан. Погребенная пещера Цопи (Квемо-Картли, Юго-Восточная Грузия).

Раннее левантийское мустье типа Табун-D. Расположенные в горах на отметках 1600 и 2100 м н. у. м. пещеры Кударо I, III и Цона (Южная Осетия); на отметке 600 м н. у. м. пещера Джручула в Имеретии (Западная Грузия); пещера Ховк I (2000 м н. у. м.) и стоянка открытого типа Баграташен I (500 м н. у. м.) в Северной Армении.

Позднее левантийское мустье типа Табун-B. Подъемные находки из местонахождений-мастерских Каркустакау и Тамарашени I с топографической позицией около 1000 м н. у. м. (Южная Осетия) и мустьерские кремни местонахождений подъемного материала Хеивани (Абхазия).

Леваллуа-мустье так называемого хостинского типа северо-западной части Южного Кавказа представлено группой пещерных памятников (Хостинская I–II, Ахштырская, Малая Воронцовская, Навалишенская, Ацинская) в Сочинском Причерноморье. Кратковременные и своеобразные поселения людей леваллуа-мустье в этих пещерах, специфические условия сохранности их каменных изделий (Кулаков, Гиря 2017; Кулаков 2017) не позволяют коррелировать их с известными типами леваллуа-мустье Западной Азии и Восточной Европы.

Мустье, типичное для Цуцхватского и Цхалцителского типов, представленное материалами таких пещерных стоянок, как Ортва-Клде, Бронзовая, Ортва, Чачати и Сакажиа в предгорьях Большого Кавказа в бассейне р. Риони и р. Квирила (Имеретия, Западная Грузия), может быть близко как мустье, типичному для Анатолии (Караин в Южной Турции), так и являться фациальным проявлением мустье Загроса.

Мустье Загроса является очень индустриально вариабельным и представительным по своим стоянкам на Южном Кавказе. Это и Закавказское нагорье в Азербайджане (пещеры Тагларская и Дашсалахлы), и Армения (пещеры Ереванская, Лу-сакерт 1, Ангегхакот 1 и стоянки открытого типа Калаван 2 и Барож 12) с высотами от 500 до 1800 м н. у. м.

**Резюме по среднему палеолиту Северного и Южного Кавказа
в аспекте инфильтрации людей того времени из одного региона в другой**

По индустриальной составляющей среднего палеолита Северного и Южного Кавказа прослеживается следующая тенденция. На Северном Кавказе практически единолично присутствует микок. Это понятно, так как Северный Кавказ является южным регионом Восточно-Европейской равнины, где в среднем палеолите преобладают комплексы микока. Топографически Северный Кавказ был также легко доступен для передвижений с севера неандертальцам микока. Однако доступ этот перекрывался Главным Кавказским хребтом, а за его горной грядой, уже на Южном Кавказе, Среднем и Ближнем Востоке, ни одного комплекса находок микока нет. В свою очередь, Южный Кавказ открыт территориям Среднего и Ближнего Востока, где индустрии среднего палеолита намного более разнотипны. Этим и объясняется индустриальное многообразие среднего палеолита Южного Кавказа. При этом стоянки с комплексами находок ябрудиана, позднего левантийского мустье типа Табун-В и мустье Цуцхватского и Цхалцителского типов неизвестны ни на Северном Кавказе, ни на пространствах Восточно-Европейской равнины. Более того, нахождение стоянок позднего левантийского мустье типа Табун-В в Южной Осетии, в непосредственной близости от Главного Кавказского хребта, позволяет предполагать неудачные попытки неандертальцев с Ближнего Востока «взять штурмом в лоб» эту поперечно разделяющую Большой Кавказ горную систему. Стоянки в центральной части Северного Кавказа (Мыштулагты-лагат и Сарадж-Чуко) являются единственными кандидатами на нахождение в них комплексов находок мустье Загроса (хотя не исключена и микокская атрибуция каменных изделий грота Сарадж-Чуко) и/или раннего левантийского мустье типа Табун-D (Мыштулагты-лагат). Если вопрос с этими южнокавказскими аналогиями решится положительно, то тогда обращают на себя внимание три следующих обстоятельства.

1. Как раз в центре Большого Кавказа, в месте пересечения Бокового хребта, восточнее г. Казбек, находится основной естественный проход через Главный Кавказский хребет — Дарьяльское ущелье р. Терек. Ущелье, окруженное скалами высотой до 1000 м, является горным проходом протяженностью примерно 12 км. Все характеристики ущелья указывают на большие трудности по его пешему переходу даже сейчас, по современным дорогам. Невообразимо труднее, конечно, было пройти его «нехоженными тропами» людям палеолита. Поэтому можно только говорить о попытках групп людей среднего палеолита осуществить переход по этому ущелью.

2. С одной стороны, широкая известность стоянок мустье Загроса в горах Среднего Востока и Южного Кавказа свидетельствует об адаптации неандертальцев этой индустрии к горным районам проживания. Поэтому неандертальцы мустье Загроса могли пройти по Дарьяльскому ущелью и достигнуть северных склонов Главного Кавказского хребта.

3. С другой стороны, недавнее открытие остатков именно *Homo sapiens* в слое раннего левантийского мустье типа Табун-D верхней террасы пещеры Мислия (даты около 177–194 тыс. л. н.) (Hershkovitz et al. 2018) связывает появление самых ранних комплексов леваллуа-мустье на Ближнем Востоке с людьми современного типа из Африки. Это давно предполагали исследователи палеолита Ближнего Востока, включая и автора настоящей статьи. С моей точки зрения, открытие в Мислия ставит на повестку дня и вопрос переименования раннего левантийского мустье типа Табун-D (равно как и типа Табун-С) в какое-то подразделение среднего каменного века Африки в Юго-Западной Азии. В этом контексте соответствующие комплексы Южного Кавказа с расположением большинства стоянок в высокогорье и в том числе в Южной Осетии неподалеку от Дарьяльского ущелья (пещеры Кударо I и III, Цона) могут быть свидетельством проникновения ранних *Homo sapiens* с Южного Кавказа на его северные склоны. Однако возможная инфильтрация коллективов людей мустье Загроса и раннего левантийского мустье типа Табун-D, скорее всего, была эпизодическим и несистемным явлением, так как не привела к передвижению их по всему Северному Кавказу, не говоря уже про иные регионы Восточной Европы, где стоянок данных индустрий среднего палеолита нет. Не исключена также здесь и возможная отрицательная роль палеодемографического фактора. «Оккупация» Северного Кавказа неандертальцами микока могла не позволить группам людей из Южного Кавказа продвинуться вглубь этих новых для них регионов.

Итак, возможность отдельных передвижений неандертальцев и ранних *Homo sapiens* среднего палеолита по Большому Кавказу не отрицается, но фактически только вдоль Главного Кавказского хребта без его систематического пересечения. Это еще один довод в пользу утверждения о двух обособленных провинциях среднего палеолита Западной Евразии с их локальными типами индустрий в Восточной Европе и ее самом южном регионе — Северном Кавказе, а также на Среднем и Ближнем Востоке с их самым северным регионом на Южном Кавказе.

Ранний верхний палеолит Северного и Южного Кавказа

Индустриальная систематика раннего верхнего палеолита Большого Кавказа совсем иная, трансрегиональная. Как уже отмечалось ранее (Demidenko 2012b; 2014c), нет данных для постулирования локального происхождения раннего верхнего палеолита из местного позднего среднего палеолита на юге Восточной Европы, в том числе на Северном Кавказе. Индустриальная структура раннего верхнего палеолита Северного Кавказа может быть представлена следующим образом (Demidenko 2012a; 2014c). И речь идет только о Северо-Западном Кавказе, так как стоянок раннего верхнего палеолита в иных частях Северного Кавказа нет.

Архаичный ориньяк типа левантийского ориньяка А, или Кзар Акил индустриальная фаза 3, — Каменноостская пещера, нижний слой (Демиденко 2009; Demidenko 2000–2001; 2008–2009).

Архаичный ориньяк типа левантийского ориньяка В, или Кзар Акил индустриальная фаза 4, — стоянка открытого типа Широкий Мыс (Щелинский 2007; Демиденко 2009; Demidenko 2008–2009).

Поздний / развитый ориньяк типа левантийского ориньяка С, или Кзар Акил индустриальная фаза 6, — Губский навес 1, нижний слой верхнего палеолита и

Монашеская пещера, нестратифицированные кремни несохранившихся до наших дней верхних седиментов стоянки (Амирханов 1986; Беляева 1999; Демиденко 2009; Demidenko 2000–2001; 2008–2009).

Индустрия раннего верхнего палеолита Кавказа — Мезмайская пещера, слои 1С–1А (Golovanova et al. 2006; Demidenko 2014c).

Эти типы индустрии не имеют аналогов ни на юге Восточной Европы, ни в остальной Восточной Европе, с одним исключением для неориньякской индустрии (см. ниже). Вместе с тем они имеют индустриальные аналоги на Ближнем и Среднем Востоке и частично на Южном Кавказе. Их корреляция такова.

Архаичный ориньяк типа левантийского ориньяка А, или Кзар Акил индустриальная фаза 3, наиболее представлен материалами навеса Кзар Акил, слои XII–XI раскопок 1930-х гг. / слои XII–XIb–XIa раскопок 1940-х гг. (Ливан); стоянки Умм эл Тлел, сектор 2, локус юго-запад, горизонт 14'б', сектор 2, локус север, горизонт П2б, сектор 5, горизонт P1c навеса Ябруд II, слои 3–2 (Сирия) и, возможно, нижними горизонтами слоя С пещеры Шанидар (Ирак).

Архаичный ориньяк типа левантийского ориньяка В, или Кзар Акил индустриальная фаза 4, известен по находкам навеса Кзар Акил, слой X раскопок 1930-х гг. / слои Xc–Xb–Xa раскопок 1940-х гг.; пещер Антелиас, слой IV, и Абу Халка, слой IVc (Ливан); т. н. раннего ориньяка Загроса, например, пещеры Яфтех, горизонты 23–15 (Иран). Данный тип индустрии раннего верхнего палеолита является, по мнению автора настоящей статьи, «индустриальным источником» протоориньяка Западной Евразии (Демиденко 2012; Demidenko 2011a; 2012a; Demidenko, Nauck 2012).

Поздний / развитый ориньяк типа левантийского ориньяка С, или Кзар Акил индустриальная фаза 6, определяется по артефактам навеса Кзар Акил, слой VI раскопок 1930-х гг. / слои VIb–VIa раскопок 1940-х гг. (Ливан) и позднего ориньяка Загроса, например, пещеры Яфтех, горизонты 14–3 (Иран).

Индустрия раннего верхнего палеолита Южного Кавказа с недавно предложенным автором своим особым статусом демонстрирует удивительное расположение стоянок как на юге Восточной Европы, так и на Среднем Востоке и Южном Кавказе. Сейчас представляется возможным, кроме материалов Мезмайской пещеры на Северо-Западном Кавказе, соотносить с этой индустрией стоянки в Крыму: в предгорьях Восточного Крыма (грот Буран-Кая III, горизонты 6–5–6–1, 5–2), на Южном Кавказе: в бассейне рек Риони и Квирила в Имеретии Западной Грузии (пещеры Дзудзуана, слой D, Ортвала-Клде, слои 4d–4c, Бонди, слои V–IV) и на р. Воротан высокогорья Юго-Восточной Армении (пещера Агиту 3, горизонты VII–VI на высоте 1600 м н. у. м.), на Среднем Востоке: юг гор Загроса юго-запада Ирана (пещера Гхар-э Буф, горизонты IV–III на высоте 900 м н. у. м.) и в Южном Каспийском регионе на севере Ирана (стоянка открытого типа Гарм Руд 2). Соответствующие культуросодержащие отложения этих стоянок датируются временем около 36/34–30/28 некалиброванных тыс. л. н. и демонстрируют многовариантную адаптацию коллективов людей к различным природным и топографическим условиям. Принимая во внимание уже опубликованные в начале 2010-х гг. данные по материалам пещер Дзудзуана и Ортвала-Клде и подчеркивая неевропейское происхождение комплексов данной индустрии на Северном Кавказе и в Крыму, автор назвал ее «индустрией раннего верхнего палеолита Южного Кавказа» (Demidenko 2012b). Происхождение данной индустрии неясно (см., например, материалы Юго-Западного Ирана, где эта

индустрия названа «Ростамиан»: Ghasidian 2014). Я бы не исключал ее генезис из ахмариана Ближнего Востока по особенностям скалывания пластинок, микролитам с маргинальной пригупленной ретушью и отсутствию типов ориньяка.

Резюме по раннему верхнему палеолиту Северного и Южного Кавказа с точки зрения возможных межрегиональных передвижений коллективов людей

Корреляция четырех индустрий раннего верхнего палеолита Северо-Западного Кавказа с данными по Южному Кавказу акцентирует внимание на местном азиатском происхождении только индустрии раннего верхнего палеолита Южного Кавказа на юге Большого Кавказа. Эта индустрия Южного Кавказа представлена и на Среднем Востоке, где, возможно, или даже еще южнее, на Ближнем Востоке, находятся ее «исторические корни». Три ориньякские индустрии Северо-Западного Кавказа еще не выделялись на Южном Кавказе, но известны на Среднем и Ближнем Востоке. Поэтому база данных раннего верхнего палеолита Большого Кавказа радикально отличается от таковой по среднему палеолиту. На Большом Кавказе отсутствуют какие-либо узколокальные индустрии раннего верхнего палеолита, как в случае, например, с микроком среднего палеолита Северо-Западного Кавказа и Восточной Европы.

В настоящее время возможен только «миграционный сценарий» объяснения наличия стоянок четырех индустрий раннего верхнего палеолита в анализируемых регионах Западной Азии и юга Восточной Европы. Предполагается проникновение людей с традициями ориньяка с Ближнего Востока через Средний Восток и Южный Кавказ на Северо-Западный Кавказ. Индустрию раннего верхнего палеолита Южного Кавказа следует рассматривать как автохтонную в широком смысле для Среднего Востока с Южным Кавказом, люди которой также перешли на Северо-Западный Кавказ и оттуда дальше в Восточный Крым.

Каковы же могли быть маршруты передвижения на Северный Кавказ людей раннего верхнего палеолита? Два обстоятельства заслуживают внимания. Во-первых, стоянки с культурными слоями *in situ* и/или местонахождения с гомогенными ориньякскими находками трех типов индустрий ориньяка до сих пор не обнаружены на Южном Кавказе, и это в регионе, где систематические поиски стоянок палеолита проводят уже более 100 лет. Во-вторых, при наличии стоянок индустрии раннего верхнего палеолита Южного Кавказа в различных природных и топографических ситуациях, включая и высокогорную пещеру Агиту 3, нет свидетельств присутствия людей этой индустрии в Южной и Северной Осетии / Кабардино-Балкарии по обеим сторонам центра Главного Кавказского хребта. Эти обстоятельства позволяют полагать, что люди раннего верхнего палеолита не «штурмовали в лоб» и по центру сложную «многохребтовую» систему Главного Кавказского хребта, а обошли ее вдоль восточного побережья Чёрного моря. Абсолютно убедительных данных для обоснования этого обходного пути пока нет, но есть косвенные данные и ряд фактических индикаторов, говорящие в пользу такого предположения. *Homo sapiens* начала верхнего палеолита как охотники-собиратели значительно отличались и от неандертальцев, и от ранних *Homo sapiens* среднего палеолита Евразии гораздо более широким потенциалом адаптаций в использовании и потреблении пищевых ресурсов вариабельной окружающей среды, они интенсивно стали

охотиться на мелких млекопитающих, пресмыкающихся и птиц, а также ловить рыбу и собирать моллюсков (Stiner 2001; Stiner, Munro 2002). Эксплуатация дополнительных экологических ниш (Roberts, Stewart 2018) могла позволить людям верхнего палеолита пройти на север с Южного Кавказа вдоль Чёрного моря, минуя пики Главного Кавказского хребта. При переходе вдоль берега моря они могли полагаться на морские и речные пищевые ресурсы. Такой приморский маршрут раннего верхнего палеолита имеет параллели в более позднее время для западного побережья Чёрного моря. По анализу изотопов стронция, C^{14} датам, получаемым по костям людей из стоянок и могильников мезолита — неолита Северных и Центральных Балкан, предложен путь людей раннего неолита из Западной Анатолии не напрямую по равнинам Фессалии и Северной Греции, где нет стоянок раннего неолита, а вдоль западного побережья Чёрного моря до Дуная и по его долине до «Железных Ворот» с выходом вглубь Европы (Bogić, Price 2013).

Отсутствие стоянок раннего верхнего палеолита на восточном побережье Чёрного моря в Аджарии, Абхазии и Сочинском Причерноморье объективно не является препятствием для предлагаемого приморского маршрута и объяснимо. Восточное побережье Чёрного моря сильно эродировано. Впадающие в море реки характеризуются меандрировавшими руслами. Люди же палеолита организовывали стоянки у рек, и эрозия берегов рек оставляет мало шансов на сохранность и обнаружение стоянок. В Аджарии не было систематических поисков стоянок палеолита и нет пещер, на которые ранее делался упор при изучении палеолита на Кавказе, и поэтому палеолита там пока не обнаружено. В Абхазии и Сочинском Причерноморье за многие годы исследований палеолита известны и стоянки открытого типа, в основном это местонахождения подъемного материала, и пещерные стоянки. Ранее здесь никогда не выделяли комплексы находок раннего верхнего палеолита, но ситуация сейчас не кажется безнадежной в этом отношении.

Здесь есть «маяки» раннего верхнего палеолита. Среди пещерных памятников по публикациям часть находок Ахштырской пещеры выглядела потенциально как возможно представляющая ранний верхний палеолит. В слоях верхнего палеолита этой пещеры есть индустриально неопределимые естественно поврежденные артефакты, леваллуа-мустьерские кремни, отдельные предметы финального палеолита/мезолита, но наиболее индикативны изделия позднего верхнего палеолита — что-то типа эпиграветта по критериям палеолита Европы. Вместе с тем ряд изделий раскопок 1961–1963 гг. Е. А. Векиловой в Ахштырской пещере (серия пластинок с дорсальной маргинальной ретушью и фрагмент пластинки с альтернативной маргинальной ретушью, две крупные пластины с ориньякской ретушью) может коррелировать с индустриями ориньяка и индустрией раннего верхнего палеолита Южного Кавказа. Среди подъемных материалов с верхнепалеолитическими кремнями Абхазии разведок 1935–1936 гг. С. Н. Замятина, прежде всего, интересно местонахождение Лечкоп (ныне застроенный пригород Сухуми) и его подразделение Лечкоп II. Лечкоп является западной частью комплекса Яштухских местонахождений и расположен на возвышенности к северу от Сухумского мыса Красный Маяк, на расстоянии до 1 км от нынешнего берега моря. На Лечкопе II собрана значительная коллекция верхнего палеолита (около 500 кремней), в которой много нуклеусов для пластинок, включая кареноидные типы, а также кареноидных и высоких «с носиком» скребков-нуклеусов (Замятин 1961: 87–88; табл. XXIV–XXV). Подобные типы

ориньяка представлены и на иных пунктах Яштуха (Там же: табл. XXI). Данные типы изделий ориньяка местонахождений Лечкоп–Яштух могут коррелировать с находками архаичного ориньяка Широкого Мыса на Северо-Западном Кавказе.

Итак, есть как косвенные факторы потенциальных «адаптивных возможностей» людей раннего верхнего палеолита, так и ряд вещественных кремневых данных для восточного побережья Чёрного моря, доказывающие возможность пройти приморским маршрутом с Южного на Северный Кавказ.

При этом для раннего верхнего палеолита прослеживается лишь одностороннее движение по линии юг—север для Кавказа. В то же время столь распространенная в Восточной Европе стрелетская индустрия раннего верхнего палеолита неизвестна на Южном Кавказе и Среднем Востоке. Возможно, это свидетельство адаптации «стрелетцев» только лишь к перигляциальным условиям и таежным ландшафтам по их сибирским истокам (Гладилин, Демиденко 1989; Демиденко 2018).

Заключение

Представленный обзор по индустриям и стоянкам среднего палеолита и раннего верхнего палеолита на Северном и Южном Кавказе с их корреляцией с соответствующими материалами Восточной Европы, Среднего и Ближнего Востока позволяет сделать следующие выводы о возможных передвижениях людей тех времен между регионами Большого Кавказа. Главный Кавказский хребет был природным барьером для неандертальцев и ранних *Homo sapiens* среднего палеолита. Средний палеолит Северного Кавказа представлен микоком Восточной Европы, а Южный Кавказ характеризуется индустриями, связанными со Средним (мустье Загроса) и Ближним Востоком (ябрудиан, раннее и позднее левантийское мустье типов Табун-D и Табун-B). Ни одна из этих индустрий не известна по северную сторону Главного Кавказского хребта. Во время раннего верхнего палеолита ситуация радикально меняется. На Северном Кавказе известны индустрии, никак не связанные с Восточной Европой, а напротив, ассоциирующиеся с тремя типами ориньяка и еще одной индустрией раннего верхнего палеолита Среднего и Ближнего Востока. Соответственно ставится вопрос о возможностях проникновения различных по традициям камнеобработки коллективов людей раннего верхнего палеолита с Южного на Северный Кавказ. Имеющиеся данные по адаптивным возможностям *Homo sapiens* верхнего палеолита и отдельные индикативные, но не стратифицированные находки кремней в Абхазии и Сочинском Причерноморье позволяют предложить приморский маршрут вдоль восточного побережья Чёрного моря в обход Главного Кавказского хребта. При этом нет никаких данных, что люди восточноевропейских индустрий раннего верхнего палеолита передвигались на юг, на Южный Кавказ и далее, по регионам Западной Азии. Поэтому пока можно говорить об однонаправленном расселении людей по Большому Кавказу с юга на север. Таким образом, исследования палеолита восточного побережья Чёрного моря, столь блестяще начатые С. Н. Замятниным в 1930-х гг. и продуктивно продолженные многими археологами, в том числе и В. П. Любиным, заслуживают развития в направлении поиска именно стратифицированных памятников и, прежде всего, стоянок открытого типа².

² Я очень признателен моим коллегам в России за возможность личного изучения коллекций палеолита Северного Кавказа. В Москве: Каменноострской пещеры в апреле 2001 г. — М. Д. Гвоздовер

Литература

- Амирханов 1986 — *Амирханов Х. А.* Верхний палеолит Прикубанья. М.: Наука, 1986. 113 с.
- Анойкин 2017а — *Анойкин А. А.* Индустрии поздних стадий среднего палеолита (MIS 4–MIS 3) на территории Приморского Дагестана: обзор материалов // *Известия Алтайского ГУ.* 2017. № 5 (97). С. 184–188.
- Анойкин 2017б — *Анойкин А. А.* Палеолит Приморского Дагестана: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2017. 42 с.
- Беляева 1999 — *Беляева Е. В.* Мустьерский мир Губского ущелья (Северный Кавказ). СПб.: Петербургское Востоковедение, 1999. 212 с.
- Гиджрати и др. 2010 — *Гиджрати Н., Кимбалл Л., Кютджи Т., Клегхорн Н., Коффей Т., Канукова М., Несмеянов С., Воейкова О., Саутиева-Масленникова В.* Некоторые результаты междисциплинарных исследований плейстоценовых культурных слоев Мыштулагты-лагат и Фынайган-Джыты-Уат в Северной Осетии // *Бзаров Р. С.* (отв. ред.) и др. *Вопросы истории и культуры народов России.* Владикавказ: Изд.-полигр. предпр. им. В. Гассиева, 2010. С. 221–243.
- Гладилин, Демиденко 1989 — *Гладилин В. Н., Демиденко Ю. Э.* К происхождению костенковско-стрелецкой культуры: Европа или Азия? // *Яншин А. Л., Борзияк И. А.* (отв. ред.). *Четвертичный период. Палеонтология и археология.* Кишинев: Штиинца, 1989. С. 187–194.
- Голованова, Хоффекер 2000 — *Голованова Л. В., Хоффекер Д. Ф.* Микок на Северном Кавказе // *АА.* 2000. № 9. С. 35–64.
- Демиденко 2003 — *Демиденко Ю. Э.* Сколы обработки орудий как индикатор особенностей и интенсивности процессов кремнеобработки и жизнедеятельности коллективов неандертальцев на стоянках среднего палеолита в контексте вариабельности индустрий крымской микокской традиции // *АА.* 2003. № 13. С. 128–157.
- Демиденко 2007 — *Демиденко Ю. Э.* Северное Причерноморье в европейском контексте проблематики раннего и среднего периодов верхнего палеолита // *Пригарин А. А.* (отв. ред.). *Человек в истории и культуре: Сб. науч. работ в честь 70-летия В. Н. Станко.* Одесса; Терновка: Друк, 2007. С. 52–79.
- Демиденко 2009 — *Демиденко Ю. Э.* Ориньяк Большого Северного Причерноморья: обзор общих и особенных индустриально-хронологических характеристик // *АА.* 2009. № 20. С. 159–186.
- Демиденко 2012 — *Демиденко Ю. Э.* Архаичный ориньяк Северного Причерноморья и вопросы индустриальной вариабельности и происхождения ориньяка // *Пригарин А. А.* (отв. ред.). *Человек в истории и культуре: Сб. науч. работ в честь 75-летия В. Н. Станко.* Одесса: СМИЛ, 2012. С. 141–152.

и Е. В. Булочниковой. В Санкт-Петербурге: Монашеской и Баракаевской пещер в ноябре 1999 г. и в апреле 2001 г. — В. П. Любину и Е. В. Беляевой; Ахштырской пещеры в апреле 2001 г. — Г. А. Хлопачеву и С. А. Кулакову; местонахождений подъемного материала с кремнями верхнего палеолита Абхазии разведок 1930-х гг. С. Н. Замятнина в апреле 2001 г. — Г. А. Хлопачеву; стоянки Широкий Мыс в июне 2002 г. — В. Е. Щелинскому. Я также благодарен всем указанным российским коллегам и еще Е. Ю. Гире за наши дискуссии по палеолиту Кавказа. Среди западных коллег мне хотелось бы особо поблагодарить Д. Адлера (США) и А. Кандела (США/Германия) за многократные обсуждения палеолита Южного Кавказа и Среднего Востока. Я также благодарю антиковеда А. Ю. Кахидзе, директора Батумского археологического музея (Грузия), за пояснения по археологии Аджарии в сентябре 2015 г.

- Демиденко 2018 — Демиденко Ю. Э. Граветт Большого Северного Причерноморья в контексте верхнего палеолита Восточной Европы // *Stratum plus*. 2018. № 1. С. 265–283.
- Демиденко, Усик 1994 — Демиденко Ю. Э., Усик В. И. О леваллуазской остройной технологии в среднем палеолите // АА. 1994. № 3. С. 35–46.
- Замятнин 1961 — Замятнин С. Н. Очерки по палеолиту. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 175 с.
- Кулаков 2017 — Кулаков С. А. К вопросу о выделении и определении «Хостинской мустьерской культуры» на Северо-Западном Кавказе // Васильев С. А., Щелинский В. Е. (отв. ред.). Древний человек и камень: технология, форма, функция. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. С. 77–84.
- Кулаков, Гиря 2017 — Кулаков С. А., Гиря Е. Ю. К вопросу о «зубчатых орудиях» в свете экспериментальных данных (по материалам Ахштырской пещерной стоянки, Северо-Западный Кавказ) // Там же. С. 65–76.
- Любин 1977 — Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. Л.: Наука, 1977. 223 с.
- Любин, Беляева 2001–2002 — Любин В. П., Беляева Е. В. Среднепалеолитические памятники Ингушетии и проблема миграции палеолитических людей в центральной части Большого Кавказа // *Stratum plus*. 2001–2002. № 1. С. 322–337.
- Чабай и др. 2000 — Чабай В. П., Демиденко Ю. Э., Евтушенко А. И. Палеолит Крыма: методы исследований и концептуальные подходы. Симферополь; Киев: Крымский филиал ИА НАН Украины, 2000. 104 с.
- Щелинский 2007 — Щелинский В. Е. Палеолит Черноморского побережья Северо-Западного Кавказа (памятники открытого типа). СПб.: Европейский Дом, 2007. 189 с.
- Beliaeva, Lioubine 1998 — Beliaeva E. V., Lioubine V. P. The Caucasus–Levant–Zagros: possible relations in the Middle Paleolithic // Otte M. (ed.). *Anatolian Prehistory. At the Crossroads of Two Worlds*. Liège: Universite de Liège. 1998. Vol. 1. P. 39–55 (ÉRAUL 85).
- Borić, Price 2013 — Borić D., Price D. Strontium isotopes document greater human mobility at the start of the Balkan Neolithic // *PNAS*. 2013. Vol. 110 (9). P. 3298–3303.
- Demidenko 2000–2001 — Demidenko Yu. E. The European Early Aurignacian of Krems-Dufour type industries: a view from Eastern Europe // *European Prehistory*. 2000–2001. Vol. 16–17. P. 147–162.
- Demidenko 2008–2009 — Demidenko Yu. E. East European Aurignacian and its Early/Archaic industry of Krems-Dufour type in Great North Black sea region // *Praehistoria*. 2008–2009. Vol. 9. P. 107–140.
- Demidenko 2011a — Demidenko Yu. E. North Black Sea region Archaic Aurignacian complexes with different microliths and their role for Western Eurasia Aurignacian variability and origin studies // *European Society for the study of Human Evolution, September 23–24, Leipzig. Conference Abstracts*, 2011. P. 26.
- Demidenko 2011b — Demidenko Yu. E. The Late Middle Palaeolithic and Early Upper Palaeolithic of the Northeastern and Eastern Edges of the Great Mediterranean (South of Eastern Europe and Levant): any archaeological similarities? // Le Tensorer J.-M., Jagher R., Otte M. (eds.). *The Lower and Middle Palaeolithic in the Middle East and Neighbouring Regions, Proceedings of the Basel Symposium (May 8–10 2008)*. Liège: Universite de Liège, 2011. P. 151–167 (ÉRAUL. 126).
- Demidenko 2012a — Demidenko Yu. E. Concluding considerations // Demidenko Yu. E., Otte M., Noiret P. (eds.). *Siuren I rockshelter. From Late Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic to Epi-Paleolithic in Crimea*. Liege: Universite de Liège, 2012. P. 389–401 (ÉRAUL. 129).
- Demidenko 2012b — Demidenko Yu. E. North Black Sea region Early Upper Paleolithic and human migrations into the region from different territories // *Modes of contact and*

- displacements during the Eurasian Palaeolithic. Colloque international dans le cadre de la commission 8 (Paleolithique superieur) de l'UISPP, 29–30–31 mai 2012: Colloque Abstracts. Liège: Université de Liège, 2012. P. 19.
- Demidenko 2014a — *Demidenko Yu. E.* Crimean Late Middle Paleolithic to Early Upper Paleolithic Transition // Smith C. (ed.). *Encyclopedia of Global Archaeology*. New York: Springer, 2014. P. 1753–1766.
- Demidenko 2014b — *Demidenko Yu. E.* Crimean Upper Paleolithic // *Ibid.* P. 1782–1791.
- Demidenko 2014c — *Demidenko Yu. E.* The Great North Black Sea region Early Upper Paleolithic and human migrations into the region from different territories // Otte M., le Brun-Ricalens F. (coord.). *Modes of contact and mobility during the Eurasian Palaeolithic*. Liège; Luxembourg: Université de Liège; Centre National de Recherche Archéologique, 2014. P. 171–185 (ÉRAUL. 140; Archéologiques. 5).
- Demidenko 2015a — *Demidenko Yu. E.* Middle Palaeolithic industrial variability and tool treatment debitage diversity: some intercorrelation studies for the Crimean Micoquian // *Anthropologie*. 2015. Vol. 53 (1/2). P. 127–155.
- Demidenko 2015b — *Demidenko Yu. E.* Palaeolithic industries with bifacial technologies and Crimean Micoquian Tradition as of their Middle Palaeolithic examples // *Litikum*. 2015. Vol. 3. P. 70–84.
- Demidenko, Usik 1993 — *Demidenko Yu. E., Usik V. I.* The problem of changes in Levallois technique during the technological transition from the Middle to Upper Palaeolithic // *Paléorient*. 1993. Vol. 19 (2). P. 5–15.
- Demidenko, Usik 1995 — *Demidenko Yu. E., Usik V. I.* Establishing the potential evolutionary technological possibilities of the “point” Levallois-Mousterian: Korolevo I site — complex 2B in the Ukrainian Transcarpathians // Dibble H. L., Bar-Yosef O. (eds.). *The Definition and Interpretation of Levallois Technology*. Madison: Prehistory Press, 1995. P. 439–454.
- Demidenko, Hauck 2012 — *Demidenko Yu. E., Hauck Th. C.* Yabrud II rock-shelter archaeological sequence (Syria) and possible Proto-Aurignacian origin in the Levant // Wojtczak D., Al Najjar M., Jagher R., Elsuede H., Wegmueller F., Otte M. (eds.). *Vocation Préhistoire. Hommage à Jean-Marie Le Tensorer*. Liege: Université de Liège, 2012. P. 87–98 (ÉRAUL. 148).
- Doronicheva et al. 2017 — *Doronicheva E. V., Golovanova L. V., Doronichev V. B., Nedomolkin A., Shackley S.* The first Middle Paleolithic site exhibiting obsidian industry on the northern slopes of the Central Caucasus // *Antiquity*. 2017. Vol. 91, no. 359. P. 1–6.
- Gasparyan et al. 2014 — *Gasparyan B., Egeland C. P., Adler D. S., Pinhasi R., Glauberman Ph., Haydosyan H.* The Middle Paleolithic occupation of Armenia: summarizing old and new data // Gasparyan B., Arimura M. (eds.). *Stone Age of Armenia: A Guide-book to the Stone Age Archaeology in the Republic of Armenia*. Kanazawa: Kanazawa University, Center for Cultural Resource Studies, 2014. P. 65–105.
- Ghasidian 2014 — *Ghasidian E.* Early Upper Palaeolithic Occupation at Ghār-e Boof Cave. A reconstruction of cultural traditions in Southern Zagros Mountains of Iran. Tübingen: Kerns Verlag, 2014. 303 p.
- Golovanova 2015 — *Golovanova L. V.* Les hommes de Néanderthal du Caucase du Nord: entre l'Ouest et l'Est // *L'Anthropologie*. 2015. Vol. 119. P. 254–301.
- Golovanova, Doronichev 2003 — *Golovanova L. V., Doronichev V. B.* The Middle Paleolithic of the Caucasus // *Journal of World Prehistory*. 2003. Vol. 17 (1). P. 71–140.
- Golovanova et al. 2006 — *Golovanova L. V., Doronichev V. B., Cleghorn N. E., Burr G., Sulergizkiy L., Hoffecker J.* The Early Upper Paleolithic in the Northern Caucasus (new data from Mezmaiskaya cave, 1997 excavation) // *Eurasian Prehistory*. 2006. Vol. 4 (1–2). P. 43–78.

- Hershkovitz et al. 2018 — *Hershkovitz I., Weber G. W., Quam R. et al.* The earliest modern humans outside Africa // *Science*. 2018. Vol. 359. P. 456–459. DOI: 10.1126/science.aap8369.
- Roberts, Stewart 2018 — *Roberts P., Stewart B.* Defining the ‘generalist specialist’ niche for Pleistocene *Homo sapiens* // *Nature Human Behaviour*. 2018. DOI: 10.1038/s41562-018-0394-4.
- Stiner 2001 — *Stiner M.* Thirty years on the “Broad Spectrum Revolution” and Paleolithic demography // *PNAS*. 2001. Vol. 98 (13). P. 6993–6996.
- Stiner, Munro 2002 — *Stiner M., Munro N.* Approaches to prehistoric diet breadth, demography, and prey ranking systems in time and space // *Journal of Archaeological Method and Theory*. 2002. Vol. 9 (2). P. 181–214.

THE GREATER CAUCASUS RANGE AND HUMAN POPULATION MOVEMENTS WITHIN THE GREAT CAUCASUS DURING THE MIDDLE PALEOLITHIC AND EARLY UPPER PALEOLITHIC

YU. E. DEMIDENKO

Keywords: *Greater Caucasus range, Paleolithic, North Caucasus, South Caucasus, East Europe, West Asia.*

The paper analyzes possible movements of the Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic human groups over the territory of the Great Caucasus across the Greater Caucasus range. The survey of the archaeological evidence pertinent to this topic leads to the following suppositions. The Greater Caucasus range was an impenetrable barrier for the Middle Paleolithic humans (both Neanderthals and early *Homo sapiens*). On the contrary, the Early Upper Paleolithic *Homo sapiens* appear to have found a migratory route from the South Caucasus to the North Caucasus through the Eastern Black Sea littoral, bypassing the main heights of the Greater Caucasus range. In all likelihood, such a bypass route became possible due to a considerable broadening of the Early Upper Paleolithic food niche through the inclusion in the human diet of diverse aquatic (marine and riverine) resources that had not been exploited in the Middle Paleolithic.

НОВЫЕ ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ПАЛЕОЛИТУ ЕВРАЗИИ

ПРОБЛЕМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МИКРОФАЦИАЛЬНОГО АНАЛИЗА ПРИ ИЗУЧЕНИИ КАВКАЗСКИХ ДРЕВНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПЕЩЕРНЫХ ПАМЯТНИКОВ

С. А. НЕСМЕЯНОВ¹

Ключевые слова: *пещерный генетический комплекс, фацции, микрофацции, микростратиграфия, палеолит, пещера, культурный слой, культуросодержащие отложения.*

Генетический анализ пещерных отложений трактуется противоречиво и слабо разработан. Вопреки традиционным представлениям о существовании единого пещерного генетического типа установлено, что среди пещерных отложений присутствуют аналоги всех парагенетических групп и большинства генетических типов отложений, развитых на земной поверхности. Поэтому автором выделен самостоятельный пещерный генетический комплекс, отличающийся специфическим набором генетических типов и их парагенезов. Показано, что особенность пещерного генетического комплекса заключается в малой мощности и фациальной пестроте слагающих его толщ, их сложных взаимоотношениях и присутствии ряда специфических генетических типов. Отмечается различие набора и ассоциаций генетических типов во внешней, привходовой и внутренних сухой и обводненной частях пещер. Малые размеры слоев и их разнофациальных частей обуславливают необходимость микрофациального анализа. Рассмотрены специфические черты этого анализа и особенности его в пещерах с палеолитическими стоянками. На примере северокавказской пещеры Треугольная рассмотрена специфика применения микрофациального анализа в длительное время обживавшихся пещерах. Даны примеры выделения специфических пещерных микрофаций и разных типов геологических границ.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-22-142-157

Вопреки традиционным представлениям о существовании единого пещерного генетического типа было установлено, что среди пещерных отложений присутствуют аналоги всех парагенетических групп и большинства генетических типов отложений, развитых на земной поверхности в континентальных областях. Это свидетельствует о целесообразности выделения самостоятельного пещерного генетического комплекса, отличающегося не только особым набором генетических типов, но и их специфическими чертами и необычными парагенезами (Несмеянов 1989; 1999).

¹ Лаборатория эндогенной геодинамики и неотектоники, Институт геоэкологии им. Е. М. Сергеева РАН, г. Москва, 101000, Россия.

Общие черты строения и генетического состава пещерных отложений

Пещерные отложения, как известно, отличаются не только малыми мощностями, соизмеримыми с мощностями отложений покровного генетического комплекса, но и чрезвычайной сложностью фациальных соотношений. Намечены три специфические черты пещерных отложений (Несмеянов 2012).

Во-первых, смена генетических типов осуществляется в них на очень коротких расстояниях, необычных для отложений других генетических комплексов. Часто фациально однородные элементы занимают по вертикали и горизонтали только первые метры или дециметры. Для расшифровки строения таких толщ, очевидно, необходим микрофациальный анализ.

Во-вторых, в пещерах широко развиты отложения, не встречающиеся или редкие на земной поверхности. Примером могут служить аллювиально-обвальные отложения, когда в мелкообломочном пещерном аллювии преобладает десквамационный щебень, не окатанный и не участвующий в аллювиальной слоистости. Этот щебень может слагать и самостоятельные слои, которые формировались в результате необычного для земной поверхности длительного и постепенного («медленного») обрушения обломков (каменного «опада») с «шелушащихся» сводов.

В-третьих, для пещерных отложений характерно неоднократное вложение разновозрастных толщ по эрозионным врезам (Несмеянов 1999).

Известны также различия генезиса осадков во внутренней, привходовой и внешней зонах пещер коридорного типа (Фриденберг 1970). Во внутренней (вне доступа дневного света) части преобладают: 1) пещерные глины (продукт предельного растворения известняков), которые разделяются на автохтонные и аллохтонные, включающие также материал, привнесенный в пещеру извне; 2) обломки, образовавшиеся в результате обрушения потолка и стен пещеры; 3) органогенные и хемогенные (сталактиты, сталагмиты, травертины) отложения.

В привходовую часть пещер могут проникать со стороны входа аллювиальные, склоновые, эоловые и другие отложения, но важнейшим местным материалом считается десквамационный щебень.

В наружной зоне пещерные отложения смешиваются со склоновыми и выклиниваются. В приустьевых частях пещер и навесов, расположенных у основания обрывов, часто встречаются мощные осыпные щебнистые и щебнисто-глыбовые отложения. Их материал образует у входа в пещеру конус, в котором слои наклонены от вершины к периферии. Соответственно снаружи они наклонены в сторону привходовой площадки, а с другой стороны — внутрь пещеры.

Активные водоотводы в любой части крупных пещерных систем формируют подземный аллювий (Несмеянов 1999).

Некоторые пещерные отложения не характерны для наземных условий. Это — слоистый обвальный коллювий, образующийся за счет десквамационного «шелушения» сводов. В нем по изменению содержания обломков и составу суглинистого заполнителя нередко удается проследить слои, отвечающие эпохам похолодания и потепления или увлажнения и иссушения климата. В отличие от наземного обвального коллювия, пещерный коллювий обрушения может оказаться культурным слоем археологической стоянки.

З. К. Тинтилов (1976) выделяет глинистые и песчано-глинистые озерно-кольматационные отложения, мощность которых иногда, например в Новоафонской

пещере на Кавказе, достигает 20–30 м. Хемогенные отложения делятся им на сталактито-сталагмитовые и стенные натечные образования, минеральные кальцитовые агрегаты из водных растворов, а также инкрустационные образования на обломках костей, растений и других предметах.

Известны некоторые экзотические пещерные отложения: органогенные (гуано летучих мышей, скопления костей, фосфоритовые земли) и криогенные (подземные льды).

Культуросодержащие геологические слои пещерных стоянок состоят в основном из природного материала различных генетических типов. В этом природном материале рассеян разнородный культурный материал (артефакты, манупорты, кухонные и другие остатки). Кроме того, в пещерах, как и на земной поверхности, среди культуросодержащих слоев следует различать первичные, то есть собственно культурные слои, и вторичные, то есть отложения различного генезиса с перетолженным культурным материалом (Несмеянов 1999; Медведев, Несмеянов 1988; Ранов, Несмеянов 1973).

Разновысотные части крупных карстовых систем могут находиться на неодинаковых этапах карстового процесса. В этом случае схема распространения синхронных пещерных фаций становится сходной со схемой разновозрастных пещерных отложений, отвечающей главным эпохам карстообразования. Следовательно, однотипные отложения в пределах крупного карстующегося массива могут иметь «скользящие» возрастные границы.

Для синхронизации пещерных толщ, кроме палеомагнитных, абсолютных, палеонтологических и археологических датировок, могут использоваться проявления климатической ритмичности и результаты корреляции пещерных и наземных эрозионно-аккумулятивных циклов террасообразования. Такие материалы выявляются в основном для вадозной и сухой зон карстовых систем (и эпох карстообразования). Наличие подобных материалов открывает широкие принципиальные возможности для возрастной корреляции отложений локального пещерного генетического комплекса с лучше изученными отложениями главных (межрегиональных) бассейнового, террасового и покровного генетических комплексов континентальных отложений.

Особенности микрофациального анализа

При микрофациальном анализе, который обычно осуществляется на очень ограниченных территориях, выделяются локальные фации различного содержания в зависимости от характера решаемых задач. Именно специфика этих задач определяет объекты, масштабы исследований и типы таких фаций.

Микрофациальный анализ имеет особую область применения и в силу этого отличается рядом специфических черт по сравнению с обычным фациальным анализом. Так, этот анализ связан с очень детальным изучением локальных объектов и применяется для: 1) обособления геологических или антропогенных и техногенных тел с горизонтальной протяженностью, как правило, в интервале от сантиметров до первых десятков метров и мощностью от долей миллиметров до первых сантиметров, реже — десятков сантиметров; 2) выделения микролокальных палеоэкологических обстановок, которым соответствуют упомянутые тела, формировавшиеся в большинстве случаев в весьма краткие «геологические

мгновения»; последние, как правило, не находят в настоящее время отражения ни в общей, ни в региональных, ни в локальных (местных) стратиграфических и геохронологических схемах.

Локальность размеров и продолжительности формирования объектов микрофациального анализа определяют ряд характерных черт этого анализа.

1. Поскольку латеральные размеры микрослоев или других изучаемых тел меньше размеров изучаемых, например археологических объектов, строение геологического разреза бывает весьма изменчиво, оно требует объемного изучения. Такое изучение обычно достигается путем составления системы взаимно пересекающихся сечений (профилей).

2. Стратиграфическому расчленению подвергаются чаще всего одно-два наиболее дробных подразделений местной стратиграфической шкалы. Это расчленение опирается на материалы микростратиграфии, позволяющие установить микролокальную последовательность естественных, а также антропогенных и техногенных литостратиграфических микроподразделений. Такие подразделения имеют, как правило, сугубо местное (в пределах исследуемого объекта) значение, так как их накопление в большинстве случаев связано с факторами, которые проявлялись только в пределах этого объекта.

3. Микрофациальные построения отражают, с одной стороны, неоднородность стратиграфического разреза в пределах анализируемого объекта (стоянки), с другой — выявляют неоднородность прежде считавшихся однотипными фациальных обстановок, с третьей — намечают особые микрофациальные парагенетические ассоциации. Так, в пещерных отложениях за счет «шелушения» сводов выявляются озерно-обвальные, озерно-аллювиальные и другие осадки.

4. Микростратиграфические, микролитологические и микрофациальные подразделения должны иметь самостоятельные иерархические классификации, отличные от традиционных стратиграфических, литологических и фациальных классификаций.

5. Комплексные микростратиграфические, микролитологические и микрофациальные исследования позволяют выявлять тонкую структуру обычно считавшихся однородными наиболее дробных стратиграфических подразделений (пластов, слоев и т. п.), обнаруживая: завуалированные размывы и несогласия, горизонты повышенной концентрации культурных остатков и субстерильные горизонты в культурных слоях, зоны вторичного и первичного вертикального и горизонтального «разноса» культурных остатков, зоны различных вторичных (диагенетических) преобразований, зоны иллювиального вмыва палинологических материалов и, соответственно, величину стратиграфического несоответствия геохронологических (литологических) и палинологических границ и т. п.

Всё вышеизложенное показывает, что микрофациальный анализ является специфическим направлением стратиграфических и палеогеографических исследований.

Опыт микрофациального анализа культуросодержащих пещерных отложений

Методика микрофациального анализа пещерных образований практически не разработана. В качестве объекта для одной из первых попыток в этом направлении интересна детально изученная пещера со сложным строением разреза и наличием

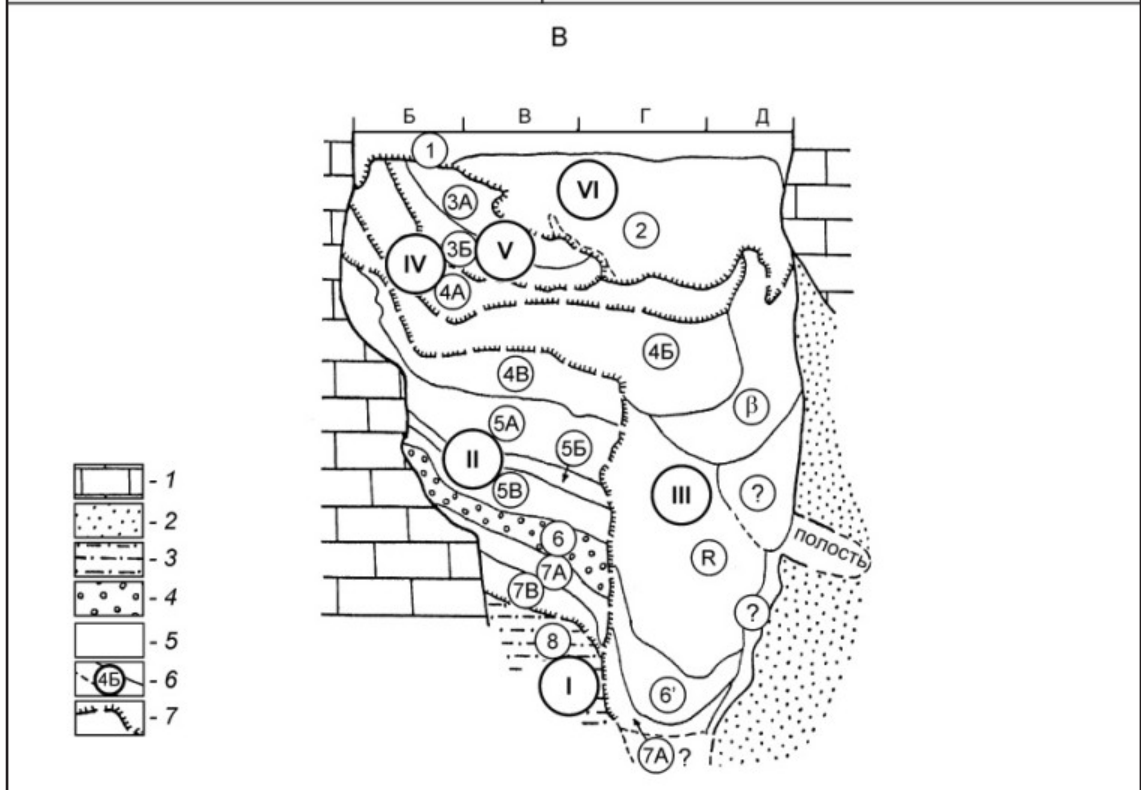
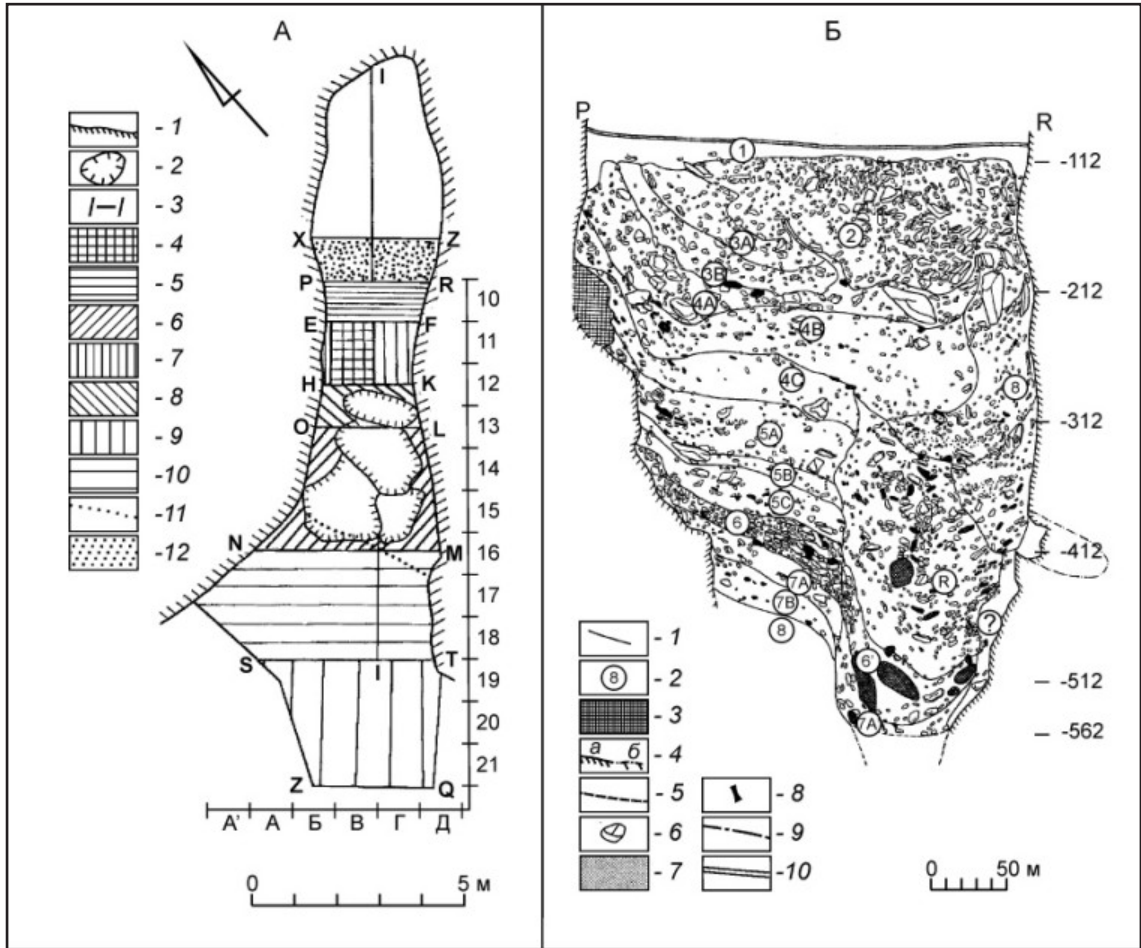

Рис. 1. Пещера Треугольная. А — План пещеры (по: Дороничев и др. 2007: рис. 8) с обозначением раскопов: 1 — скала; 2 — глыбы известняка; 3 — осевая линия пещеры; 4 — шурф 1986 г.; 5 — раскоп 1987 г.; 6 — раскоп 1988 г.; 7 — раскоп 1989 г.; 8 — раскоп 1990 г.; 9 — раскоп 1991 г.; 10 — раскоп 1995 г.; 11 — капельная линия; 12 — раскоп 2000 г. Б — Разрез PR (по: Дороничев и др. 2007: рис. 9): 1 — границы слоев; 2 — индексы слоев; 3 — брекчия; 4 — граница скалы (*a* — видимая; *b* — предполагаемая); 5 — подошва рыхлых отложений; 6 — куски известняка; 7 — куски песчаника; 8 — кости; 9 — предполагаемые границы эрозионных каналов; 10 — современный пол пещеры. В — Основные этапы пещерной седиментации в разрезе по линии PR (по: Несмеянов 1999: рис. 19.2): 1 — юрские известняки; 2 — песчаная нептуническая дайка; 3 — горизонтально-слоистые пещерно-озерные пески; 4 — пещерный аллювий; 5 — полигенетические, преимущественно гравитационные пещерные отложения; 6 — границы слоев и их индексы; 7 — границы главных эрозионных врезов, которые разделяют пачки пещерных отложений, обозначенные римскими цифрами

Fig. 1. Treugolnaya Cave. А — Plan of the cave (after Дороничев и др. 2007: Fig. 8) showing the localization of excavation areas: 1 — rock; 2 — limestone blocks; 3 — cave's central axis; 4 — 1986 test-pit; 5 — 1987 trench; 6 — 1988 trench; 7 — 1989 trench; 8 — 1990 trench; 9 — 1991 trench; 10 — 1995 trench; 11 — drop line; 12 — 2000 trench.

Б — PR cross-section (after Дороничев и др. 2007: Fig. 9): 1 — layer boundaries; 2 — layer indexes; 3 — breccia; 4 — rock boundary (*a* — visible; *b* — projected); 5 — base of loose deposits; 6 — pieces of limestone; 7 — pieces of sandstone; 8 — bones; 9 — presumed boundaries of erosional channels; 10 — present day cave floor.

В — Main stages of cave sedimentation as seen in the PR cross-section (after Несмеянов 1999: Fig. 19.2): 1 — Jurassic limestones; 2 — dande neptunic dike; 3 — horizontally laminated cave-lacustrine sands; 4 — cave alluvium; 5 — polygenetic (mainly gravitational) cave deposits; 6 — layer boundaries and indexes; 7 — boundaries of the main erosional cuttings, which separate cave strata designated by Roman numerals

древних эрозионных врезов. Всем этим требованиям отвечает северокавказская пещера Треугольная, образовавшаяся в юрских (келловей-оксфордских) известняках на правом берегу балки Громовская, прорезающей плато Баранаха (рис. 1; 2) (Несмеянов 1999; Дороничев и др. 2007).

Первоначально она представляла собой карстовую полость, которая только в начале воздвиженского (Q_1^2) этапа была вскрыта эрозией. Щелевидный поперечный профиль полости пещеры Треугольная и переход этой полости в трещину, уходящую вверх, свидетельствуют о том, что сама эта полость является расширенной карстом трещиной. Такие трещины бывают весьма древним образованием. Это подтверждается присутствием у северо-западного края полости пещеры Треугольная останца нептунической дайки, сложенной плотным, неслоистым, темным, зеленовато-серым песчаником с известковистыми жеодами, кальцитовыми прожилками и обломками морских лилий, игл морских ежей и других органических остатков. Видимая мощность сохранившейся части нептунической дайки достигает 1 м, а общая ее мощность, вероятно, составляет 1,5–2,0 м. Именно за счет разрушения этой дайки, очевидно, образовалась значительная часть пещерной полости. Вполне вероятно ее появление с началом орогенических воздыманий и эрозионного расчленения Баранакского массива в целом и до того, как эрозионный врез балки Громовская достиг уровня пещеры.

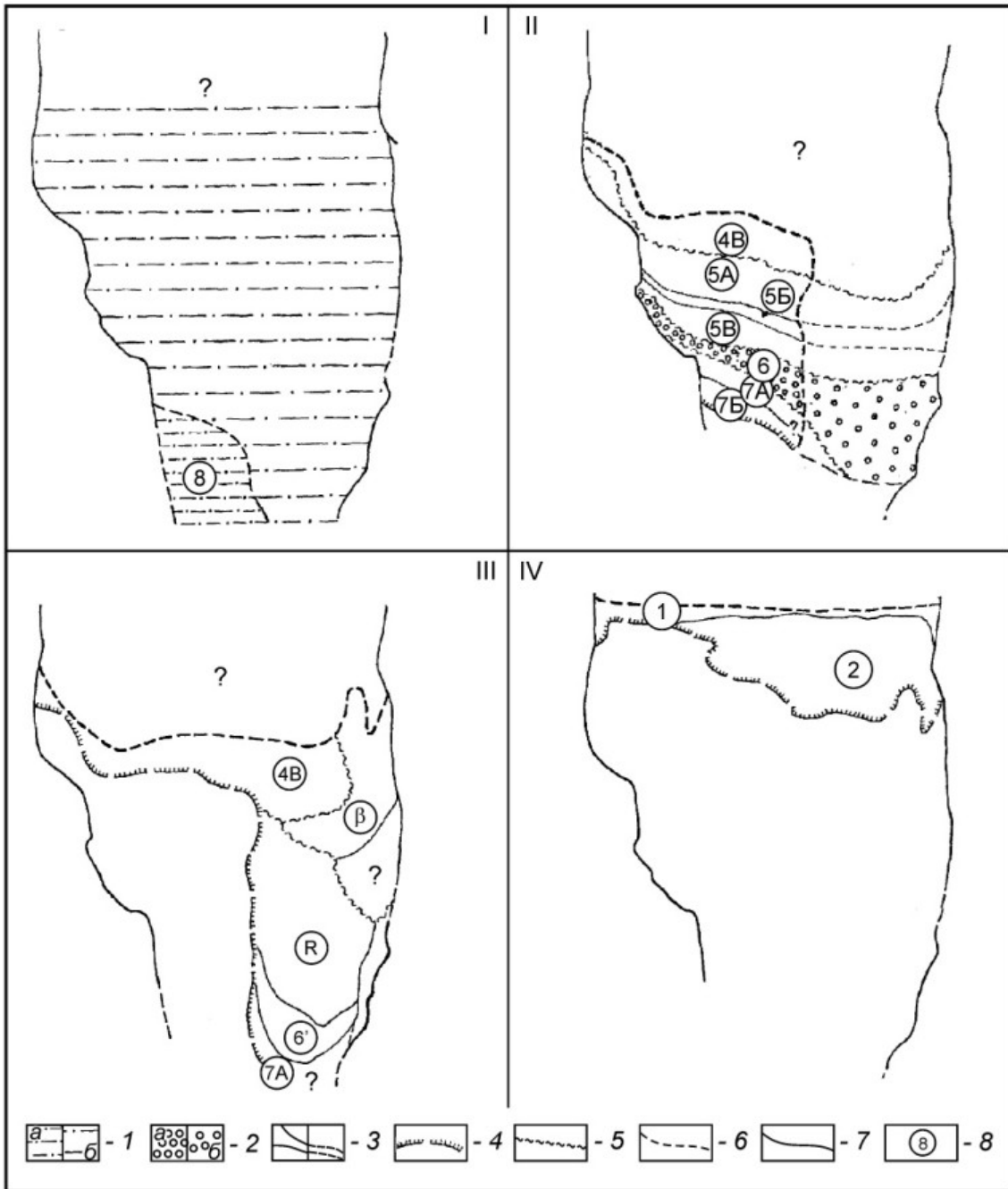

Рис. 2. Поэтапные реконструкции пещерной седиментации (по: Несмеянов 1999: рис. 19.3): 1–3 — пещерные отложения (*a* — сохранившиеся; *b* — реконструируемые): 1 — пещерно-озерные; 2 — пещерно-аллювиальные; 3 — полигенетические, преимущественно гравитационные; 4–7 — границы: 4 — главных размывов; 5 — второстепенных размывов; 6 — кровли сохранившихся отложений рассматриваемого этапа; 7 — первичной пещерной полости; 8 — номера слоев по В. Б. Доронищеву

Fig. 2. Stage-by-stage reconstructions of cave sedimentation (after Несмеянов 1999: Fig. 19.3): 1–3 — cave deposits (*a* — preserved; *b* — reconstructed): 1 — cave-lacustrine; 2 — cave-alluvial; 3 — polygenetic, predominantly gravitational; 4–7 — boundaries of: 4 — main washouts; 5 — minor washouts; 6 — roof of the residual deposits of a given stage; 7 — original cavity; 8 — layer numbers after V. B. Doronichev

Дайка могла сформироваться, скорее всего, еще тогда, когда известняковый массив находился под водами позднемезозойского или раннетретичного моря. Во всяком случае весь разрез плейстоценовых пещерных отложений прислонен к этой дайке, так же как и к юрским известнякам.

Наиболее древним выполнением вскрытой ныне карстовой полости является мелкозернистый зеленовато-серый песок, образовавшийся в основном за счет разрушения упомянутой выше нептунической дайки (слой 8 на рис. 1В). Останец этого песка наблюдался у западного основания раскопа 1991 г. Здесь в нем намечаются следы субгоризонтальной слоистости водного типа. Порода хорошо сортирована, что также указывает на ее субаквальное происхождение. Скорее всего, это осадок, сформировавшийся в стоячей воде, некогда заполнявшей (или периодически наполнявшей) карстовую полость. Отсутствие щебня, то есть следов морозного «шелушения» свода, указывает на то, что данный слой образовался до вскрытия карстовой полости эрозией, то есть до появления в ней сильных температурных колебаний, в том числе и сезонных. Данный подземно-озерный песок первоначально мог полностью заполнить первичную пещерную полость.

В дальнейшем в пещере Треугольная происходило нормальное для кавказских пещерных стоянок осадконакопление, когда слои разного генезиса в той или иной мере содержат обвальное-осыпные обломки, образовавшиеся в результате десквамации — морозного «шелушения свода» пещеры.

Для дальнейшего анализа выбрано сечение PR, на котором наиболее выразительны сочетания участков нормальной седиментации и эрозионных врезов, выполнившихся преимущественно гравитационными, в том числе культуросодержащими, отложениями.

а) Археологическое расчленение объекта

Археологические исследования (Дороничев и др. 2007) позволили выявить ряд слоев (они обозначены арабскими цифрами и буквами), часть которых содержит инситу археологические материалы, часть — переотложенные артефакты, а часть — не содержит культурных остатков (рис. 1Б).

При расчленении залегающих в нормальной стратиграфической последовательности пещерных культуросодержащих отложений намечается иерархия стратиграфических подразделений. Подразделения, отвечающие основным этапам седиментации, делятся более подробно, и для таких подробных подразделений применяются индексы типа: 5А, 5В, 5С и т. д. (Там же). Этот прием обычно использовался и в других пещерных памятниках (Кударские... 1980 и др.).

В самом кратком виде археологическая характеристика нормального седиментационного разреза такова:

Слой 1. Супесь гумусированная с углисто-золистыми прослойками, средневековой керамикой и костями домашних животных.

Слой 2. Супесь, суглинок, щебень и глыбы. Археологические материалы отсутствуют.

Слои 3А, 3В. Супесь, суглинок, щебень; переотложенные изделия раннего палеолита и фауна, типичная для мустьерских стоянок Северного Кавказа.

Слои 4А, 4В, 4С. Супесь, щебень, глыбы; археологический комплекс I — изделия раннепалеолитического протошарантского облика².

² В рассматриваемом разрезе отсутствует слой 4D, к которому приурочен археологический комплекс II.

Т а б л и ц а 1

Хронология и палеогеография раннепалеолитических комплексов пещеры Треугольная
(по: Дороничев и др. 2007: табл. 22)

Слой	Индустрия	Флора	Климат	Средний ЭПР возраст, тыс. л. н.	Магнитная подзона
Глубокая эрозия					
4А	«Премустьерская» индустрия	Лесостепь	Умеренный, сухой	—	I
4В		Субальпийские луга	Прохладный, сухой	364 ± 11 эмаль (LU)	IIa
Глубокая эрозия — линзы R и β					
4С	«Премустьерская» индустрия	Низкогорные лиственные леса	Теплый, влажный	376 ± 9 эмаль (LU)	—
		Субальпийские луга	Холодный, сухой (экстремум стадиала)		IIb (или IIc)
4D	Индустрия чопперов	Нет данных	Нет данных	—	Нет данных
5А	«Премустьерская» индустрия	Субальпийские луга	Холодный, сухой (экстремум стадиала)	418 ± 10 эмаль (LU)	IIc
		—	Прохладный, влажный		IIIa
5В	—	Лесостепь	Теплый, влажный (оптимум)	393 ± 27 моллюски, 406 ± 15 эмаль (LU)	IIIb
5С	«Премустьерская» индустрия	Субальпийские луга	Холодный, сухой (экстремум стадиала)	—	IIIc
		—	Прохладный, влажный	—	IIIId
Эрозия					
6	—	Сухие субтропические леса	Теплый, сухой (субтропический)	504 ± 24 эмаль (LU)	Нет данных
Эрозия					
7А	«Премустьерская» индустрия	Высокогорные леса + субальпийские луга	Прохладный, влажный	583 ± 25 моллюски	IVa
7В	—	Лесостепь	Теплый, сухой	—	IVb
			—	—	IVc
Глубокая эрозия					

Слои 5А, 5В, 5С. Супесь, суглинок, галька, щебень, глыбы; нижнепалеолитический комплекс III. В слое 5В присутствуют окатанные кости и раковины моллюсков.

Слой 6. Галечник аллювиальный со щебнем и раковинами моллюсков.

Слои 7А, 7В. Супесь со щебнем и раковинами моллюсков. В слое 7А присутствуют нижнепалеолитические изделия IV археологического комплекса.

Фауна млекопитающих из слоев 4, 5, 6 и 7 выделена Г. Ф. Барышниковым (Барышников 1993; Дороничев и др. 2007) в урупский териокомплекс раннего-среднего неоплейстоцена. Этот комплекс коррелируется с поздней стадией тираспольского и поздней стадией галерийского фаунистических комплексов Европы. Урупский комплекс включает остатки мосбахского волка, пещерного медведя Денингера, пятнистой гиены, льва, мелкой лошади, носорога, зюссенборнской косули, благородного оленя, бизона Шетензака. Стратиграфический интервал формирования этих слоев заключен в диапазоне абсолютной геохронологии от 600 до 300 тыс. л. н.

Возрастная датировка слоев и их палеоклиматическая характеристика приведены в табл. 1 (Дороничев и др. 2007).

Весь этот разрез вложен в слой 8 — песок глауконитовый, тонкослоистый, озерного генезиса. В этом слое археологический материал, естественно, отсутствует.

Слои В, R, 6', 7', ? включают супесь, щебень, глыбы несортированные, залегающие в двух разновозрастных глубоких эрозионных врезках. Они содержат переотложенные нижнепалеолитические изделия.

б) Геологический анализ седиментационной этапности формирования объекта

В толще пещерных отложений благодаря ряду размывов намечаются пачки, отвечающие основным этапам осадконакопления, которые сопоставляются с этапами развития долин и балок (табл. 2).

Таблица 2

Этапы осадконакопления в пещере Треугольная
и их корреляция с этапами рельефообразования

Этапы рельефообразования		Этапы осадконакопления в пещере	
Стратиграфические комплексы	Абсолютные даты, тыс. л. н.	Индексы слоев и уровни размывов	Корреляционные абсолютные даты, тыс. л. н.
Шаханский E	700	8	–
Воздвиженский Q ₁	300–400	Глубокий размыв	–
		7В, 7А	659–568
		Слабый размыв	–
Гулькевичский Q ₂	120	6, 5С, 5В, 5А, 4С	528–427?
		Глубокий размыв	–
		Формирование линз двух врезов: 1) 7А', 6', R; 2) β	–
Гирейский Q ₃	15	4В, 4А	427?–334
		Размыв	–
		3В, 3А	–
		Размыв	–
Кубанский Q ₄	–	2	–
		Слабый размыв	–
		1	–

Палеомагнитные исследования показали, что вся толща стратифицированных пещерных отложений принадлежит эпохе прямой намагниченности Брюнес, то есть моложе рубежа с датой 780 тыс. л. (Поспелова и др. 1996).

Первый крупный эрозионный врез предшествует формированию археологического слоя 7В (рис. 2, II). Не исключено, что он соответствует времени вскрытия пещеры современной эрозией. Это произошло в начале воздвиженского этапа. К концу этого этапа уже могло начаться накопление пачки, включающей: 1) коричневые, в основном, супесчаные слои 7В и 7А; 2) по-видимому, с небольшим размывом в основании залегает галечниковый аллювиальный слой б, содержащий окатанные лошадиные зубы; 3) коричневые и сероцветные существенно супесчаные слои 5С, 5В, 5А и 4С.

Второй наиболее крупный врез произошел, скорее всего, на рубеже формирования слоев 4С и 4В (рис. 2, III). В этом же интервале фиксируется интенсивное осыпание материала слоев от 7 до 4С в эрозионное углубление. Осыпание происходило с обоих бортов пещеры и дополнялось материалом, перемещавшимся водой вдоль пещерной полости (трубообразная линза отложений с индексом R). В линзе R содержится серая супесь с большим количеством щебня и глыбами. Линза β — также заполнение эрозионного вреза тонким чередованием субвертикальных прослоев оранжево-коричневой и серой супеси, и темно-коричневого суглинка (Дороницев 1992).

Выше вреза накопилась серая рыхлая супесь с мелким разложившимся известняковым щебнем — слой 4В. Не исключен небольшой эрозионный врез перед накоплением слоя 4А, представляющего собой оранжево-коричневую супесь с большим количеством щебня и округленных (окатанных?) обломков известняковых натеков и туфов. Изделия из этого слоя обнаруживают сходство с ашельскими индустриями протошарантского круга из Закавказья и корреляционно датируются миндельриссом (Голованова 1995; Дороницев 1992; 1995).

Третий слабый эрозионный врез, очевидно, вюрмский, предшествовал накоплению слоя 3 — темно-коричневая (3В) и оранжево-коричневая (3А) супеси с мелким известняковым щебнем и остатками позднеплейстоценовых грызунов (Дороницев 1992). Фауна типична для мустьерских стоянок Северного Кавказа и датируется ранним валдаем, вюрмом (Барышников 1993). Перерыв осадконакопления, связанный с предшествующим эрозионным врезом, фиксируется в заметной по авифауне ландшафтно-климатической перестройке (Потапова, Барышников 1993).

Четвертый, более глубокий, эрозионный врез внутривюрмский (рис. 2, IV), выполнялся серой супесью с примесью песка, щебня и глыб (слой 2).

Пятый, слабый, врез был, вероятно, предголоценовым и выполнялся черной гумусированной супесью со средневековой керамикой (слой 1).

в) Микрофациальный анализ пещерных отложений объекта

Микрофациальный анализ подразумевает, в первую очередь, выделение в качестве микрофаций различных парагенетических ассоциаций пещерных отложений.

Следует отметить, что в существующей литературе предлагается множество классификаций генетических подразделений, индексация которых также неоднозначна (Кизевальтер, Рыжова 1985; Чистяков и др. 2000 и др.). Поэтому выбран некоторый синтетический вариант, отвечающий строению выбранного объекта (табл. 3).

Т а б л и ц а 3

Наиболее характерные пещерные отложения в привходовых частях пещер

Генетический ряд		Генетический тип	Генетический подтип
Склоновый	Гравитационные отложения (коллювий) — <i>c</i>	Обвальное-осыпное — <i>drs</i>	Обвальное (дерупций) — <i>dr</i>
			Десквамационное — <i>dm</i>
			Осыпное (дисперсное) — <i>ds</i>
		Оползневое (деляпское) — <i>dp</i>	—
		Делювиальное — <i>d</i>	—
Водный	Русловых водных потоков	Аллювиальное — <i>a</i>	Русловой — <i>a_{pt}</i>
			Пойменное — <i>a_{pr}</i>
		Проллювиальное — <i>p</i>	—
	Озерное	Лимническое — <i>l</i>	—
Антропогенное — <i>Ag</i>		Культурных слоев — <i>Ag^k</i>	—
		Перемещенных культуро-содержащих отложений — <i>Agⁿ</i>	—

В данном случае основное разнообразие касается подразделений склонового, водного и антропогенного генетических рядов.

Водный ряд включает обычные для пещер речные (*a*) и озерные (*l*) отложения. При этом для речных осадков вполне возможно выделение руслового (*a_{pt}*) и пойменного (*a_{pr}*) аллювия. В некоторых пещерах возможно присутствие делювиальных отложений. В частности, такие отложения предполагаются в пещере Матузка (Несмеянов 1999; Голованова и др. 2006).

Наиболее сложной представляется необходимость деления образований склонового ряда, для индексации которых привлечены материалы по инженерной геологии (Золотарев и др. 1970). Здесь возникла необходимость применения двузначных обозначений генетических подтипов (обвальное — *dr*, осыпное — *ds*), оползневое генетического подтипа (*dp*) и трехзначного — для обвальное-осыпное ассоциации (*drs*). Антропогенные отложения иногда получают индекс, аналогичный индексу, используемому для аллювия, что нецелесообразно. Поэтому для них используется двузначный индекс — *Ag*. Если же появляется необходимость более дробного деления этих отложений, то можно использовать и более сложные индексы, например, для собственно культурных слоев — *Ag^k*, а для разнообразных культуро-содержащих отложений, но с переотложенным культурным материалом — *Agⁿ*.

Микрофациальные соотношения по профилю PR показаны на рис. 3А. На нем видно, что в основной части нормального стратиграфического разреза (слои 4С-7В) протяженность сохранившихся слоев, которые можно считать собственно культурными (*Ag^k*), около 1,0-1,5 м. Но они явно содержат примесь десквамационного материала (*dm*). Этот же материал содержится и в русловом аллювии слоя 6 (*a_{pt}* + *dm*). У края пещеры слои этой пачки фациально замещаются осыпями (*ds*). Перекрывающий его слой 5С имеет супесчаный состав, что позволяет считать его аналогом пойменной фации пещерного аллювия (*a_{pr}*).

Ширина наиболее глубокого эрозионного вреза также около 1,5 м. Он (слои 7А, 6', R, ?) выполнен обвальное-осыпным материалом (*drs*). Еще меньше (1,0-0,5 м)

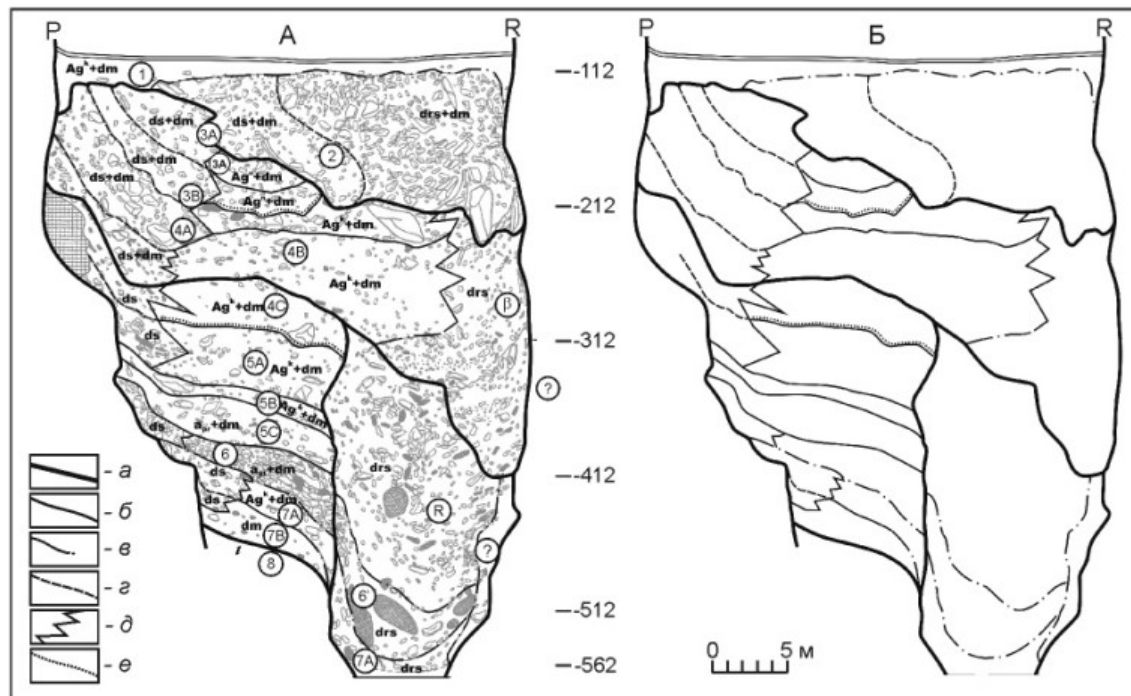

Рис. 3. А — микрофации пещерных отложений по профилю PR (индексы микрофаций даны в табл. 3; литологические подразделения см.: рис. 1Б); Б — схема соотношения разнородных границ на профиле PR. Условные обозначения: *a–e* — типы границ (*a* — основных этапов седиментации (эрозионные); *b–z* — стратиграфические (*b* — нормального напластования; *v* — несогласного залегания; *z* — предполагаемые); *d* — фациального замещения; *e* — археологических комплексов)

Fig. 3. A — microfacies of cave deposits in the PR profile (indexes of microfacies are given in table 3; for lithological subdivisions see Fig. 1B); Б — scheme showing the relationship between heterogeneous boundaries on the PR profile. Legend: *a–e* — types of boundaries (*a* — main stages of sedimentation (erosional); *b–z* — stratigraphic (*b* — regular bedding; *v* — unconformable bedding; *z* — presumed); *d* — facies substitution; *e* — archaeological assemblages)

ширина следующего по возрасту вреза (β), выполненного также обвальюно-осыпным, но менее грубым материалом.

Слои 4В и 4А протяженностью около 2 м могут считаться собственно культурными слоями с примесью десквамационного щебня ($Ag^k + dm$). У борта пещеры они фациально замещаются осыпями полутораметровой протяженности с примесью десквамационного щебня ($ds + dm$).

Аналогичное строение имеет следующая пачка, включающая слои 3В и 3А, но здесь культуросодержащие слои протяженностью менее 1 м насыщены десквамационным материалом ($Ag^n + dm$). Они замещаются несколько более широкими осыпями ($ds + dm$).

Следующая пачка (слой 2) с учетом разной грубости материала, содержащегося в разных ее частях, может быть предположительно разделена на две фациальные разности, одна из которых представлена преимущественно осыпями (ds), а вторая — обвальюно-осыпным материалом (drs). Но не исключено, что более грубый материал заполняет еще один эрозионный врез с плохо фиксируемым краем.

Слой 1, очевидно, является собственно культурным слоем (Ag^k). Но в нем не исключена примесь эолового или делювиального суглинистого материала.

Приведенные материалы показывают, что выделенные подразделения вполне соответствуют обычным для микрофациального анализа. Но в пещерных отложениях фациальные границы могут прослеживаться с большей надежностью, чем в отложениях покровного генетического комплекса. В то же время в пещерных отложениях из-за определенной рассеянности археологического материала не всегда возможно провести четкую грань между собственно культурными и в той или иной степени перемещенными культуросодержащими отложениями.

В данном случае выше рассмотрены природные микрофации, вмещающие археологический материал. Дальнейшей перспективой применения микрофациального анализа в пещерах могут служить выявление и классификация собственно антропогенных микрофаций.

Стесненность пространства, используемого древними обитателями пещер, определяет специфику пещерно-антропогенных микрофаций. Здесь при совмещении участков, используемых для исполнения производственных, кухонных, спальных и других функций, скорее всего, вероятны комплексные микрофации.

г) Перспективы микростратиграфического расчленения объекта

Микрофациальный анализ потребовал определенного усложнения традиционного варианта археологической документации разреза (рис. 1Б) за счет более сложной дифференциации типов геологических границ (рис. 3Б). Здесь целесообразно выделение: 1) эрозионных границ основных этапов пещерной седиментации; 2) собственно стратиграфических границ, среди которых целесообразно разделение: границ нормального напластования, границ несогласного налегания и предположительных границ внутри склоновых микрофаций; 3) границ различных микрофаций; 4) границ смены археологических комплексов.

Выявленные микрофациальные особенности строения рассматриваемого разреза показывают, что нормальная стратиграфическая последовательность пещерных слоев, которые могут считаться собственно культурными слоями (микрофации $Ag^k + dm$), включает соответствующие фрагменты следующих слоев археологического разреза: 7А, 5В, 5А, 4С, 4В, 4А. Все эти слои были выделены ранее в качестве «среднеплейстоценовых слоев», содержащих «каменные изделия раннего палеолита *in situ*» (Дороничев и др. 2007: 111).

Вызывает сомнение возможность присутствия неперемещенного археологического материала в фациях $Ag^k + dm$ слоев 3В и 3А. И они действительно рассматривались как слои, содержащие «переотложенные изделия раннего палеолита и фауну, типичную для мустьерских стоянок Северного Кавказа» (Там же: 199).

Суммируя сказанное выше по микростратиграфии и микрофациальному анализу образований пещерного генетического комплекса, следует признать, что этот подход позволяет дифференцировать отдельные слои по их фациальному составу и выявлять микрофации, наиболее перспективные для определения собственно культурных отложений и благоприятные для содержания в той или иной степени перемещенного культурного материала. Дальнейшей перспективой подобных исследований можно считать стремление к выявлению антропогенных пещерных микрофаций, отражающих дифференциацию хозяйственного использования

пещерного пространства. Но все эти построения осуществимы только при максимально возможной детальности документации археологических разрезов³.

Литература

- Барышников 1993 — *Барышников Г. Ф.* Крупные млекопитающие ашельской стоянки в пещере Треугольная на Северном Кавказе // Тр. ЗИН РАН. 1993. Т. 249. С. 3–47.
- Голованова 1995 — *Голованова Л. В.* Палеолит Северного Кавказа: европейские и ближневосточные влияния // Массон В. М. (отв. ред.). Изучение культурных взаимодействий и новые археологические открытия. СПб.: ИИМК РАН, 1995. С. 8–10.
- Голованова и др. 2006 — *Голованова Л. В., Дороничев В. Б., Левковская Г. М., Лозовой С. П., Несмеянов С. А., Поспелова Г. А., Романова Г. П., Харитонов В. М.* Пещера Матузка. СПб.: Островитянин, 2006. 194 с.
- Дороничев 1992 — *Дороничев В. Б.* Раннеашельская стоянка в Треугольной пещере // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1992. С. 102–134.
- Дороничев 1995 — *Дороничев В. Б.* Палеолит Карачаево-Черкесии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. 16 с.
- Дороничев и др. 2007 — *Дороничев В. Б., Голованова Л. В., Барышников Г. Ф., Блэквелл Б. А. Б., Гарутт Н. В., Левковская Г. М., Молодьков А. Н., Несмеянов С. А., Поспелова Г. А., Хоффкер Д. Ф.* Треугольная пещера. Ранний палеолит Кавказа и Восточной Европы. СПб.: Островитянин, 2007. 270 с.
- Кизевальтер, Рыжова 1985 — *Кизевальтер Д. С., Рыжова А. А.* Основы четвертичной геологии. М.: Недра, 1985. 174 с.
- Кударские... 1980 — Кударские пещерные палеолитические стоянки Юго-Осетии (Вопросы стратиграфии, экологии, хронологии) / Иванова И. К., Черняховский А. Г. (отв. ред.). М.: Наука, 1980. 184 с.
- Медведев, Несмеянов 1988 — *Медведев Г. И., Несмеянов С. А.* Типизация «культурных отложений» и местонахождений каменного века // Васильевский Р. С., Холюшкин Ю. П. (отв. ред.). Методические проблемы археологии Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. С. 113–142.
- Несмеянов 1989 — *Несмеянов С. А.* Пещерный генетический комплекс // БКИЧП. 1989. № 58. С. 86–96.
- Несмеянов 1999 — *Несмеянов С. А.* Геоморфологические аспекты палеоэкологии горного палеолита (на примере Западного Кавказа). М.: Научный мир, 1999. 392 с.
- Несмеянов 2012 — *Несмеянов С. А.* Генетические комплексы континентальных отложений. М.: Книга и Бизнес, 2012. 397 с.
- Поспелова и др. 1996 — *Поспелова Г. А., Шаронова З. В., Миронов Т. В., Левковская Г. М.* Отражение климатических изменений в магнитных параметрах осадочных пород пещеры Треугольная (Северный Кавказ) и палеомагнитные исследования этих пород // Физика Земли. 1996. № 9. С. 57–69.
- Потапова, Барышников 1993 — *Потапова О. Р., Барышников Г. Ф.* Птицы из ашельской стоянки в пещере Треугольная на Северном Кавказе // Тр. ЗИН РАН. СПб. 1993. Т. 249. С. 48–65.

³ Автор выражает признательность В. Б. Дороничеву и Л. В. Головановой за предоставленные материалы и содействие в исследованиях.

- Ранов, Несмеянов 1973 — Ранов В. А., Несмеянов С. А. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии. Душанбе: Дониш, 1973. 162 с.
- Тинтилозов 1976 — Тинтилозов З. К. Карстовые пещеры Грузии (геоморфологический анализ). Тбилиси: Мецниереба, 1976. 276 с.
- Фриденберг 1970 — Фриденберг Э. О. Методика палеогеографического анализа пещер и пещерных отложений (на примере палеолитических пещер Западного Кавказа): автореф. дис. ... канд. географ. наук. М., 1970. 15 с.
- Чистяков и др. 2000 — Чистяков А. А., Макарова Н. В., Макаров В. И. Четвертичная геология. М.: ГЕОС, 2000. 303 с.

PROBLEMS ASSOCIATED WITH THE USE OF MICROFACIES ANALYSIS IN THE STUDY OF THE CAUCASIAN EARLY PALEOLITHIC CAVE SITES

S. A. NESMEYANOV

Keywords: *cave deposits, facies, microfacies, microsratigraphy, Paleolithic, cave, cultural layer, culture-bearing deposits.*

Contrary to the traditional notions about the existence of a single cave genetic type, it has been ascertained that cave deposits contain analogies of all paragenetic groups and most of the genetic types of deposits present on the earth surface. This is why the author distinguished an independent cave genetic complex characterized by a specific set of genetic types and their parageneses. It is shown that the specificity of the cave genetic complex consists in small thickness and facies heterogeneity of strata, their complicated relations, and the presence of a number of peculiar genetic types. Of note are differences in the composition and associations of genetic types in the outer, near-entrance and inner dry and watered parts of caves. The small size of layers and their constituent multifacies parts necessitate the microfacies analysis. The author considers the specific features of this analysis and its application to the caves that were inhabited by Paleolithic people. The example of the Treugolnaya cave in the North Caucasus is used to consider the specifics of application of the microfacies analysis to the study of long-occupied caves. The paper presents examples of how specific cave microfacies and different types of geological boundaries can be identified.

КУДАРСКИЙ ПЕЩЕРНЫЙ МЕДВЕДЬ: ЭВОЛЮЦИЯ, ТАФНОМИЯ, ВЫМИРАНИЕ¹

Г. Ф. БАРЫШНИКОВ²

Ключевые слова: *пещерные медведи, Ursus, палеолит, Кавказ, тафномия, эволюция, вымирание, охота.*

Рассмотрены результаты изучения пещерных медведей Кавказа, которые позволяют выделить самостоятельный вид *Ursus kudarensis*. Его эволюция происходила параллельно таковой пещерных медведей Европы. Тафномический анализ скелетных остатков медведей в палеолитических слоях пещер Кударо 1 и Кударо 3 свидетельствует о естественном характере их накопления в пещерных отложениях, без заметного участия палеолитических охотников. Вымирание пещерных медведей связано с расселением человека современного анатомического облика и усилением его активности, в результате которых на Кавказе уменьшилась для пещерных медведей возможность поиска безопасных для зимовки скальных убежищ.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-22-158-175

Введение

Пещерные медведи были широко распространены в плейстоцене Евразии от Западной Европы до северо-восточной Сибири и Корейского п-ова (Барышников 2007). Их скелетные остатки образуют многотысячные скопления во многих европейских и кавказских пещерах, нередко в совместном залегании с каменными изделиями раннего и позднего палеолита. Это делает пещерных медведей важной модельной группой для изучения палеоэкологических событий ледниковых и межледниковых эпох и для изучения мегафаунистических вымираний, в том числе для выяснения роли древнего человека в этом процессе.

Эволюция пещерных медведей исследовалась с применением широкого спектра различных инструментов и методик: от морфометрии (Figueirido et al. 2009; Grandal-d'Anglade, Lopez-Gonzalez 2004; Baryshnikov, Puzachenko 2011; 2017; van Heteren et al. 2009; 2016) до изотопного (Richards et al. 2008; Bocherens et al. 2011b; 2014b) и генетического анализов (Orlando et al. 2002; Noonan et al. 2005; Dabney et al. 2013;

¹ Исследование выполнено в рамках федеральной темы лаборатории териологии Зоологического института РАН № АААА-А19-119032590102-7, при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-04-00399-а и программы «Эволюция органического мира. Роль и влияние планетарных процессов» (подпрограмма I «Развитие жизненных и биосферных процессов»).

² Лаборатория териологии, Зоологический институт РАН, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия.

Stiller et al. 2014), абсолютного датирования (Pacher, Stuart 2008; Baca et al. 2016; Terlato et al. 2018) и изучения микроповреждений зубной эмали (Peigné et al. 2009), что дало обильную информацию по их морфологии, таксономии, генетическому разнообразию, времени исчезновения, а также по их питанию и образу жизни (Кнарр 2018).

Новые возможности для понимания эволюции пещерных медведей дали палеонтологические сборы при проведении археологических раскопок ныне знаменитых кударских пещер на Кавказе. Открытые В. П. Любиным и комплексно изученные под его руководством кударские пещерные палеолитические стоянки содержат обильные ископаемые остатки крупных млекопитающих, из которых около $\frac{3}{4}$ приходится на медвежьи кости и зубы. Благодаря этим работам на Кавказе была установлена новая ветвь в эволюции пещерных медведей (Кнарр et al. 2009).

Пещеры Кударо 1 и Кударо 3 расположены на южном склоне Главного Кавказского хребта в Южной Осетии (42°31' с. ш., 43°38' в. д.) на высоте около 1600 м н. у. м. Пещеры находятся вблизи друг от друга, Кударо 3 лежит немного ниже по склону. Их отложения содержат раннепалеолитическую каменную индустрию (Любин 1998).

В пещере Кударо 1 были выделены пять культурных слоев, в том числе ашельский слой 5 (разделенный на подслои 5а, 5б и 5в) и мустьерские слои 3–4, а также эрозионная линза X между ними, включающая смешанный археологический материал. Для базальной части среднеплейстоценовых отложений радиотермолюминесцентным методом были получены даты $360\,000 \pm 90\,000$ л. н. (RTL-379) для слоя 5в и $350\,000 \pm 70\,000$ л. н. (RTL-373) для слоя 5б. Мустьерский подслой 3а был датирован радиоуглеродным методом $44\,150 \pm 2400/1850$ л. н. (Gr-6079) (Там же).

В пещере Кударо 3 зарегистрированы восемь слоев, из которых слои 5–8 — ашельские, а слои 3–4 — мустьерские (Там же). Данные геоморфологии показывают, что пещера Кударо 3 стала доступной для посещения приблизительно на 50–100 тыс. л. позднее, чем пещера Кударо 1 (Несмеянов 1999). Для зоны размытого контакта ашельских и мустьерских отложений получены две RTL-даты: $252\,000 \pm 51\,000$ и $245\,000 \pm 49\,000$ л. н. (Любин 1998). Как и в пещере Кударо 1, предполагается значительный временной перерыв в пещерном осадконакоплении между ашельскими и мустьерскими напластованиями. Медвежьи кости из слоя 3 датированы тремя радиоуглеродными AMS датами: $> 41\,600$ (OxA-19611), $47\,900 \pm 2500$ (OxA-19612) и $47\,700 \pm 1800$ (OxA-19613) (Baryshnikov 2011).

Тщательные раскопки пещерных отложений позволили стратифицировать почти весь собранный ископаемый материал, кроме разведочных шурфов и осыпи разрезов. Более того, костный материал привязан к участкам пещерных полостей, вскрытых в разные годы, что дает возможность проследить планиграфическое распределение медвежьих остатков. Особенно важно это для пещеры Кударо 1, имеющей в плане Y-образную форму; здесь от центральной камеры лучеобразно расходятся три галереи: восточная и южная, имеющие входные отверстия, и темная.

Эволюция

Время появления морфологических признаков, характерных для линии пещерных медведей, еще дискутируется. Одни исследователи считают, что они обнаружены впервые у *Ursus dolinensis* из раннеплейстоценовой стоянки Гран Долина

в Атапуэрке (Gran Dolina, Sierra de Atapuerca) в Испании (García, Arsuaga 2001), имеющей возраст 800 тыс. л. н. (Markova, Vislobokova 2016). Вид был зарегистрирован также на стоянке Тринчера (Trinchera Elefante) в Атапуэрке (Carbonell et al. 2008) и в местонахождении Унтермассфельд (Untermassfeld) в Германии (García 2004; Kahlke et al. 2006), возрастом около 900 тыс. л. н. (Markova, Vislobokova 2016). Другие исследователи относят ранних европейских медведей, включая находки из Атапуэрки, Унтермассфельда и из местонахождения Дойтч-Альтенбург (Deutsch-Altenburg 4A) в Австрии, к виду *U. suessenbornensis* Soergel, 1926 и сближают его с линией арктоидных медведей, включающей современного бурого медведя *U. arctos* Linnaeus, 1758 (Rabeder et al. 2010).

Обильная ископаемая летопись в Европе и прилежащих частях Азии показывает, что эволюция спелеоидных медведей шла через среднеплейстоценовый вид *U. deningeri* von Reichenau, 1904, описанный из местонахождения Мосбах (Mosbach) в Германии, от которого произошел позднеплейстоценовый европейский *U. spelaeus* Rosenmüller, 1794 (Kurtén 1976). На основе морфометрических и генетических данных позднеплейстоценовые пещерные медведи *U. spelaeus* s. l. описывались как один полиморфный вид с многочисленными подвидами (Барышников 2007; Baryshnikov, Puzachenko 2011) или как комплекс отдельных репродуктивно изолированных видов (Hofreiter et al. 2004; Rabeder et al. 2004; Rabeder, Hofreiter 2004).

Традиционно большого пещерного медведя из позднего плейстоцена Кавказа относили к европейскому виду *U. spelaeus* (Верещагин 1959; Kurtén 1976), однако анализ зубной морфологии в сборах из кударских пещер показал, что кавказский пещерный медведь обладает признаками, сближающими его с *U. deningeri*. Мною были описаны два стратиграфически сменяющих друг друга хроноподвида: *U. deningeri praekudarensis* (Baryshnikov, 1998) по находкам из среднеплейстоценовых отложений в пещере Кударо 1 (слои 5а, 5б и 5в) и *U. deningeri kudarensis* Baryshnikov, 1985 по костному материалу из верхнеплейстоценовых слоев 3–4 в пещере Кударо 3 (Baryshnikov 1998). Медведи из ашельских слоев в пещере Кударо 3, как выяснилось, имеют щечные зубы промежуточного строения (Барышников, Пузаченко 2019). Однако исследование морфологии верхних резцов показало их сходство с резцами медведей позднеплейстоценового подвида (Baryshnikov et al. 2019).

Генетические и морфологические материалы поддерживают дифференциацию трех главных клад позднеплейстоценовых пещерных медведей (рис. 1): *U. spelaeus* s. str., *U. kanivetz* Vereshchagin, 1973 (= *ingressus* Rabeder et al. 2004) и *U. kudarensis* Baryshnikov, 1985 (Baryshnikov 1998; Hofreiter et al. 2004; Knapp et al. 2009; Stiller et al. 2010; Baryshnikov, Puzachenko 2017). Ареал *U. spelaeus* s. str. занимал всю Западную Европу, его изолированный участок выявлен на Алтае; вид *U. kanivetz* (= *ingressus*) обнаружен в Восточной Европе и на Урале. *U. kudarensis* был найден на Кавказе и в районе реки Адыча в Восточной Сибири. В соответствии с морфологическими данными анализ митохондриальной ДНК подтвердил, что линия *U. kudarensis* обособилась раньше других генетических клад (Knapp et al. 2009).

Одна из наиболее ранних последовательностей митохондриальной ДНК была получена от среднеплейстоценового пещерного медведя из местонахождения Сима (Sima de los Huesos) в Атапуэрке (Dabney et al. 2013). Молекулярный возраст находки оценивается приблизительно в 400 тыс. л. н. На основе скелетной морфологии медведь был определен как *U. deningeri* (García et al. 1997). Этот вид на полученном

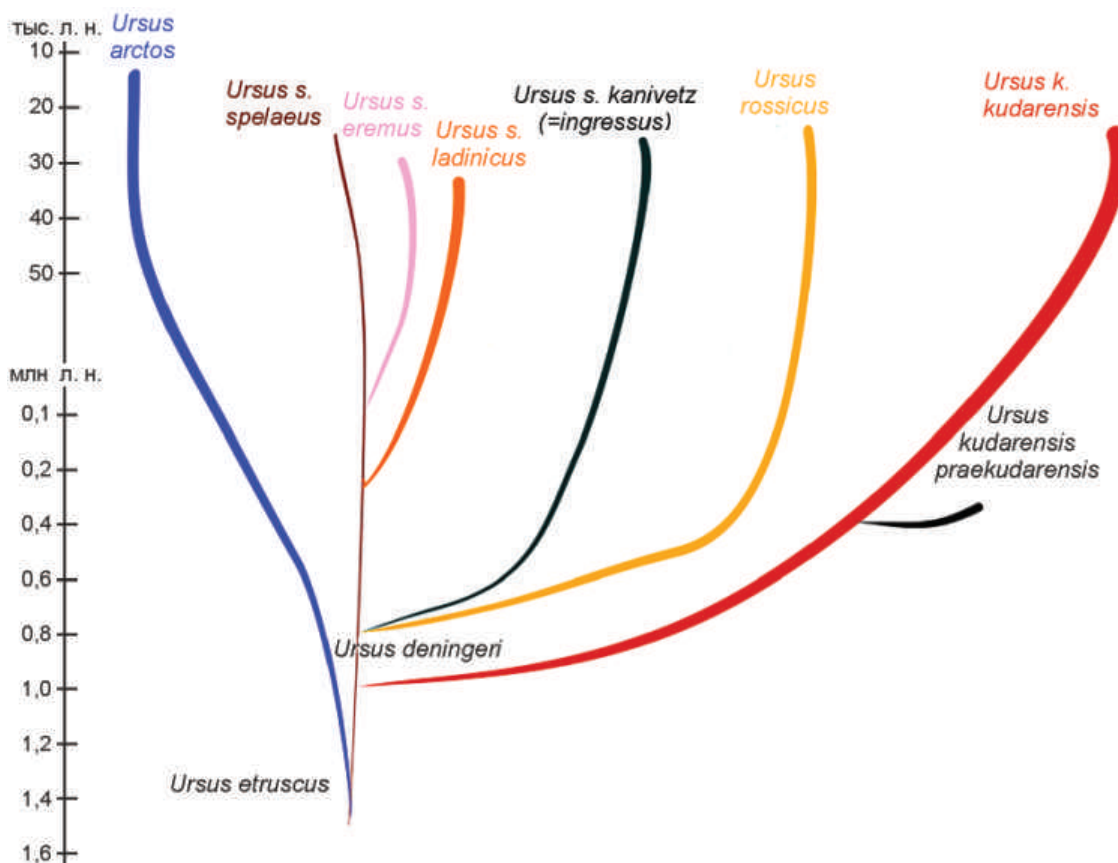

Рис. 1. Схема филогенетических связей таксонов пещерных медведей

Fig. 1. Scheme of phylogenetic relations within *Ursus spelaeus*

филогенетическом дереве ответвляется еще до дивергенции *U. spelaeus* и *U. kanivetz* (= *ingressus*), но позднее, чем произошло обособление клады позднеплейстоценового *U. kudarensis*, убедительно поддерживая гипотезу о том, что последний представляет самостоятельную ветвь в эволюции пещерного медведя (Dabney et al. 2013).

Видовой статус какой-либо из линий пещерных медведей невозможно установить только на основе митохондриальных данных, но этому может помочь привлечение дополнительной информации (Кнарр 2018). Так, имеется доказательство совместного сосуществования *U. spelaeus* и *U. kanivetz* (= *ingressus*) в течение 15 000 лет в высокогорном регионе Австрии без какого-либо очевидного перетекания генов (Hofreiter et al. 2004), что позволяет предполагать репродуктивную изоляцию между медведями этих линий. Если *U. spelaeus* и *U. kanivetz* (= *ingressus*) ведут себя как самостоятельные виды, то значительно ранее дивергировавший от общего ствола *U. kudarensis* тем более заслуживает видовой статуса, как это уже предлагалось (Rabeder et al. 2010). Генетические построения поддержаны результатами морфометрического анализа с использованием методов многомерной статистики, выполненного для черепов и метаподиальных костей пещерных медведей и показавшего своеобразие *U. kudarensis* (Baryshnikov, Puzachenko 2011; 2017).

Кударский пещерный медведь на Кавказе был определен по генетическим данным из пещер Кударо 3, Осенняя на черноморском побережье и Ховк в Армении

(Knapp et al. 2009). Идентификация по зубной морфологии расширяет этот список: *U. kudarensis* отмечен мною в Кударо 1, на стоянках Малая Воронцовская, Ахштырская в районе Сочи и Мачагуа в Абхазии. На Северном Кавказе находки вида редки и приурочены к бассейну р. Кубань (пещеры Матузка и Мезмайская).

Т. Торрес, изучавший ископаемый материал из пещеры Азых (Азох) в Нагорном Карабахе, не согласился с моим определением кавказского пещерного медведя и отнес находки из Азыха к среднеплейстоценовому *U. spelaeus* (Van der Made et al. 2016). Действительно, у *U. kudarensis* есть некоторые черты зубной морфологии, напоминающие таковые у *U. spelaeus*. Однако *U. kudarensis*, эволюционировавший параллельно с *U. spelaeus*, скорее всего, независимо приобрел сходные признаки специализации зубного аппарата к потреблению преимущественно грубых растительных кормов. Вегетарианство *U. kudarensis* подтверждает анализ стабильных изотопов, содержащихся в ископаемых медвежьих костях из пещеры Кударо 3 (Vocherens et al. 2014a).

Тафономия

Находка костей пещерных медведей в совместном залегании с каменными изделиями в кударских пещерах поднимает вопрос о том, могут ли эти скелетные остатки свидетельствовать о добыче зверей древним человеком. Если охота на медведей подтверждается свидетельствами утилизации животных, обнаруженными на европейских стоянках позднего палеолита (например, Wojtal 2007), то способность неандертальцев и более ранних гоминоидов регулярно охотиться на пещерных медведей продолжает дебатироваться.

Так, совместное нахождение медвежьих костей и раннепалеолитических каменных орудий в пещерах было принято за доказательство такой охоты (Любин, Барышников 1985). Выдвигались, однако, и важные аргументы, поддерживающие точку зрения о естественной природе медвежьих костных образований в пещерах, несмотря на присутствие там археологических находок (Stiner 1999; Барышников 2012). Зооархеологический анализ костного скопления из раннепалеолитической стоянки в Треугольной пещере на Северном Кавказе показал, что его формирование могло происходить без активного участия человека (Hoffecker et al. 2003). Было высказано также мнение, что неандертальцы не охотились на пещерных медведей (Дороничева 2016). Другие исследования, напротив, подтверждают возможность такой охоты на бурых и пещерных медведей (Auguste 2003; Miracle 2007; Romandini et al. 2018).

В продолжение дебатов о взаимоотношениях пещерных медведей и древних людей я представляю здесь результаты нового тафономического анализа медвежьих костей из кударских пещер.

Число остатков. Из плейстоценовых отложений пещеры Кударо 1 было извлечено около 22 500 пригодных для определения костных остатков крупных млекопитающих, главным образом кударского пещерного медведя. На его долю приходится 62 % всей остеологической коллекции в восточной галерее и в центральной камере и 81 % в расположенной дальше от входа темной галерее. Такое распределение указывает на тяготение медведей к самым удаленным и темным участкам пещерного пространства, где звери, вероятно, чувствовали себя в большей безопасности при устройстве зимних берлог.

В пещере Кударо 3, имеющей вид узкого тоннеля, было собрано около 18 000 костных фрагментов крупных млекопитающих. Из них на долю кударского пещерного медведя в ашельских уровнях приходится 88 %, в мустьерских уровнях — 74 %. Костное скопление в пещере Кударо 3, следовательно, сформировано почти целиком пещерными медведями.

В ашельских уровнях пещеры Кударо 1 обнаружено около 5000 каменных изделий, в мустьерских уровнях их число уменьшается до 150. В пещере Кударо 3 найдено меньше каменных артефактов: 90 изделий в ашельских слоях и около 200 — в мустьерских (Любин 1989; 1998).

Сравнение числа костных остатков пещерного медведя и числа палеолитических артефактов не показывает причинной связи между ними: медвежьи остатки обильны в обеих кударских пещерах, хотя пещеры заметно различаются по количеству каменной индустрии. Следовательно, накопление медвежьих костей в пещерах происходило преимущественно естественным путем, без участия палеолитических охотников.

Раздробленность. Обе кударские пещеры заметно различаются по степени раздробленности костного материала. В пещере Кударо 3, где обнаружено меньше каменных изделий, найдено пять черепов кударского медведя, в пещере Кударо 1 — лишь один череп и еще два крупных черепных фрагмента. В пещере Кударо 3 встречено 30 целых трубчатых костей взрослых животных, а в пещере Кударо 1 — лишь девять костей. Эти данные показывают, что костный материал в пещере Кударо 1 сильнее фрагментирован. Можно подумать, что такая фрагментация связана с хозяйственной деятельностью древних людей, однако нет надежных свидетельств искусственного раскалывания костей.

В пещере Кударо 1 наибольшее число ашельских изделий приходится на слой 5аб. В этом слое нет целых медвежьих костей. Бедренные кости либо сломаны в области диафиза, как это бывает от давления пещерных отложений, либо концы костей обгрызены хищниками или дикобразами. Нет фрагментов трубчатых костей со спиральным характером излома, который образуется при расщеплении свежей кости. Только небольшие обломки похожи на результат дробления костей.

Важным фактором фрагментации костей, лежавших на щебенчатом пещерном полу, было их вытаптывание при посещении пещер различными визитерами, в том числе самими медведями, вес которых достигал 500 кг. Продвигаясь по узким пещерным коридорам, звери наступали на останки погибших ранее зверей, сдвигали их в сторону и ломали кости. Поэтому черепа и длинные кости лучше сохранялись на пристенных участках или в нишах, создавая иллюзию их намеренного захоронения в древности. При вытаптывании в пещерах могли дробиться не только кости, но и кремневый инвентарь (Кулаков 2017).

Различия в раздробленности костного материала между обеими кударскими пещерами объясняются тем, что более сухая и безопасная (имеющая два входа) пещера Кударо 1 была привлекательнее для медведей, других крупных хищников и для людей, чем пещера Кударо 3. Ее чаще посещали, и поэтому дробление костей, лежавших на пещерном полу, происходило здесь интенсивнее.

Скопления костей. Для слоев 3–4 в пещере Кударо 3 зафиксировано несколько скоплений костей, типичных для естественных пещерных захоронений (см.: Любин 1998: рис. 45). Они представляют собой небольшие нагромождения из черепа

Рис. 2. Череп самца кударского пещерного медведя (*Ursus kudarensis*), проломленный в древности в области лба, из мустьерского слоя 4 в пещере Кударо 3. Рядом видна бедренная кость, скорее всего, от того же индивидуума

Fig. 2. Kudaro cave bear (*Ursus kudarensis*) male skull from Mousterian layer 4 of Kudaro 3. The femoral fragment seen nearby appears to belong to the same individual

и трубчатых костей, скорее всего, от одной особи (рис. 2). Нагромождения могли образоваться на месте гибели животного внутри пещерной полости, скорее всего, во время зимнего сна. Позднее кости раздвигались или были разбросаны следующими поколениями медведей, приходивших в пещеру и готовивших себе место для зимней берлоги.

В пещере Кударо 1 таких отчетливых скоплений не обнаружено, но находка в ашельском слое 5в черепов и трубчатых костей предполагает, что они существовали, но затем были разнесены животными или эрозионными процессами.

Набор скелетных элементов. В кударских пещерах найдены все элементы медвежьего скелета, включая подъязычные кости и бакулумы, которые обычно теряются после свежевания туш и их транспортировки. Такой скелетный набор убедительно доказывает, что звери погибали внутри пещерной полости, а не были привнесены извне.

В нижнем ашельском слое 5 в пещере Кударо 1 доминируют изолированные зубы и короткие кости дистальных отделов конечностей, далее по числу следуют кости туловища и головы. Преобладают, следовательно, самые прочные скелетные элементы. В верхнем ашельском слое 5 этой же пещеры встречаемость разных костных фрагментов не меняется, за исключением того, что коротких костей конечностей встречено больше, чем изолированных зубов. В слое 5 пещеры Кударо 3 обнаружено аналогичное соотношение скелетных элементов. Трубчатые кости в ашельских отложениях чаще всего раздроблены, и поэтому их доля в костном скоплении занижена из-за трудности определения фрагментов. Напротив, доля изолированных зубов велика, что связано с разрушением верхних и нижних челюстей.

Иное соотношение частей медвежьего скелета выявлено в мустьерских слоях 3–4 пещеры Кударо 3. Здесь явно доминируют кости туловища (позвонки, ребра, тазовые), затем идут короткие кости конечностей. Очевидно, останки погибших

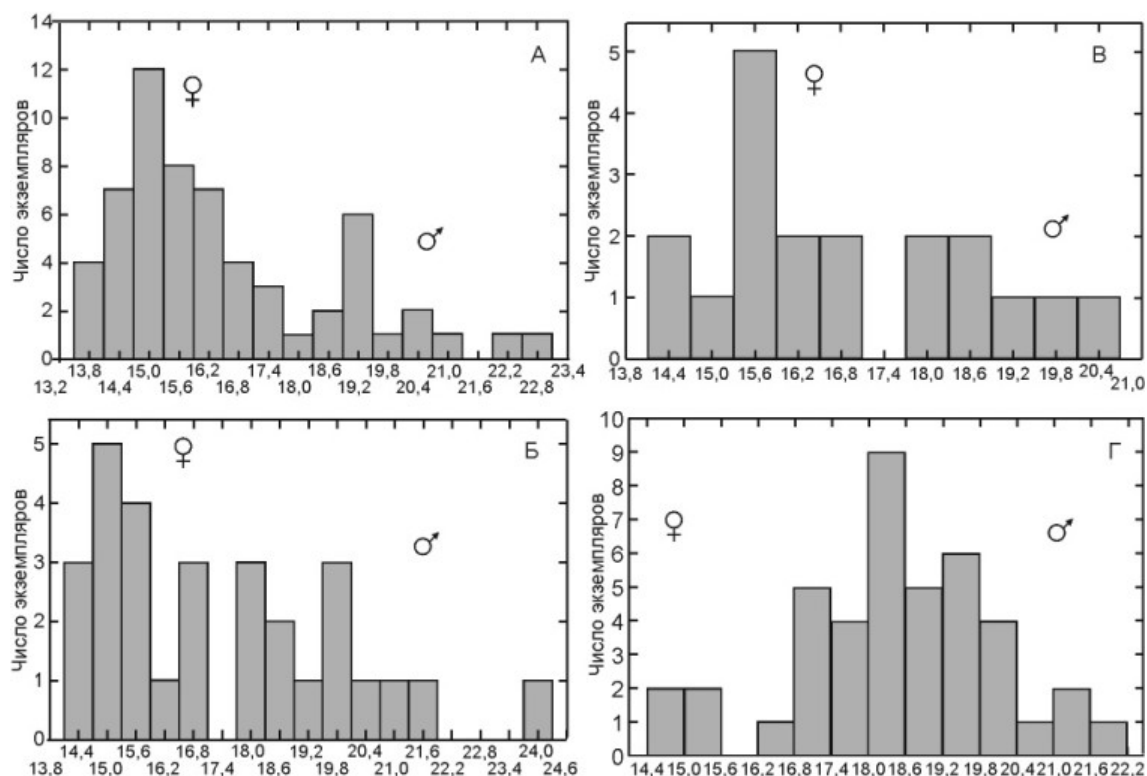

Рис. 3. Изменения соотношения самцов (♂) и самок (♀) кударского медведя (*Ursus kudarensis*) на разных стратиграфических уровнях пещер Кударо 1 (А, Б) и Кударо 3 (В, Г) согласно измерению ширины нижнего клыка (на оси абсцисс, мм)

Fig. 3. Changing ratio between males (♂) and females (♀) of *Ursus kudarensis* at different stratigraphic levels of Kudaro 1 (А, Б) and Kudaro 3 (В, Г), according to the lower canine measurements (abscissa axis, mm)

медведей здесь меньше подвергались воздействию различных падальщиков, меньше растаскивались и разрушались.

Соотношение полов. Как и у бурых медведей, у пещерных медведей самцы были значительно крупнее самок. Особенно отчетливо половые различия проявляются в ширине нижнего клыка, и размерное распределение этого промера используют для выяснения соотношения полов в медвежьей выборке (Kurtén 1955).

В ашельском слое 5в пещеры Кударо 1 преобладают остатки самок (рис. 3). По палинологическим данным, климат в период формирования слоя был теплым, с короткими зимами (Левковская 1980), так что самцы могли не ложиться в берлогу. В слое 5аб этой же пещеры фиксируются холодные климатические фазы, и соотношение между полами выравнивается. Наконец, в пещере Кударо 3 в слоях 3–4, образовавшихся в суровых климатических условиях (Там же), доминируют остатки самцов.

Объяснение изменения в соотношении полов следует искать в поведении медведей. Беременные самки и самки с детенышами у современного бурого медведя (*Ursus arctos*) залегают в пещеру раньше, чем самцы. Так же, вероятно, обстояло дело и у пещерных медведей. Кроме того, медведицы стараются использовать места, удаленные или укрытые от взрослых самцов, которые представляют угрозу для медвежат.

В холодные эпохи зима наступала раньше, и самцы кударского медведя первыми занимали пещеру, а самки были вынуждены уходить и искать безопасную берлогу в других местах, как это установлено для пещер Бельгии (Germonpré 2004). Поэтому в холодные периоды в кударских пещерах накапливались скелеты самцов.

Профиль смертности. Профиль смертности для кударского медведя определялся по степени стертости коронок первых верхних и нижних резцов (I1-2/i1-2) и сохранности корня. Они были распределены условно на четыре возрастные группы: молодые (корня нет), полувзрослые (корень есть, коронка не стертая), взрослые (коронка умеренно стертая) и старые (коронка сильно стертая). На всех уровнях пещеры Кударо 1 преобладают резцы неполовозрелых особей (молодых и полувзрослых).

В ашельском слое 5в больше всего полувзрослых (40 %, n = 336), затем идут молодые (30 %), старые и взрослые. В слое 5аб, где встречено наибольшее число каменных артефактов, также преобладают полувзрослые (40 %, n = 272), а молодые, взрослые и старые группы представлены в равных пропорциях. Наконец, в мустьерских слоях 3–4 полувзрослых около 40 % (n = 92), далее идут старые (32 %), молодые и взрослые.

Выявленное распределение возрастных групп близко к профилю истощения, когда при неблагоприятных условиях умирают преимущественно самые уязвимые к невзгодам животные — молодые и старые. Подобная ситуация возникала, когда медведи погибали в пещере во время зимнего сна. Большой процент погибших неполовозрелых, особенно в ашельских слоях, также напоминает катастрофический профиль. Он формируется в случае охоты хищных зверей на более доступный молодежь. Возможно, что молодые медведи подвергались нападению в берлоге со стороны больших кошек (львов, ягуаров), как это известно для Европы (Bocherens et al. 2011a).

Гибель молодых животных. В пещере Кударо 1 найдено много молочных клыков медвежат. Их можно разделить на две группы. К первой относятся клыки с сохранившимся корнем, которые попали в захоронение от умерших в пещере медвежат. Вторую группу формируют молочные клыки без корня, со следами резорбции. Эта группа ассоциируется с естественной сменой молочных зубов на постоянные, происшедшей во время второй зимовки медвежат, и которая могла быть не связана с их гибелью. В слое 5в пещеры Кударо 1 преобладают клыки медвежат, погибших в первый год своей жизни, в слоях 3–4 той же пещеры больше сохранилось клыков, попавших в отложения при естественной смене зубов.

Помимо молочных зубов в слоях кударских пещер сохранились трубчатые кости неполовозрелых медведей, что позволяет установить приблизительные сроки их гибели. Были изучены плечевые кости медвежат. У них отсутствуют эпифизы или обломаны оба конца, поэтому рассмотрено распределение плечевых костей по ширине диафиза (SD). Оно показало наличие четырех групп, которые условно соотнесены с возрастом животных (рис. 4).

Находки очень маленьких костей в кударских пещерах редки, поскольку они либо полностью истлевали, либо трупы медвежат были съедены падальщиками. Затем наблюдается резкое увеличение числа погибших молодых животных. Его можно связать с повышенной смертностью пещерных медведей в возрасте 3–4 лет, поскольку в таком возрасте современные бурые медведи впервые залегают в берлогу самостоятельно. Это могло вызвать повышение уровня смертности и у пещер-

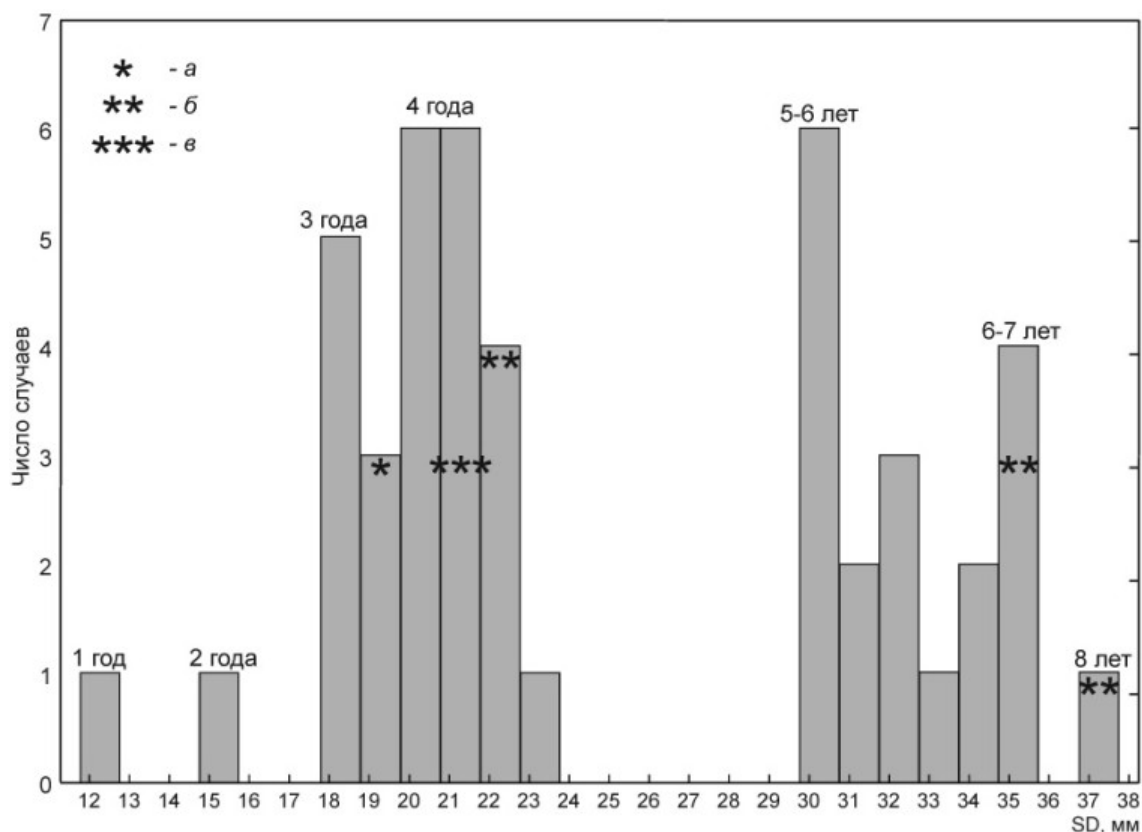

Рис. 4. Распределение плечевых костей молодых кударских медведей (*Ursus kudarensis*) согласно ширине диафиза посередине (SD): а — без обоих эпифизов; б — без дистального эпифиза; в — без проксимального эпифиза

Fig. 4. Mid-diaphyseal width distribution (SD) of the humerus of *Ursus kudarensis*: а — without both epiphyses; б — without distal epiphysis; в — without proximal epiphysis

ных медведей. Следующая возрастная группа отделена значительным промежутком. Эта и последующие группы в кударской коллекции, вероятно, различаются по половому составу. В 5–7 лет в берлогу залегали молодые беременные самки, которые могли погибать при недостатке накопленных на зиму жировых и белковых запасов. Наконец, последнюю группу образуют молодые самцы, которые уже достигли крупных размеров, но еще имели кости с неприсосшими эпифизами. У современного бурого медведя дистальный эпифиз плечевой кости прирастает к 5–6 годам, а проксимальный — к 8–9 годам, при этом у самок этот процесс происходит раньше, чем у самцов (Weinstock 2009).

Повреждения поверхности костей. Фрагменты медвежьих костей в кударской коллекции нередко обиты или несут другие механические повреждения, полученные в процессе их захоронения в пещерных отложениях, насыщенных обломочным материалом. Некоторые костные обломки окатаны текучей водой, другие подвергались воздействию химической и биохимической коррозии.

Следы от зубов крупных хищников редки, в том числе и те, которые предположительно связаны с падальничьем самими медведей. На Кавказе такие повреждения отмечены в Ахштырской пещере (Барышников 2012). В противоположность этому

Рис. 5. Трубочатые кости кударского медведя (*Ursus kudarensis*), погрызенные дикобразами, из пещеры Кударо 3: 1 — слой 4e; 2, 4, 5 — слой 5; 3 — слой 8a

Fig. 5. Porcupine-gnawn tubular bones of *Ursus kudarensis* from the Kudaro 3 cave: 1 — later 4e; 2, 4, 5 — layer 5; 3 — layer 8a

следы погрызов, оставленные резцами дикобразов на медвежьих костях, обычны как в Кударо 1, так и в Кударо 3 (рис. 5). Эти грызуны грызли кости из-за потребности в минеральных веществах, что отмечено и для африканских пещер (Brain 1981). Обилие повреждений от дикобразов свидетельствует о том, что скелеты погибших медведей долгое время оставались непогребенными.

Достоверных следов порезов каменными орудиями на костях в кударских пещерах, указывающих на утилизацию медведей древними гомининами, не выявлено. В противоположность этому в тех пещерных стоянках, где неандертальцы охотились на пещерных и бурых медведей, встречаемость порезов (cut-marks) в остеологической коллекции значительна: она колеблется от 4 % в пещере Крапина (Krapina) в Хорватии (Miracle 2007) до 35 % в пещере Биаш (Biache) во Франции (Auguste 2003). В местах, где регулярные охоты на медведей не отмечены, хотя там были найдены каменные изделия, порезы либо отсутствуют (Ахштырская пещера), либо они единичны (пещера Матузка на Северном Кавказе, пещера Яримбургас в Турции) (Stiner 1999; Varyshnikov, Hoffecker 1994).

В кударских пещерах не встречено обожженных медвежьих костей. Такие кости обнаружены в пещерах в Италии (Rio Secco, Fumane), для которых реконструирована охота неандертальцев на пещерных и бурых медведей (Romandini et al. 2018).

Соотношение числа фаланг. Я обратил внимание на факт, что в ашельских слоях пещер Кударо 1 и Кударо 3 имеется равное соотношение числа вторых и третьих (когтевых) медвежьих фаланг (рис. 6). Однако в мустьерских слоях 3–4 в пещере Кударо 3 вторых фаланг оказалось значительно меньше (особенно в слое 4). Причина этого неясна, поскольку обе фаланги сходны по размеру и прочности. Объяснение можно видеть в том, что при снятии шкуры третья фаланга обычно остается в когтях. Можно предположить, что неандертальцы намеренно приносили в пещеру медвежьи когти или части шкуры с когтями (возможно, с ритуальными целями).

Выводы. Таким образом, имеются разнообразные свидетельства того, что накопление костных остатков кударского пещерного медведя (*U. kudarensis*) происходило естественным путем, преимущественно из-за смерти зверей в зимней берлоге. Останки погибших зверей перемещались и разбрасывались последующими поколениями медведей или различными падальщиками. При этом пещера Кударо 1 активно использовалась самками как родильная камера. Аккумуляция палеолитических изделий и накопление медвежьих костей происходили преимущественно независимо друг от друга: звери и люди, вероятно, посещали пещеры в разное время и с разными целями. Большую часть времени обе пещеры, скорее всего, пустовали, они не были заняты ни древним человеком, ни медведями, ни другими хищниками (например, большими кошками).

Вымирание

Важнейшим фактором вымирания любого вида служит уменьшение его популяционного размера и дробление ареала под влиянием изменений окружающей среды. Для реконструкции изменения динамики численности пещерных и экологически сходных с ними бурых медведей за последние 150 000 лет был проведен анализ митохондриальной ДНК обоих видов (Stiller et al. 2014). Этот анализ

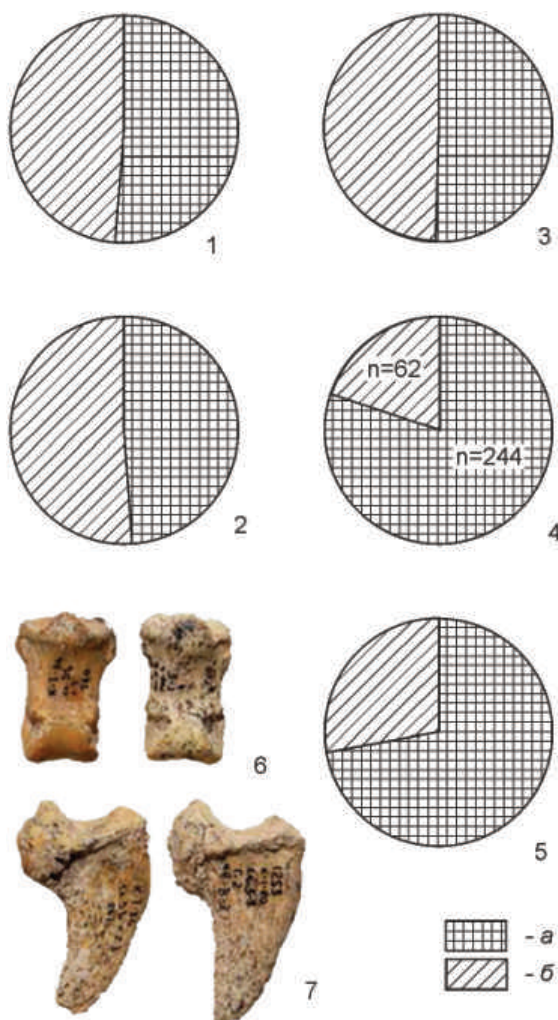

Рис. 6. Соотношение числа второй (б) и третьей (а) фаланг кударского медведя (*Ursus kudarensis*) на разных стратиграфических уровнях пещер Кударо 1 (1 — слои 3–4; 2 — слой 5) и Кударо 3 (3 — слои 5–8; 4 — слой 4; 5 — слой 3); 6 — вторая фаланга, 7 — третья фаланга

Fig. 6. Ratio between the numbers of the second (b) and third (a) phalanges of *Ursus kudarensis* at different stratigraphic levels of Kударо 1 (1 — layers 3–4; 2 — layer 5) and Kударо 3 (3 — layers 5–8; 4 — layer 4; 5 — layer 3); 6 — second phalanx, 7 — third phalanx

показал медленную популяционную деклинацию у пещерных медведей, начавшуюся приблизительно 50 тыс. л. н. и продолжавшуюся до их исчезновения, в то время как у бурых медведей такой деклинации не отмечено. Поскольку нет значительных климатических или ландшафтных перестроек, совпадающих с началом популяционной деклинации пещерных медведей, то можно предположить, что главной причиной популяционных различий были экологические особенности обоих видов (Там же).

Уменьшение численности популяций пещерных медведей совпадает по времени с появлением в Северной Евразии людей современного анатомического облика (*Homo sapiens*) и с распространением верхнепалеолитических культур. Костные остатки пещерных медведей в кударских пещерах по количеству значительно превосходят таковые бурых медведей, свидетельствуя, что первые использовали пещеры для зимовки охотнее и чаще, чем бурые медведи. Однако усиление человеческой деятельности привело к уменьшению плотности популяции пещерных медведей. Если в отложениях среднего плейстоцена костные фрагменты бурого медведя отсутствуют, то они начинают изредка попадаться в пещере Кударо 3 в верхней части слоя 4 (0,1 % всех медвежьих остатков), а в слое 3 становятся более частыми (1,3 %). Бурые медведи, следовательно, получили возможность занимать кударские пещеры после уменьшения численности пещерных медведей. Именно поведенческие различия между видами в стратегии зимовки могли, скорее всего, привести к исчезновению пещерных медведей (Stiller et al. 2014). Рост численности палеолитического населения и возрастание фактора беспокойства приводили к тому, что пещерным медведям становилось всё труднее подыскивать безопасные скальные убежища для зимнего сна. Экологически более гибкие бурые медведи, менее связанные с пещерами, могли использовать для этого скрытно расположенные земляные берлоги.

Время исчезновения пещерных медведей на Кавказе неизвестно, но оно, скорее всего, было близким к зафиксированному в Европе, где позднейшая их регистрация оценена в 24–27 тыс. л. н. (Baca et al. 2016; Terlato et al. 2018).

Заключение

Молекулярный и морфологический анализы выявили эволюционное своеобразие кавказского пещерного медведя, которого сейчас принято считать самостоятельным видом *U. kudarensis*. Пещерные медведи Кавказа развивались параллельно и независимо от своих европейских родственников. Скорее всего, кударский медведь имел в среднем плейстоцене обширный азиатский ареал, но к позднему плейстоцену вид сохранился лишь на Кавказе. Эволюционное своеобразие кударского медведя усиливает значение пещерных медведей как модельной группы для понимания природного процесса в плейстоцене.

Тафономия костного скопления свидетельствует о преимущественно независимом накоплении в кударских пещерах медвежьих скелетов и каменной индустрии. Нет доказательств активной добычи здесь медведей древними охотниками. В то же время на формирование и модификацию костного скопления оказывали влияние изменения природной среды и экологические особенности пещерных медведей. Именно с последними можно связать причины вымирания самих пещерных медведей.

В заключение следует подчеркнуть, что многолетние мультидисциплинарные раскопки Василия Прокофьевича Любина позволили собрать уникальную и разнообразную информацию не только об условиях обитания древнейших людей на Кавказе, но и сделать кударские палеолитические стоянки важнейшими в понимании эволюции и систематики пещерных медведей.

Литература

- Барышников 2007 — *Барышников Г. Ф.* Семейство медвежьих (Carnivora, Ursidae). СПб.: Наука, 2007. 542 с. (Фауна России и сопредельных стран. Млекопитающие. Т. 1. Вып. 5).
- Барышников 2012 — *Барышников Г. Ф.* Обзор ископаемых останков позвоночных из плейстоценовых слоев Ахштырской пещеры (северо-западный Кавказ) // Тр. ЗИН РАН. 2012. Т. 316, № 2. С. 93–138.
- Барышников, Пузаченко 2019 — *Барышников Г. Ф., Пузаченко А. Ю.* Эволюция и морфологическая изменчивость щечных зубов кударского пещерного медведя (*Ursus kudarensis*, Carnivora, Ursidae) // Зоологический журнал. 2019. Т. 98, № 10. С. 1112–1136.
- Верещагин 1959 — *Верещагин Н. К.* Млекопитающие Кавказа. История происхождения фауны. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 704 с.
- Дороничева 2016 — *Дороничева Е. В.* Неандертальцы — охотники на медведя? // Альбедиль М. Ф., Савинов Д. Г. (отв. ред.). Образ и архетип в традиции архаики: Ритуально-мифологический контекст и семантика. СПб.: МАЭ РАН, 2016. С. 132–139 (Теория и методология архаики. Вып. 9).
- Кулаков 2017 — *Кулаков С. А.* К вопросу о выделении и определении «хостинской мустьерской культуры» на северо-западном Кавказе // Васильев С. А., Щелинский В. Е. (ред.). Древний человек и камень: технология, форма, функция. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. С. 77–84.
- Левковская 1980 — *Левковская Г. М.* Палинологическая характеристика отложений в пещерах Кударо I и Кударо III // Иванова И. К., Черняховский А. Г. (ред.). Кударские пещерные палеолитические стоянки в Юго-Осетии. М.: Наука, 1980. С. 128–151.
- Любин 1989 — *Любин В. П.* Палеолит Кавказа // Борисковский П. И. (ред.). Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л.: Наука, 1989. С. 7–142 (Палеолит мира).
- Любин 1998 — *Любин В. П.* Ашельская эпоха на Кавказе. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1998. 192 с. (АИ. Вып. 47).
- Любин, Барышников 1985 — *Любин В. П., Барышников Г. Ф.* Охотничья деятельность древнейших (ашело-мустьерских) обитателей Кавказа // КСИА. 1985. Вып. 181. С. 5–9.
- Несмеянов 1999 — *Несмеянов С. А.* Геоморфологические аспекты палеоэкологии горного палеолита. М.: Научный мир, 1999. 392 с.
- Auguste 2003 — *Auguste P.* La chasse à l'ours au Paleolithique moyen: mythes, réalités et état de la question // Patou Mathis M., Bocherens H. (eds.). Le rôle de l'environnement dans les comportements des chasseurs cueilleurs préhistoriques: Acts of the XIVth UISPP Congress, University of Liège, Belgium, 2–8 September 2001. 2003. P. 135–142 (BAR. 1105).
- Baca et al. 2016 — *Baca M., Popović D., Stefaniak K., Marciszak A., Urbanowski M., Nadachowski A., Mackiewicz P.* Retreat and extinction of the Late Pleistocene cave bear (*Ursus spelaeus sensu lato*) // Science of Nature. 2016. 103. P. 92. DOI: 10.1007/s00114-016-1414-8.

- Baryshnikov 1998 — *Baryshnikov G.* Cave bears from the Paleolithic of the Greater Caucasus // Saunders J. J., Styles B. W., Baryshnikov G. F. (eds.). Quaternary Paleozoology in the Northern Hemisphere. Springfield, 1998. P. 69–118 (Illinois State Museum Scientific Papers. Vol. 27).
- Baryshnikov 2011 — *Baryshnikov G. F.* Pleistocene Felidae (Mammalia, Carnivora) from Paleolithic site in Kudaro caves in the Caucasus // Proceedings of the Zoological Institute RAS. 2011. Vol. 315, no. 3. P. 197–226.
- Baryshnikov et al. 2019 — *Baryshnikov G. F., Gimranov D. O., Kosintsev P. A.* Variability of the upper incisors in the cave bears (Carnivora, Ursidae) from the Caucasus and Urals // C. R. Palevol. 2019. Vol. 18, is. 2. March 2019. P. 209–222.
- Baryshnikov, Hoffecker 1994 — *Baryshnikov G., Hoffecker J.* Mousterian hunters of the north-western Caucasus: Preliminary results of recent investigations // Journal of Field Archaeology. 1994. Vol. 21. P. 1–14.
- Baryshnikov, Puzachenko 2011 — *Baryshnikov G., Puzachenko A.* Craniometrical variability in the cave bears (Carnivora, Ursidae): multivariate comparative analysis // QI. 2011. Vol. 245. P. 350–368.
- Baryshnikov, Puzachenko 2017 — *Baryshnikov G. F., Puzachenko A. Y.* Morphometrical analysis of metacarpal and metatarsal bones of cave bears (Carnivora, Ursidae) // Fossil Imprint. 2017. Vol. 73, no. 1–2. P. 7–47. DOI: 10.1515/if-2017-0001.
- Bocherens et al. 2011a — *Bocherens H., Dorothée G., Drucker D. G., Bonjean D., Bridault A., Conard N. J., Cupillard C., Germonpré M., Höneisen M., Münzel S. C., Napierala H., Patou-Mathis M., Stephan E., Uerpman H.-P., Ziegler R.* Isotopic evidence for dietary ecology of cave lion (*Panthera spelaea*) in North-Western Europe: prey choice, competition and implications for extinction // QI. 2011. Vol. 245, no. 2. P. 249–261. DOI: 10.1016/j.quaint.2011.02.023.
- Bocherens et al. 2011b — *Bocherens H., Stiller M., Hobson K. A., Pacher M., Rabeder G., Burns J. A., Tütken T., Hofreiter M.* Niche partitioning between two sympatric genetically distinct cave bears (*Ursus spelaeus* and *Ursus ingressus*) and brown bear (*Ursus arctos*) from Austria: Isotopic evidence from fossil bones // QI. 2011. Vol. 245. P. 238–248. DOI:10.1016/j.quaint.2010.12.020.
- Bocherens et al. 2014a — *Bocherens H., Baryshnikov G., van Neer W.* Were bears or lions involved in salmon accumulation in the Middle Palaeolithic of the Caucasus? An isotopic investigation in Kudaro 3 cave // QI. 2014. Vol. 339–340. P. 112–118.
- Bocherens et al. 2014b — *Bocherens H., Bridault A., Drucker D. G., Hofreiter M., Münzel S. C., Stiller M., van der Plicht J.* The last of its kind? Radiocarbon, ancient DNA and stable isotope evidence from a late cave bear (*Ursus spelaeus* Rosenmüller, 1794) from Rochedane (France) // QI. 2014. Vol. 339–340. P. 179–188. DOI: 10.1016/j.quaint.2013.05.021.
- Brain 1981 — *Brain C. K.* The hunters or the hunted? An introduction to African cave taphonomy. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1981. 365 p.
- Carbonell et al. 2008 — *Carbonell E., Bermúdez de Castro J. M., Parés J. M., Pérez-González A., Cuenca-Bescós G., Ollé A., Mosquera M., Huguet R., van der Made J., Rosas A., Sala R., Vallverdú J., García N., Granger D. E., Martínón-Torres M., Rodríguez X. P., Stock G. M., Vergès J. M., Allué E., Burjachs F., Cáceres I., Canals A., Benito A., Díez C., Lozano M., Mateos A., Navazo M., Rodríguez J., Rosell J., Arsuaga J. L.* The first hominin of Europe // Nature. 2008. Vol. 452. DOI:10.1038/nature06815.
- Dabney et al. 2013 — *Dabney J., Knapp M., Glocke I., Gansauge M.-T., Weihmann A., Nickel B., Valdiosera C., García N., Pääbo S., Arsuaga J.-L., Meyer M.* Complete mitochondrial genome sequence of a Middle Pleistocene cave bear reconstructed from ultrashort DNA fragments // PNAS. 2013. Vol. 110. P. 15758–15763.

- Figueirido et al. 2009 — Figueirido B., Palmqvist P., Perez-Claros J. A. Ecomorphological correlates of craniodental variation in bears and paleobiological implications for extinct taxa: an approach based on geometric morphometrics // Journal of Zoology. 2009. Vol. 277 (1). P. 70–80.
- García 2004 — García N. New results on the remains of Ursidae from Untermassfeld: comparisons with *Ursus dolinensis* from Atapuerca and other early and middle Pleistocene sites // Maul L., Kahlke R. (eds.). 18th International Senckenberg Conference, Weimar, 2004.
- García, Arsuaga 2001 — García N., Arsuaga J.-L. *Ursus dolinensis*: a new species of early Pleistocene ursid from Trinchera Dolina, Atapuerca (Spain) // Comptes rendus l'Académie des Sciences. Série 2. Sci. la terre des planets. 2001. Vol. 332. P. 717–725.
- García et al. 1997 — García N., Arsuaga J.-L., Torres T. The carnivore remains from the Sima de los Huesos Middle Pleistocene site (Sierra de Atapuerca, Spain) // Journal Human Evolution. 1997. Vol. 33. P. 155–174.
- Germonpré 2004 — Germonpré M. Influence of climate on sexual segregation and cub mortality in Pleniglacial cave bear // Lauwerier R., Plug I. (eds.). The future from the past. 9th ICAZ conference, Durham, 2002. Oxford: Oxbow Books, 2004. P. 51–63.
- Grandal-d'Anglade, Lopez-Gonzalez 2004 — Grandal-d'Anglade A., Lopez-Gonzalez F. A study of the evolution of the Pleistocene cave bear by a morphometric analysis of the lower carnassial // Oryctos. 2004. Vol. 5. P. 83–94.
- van Heteren et al. 2009 — van Heteren A. H., MacLarnon A., Rae T. C., Soligo C. Cave bears and their closest living relatives: a 3D geometric morphometrical approach to the functional morphology of the cave bear *Ursus spelaeus* // Slovenský kras. Acta Carsologica Slovaca. 2009. Vol. 47. P. 33–46.
- van Heteren et al. 2016 — van Heteren A. H., MacLarnon A., Soligo C., Rae T. C. Functional morphology of cave bear (*Ursus spelaeus*) mandible: a 3D geometric morphometric analysis // Organisms Diversity & Evolution. 2016. Vol. 16. P. 299–314.
- Hoffecker et al. 2003 — Hoffecker J., Baryshnikov G., Doronichev V. Large mammal taphonomy of the Middle Pleistocene hominid occupation at Treugolnaya Cave (Northern Caucasus) // Quaternary Science Reviews. 2003. Vol. 22, no. 5. P. 595–607.
- Hofreiter et al. 2004 — Hofreiter M., Rabeder G., Jaenicke-Després V., Withalm G., Nagel D., Pannonovic M., Jambrošić G., Pääbo S. Evidence for reproductive isolation between cave bear populations // Current Biology. 2004. Vol. 14. P. 40–43.
- Kahlke et al. 2006 — Kahlke R.-D., Van Essen H., Lister A. M. Untermassfeld: a late Early Pleistocene (Epivillafranchian) fossil site near Meiningen (Thuringia, Germany) and its position in the development of the European mammal fauna. Oxford: Archaeopress, 2006. 141 p.
- Knapp 2018 — Knapp M. From a molecules' perspective — contributions of ancient DNA research to understanding cave bear biology // Historical Biology. 2018. 31 (4). P. 442–447. DOI: 10.1080/08912963.2018.1434168.
- Knapp et al. 2009 — Knapp M., Rohland N., Weinstock J., Baryshnikov G., Sher A., Doris N., Rabeder G., Pinhasi R., Schmitt H., Hofreiter M. First DNA sequences of Asian cave bear fossils reveal deep divergences and complex phylogeographic patterns // Molecular Ecology. 2009. Vol. 18, no. 6. P. 1225–1238.
- Kurtén 1955 — Kurtén B. Sex dimorphism and size trends in the cave bear, *Ursus spelaeus* Rosenmüller and Heinroth // Acta Zoologica Fennica. 1955. No. 90. P. 1–48.
- Kurtén 1976 — Kurtén B. The cave bear story. Life and death of a vanished animal. New York: Columbia University Press, 1976. 163 p.
- Markova, Vislobokova 2016 — Markova A. K., Vislobokova I. A. Mammal faunas in Europe at the end of the Early — beginning of the Middle Pleistocene // QI. 2016. Vol. 420. P. 363–377.

- Miracle 2007 — *Miracle P. T.* The Krapina Paleolithic site: Zooarchaeology, taphonomy and catalog of the faunal remains. Zagreb: Croatian Natural History Museum, 2007. 345 p.
- Noonan et al. 2005 — *Noonan J. P., Hofreiter M., Smith D., Priest J. R., Rohland N., Rabeder G.* Genomic sequencing of Pleistocene cave bears // *Science*. 2005. Vol. 309. P. 597–600.
- Orlando et al. 2002 — *Orlando L., Bonjean D., Bocherens H., Thenot A., Argant A., Otte M., Hänni C.* Ancient DNA and the population genetics of cave bears (*Ursus spelaeus*) through space and time // *Molecular Biology and Evolution*. 2002. Vol. 19. P. 1920–1933.
- Pacher, Stuart 2008 — *Pacher M., Stuart A. J.* Extinction chronology and palaeobiology of the cave bear (*Ursus spelaeus*) // *Boreas*. 2008. Vol. 38. P. 189–206.
- Peigné et al. 2009 — *Peigné S., Goillot C., Germonpré M., Blondel C., Bignon O., Merceron G.* Predormancy omnivory in European cave bears evidenced by a dental microwear analysis of *Ursus spelaeus* from Goyet, Belgium // *PNAS*. 2009. Vol. 196. P. 15390–15393.
- Rabeder, Hofreiter 2004 — *Rabeder G., Hofreiter M.* Der neue Stammbaum der alpinen Höhlenbären // *Die Höhle*. 2004. Bd. 55. S. 1–19.
- Rabeder et al. 2004 — *Rabeder G., Hofreiter M., Nagel D., Withalm G.* New taxa of alpine cave bears (Ursidae, Carnivora) // *Cahiers scientifiques*. 2004. Hors ser. 2. P. 49–67.
- Rabeder et al. 2010 — *Rabeder G., Pacher M., Withalm G.* Early Pleistocene bear remains from Deutsch-Altenburg (Lower Austria). Wien: Verlag der ÖAW, 2010. 135 p. (Mitteilungen der Kommission für Quartärforschung der ÖAW. Bd. 17).
- Richards et al. 2008 — *Richards M. P., Pacher M., Stiller M., Quiles J., Hofreiter M., Constantin S., Zilhao J., Trinkaus E.* Isotopic evidence for omnivory among European cave bears: Late Pleistocene *Ursus spelaeus* from the Peștera cu Oase, Romania // *PNAS*. 2008. Vol. 105. P. 600–604.
- Romandini et al. 2018 — *Romandini M., Terlato G., Nannini N., Tagliacozzo A., Peresani M.* Bears and humans, a neanderthal tale. Reconstructing uncommon behaviors from zooarchaeological evidence in Southern Europe // *JAS*. 2018. Vol. 90. P. 71–91.
- Stiller et al. 2010 — *Stiller M., Baryshnikov G., Bocherens H., Grandal d'Anglade A., Hilpert B., Münzel S. C., Pinhasi R., Rabeder G., Rosendahl W., Trinkaus E., Hofreiter M., Knapp M.* Withering away — 25,000 years of genetic decline preceded cave bear extinction // *Molecular Biology and Evolution*. 2010. Vol. 27, no. 5. P. 975–978.
- Stiller et al. 2014 — *Stiller M., Molak M., Prost S., Pacher M., Rabeder G., Baryshnikov G., Rosendahl W., Muenzel S., Bocherens H., Grandal d'Anglade A., Hilpert B., Germonpré M., Stasyk O., Pinhasi R., Ho S., Hofreiter M., Knapp M.* Mitochondrial DNA diversity and evolution of the Pleistocene cave bear complex // *QI*. 2014. Vol. 339–340. P. 224–231.
- Stiner 1999 — *Stiner M. C.* Cave bear ecology and interactions with Pleistocene humans // *Ursus*. 1999. Vol. 11. P. 41–58.
- Terlato et al. 2018 — *Terlato G., Bocherens H., Romandini M., Nannini N., Hobson K. A., Peresani M.* Chronological and isotopic data support a revision for the timing of cave bear extinction in Mediterranean Europe // *Historical Biology*. 2018. DOI: 10.1080/08912963.2018.1448395.
- Van der Made et al 2016 — *Van der Made J., Torres T., Eugenio Ortiz J., Moreno-Pérez L., Fernández-Jalvo Y.* The new material of large mammals from Azokh and comments on the older collections // *Fernández-Jalvo Y. et al. (eds.). Azokh Cave and the Transcaucasian corridor, Vertebrate paleobiology and paleoanthropology*. Dordrecht: Springer, 2016. P. 117–162.
- Weinstock 2009 — *Weinstock J.* Epiphyseal fusion in brown bears: A population study of grizzlies (*Ursus arctos horribilis*) from Montana and Wyoming // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2009. Vol. 19. P. 416–423.
- Wojtal 2007 — *Wojtal P.* Zooarchaeological studies of the Late Pleistocene sites in Poland. Kraków: Institute of Systematics and Evolution of Animals, 2007. 189 p.

KUDARO CAVE BEAR: EVOLUTION, TAPHONOMY, EXTINCTION

G. F. BARYSHNIKOV

Keywords: *cave bears, Ursus, Paleolithic, Caucasus, taphonomy, evolution, extinction, hunting.*

The results of the study of the Caucasian cave bears make it possible to identify a distinct species of cave bear designated as *Ursus kudarensis*. Its evolution proceeded in parallel with that of the cave bears of Europe. The taphonomic analysis of bear skeletal remains from the Paleolithic layers of the Kudaro 1 and Kudaro 3 caves points to the natural character of their accumulation in cave deposits, without any noticeable participation of Paleolithic hunters. The extinction of the cave bear was associated with the spread of anatomically modern humans and intensification of their activity, which made the search for secure hibernating shelters for the Caucasian bears increasingly difficult.

ФАУНА МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ МУХКАЙ 2¹

М. В. САБЛИН²

Ключевые слова: *ранний плейстоцен, стоянка Мухкай 2, Дагестан, фауна, датировка, палеоландшафт.*

В статье проводится анализ уникальной остеологической коллекции из местонахождения Мухкай 2 (Центральный Дагестан, Россия). На настоящий момент определено 2498 костей от 14 видов крупных млекопитающих. Это местонахождение, скорее всего, является результатом естественной гибели животных. О присутствии человека здесь свидетельствует наличие каменных орудий, а также наличие порезов на свежей кости. Показано, что все виды млекопитающих из Мухкай 2 — это обитатели открытых и полуоткрытых пространств. Геологический возраст памятника оценивается в 2,1–1,77 млн л.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-22-176-186

Раннеплейстоценовые местонахождения Кавказа с богатой фауной, датируемые 1,86–1,77 млн л., были известны с конца XX в. (Саблин 1990; Кузьмина, Саблин 1991; Gabunia, Vekua 1993; Vekua 1995). Это Дманиси (Грузия) и Палан-Тюкан (Азербайджан) (рис. 1). В 2006 г. археологическим отрядом ИА РАН в центральной среднегорной части Дагестана было открыто местонахождение Мухкай 2 (Ожерельев 2010; 2017; Амирханов и др. 2012а; 2012б; Саблин и др. 2013). Археологи обнаружили культурный слой с артефактами и большое количество костных остатков раннеплейстоценовых животных (Амирханов, Ожерельев 2011; Амирханов и др. 2012б). Мухкай 2 имеет сложную геоморфологию, которая отражается на стратиграфии и номенклатуре культурных слоев (Амирханов 2016). Остеологический материал, собранный во время археологических раскопок с 2006 по 2017 г. насчитывает 2498 костей от 14 видов крупных млекопитающих (табл. 1; Амирханов 2016; Саблин и др. 2013; Саблин 2016б; Amirkhanov et al. 2014; 2016b). Коллекция ископаемой фауны из Мухкай 2 хранится в ЗИН РАН (Санкт-Петербург, Россия). Подсчет минимального количества особей млекопитающих проводился по количеству правых и левых элементов скелета с учетом возрастного состава костей животных по широко используемой в палеонтологических и археозоологических исследованиях методике (Shipman 1981; Klein, Cruz-Uribe 1984; van Wijngaarden-Bakker 2001).

¹ Работа выполнена в рамках госзадания ЗИН РАН № АААА-А19-119032590102-7. Автор благодарит коллег из ИА РАН Х. А. Амирханова и Д. В. Ожерельева за предоставленную возможность работать с уникальным палеонтологическим материалом.

² Лаборатория териологии, Зоологический институт РАН, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия.

Рис. 1. Раннеплейстоценовые местонахождения Кавказа с богатой фауной млекопитающих — Мухкай 2 (Россия), Дманиси (Грузия), Палан-Тюкан (Азербайджан)

Fig. 1. Early Pleistocene sites of the Caucasus with rich mammal faunas — Mukhukai 2 (Russia), Dmanisi (Georgia), Palan-Tyukan (Azerbaijan)

Таблица 1

Крупные млекопитающие из местонахождения Мухкай 2, раскопки 2006–2017 гг.

Виды	Кости, экз.	Особи, экз.
Этрусский волк — <i>Canis etruscus</i>	646	13
Мелкая лисица — <i>Vulpes alopecoides</i>	17	1
Древняя гиена — <i>Pliocrocota perrieri</i>	35	3
Саблезубая кошка — <i>Megantereon cultridens</i>	2	1
Крупная степная рысь — <i>Lynx issiodorensis</i>	26	3
Гигантский гепард — <i>Acinonyx pardinensis</i>	7	1
Южный слон — <i>Archidiskodon meridionalis</i>	46	2
Лошадь Стенона — <i>Equus (Allohippus) stenonis</i>	1206	44
Древний жираф — <i>Palaeotragus priasovicus</i>	3	1
Древний лось — <i>Libralces gallicus</i>	1	1
Сложнорогий олень — <i>Eucladoceros senezensis</i>	130	10
Винторогоя антилопа — <i>Gazellospira torticornis</i>	182	12
Древняя газель — <i>Gazella bouvrinae</i>	97	11
Гораловидная антилопа — <i>Gallogoral meneghinii</i>	100	7
Всего	2498	110

Мы можем предположить, как формировался костеносный горизонт Мухая 2. Основная масса костей залегала в отложениях некогда неглубокого пересыхающего и сильно заиленного водоема со слаботекущей или стоячей водой. После полного пересыхания этого водоема палеонтологический материал оказался запечатанным в глинистой массе, которая, в свою очередь, была захоронена в ходе дальнейших геологических процессов (Саблин 2016б). Теперь это алевролит на основе буровато-серого суглинка. Толщина костеносного горизонта в разных местах раскопа составила от 20 до 40 см (Амирханов 2016). Анализируемый остеологический материал имеет одинаковую степень фоссилзации во всех слоях Мухая 2, что может свидетельствовать об аналогичных условиях захоронения (Саблин 2016а). Кости белого цвета, сильно кальцинированы и покрыты тонкодисперсным глинистым налетом. Степень выветренности поверхности костных остатков низкая. Отсутствуют следы химической коррозии от воздействия органических кислот при контакте с корнями травянистых растений. Нет следов окатанности. Погрызы от зубов других млекопитающих на поверхности костей также не зафиксированы, что может косвенно свидетельствовать о том, что они были захоронены достаточно быстро. Среди палеонтологического материала обнаружены хорошо сохранившиеся копролиты древней гиены. Похожие копролиты известны из Дманиси (Vekua 1995).

Количество неопределимых костей составляет 32,5 % от общего числа костей на местонахождении. Степень же фрагментации определимого материала незначительна. Что касается формы поперечного слома трубчатых костей, то она не может быть достоверно охарактеризована. Согласно существующей классификации поперечных сломов трубчатых костей конечностей (Shipman 1981), следы первоначального слома могли быть повреждены в ходе трудоемкой расчистки-препарирования в лабораторных условиях. Основная масса костей из Мухая 2 — это челюсти, изолированные зубы и кости конечностей. Позвонки и фрагменты ребер немногочисленны. Нами зафиксированы многочисленные кости в сочленениях, что указывает на то, что части тел погибших животных относительно быстро, до разрушения мышц и связок, были захоронены на дне древнего водоема. Здесь налицо результат естественного, довольно динамичного накопления костных остатков в водных условиях, сопровождавшегося разной последовательностью и скоростью распада скелетов на части.

В основании костеносного горизонта залегал слой раковин сухопутных моллюсков отряда Geophila (определение материала — П. В. Кияшко, ЗИН РАН). Современные их представители на Кавказе населяют открытые степные и полупустынные участки, кустарниковые заросли, луга и широколиственные редколесья. Моллюски обитают на поверхности земли и в верхнем слое почвы, под камнями в осыпях на открытых прогреваемых склонах, а также в листовом опаде. При раскопках 2014 г. на квадрате К-244 была обнаружена часть клешни пресноводного краба, близкого к роду *Potamon* (определение материала — П. В. Кияшко, ЗИН РАН). Виды этого рода встречаются от Южной Европы до Южной Азии и обитают в основном в озерах, реках, в прудах с чистой проточной или грунтовой водой. Живут также во влажной земле, вблизи водоемов.

В раскопе 2014 г. в слое 2 Мухая 2а залегал *in situ* череп детеныша южного слона; два черепа лошади Стенона рядом; фрагмент черепа гораловидной антилопы с рогом; правая бедренная кость и пястная кость лошади Стенона (рис. 2). Мозговая

Рис. 2. Слой 2 местонахождения Мухкай 2а, раскопки 2014 г. (фото Д. В. Ожерельева):
 1 — череп детеныша южного слона; 2, 4 — череп лошади Стенона; 3 — фрагмент черепа гораловидной антилопы с рогом; 5 — правая бедренная кость лошади Стенона;
 6 — пястная кость лошади Стенона

Fig. 2. Layer 2 of Mukhkai 2a, 2014 excavations (photo by D. V. Ozhereliev):
 1 — *Archidiskodon meridionalis* calf skull; 2, 4 — *Equus stenonis* skull; 3 — fragment
 of a *Gallogoral meneghinii* skull with an antler; 5 — right femoral bone of *Equus stenonis*;
 6 — metacarpal bone of *Equus stenonis*

полость черепа детеныша южного слона была заполнена вмещающей породой. Следовательно, его захоронение произошло уже после разрушения костей основания черепа. На уплощенной передней поверхности верхнего эпифиза данной бедренной кости лошади Стенона, в районе крепления сухожилий и мышечных связок, соединяющих ее с тазовой костью, зафиксированы шесть глубоких систематических V-образной формы порезов (Амирханов 2016; Amirkhanov et al. 2016a). Они

сделаны древними каменными орудиями и являются следами расчленения туши животного (Binford 1981; Olsen 1987).

По нашему мнению, скопление костей на памятнике Мухкай 2 было обусловлено, прежде всего, гидродинамическими и седиментационными факторами, которые, в свою очередь, зависели от климатических условий региона. Скорее всего, животные гибли в силу естественных причин, например, тонули, в короткий осенний сезон «дождей» при катастрофическом выпадении обильных осадков после долгой засухи. Во время «высокой воды» стремительные потоки в значительных количествах переносят трупы зверей, которые концентрируются под действием течения в заводях, на отмелях и, реже, на крутых участках меандров (Верещагин 1972). Позже происходило захоронение снесенных в водоем целых трупов или их частей. Очевидно, что тела недавно погибших животных не могли не привлекать к себе древнего человека, будучи легкодоступным источником белковой пищи, и о его присутствии здесь неоспоримо свидетельствует большое количество каменных орудий, а также наличие порезов на свежей кости (Ожерельев 2010; 2017; Амирханов и др. 2012а; 2012б; Амирханов 2016). Однако в целом воздействие человека на формирование такого тафоценоза было минимальным (Саблин и др. 2018).

Остатков мелких млекопитающих в фауне Мухкай 2 немного — всего 10 костей от пяти особей. Это представители семейств землеройковые (Soricidae), зайцевые (Leporidae), мышинные (Muridae), а также представители подсемейства полевковые (Arvicolinae) — корнезубая полевка *Pitymimomys pitymyoides* и слепушонка *Ellobius* sp. (Амирханов и др. 2017).

На настоящий момент в остеологическом материале из Мухкай 2 обнаружены кости от 110 особей шести видов хищных и восьми видов травоядных млекопитающих (табл. 1). В большинстве своем это животные среднего размерного класса. В фауне Мухкай 2 присутствуют остатки двух хищников семейства псовых (Canidae): этрусского волка *Canis etruscus*, размером с шакала, и мелкой лисицы *Vulpes alopecoides*, размером с корсака (рис. 3). Необходимо отметить, что костей волка в культурном слое обнаружено очень много, более 25 % от общего числа костей на местонахождении (табл. 1). Кроме того, в остеологическом материале обнаружены остатки представителя семейства гиеновых (Hyaenidae) — древней гиены *Pliocrocuta perrieri*. Первобытный человек на территории Восточного Кавказа успешно конкурировал за биоресурсы (мясо копытных) с обитавшими по соседству крупными представителями семейства кошачьих (Felidae): саблезубой кошкой *Megantereon cultridens*, крупной степной рысью *Lynx issiodorensis* и гигантским гепардом *Acinonyx pardinensis* (рис. 3).

В фауне Мухкай 2 присутствуют остатки травоядных гигантов из семейств слоновые (Elephantidae) и жирафовые (Giraffidae). Это южный слон *Archidiskodon meridionalis* и древний жираф *Palaeotragus priasovicus* (рис. 3). Кости лошади Стенона *Equus (Allohippus) stenorionis* — представителя семейства лошадиные (Equidae) — составили половину от общего числа определимых костей. Лошадь — самый многочисленный вид из Мухкай 2, всего на настоящий момент определено 44 особи (табл. 1). В остеологическом материале присутствуют остатки сложнорогого оленя *Eucladoceros senezensis* и древнего лося *Libralces gallicus* — представителей семейства оленьих (Cervidae). Для местонахождения установлено присутствие трех видов семейства полорогих (Bovidae) — винторогой *Gazellospira torticornis*, древней газели *Gazella bouvrainae* и галогорала *Gallogoral meneghinii* (рис. 3).

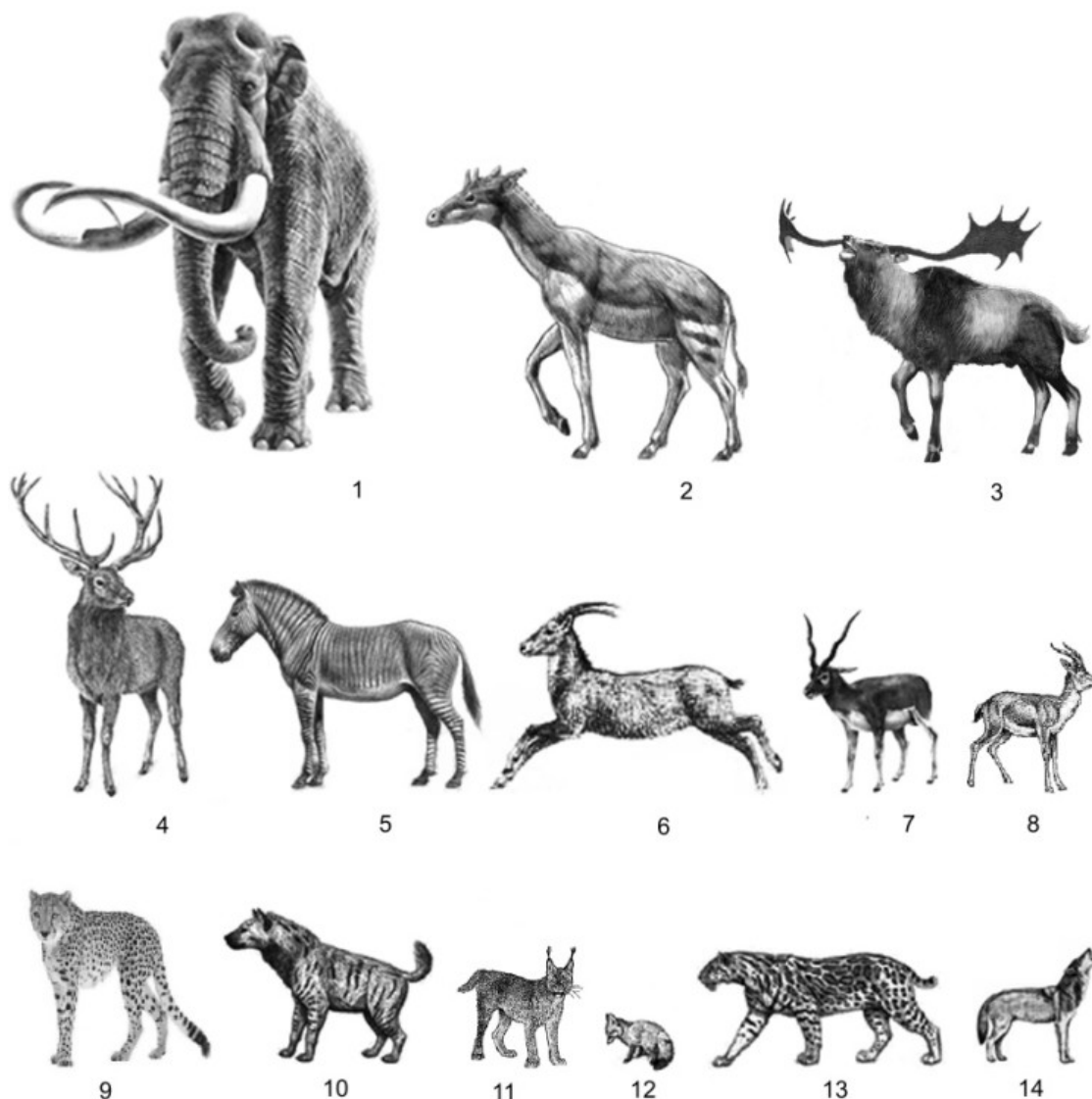

Рис. 3. Крупные млекопитающие из местонахождения Мухкай 2 (художник М. Антон): 1 — *Archidiskodon meridionalis*; 2 — *Palaeotragus priasovicus*; 3 — *Libralces gallicus*; 4 — *Eucladoceros senezensis*; 5 — *Equus (Allohippus) stenonis*; 6 — *Gallogoral meneghini*; 7 — *Gazellospira torticornis*; 8 — *Gazella bouvrainae*; 9 — *Acinonyx pardinensis*; 10 — *Pliocrocuta perrieri*; 11 — *Lynx issiodorensis*; 12 — *Vulpes alopecoides*; 13 — *Megantereon cultridens*; 14 — *Canis etruscus*

Fig. 3. Large mammals from Mukhkai 2 (drawings by M. Anton): 1 — *Archidiskodon meridionalis*; 2 — *Palaeotragus priasovicus*; 3 — *Libralces gallicus*; 4 — *Eucladoceros senezensis*; 5 — *Equus (Allohippus) stenonis*; 6 — *Gallogoral meneghini*; 7 — *Gazellospira torticornis*; 8 — *Gazella bouvrainae*; 9 — *Acinonyx pardinensis*; 10 — *Pliocrocuta perrieri*; 11 — *Lynx issiodorensis*; 12 — *Vulpes alopecoides*; 13 — *Megantereon cultridens*; 14 — *Canis etruscus*

В остеологическом материале из Мухкай 2 полностью отсутствуют остатки водных моллюсков, рыб, амфибий, болотных черепах. Есть только один фрагмент клешни краба, который, однако, вполне мог попасть в захоронение в качестве содержимого желудка погибшего хищника. Вместе с тем в основании костеносного горизонта сохранилось много раковин сухопутных моллюсков.

В ископаемом материале из Мухкая 2 нами не обнаружены кости птиц и зверей, связанных с околородными биотопами. Напротив, многие виды из Мухкая 2 хорошо приспособлены к обитанию в засушливых условиях, например грызун слепушонка. Всё это наводит на мысли о том, что водоем, где происходило захоронение остатков животных, скорее всего, был временным, сезонным.

Все виды млекопитающих из Мухкая 2 — это обитатели открытых и полуоткрытых пространств. Состав данного фаунистического комплекса позволяет считать ближайшим его аналогом сообщество животных африканской саванны. Представители лесных биотопов здесь отсутствуют. Палеоландшафт Мухкая 2, скорее всего, напоминал сухие саванны, где лишь изредка встречаются заросли кустарников и группы низкорослых деревьев. Сравнивая вероятные древние биотопы Центрального Дагестана и Закавказья, можно отметить следующее. Во-первых, в Мухкае 2 доминируют лошадь Стенона и антилопы, в Дманиси — олени (Gabunia et al. 2000), а в Палан-Тюкане — хищники (Саблин 1990). Сравнение проводилось по относительному числу особей. Во-вторых, даже простое сопоставление списков видов крупных млекопитающих из этих трех местонахождений показало их отличие. Так, например, барсук *Meles thoralis*, этрусский медведь *Ursus etruscus* и европейский ягуар *Panthera gombaszoegensis* из Дманиси и Палан-Тюкана были обитателями леса, как и их современные родичи. В Мухкае 2 остатков этих двух хищников пока не обнаружено. В Дманиси много мелких лесных оленей, а в Палан-Тюкане обитателей прибрежных зарослей: енотовидной собаки, древних буйволов, кабанов и выдр (Саблин 1990; Gabunia et al. 2000). Генезис же образования раннеплейстоценовых местонахождений Кавказа был одинаков, поскольку костеносные слои во всех трех случаях формировались, скорее всего, небыстрыми водными потоками.

Остатки горалоподобной антилопы и корнезубой полевки *Pitymimomys pitymimoides* не фиксируются в Европе в отложениях моложе 1,77 млн л., лошади Стенона и сложнорогого оленя — в отложениях моложе 1,6 млн л., а остатки мелкой лисицы — в отложениях моложе 1,5 млн л. (табл. 2). Геологический возраст стоянки оценивается в интервале 2,10–1,77 млн л. (Амирханов и др. 2017; Amirkhanov et al. 2014; 2016b). В настоящее время известны близкие к Мухкаю 2 по геологическому возрасту и видовому составу раннеплейстоценовые местонахождения Западной Европы (Пуэбло де Вальверде (Испания); Сен-Валье, Сенез и Шийак (Франция); Оливола (Италия)), Восточной Европы (Ливенцовка (Россия), Закавказья (Дманиси (Грузия); Палан-Тюкан (Азербайджан)) (Саблин 1990; Кузьмина, Саблин 1991; Саблин, Гиря 2009; 2010; Vekua 1995; Rook, Martiinez-Navarro 2010; Amirkhanov et al. 2014; 2016b).

По результатам анализа остеологической коллекции из Мухкая 2 можно сделать следующие предварительные выводы.

1. Местонахождение должно датироваться временем 2,10–1,77 млн л. н.
2. Костеносный горизонт формировался одномоментно и в течение очень короткого промежутка времени.
3. Захоронение остатков происходило в глине на дне мелкого, скорее всего непостоянного пресноводного водоема.
4. Местонахождение Мухкай 2, вероятно, является результатом естественной гибели животных.

5. В раннем плейстоцене климат Закавказья отличался от климата Центрального Дагестана несколько большей влажностью.

6. Палеоландшафт Мухкая 2, скорее всего, напоминал сухие саванны.

Литература

- Амирханов 2016 — *Амирханов Х. А.* Северный Кавказ: начало преистории. М.: МавраевЪ, 2016. 344 с.
- Амирханов и др. 2012а — *Амирханов Х. А., Грибченко Ю. Н., Ожерельев Д. В., Саблин М. В., Семёнов В. М., Трубихин В. М.* Комплексные исследования раннеплейстоценовой стоянки Мухкай 2 на Северо-Восточном Кавказе (по результатам раскопок 2008–2011 гг.) // Деревянко А. П., Кудепкин А. Б., Тишков В. А. (отв. ред.). 1150 лет российской государственности и культуры: материалы к Общему собранию Российской академии наук, посвященному году российской истории (Москва, 18 декабря 2012 г.). М.: Наука, 2012. С. 217–241.
- Амирханов и др. 2012б — *Амирханов Х. А., Ожерельев Д. В., Саблин М. В.* Фауна млекопитающих стоянки Мухкай 2 (по результатам раскопок 2009–2010 гг.) // Гаджиев М. С. (отв. ред.). Новейшие открытия в археологии Северного Кавказа: исследования и интерпретации. XXVII Крупновские чтения: ММНК (Махачкала, 23–28 апреля 2012 г.). Махачкала: ИД МавраевЪ, 2012. С. 16–18.
- Амирханов и др. 2017 — *Амирханов Х. А., Тесаков А. С., Ожерельев Д. В.* К датировке стоянки олдована Мухкай 2а в Дагестане // БКИЧП. 2017. № 75. С. 5–10.
- Амирханов, Ожерельев 2011 — *Амирханов Х. А., Ожерельев Д. В.* Мухкай II, слой 80 — новая стоянка эпохи олдована в Центральном Дагестане // Макаров Н. А., Носов Е. Н. (отв. ред.). Тр. III (XIX) ВАС (Новгород — Старая Русса, 24–29 октября 2011 г.). СПб.; М.: Великий Новгород: Новгородский технопарк, 2011. Т. 1. С. 16–17.
- Верещагин 1972 — *Верещагин Н. К.* О происхождении мамонтовых кладбищ // Природная обстановка и фауны прошлого. Киев, 1972. Вып. 6. С. 131–148.
- Кузьмина, Саблин 1991 — *Кузьмина И. Е., Саблин М. В.* О новой находке ископаемых остатков *Equus stenonis* в Закавказье // Тр. ЗИН РАН. 1991. Т. 238. С. 61–67.
- Ожерельев 2010 — *Ожерельев Д. В.* Предварительные итоги исследования раннеплейстоценового памятника Мухкай II (Дагестан, Россия) // Рагимова М. Н., Джафаров А. Г., Зейналов А. А. (ред.). Карабах в каменном веке: ММНК, посвящ. 50-летию открытия палеолитической пещерной стоянки Азых в Азербайджане (Баку, Азербайджанская Республика, 3–7 октября 2010 г.). Баку: Тек Нур, 2010. С. 217–222.
- Ожерельев 2017 — *Ожерельев Д. В.* Комплексные исследования на стоянке раннего палеолита Мухкай-IIA // Деревянко А. П., Тишкин А. А. (отв. ред.). V (XXI) ВАС: Сб. науч. тр. (Барнаул — Белокуриха, 2–7 октября 2017 г.). Барнаул: Изд-во Алтайского ГУ, 2017. С. 773–774.
- Саблин 1990 — *Саблин М. В.* Остатки хищных и копытных из нижнеапшеронских отложений Азербайджана // Тр. ЗИН АН СССР. 1990. Т. 213. С. 138–142.
- Саблин 2016а — *Саблин М. В.* Отчет о палеонтологическом исследовании материалов палеолитической стоянки Мухкай 2а в Центральном Дагестане (раскопки 2013 г.) // *Амирханов Х. А.* Северный Кавказ: начало преистории. М.: МавраевЪ, 2016. С. 234–249.
- Саблин 2016б — *Саблин М. В.* Фаунистические остатки крупных млекопитающих из слоя 80 стоянки Мухкай 2 (Центральный Дагестан; раскопки 2009–2012 гг.) // Там же. С. 221–233.

- Саблин, Гиря 2009 — Саблин М. В., Гиря Е. Ю. Артефакт из Ливенцовки — свидетельство присутствия человека на территории Восточной Европы в интервале 2,1–1,97 млн. лет назад // Деревянко А. П., Шуньков М. В. (отв. ред.). Древнейшие миграции человека в Евразии: материалы международного симпозиума (Махачкала, 6–12 сентября 2009 г.). Новосибирск: ИАЭТ, 2009. С. 166–174.
- Саблин, Гиря 2010 — Саблин М. В., Гиря Е. Ю. К вопросу о древнейших следах появления человека на Юге Восточной Европы (Россия) // АЭАЕ. 2010. № 2 (42). С. 7–13.
- Саблин и др. 2013 — Саблин М. В., Амирханов Х. А., Ожерельев Д. В. Стоянка эпохи олдована Мухкай II: палеонтологические данные к датировке и реконструкции природного окружения // РА. 2013. № 4. С. 7–19.
- Саблин и др. 2018 — Саблин М. В., Бурова Н. Д., Петрова Е. А. Лошади и древние люди: зооархеологическое исследование Мухкай 2а // Тр. ЗИН РАН. 2018. Т. 322, № 3. С. 333–356.
- Amirkhanov et al. 2014 — Amirkhanov H. A., Ozherelyev D. V., Gribchenko Y. N., Sablin M. V., Semenov V. V., Trubikhin V. Early Humans at the eastern gate of Europe: The discovery and investigation of Oldowan sites in northern Caucasus // C. R. Palevol. 2014. Vol. 13. P. 717–725.
- Amirkhanov et al. 2016a — Amirkhanov H. A., Ozherelyev D. V., Alexandrova O., Giryа E. Yu., Sablin M. V. Cut marks on the bone of *Equus (Allohippus) stenonis* and traces of utilization on the stone tool from the Oldowan site Muhkai IIa in the North Caucasus // 100+25 years of *Homo erectus*: Dmanisi and beyond. International Senckenberg Conference (Tbilisi, 20–24 September 2016). Tbilisi: Georgian National Museum, 2016. P. 23–24.
- Amirkhanov et al. 2016b — Amirkhanov H. A., Ozherelyev D. V., Sablin M. V., Agadzhanyan A. K. Faunal remains from the Oldowan site of Muhkai II in the North Caucasus: Potential for dating and palaeolandscape reconstruction // QI. 2016. Vol. 395. P. 233–241.
- Binford 1981 — Binford L. R. *Bones: Ancient men and modern myths*. New York: Academic Press, 1981. 320 p.
- Gabunia et al. 2000 — Gabunia L., Vekua A., Lordkipanidze D., Ferring R., Justus A., Maisuradze G., Mouskhelishvili A., Nioradze M., Sologashvili D., Swisher III C., Tvalchrelidze M. Current research on the hominid site of Dmanisi // ÉRAUL. 2000. Vol. 92. P. 13–27.
- Gabunia, Vekua 1993 — Gabunia L., Vekua A. A Plio-Pleistocene hominid from Dmanisi, East Georgia, Caucasus // Nature. 1993. Vol. 373. P. 509–512.
- Klein, Cruz-Uribe 1984 — Klein R. G., Cruz-Uribe K. *The analysis of animal bones from archaeological sites*. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1984. 266 p.
- Olsen 1987 — Olsen S. L. Magdalenian reindeer Exploitation at the Grotte des Eyzies, Southwest France // Archaeozoologia. 1987. Vol. I (1). P. 171–182.
- Rook, Martiinez-Navarro 2010 — Rook L., Martiinez-Navarro B. Villafranchian: The long story of a Plio-Pleistocene European large mammal biochronologic unit // QI. 2010. Vol. 219. P. 134–144.
- Shipman 1981 — Shipman P. *Life History of a fossil. An introduction of taphonomy and paleoecology*. Cambridge: Harvard University Press, 1981. 222 p.
- Vekua 1995 — Vekua A. Die Wirbeltierfauna des Villafranchium von Dmanisi und ihre biostratigraphische Bedeutung // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseum. 1995. Bd. 42 (1). S. 77–180.
- van Wijngaarden-Bakker 2001 — Wijngaarden-Bakker L. H. van. *Zooarchaeology*. University of Amsterdam, Amsterdam Archaeological Centre, 2001. 32 p.

FAUNA OF THE MUKHKAI 2 SITE

M. V. SABLIN

Keywords: *Early Pleistocene, Mukhkai 2 site, Dagestan, fauna, dating, paleolandscape.*

The paper presents an analysis of a unique osteological collection from the Mukhkai 2 site (Central Dagestan, Russia). For the time being 2498 bones belonging to 14 species of large mammals have been identified. In all likelihood, the mammals whose bones were found at the site had died due to natural causes. The presence of humans is evidenced by the occurrence of stone tools, as well as cut marks made on fresh bone. It is shown that all mammal species identified at Mukhkai 2 are open and semi-open landscape dwellers. The geological age of the site is estimated at 2,10–1,77 mya.

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА НА ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКЕ МАРКИНА ГОРА (КОСТЁНКИ-14). ФАКТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

М. М. ГЕРАСИМОВА²

Выводы каждой отрасли науки должны покоиться на собственных материалах, а не навеяны данными смежной науки.
(Седов 1979: 17)

Самым важным, самым необходимым условием является внимательное отношение к черепу, как биологическому объекту, а не комбинации размеров.
(Дебец 1948: 28)

Ключевые слова. *Средний Дон, верхний палеолит, Костёнки, палеоантропология, многомерный анализ, патология, дифференциальная диагностика.*

Предлагаемая статья является критическим обзором появившихся в последние 3–4 года в отечественной литературе статей, претендующих на новый подход к исследованию уникальной палеоантропологической находки на верхнепалеолитической стоянке Маркина Гора (Костёнки-14) на Среднем Дону. На настоящий момент это самые древние в Восточной Европе датированные останки человека современного вида. Ревизия работ прошлых лет была инициирована палеогенетическими исследованиями, показавшими: а) наличие в геноме мужчины К-14 участков неандертальской ДНК, более длинных, чем у современных европейцев, б) принадлежность генной структуры его к базовой евразийской последовательности. В статьях обсуждаются, главным образом, две проблемы — таксономическое положение индивида К-14 и его расовая принадлежность. Новые подходы, а именно применение методов многомерной статистики, с точки зрения авторов «ремейков», выявили разительное отличие их выводов от выводов более ранних, принадлежащих Г. Ф. Дебецу, В. П. Якимову, В. В. Бунаку, В. П. Алексееву. Ни предпринятые в новейших работах многочисленные статистические анализы размерных признаков черепа и скелета К-14, ни привлечение в качестве аргумента данных палеогенетики, несмотря на декларируемые разительные отличия в выводах, ничего нового не внесли. Напротив, дали основательное подтверждение прежним представлениям о принадлежности индивида К-14 к современному

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

² Центр физической антропологии ИЭА РАН, г. Москва, 119334, Россия.

виду человека. Не лучше обстоит дело и с отрицанием гипотезы экваториального происхождения индивида К-14, якобы разделяемой авторами прошлых лет. Положение этой находки в работах прежних лет обсуждалось только в рамках различных схем территориальной и временной дифференциации верхнепалеолитического европейского населения, и никогда — из областей распространения экваториальных современных вариантов. Проведенные канонические анализы, ставившие себе цель опровергнуть якобы высказанные ранее точки зрения, не только не опровергли их, как полагают авторы новейших исследований, а напротив, показали, что череп К-14 не проявляет сколько-нибудь тропической тенденции. Отдельно рассмотрена в статье проблема разрешающих возможностей палеопатологических исследований индивида и роль их в трактовке эволюционного процесса.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-22-187-203

Введение

В настоящей статье речь пойдет об уникальной верхнепалеолитической находке костных останков из погребения на стоянке Костёнки-14 (Маркина Гора). Много лет об этой находке почти никто из антропологов и не вспоминал. И вот в течение последних 3–4 лет скелет из погребения на стоянке Костёнки-14 (далее К-14) становится объектом пристального внимания, спровоцированного работами палеогенетиков. Особенно находка интересна тем, что на настоящий момент это самые древние в Восточной Европе датированные останки человека верхнепалеолитического времени. Факт обращения к этой находке весьма отраден, она таит много загадок. Актуальность появления «ремейков» находит свое объяснение в изменении парадигм в теории эволюционной антропологии и палеолитоведении, в развитии и обновлении методов и областей исследования (например — одонтологии) и, таким образом, в новых возможностях решения старых проблем.

Тем досаднее, что анализ появившихся новых исследований приходится начать с развернутой критики результатов, нашедших отражение в публикациях ряда статей группы исследователей (Моисеев, Хартанович 2015; Медникова и др. 2016; Хартанович и др. 2016; Моисеев и др. 2017), претендующих на другой подход к рассмотрению обозначенных материалов.

Действительно, в последние десятилетия существенно изменились подходы к изучению древних палеоантропологических находок. Это биологическая индивидуальная реконструкция, которая подразумевает как можно более полное и детальное восстановление биологических особенностей отдельных индивидов не столько в эволюционном, сколько в адаптивном аспекте. Измерительные и описательные методы макроморфологии дополняются гистологическими, рентгенографическими, томографическими и т. п. Новым аспектом, получившим отражение в названных статьях, является реконструкция образа жизни «маркинца»: диеты — посредством изучения изотопного состава кости, физической активности индивида — путем изучения развития рельефа костей скелета, травм и патологий с применением методов микрорентгенографии и микротомографии.

Кроме того, применение методов многомерной статистики к анализу краниологических и остеологических признаков, методов, которых ранее, по мнению авторов указанных работ, не было в арсенале исследователей. При этом они считают это новым подходом к изучению и анализу древнего ископаемого материала. Между

тем это не новый подход, а применение иных методов не столько анализа, сколько статистической обработки материалов и презентации, визуализации ее результатов.

Основной же пафос этих статей состоит в том, что это комплексные исследования. Между тем в статьях легко узнаются отдельные тексты каждого из авторов-антропологов, но почти нет следов взаимодействия между ними и тем более между генетиками и антропологами. Имеются ссылки на генетические работы, но не более. Однако выводы, основанные на данных генетических исследований и изложенные достаточно общо, считаются основополагающими. Выводы генетиков определяют ход морфологических исследований, сравнительный фон при проведении многомерных статистических анализов, и главным достижением морфологического изучения является согласованность с генетическими выводами довольно общего плана (в интерпретации антропологов). Причем авторы, видимо, забывают, что даже по различным системам морфологических признаков (краниологическим, остеологическим, одонтологическим и т. д.) классификации человечества различаются. И здесь я отсылаю читателя к первому эпиграфу своей статьи.

С точки зрения авторов «новых» подходов, они выявили разительное отличие выводов новейших исследований от выводов более ранних, принадлежащих Г. Ф. Дебецу, М. М. Герасимову, В. П. Якимову, В. В. Бунаку, В. П. Алексееву.

Для того чтобы оценить вклад новых исследований скелета К-14, необходимо вспомнить тот багаж данных и те интерпретации, которые содержались в предшествующих работах.

Краткая историография изучения черепа и скелета из Костёнок-14

Удивительно, но библиография прошлых лет, посвященная изучению палеоантропологических находок из Костёнок вообще и человеку из погребения на стоянке Костёнки-14 в частности, немногочисленна, хотя и прекрасная сохранность скелета, и необычное для Восточной Европы сочетание краниологических признаков могли бы предполагать бóльший резонанс (Дебец 1955; 1961; Якимов 1957; Кочеткова 1965; Бунак 1973).

Г. Ф. Дебец, исследовавший череп и скелет из К-14 64 года тому назад, исходя из представлений о ранней дате погребения, специально отмечал отсутствие неандерталоидных признаков в черепе и скелете, за исключением очень сильного наклона суставной поверхности большеберцовой кости, и подчеркивал, что определение видовой принадлежности не вызывает сомнений. Это — *Homo sapiens*. Череп К-14, получивший в литературе название «негроид с Маркиной Горы» (что является не более чем фигурой речи, как и «негроиды Гримальди»), удивляет своим необычным для Восточной Европы сочетанием признаков, а именно прогнатизма, широкого носа и низкого переносья, с сильным выступанием носовых костей, максимальным для европеоидных групп. Г. Ф. Дебец считал, что в формировании верхнепалеолитического населения Русской равнины принимали участие древние формы современных рас, собственно кроманьонская (К-2 и К-18), брно-пшедместская (К-15) и гримальдийская (К-14). Причем, если по поводу гримальдийского варианта в литературе высказывались сомнения в его реальности из-за плохой сохранности обоих черепов и различных реконструкций черепа юноши, то прекрасная сохранность черепа из К-14 исключала всякие сомнения в реальности широконосового прогнатного варианта на территории Восточной Европы. При этом Г. Ф. Дебец обращал

внимание на то, что как «негроиды Гримальди» предшествовали кроманьонскому варианту из Гримальдийских гротов, так равным образом человек из К-14 предшествовал К-2, представителю собственно кроманьонского типа (Дебец 1955).

В. П. Якимов выделял среди верхнепалеолитического европейского населения группу «восточных кроманьонцев», объединяя череп из К-15 с моравскими черепами (Пшедмост IV, в частности) и присоединяя к ним череп из К-14, который он считал крайним вариантом этого полиморфного типа (Якимов 1957).

М. М. Герасимов, автор пластической реконструкции, изобразивший его с курчавыми волосами, отмечая прогнатизм и широкий нос этого индивида, тем не менее не считал его «негрским», так как он имел ряд признаков, общих для всех верхнепалеолитических форм *Homo sapiens* (Герасимов 1964: 124). С интересными реконструкциями объема мозга индивида из К-14 выступила В. И. Кочеткова (1965). Она отметила, что «маркинец» обладал наименьшей вместимостью мозговой коробки из всех известных на тот момент верхнепалеолитических форм, не выходящей тем не менее за пределы вариаций современного человека.

В. П. Алексеев в своей сводке данных по палеолиту, также выделяя гримальдийский вариант среди верхнепалеолитического европейского населения, буквально в двух словах высказал предположение о возможно неавтохтонном происхождении индивида из К-14 (Алексеев 1978: 184). В более поздней работе он привлекал череп К-14 для иллюстрации расогенетических процессов внутри западного очага расообразования, где формировались исходные варианты для негроидов, австралоидов и европеоидов. Он постулировал австралоидный комплекс как промежуточный между европеоидами и негроидами. Популяции таких протоавстралоидов спорадически проникали в южные районы Европы. Именно такое сочетание чрезмерно выраженных признаков (прогнатизма и большого угла выступания носовых костей) скорее предполагает типичность для протоморфной популяции (Алексеев 2007: 126).

В. В. Бунак, напротив, череп К-14 и женский череп из Гримальди считал уклоняющимися формами, у которых угол носа и угол прогнатизма не находятся в соответствии друг с другом и другими особенностями строения лица и лежат за пределами нормальной изменчивости верхнепалеолитических европейских форм. Такие «негармоничные формы» возникают обычно в процессе формирования типа и лишь на последующих этапах возникают консолидированные типы, имеющие согласованное строение отдельных элементов, в связи с увеличением численного состава отдельных групп населения (Бунак 1973; 1980).

В костёнковских находках отразилась вся сложность и многогранность проблем дифференциации и взаимоотношений различных территориальных, культурных и хронологических вариантов верхнепалеолитического европейского (подчеркиваю) и в меньшей степени (из-за малочисленности находок) евразийского населения³.

Морфологические особенности посткраниального скелета в отечественной литературе не обсуждались. Затем, в связи со столетием раскопок в Костёнках и публикацией итогов этих раскопок, мной был пересмотрен опубликованный ранее материал, домерены краниологические и остеологические признаки, не взятые

³ Сводку различных точек зрения отечественных и европейских антропологов см.: Гохман 1966; Алексеев 1978; Бунак, Герасимова 1984; Зубов 2004.

прежде. В последующих работах были подведены итоги ранее проведенных исследований, высказано несколько предположений о происхождении человека из К-14, основанные на особенностях в строении его скелета, а именно отсутствии адаптационного комплекса к суровому климату обитания, подобного индивиду Сунгирь 1, очерчены задачи дальнейшего изучения этой уникальной находки (Герасимова 1982; 1987; 2006; 2010).

По итогам исследований прошлых лет скелета из К-14 может быть сделан вывод, не вызывающий никаких сомнений: на Русской равнине наряду с другими верхнепалеолитическими вариантами зафиксирован вариант, отличающийся грацильностью телосложения, низкорослостью, небольшими размерами головы и лица и необычным сочетанием широкого, сильно выступающего носа с выраженным прогнатизмом. Каково его происхождение — оставалось неясным. Однако общая точка зрения была прекрасно сформулирована В. В. Бунаком, вне зависимости от вышеизложенных схем территориальной и временной дифференциации известного в то время верхнепалеолитического человечества, не выходящих, впрочем, за рамки рабочих гипотез. Он писал по поводу черепа К-14, который называют «негроидным», что более точное название было бы «папуасообразный», что, конечно, не означает его происхождения из современных областей распространения названных типов (Бунак 1973).

Какие же проблемы решались и решаются сейчас при повторном исследовании этой старой находки с использованием новых методов исследования, с учетом расширения сравнительной базы в связи с возросшим количеством новых находок, применением новых методов статистической обработки материалов и представления их результатов, в частности, многомерной статистики? Остановлюсь на трех из них.

Проблема систематического положения индивида из Костёнок-14

А. Н. Рогачёв, автор раскопок погребения на стоянке К-14, предполагал ранний возраст его (Рогачёв 1955), несмотря даже на полученную тогда довольно позднюю дату погребения. Как показало время, он был прав, и древность находки с разработкой все более точных методов прямого датирования возрастает и возрастает, так же как возраст подстилающих и перекрывающих погребение отложений все удревняется, и на сегодняшний день это самые древние останки сапиенса на Русской равнине и в Восточной Европе (см.: Синицын 2015 и др.).

Одним из результатов исследований археологии Костёнок является представление о значительной древности некоторых стоянок этого региона и о принципиальных различиях в инвентаре этих памятников — вполне сформировавшемся верхнепалеолитическом и архаическом с мустьерскими традициями. Факт достаточно интересный, особенно в связи с отказом от жесткой причинно-следственной связи таксономического ранга гоминид и типа каменной индустрии и признанием существования достаточно хорошо сохранявших свой таксономический облик *Homo neanderthalensis* и *Homo sapiens*.

Как уже было сказано, морфология черепа К-14 исключает всякие сомнения в принадлежности этого индивида к современному человеку (Дебец 1955). Строение посткраниального скелета К-14 также показало, что по большинству исследованных метрических характеристик и значений указателей он не выходит за пределы вариаций современного человека (Герасимова 1987; 2006) (табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Особенности телосложения верхнепалеолитических людей (по формулам Г. Ф. Дебеца)

Находки	УДН**	УПОС	W	L	W/L ³	S	W/S
Сунгирь 1*	50,71	9,44	80,0	179,5	1,40	1,99	40,2
Костёнки-14	47,98	5,88	54,3	160,8	1,32	1,56	34,80
Пшедмост IX	48,54	5,90	56,0	167,5	1,19	1,61	34,77
Пшедмост XIV	49,94	6,26	57,2	168,0	1,20	1,62	35,27
Пшедмост III	50,65	8,13	70,2	176,9	1,28	1,84	38,18
Оберкассель	51,69	8,95	75,2	164,4	1,70	1,83	40,0

* По: Дебец 1967.

** УДН — указатель длины ноги; УПОС — условный показатель объема скелета; W — вес; L — длина тела; W/L³ — индекс Ропера; S — поверхность тела; W/S — отношение веса к поверхности тела.

Между тем данные палеогенетики, к которым апеллируют вышеупомянутые авторы, свидетельствуют о наличии в геноме мужчины К-14 участков неандертальской ДНК, более длинных, чем у современных европейцев (Хартанович и др. 2016: 8). Отсюда делается вывод о «скрещивании с неандертальцами, случившемся около 54 тыс. лет тому назад» (Медникова и др. 2016: 32). Таким образом, целый ряд когда-то обсуждаемых вопросов на основании данных палеогенетики вновь актуализируется в проблему участия неандертальцев в формировании человека современного вида (Медникова 2000; Медникова и др. 2016). В частности, это вопросы об авторстве индустрий так называемого переходного типа (Зубов 1994; Аникович 1997; 2004; Козинцев 1997), о наличии неандерталоидных черт у ископаемого человека современного вида, который обсуждался на примере сунгирских находок, и о таксономическом ранге неандертальцев. В связи с данными генетики коллективом авторов рассматриваемых работ было предпринято сопоставление остеологических признаков индивида из К-14 с «наиболее ранними носителями современного анатомического комплекса в Азии (как на Ближнем Востоке, так и в Китае), а также с неандертальцами» (Хартанович и др. 2016: 8). Бивариантный график соотношения наибольшей длины и наименьшей окружности плечевой кости 43 находок верхнего и среднего палеолита показал, что индивид из Маркиной Горы попадает в центр поля изменчивости верхнепалеолитических сапиенсов.

Результаты компонентного анализа длинных костей скелета по девяти признакам 16 форм (три находки группы Схул-Кавзех, пять находок из местонахождения Пшедмости, три находки из Гримальдийских гротов, две — из Арен-Кандид, одна — из Сунгиря, одна — из К-14, одна — из Континенцы), целью которого было показать дивергенцию ближневосточных, азиатских сапиентных и неандертальских форм, оказались не очень выразительны. Формы из одного и того же местонахождения попадают в различные кластеры, китайская находка из Тяняня, хотя и упоминается в тексте, в многомерном анализе отсутствует. Средний палеолит представлен специфической группой переднеазиатских форм. Отмеченный Г. Ф. Дебецем неандерталоидный признак в анализе не участвовал и никаким образом не обсуждался. Примечательным выводом авторы считают отсутствие вариантов, сходных с К-14 в круге так называемых «ранних сапиентных форм» Азии (Схул-Кавзех и Тянянь) и Европы (Сунгирь 1). Поскольку китайская находка в анализе не участвовала, о ее сходстве или отличиях говорить не приходится, а для того чтобы констатировать

отличие К-14 от переднеазиатских форм или Сунгирь 1, достаточно простых измерений, которые более чем выразительны!

В. П. Алексеев предполагал отсутствие ощутимой разницы между верхнепалеолитическими людьми и формами среднего палеолита в длине тела, считал, что она близка современной средней норме и что даже на одной территории были представлены как высокорослые, так и низкорослые формы (Алексеев 1978: 178–179). Именно об этом говорит проделанный анализ. К такому же выводу М. Б. Медникова пришла еще в 2000 г. (Медникова 2000: 388). Однако тогда в анализ рассматриваемых форм К-14 не вошли. Самыми низкорослыми формами были признаны индивиды из местонахождения Арен-Кандид. Таким образом, ничего нового в трактовку рассматриваемой проблемы в этом ракурсе доказательств новые разработки не внесли.

Более убедительно выглядит анализ размерных признаков бугристости 3-й дистальной фаланги кисти К-14. Значения этих признаков находятся в центре поля изменчивости верхнепалеолитических сапиенсов, четко отделенных от большинства неандертальцев с их длинными и широкими ногтевыми фалангами (Медникова и др. 2016). Таким образом, на морфологическом уровне получено еще одно подтверждение принадлежности индивида из К-14 к современному виду человека. Эта точка зрения согласуется с точкой зрения, высказанной М. Б. Медниковой полтора десятилетия тому назад, утверждавшей, что ни морфологические критерии, ни воссоздаваемые особенности жизненной стратегии не дают основания для концепции происхождения верхнепалеолитического населения от европейских неандертальцев. Эта точка зрения также была подкреплена успехами молекулярной биологии (Медникова 2000: 393). никоим образом не сомневаясь в новейших генетических данных, хочу заметить, что они свидетельствуют как раз об обратном. Если автор исследования поменял свою точку зрения, то хотелось бы увидеть его аргументацию и понять, почему новейшие палеогенетические данные заставляют игнорировать его морфологические наблюдения.

Поэтому, при всем желании, трудно согласиться, что палеогенетические исследования, как полагают вышеупомянутые авторы, не противоречат морфологическим. Сам факт несовпадения интересен и требует рассмотрения. Привлечение данных смежной науки в качестве доказательств не только не проясняет вопрос, а вновь нас отсылает к старой проблеме таксономического ранга неандертальских форм (отдельный вид или подвид), активно обсуждаемой антропологическим сообществом в последней четверти прошлого века (см.: Зубов 2004), — к проблеме, не поставленной и не получившей в рассматриваемых работах хоть какого-нибудь освещения, несмотря на применение методов многомерной статистики и ссылок на данные палеогенетики.

Проблема расовой принадлежности индивида К-14

В работах упомянутого коллектива акцентируется идея, что первые исследователи совершенно неправомочно приписывали черепу из погребения на стоянке Маркина Гора негроидные черты и сходство с населением Австрало-Меланезийского региона (Хартанович и др. 2016; Моисеев и др. 2017: 12). Мне трудно понять, чем объясняется столь примитивная трактовка представлений, высказанных более полувека тому назад нашими Учителями. Возможно, погрешностями, которые

возникают, когда обращаются не к оригинальному тексту, а к многочисленным пересказам и неточным цитированиям. Возможно, отсутствием новых идей, желанием самоутвердиться, что легче всего сделать, ниспровергая прежние авторитеты.

Для опровержения как будто бы высказанной гипотезы авторами из статьи в статью приводятся результаты одного и того же канонического анализа стандартного набора 14 измерительных признаков 37 древних серий (мезолит — РЖВ) с территории России, четырех близких к современности серий с территории Юго-Восточной Азии и Новой Гвинеи и черепа К-14. Анализ показал, что череп К-14 не проявляет сколько-нибудь тропической тенденции (Хартанович и др. 2016). Следует отметить, что проведенный канонический анализ несколько уязвим для поставленной задачи, поскольку в анализируемые признаки не были включены ни указатель Фогта-Флауэра или признаки, его составляющие, ни угол альвеолярной части лица к его профилю, ни углы лицевого треугольника. Эти признаки обычно не входят в тот стандартный набор анализируемых признаков, для которых существует матрица усредненных корреляций, а именно к нему прибегают авторы. То есть практически этот анализ бессмысленен.

К тому же следует помнить, что при диахронном сравнении существует «опасность» направленного изменения признаков во времени, и поэтому преемственность морфологических вариаций требует проявления их на одной и той же или близких территориях. На это обращали внимание и Г. Ф. Дебец, и В. П. Алексеев, поскольку морфологически близкие формы могут занимать разное таксономическое место в различные эпохи. Исключение же из набора признаков угла выступающего носа, который находится в максимуме для европеоидных форм у черепа К-14, в анализе, проведенном этими же авторами, в определенной степени сделало ареал анализируемых серий более компактным и не столь разительно отделенным от экваториальных форм, что признают сами авторы и что также ожидаемо, поскольку в наборе признаков отсутствуют расово-дифференцирующие признаки экваториальных и европеоидных форм.

И далее — цитирую: «Можно с уверенностью утверждать, что результаты этого анализа краниометрических характеристик в значительной степени согласуются с выводами генетики» (Моисеев и др. 2017: 18). О чем же говорит генетика? «Был выделен и секвенирован достаточно большой участок нуклеарной ДНК. На основе статистического анализа последовательности однонуклеарных полиморфизмов (SNPs) была продемонстрирована принадлежность генной структуры индивидуума из Маркиной горы к базовой евразийской последовательности. <...> Из современных популяций наибольшее сходство наблюдается с населением Северной Европы» (Хартанович и др. 2016: 7). Почему именно с Северной Европой — не обсуждается. Никто и никогда не отрицал евразийское происхождение этой формы. Следует вспомнить о том, что в К-14 была выделена также полная последовательность митохондриальной ДНК, которая относится к гаплогруппе U2, распространенной в современных популяциях на территории Европы, Северной Африки и Западной Азии (Моисеев и др. 2017: 18). Как раз эта тема могла бы стать предметом дискуссии. Привлечение генетических маркеров имеет свои разрешительные возможности и пределы, которые антропологи, не являясь специалистами, не всегда могут адекватно оценить, что, естественно, не усиливает доказательную базу последних. Позволю себе еще одну цитату: «...мы должны быть готовы к тому, что

на данном этапе исследования мы вынуждены оперировать с морфологическими категориями, степень различия или сходства которых совсем не обязательно будет совпадать со степенью родства» (Дебец 1948: 20). То есть мы неизбежно столкнемся с проблемой соотношения морфологической систематики и филогенеза.

Итог проведенных анализов и сокрушительной критики в адрес «отцов-основателей» — радостная констатация того, что выполненные анализы морфологических характеристик черепа согласуются с данными генетики, а череп К-14 никакого отношения к экваториальным формам не имеет. Уважаемые авторы рассмотренных публикаций ломались в открытые ворота. Они прилагали массу усилий из статьи в статью для того, чтобы опровергнуть то, что ни Г. Ф. Дебец, ни М. М. Герасимов, ни В. П. Алексеев, ни другие исследователи не утверждали. Таким образом, проблема продолжает оставаться дискуссионной, несмотря на привлечение данных палеогенетики. Происхождение этой формы так и не выяснено, как и ее роль в поздних процессах формирования населения Восточной Европы, учитывая разительное отличие от другой верхнепалеолитической находки — Сунгирь 1.

Проблема разрешающих возможностей палеопатологических исследований индивида и их роль в трактовке эволюционного процесса

В настоящее время большое количество палеоантропологических работ посвящается изучению патологий. Как известно, палеопатологические исследования основаны на фиксации патологических проявлений на костях скелета. Причем в той мере, в какой они отражают дистрофию и дисплазию костной ткани как эндогенного, так и экзогенного происхождения (Русаков 1959; Рохлин 1965; Алексеев 1979; Бужилова 1995; 1998; 2000б; 2005; Медникова 2013; Медникова и др. 2016). Безусловно, определение на костях скелета следов перенесенных заболеваний, стрессов и травм служит неоценимым источником для реконструкции образа жизни, обеспеченности пищей, уровня медицинских знаний, обычаев и обрядов, связанных с телесной деформацией и т. п. Своего рода история повседневной жизни ископаемого человека. Однако некоторые выводы «клинического» плана и экстраполяция палеопатологических диагнозов на ход эволюционной истории заслуживают серьезного обсуждения.

Развитие новых методов исследования костных останков, в частности микро-рентгенологии, 3D-томографии и т. п., необъяснимым для меня образом сформировало представление о том, что антрополог может внедряться в область дифференциальной медицинской диагностики. С одной стороны, это вызывает очевидную эйфорию у тех антропологов, кто считает это возможным. С другой стороны, производит на неискушенных читателей, археологов и даже антропологов завораживающее впечатление об огромных разрешающих возможностях палеопатологии. И А. П. Бужилова, и М. Б. Медникова пишут о том, что ими для определения патологии применяется дифференциальная медицинская диагностика (Бужилова 2000а; 2000б; Медникова 2013). Что же это такое? Поскольку многие заболевания имеют схожую симптоматику, дифференциальное диагностирование — это способ, последовательно исключая возможные заболевания, симптомы которых не отвечают состоянию исследуемого больного, что сводит диагноз к единственно вероятной болезни. Этот метод, требующий исключительной медицинской квалификации, подразумевает, что наблюдения, начиная с анамнеза и состояния больного,

собраны по всем системам организма. Палеоантрополог же имеет дело только с одной системой, скелетной, и диагностика, таким образом, сводится к рентгенологическим, изредка гистологическим или биохимическим показаниям. Об этом надо помнить, оценивая интерпретационный вес исследования.

К чему эта преамбула? К тому, что М. Б. Медникова (Медникова и др. 2016) выступила с довольно «оригинальной» гипотезой генетической отягощенности индивида из Костёнок-14. Рассмотрим ход ее рассуждений. Прекрасное исследование кисти индивида К-14 и регистрация множественных медулярных стенозов дистальных и медиальных фаланг обеих кистей рук и высокий уровень кортикализации проксимальных и пястных костей левой кисти приводят ее к заключению о подобном генерализованном состоянии всей скелетной системы К-14. И о «крайне тяжелом скелете, явно выходящем за рамки нормального развития опорно-двигательного аппарата» (Там же: 30). Почему? На каком основании? Если раньше исследователи подчеркивали миниатюрность этого человека, подразумевая субтильность и низкую массу тела, «то сегодня мы можем аргументированно говорить, что у него был исключительно тяжелый скелет», — пишет М. Б. Медникова (Там же). Не совсем понятно, что имеет в виду автор — вес костей, дошедших до настоящего времени, зависящий и от условий залегания, и от способов консервации? Или несогласие со своего рода реконструкцией габитуса индивида К-14 (Герасимова 1987), в целях сравнения с реконструкцией габитуса индивида из Сунгирия, предложенной Н. Н. Хрисанфовой (Хрисанфова 1979; 1980; 1984). Обе эти реконструкции, полученные аналогичным путем, были предприняты для сравнения этих двух форм в плане приспособленности к окружающей среде обитания. Обе они представляют собой интерпретацию фактического материала, то есть метрических характеристик длинных костей скелета (табл. 1).

Далее М. Б. Медникова отмечает, что медиальные и дистальные фаланги демонстрируют «зубовидную» структуру с полным отсутствием костномозгового пространства в значительной части диафиза, а в современных популяциях зубовидные эпифизы манифестируют целый ряд заболеваний, таких, как гипотиреозидизм, остеопетроз (врожденный остеосклероз), семейную артропатию пальцев и еще целый ряд различных синдромов. Один другого страшнее! Из предлагаемых в литературе гипотез, объясняющих внутреннюю массивность трубчатых костей (биомеханический фактор или влияние пониженной секреции щитовидной или паращитовидной железы), М. Б. Медникова выбирает вторую. Почему? Существует обширная литература, в том числе отечественная, посвященная внутренней структуре костей кисти в зависимости от пола, возраста и физических нагрузок (Никитюк, Бевзюк 1971а; 1971б; Павловский 1987; Павловский и др. 1998, Бацевич и др. 2006; 2011; 2013; 2018). Весьма вероятно, пишет М. Б. Медникова, индивид К-14 «был наделен одной из мутаций, связанных с врожденным гипопаратиреозидизмом» (Медникова и др. 2016: 31). Почему? На каком основании? Что послужило основанием для такого диагноза? Гипопаратиреоз обнаруживается, по меньшей мере, при шести врожденных синдромах, в том числе при синдроме Кенни-Коффи. Именно им, по мнению М. Б. Медниковой, страдал индивид из К-14. Диагностика этого синдрома включает анамнез, осмотр больного с выявлением симптомов (судороги и т. п.), инструментальные и лабораторные исследования (Ривкин и др. 2005). И хотя классификация врожденных остеосклерозов базируется не столько на радиологических

данных, сколько на анамнезе, генетических и биохимических данных, исследовательница делает вывод о наличии у индивида из К-14 наследственной патологии наподобие синдрома Кенни-Коффи.

Синдром Кенни-Коффи — врожденный стеноз костномозговых полостей длинных трубчатых костей. Наследственное заболевание, точный тип наследственности не установлен. Проявляется у новорожденных. Характеризуется пропорциональной карликовостью, маленьким лицом, выпуклым лбом, эпизодическими судорогами, связанными с гипокальциемией, миопией и другими зрительными нарушениями (Меженина и др. 1982). Среди проявлений этого синдрома на скелете регистрируется низкорослость или даже карликовость, стеноз костномозговых полостей длинных трубчатых костей (а не мелких трубчатых костей кисти), маленькие стопы и кисти, краниофациальные аномалии, отсутствие диплоэ в своде черепа, дефекты зубной эмали и кариес.

Рассмотрим, как эти проявления фиксируются на скелете К-14. М. Б. Медникова обращает внимание на аномально малый рост индивида с Маркиной Горы. Ею приведена реконструированная длина тела (по Троттер и Глезер) в 159–160 см, значительно отличающаяся от длины тела индивида Сунгирь 1 (по данным Тринкауса). Кстати, почему предпочтение отдается этим данным, а не данным автора первого исследования посткраниального скелета индивида Сунгирь 1 (Хрисанфова 1979; 1980; 1984; 2000а; 2000б)? Длина тела индивида из К-14 высчитывается по формуле для негроидов. Почему М. Б. Медниковой выбрана формула для негроидов? Ведь коллеги и соавторы ее «доказали» отсутствие тропических тенденций, а значение берцово-бедренного индекса у индивида К-14 — в пределах размаха изменчивости европейцев (табл. 2).

Таблица 2

**Пропорции тела индивида К-14 (по: Герасимова 1987)
и некоторые сравнительные данные (по: Хрисанфова 1980)**

Указатели	Костёнки-14, прав./лев.	Сунгирь 1, прав./лев.	Современные групповые пределы
Лучеплечевой	80,7/80,1	78,9/78,9	71,3– 81,5
Берцово-бедренный	81,6/81,8	83,6/84,4	81,0–85,6
Интермембральный	70,8/70,6	70,8/68,8	66,3–74,4
Плечебедренный	71,2/71,2	72,7/70,8	68,8–72,9
Лучеберцовый	70,4/69,7	68,6/66,4	62,6–70,9

Воспользуемся данными сводки В. П. Алексеева (1978) и составим сравнительную таблицу реконструированных длин тела по разным формулам (табл. 3). Кроме Сунгирия для сравнения взяты формы с наибольшей длиной бедра (Барма-Гранде I) и наименьшей (Пшедмост I). Эта таблица дает отчетливое представление о слабых реконструктивных возможностях применяемых формул, но, тем не менее, с очевидностью позволяет утверждать, что индивид из К-14 не был карликом.

Таблица 3

**Реконструируемая длина тела индивида К-14 по формулам разных авторов
(по: Алексеев 1978)**

Формулы	Барма-Гранде I	Пшедмост I	Сунгирь 1	Костёнки-14
Пирсон-Ли	181,7	156,5	176,3	160,8
Тоттер-Глезер, для монголоидов	184,5	159,0	180,7	165,4
Тоттер-Глезер для европеоидов	188,0	159,5	184,0	167,7
Тоттер-Глезер для негроидов	181,5	156,5	177,9	162,9
Оливье	185,4	158,1	181,8	164,4
Бунак	185,0	–	178,8	161,7
Дебец	185,5	–	183,4	164,7

Следующий симптом — кранио-фациальные аномалии. Рассмотрим несколько кранио-фациальных индексов, применяемых в стандартной краниологической программе (табл. 4). Приведенные данные свидетельствуют об обратном. Все кранио-фациальные индексы в пределах изменчивости верхнепалеолитических европейских форм и современного человечества (по: Алексеев, Дебец 1964). У индивида К-14 действительно очень малый мозговой модуль и самый малый объем мозговой полости (Кочеткова 1965), тем не менее они также в пределах нормы.

Таблица 4

**Кранио-фациальные указатели некоторых верхнепалеолитических черепов
(по: Алексеев 1978; Бунак, Герасимова 1984)**

Указатели	40:5	40:1	45:8	48:17
Костёнки-14	105,1	57,5	103,1	45,4
Сунгирь 1	110?	53,2	98,6	58,5
Кро-Маньон 1	100,0	50,5	94,0	53,0
Комб-Капелль	90,8	47,5	102,2	57,2
Оберкассель	92,3	49,2	105,2	52,7
Шансеяд	85,8	59,0	100,7	52,0
Пшедмост IX	101,0	55,1	93,7	50,7
Грот Детей	88,0	44,2	105,2	50,0
Барма-Гранде II	97,4	52,2	100,7	57,9
Min-max (n = 15)	82,6–106,5	–	86,9–105,2	45,6–58,5

Третий симптом — маленькое лицо. Высота лица «маркинца» в категории очень малых величин, но скуловой диаметр — в категории средних. Что касается маленьких стоп и кистей рук, то у нас отсутствуют данные об их изменчивости в палеолите. Можно подозревать, что эта изменчивость не носила ярко выраженного популяционного характера. Во всяком случае размерные характеристики отдельных костей стопы и кисти не выходят за рамки изменчивости верхнепалеолитических форм

(Герасимова 1987). Тем более сама М. Б. Медникова указывает на факт срединного, равноудаленного положения К-14 в поле поздних кроманьонцев Центральной и Южной Европы по размерным признакам мелких трубчатых костей кисти (Медникова и др. 2016: 30).

И, наконец, соображения автора о некотором дефекте зрения, который давал верхнепалеолитическому охотнику странные преимущества выслеживать добычу (Там же: 30). Для обоснования дефектов зрения у нас вообще нет никаких оснований, поскольку отсутствуют весомые доказательства связи между размерами глазниц и размерами глазного яблока. И тем более между тонкими структурами глаза, отвечающими за остроту зрения.

Кариес и отсутствие диплоэ в своде черепа у индивида К-14 также пока не выявлены (см. приведенную библиографию работ этого исследовательского коллектива).

В итоге М. Б. Медникова делает вывод, что «человек из Костёнок 14 несомненно воплощает комплекс черт, закрепившихся за европейцами, начиная с палеолита» и что метапопуляция, родственная индивиду К-14, была весьма успешной в эволюционном плане (Там же: 30–31). То есть карлики, отягощенные плохим зрением?

Ущербность доказательной базы исследования компенсируется для читателя увлекательностью повествования о проявлениях синдрома, выявленного якобы у индивида К-14, у ряда берберских племен и описанием клинических наблюдений отдельных больных.

Заключение

К сожалению, после прочтения разбираемых статей складывается впечатление, что коллектив исследователей и авторов статей достаточно небрежно отнесся не только к наследию наших Учителей и старших коллег, но и к собственным текстам. Усилия авторов опровергнуть высказанную гипотезу об австрало-меланезийском или папуасском происхождении этой формы оказались бесплодными, поскольку такая гипотеза никогда не высказывалась. Генетические данные авторами разбираемых статей трактуются примитивно, и выводы оказываются «притянутыми за уши», хотя они могли бы послужить толчком для постановки интересных и важных проблем, не только связанных с жизнью отдельного индивида, но и общего характера.

Подведем итоги: что же нового об этой находке мы узнали из последних работ? О предполагаемой аномалии в строении кисти индивида с Маркиной Горы, этимология которой пока не выяснена. О физических нагрузках и пищевых диетах, характер которых и так предполагался из всей суммы имеющихся данных по палеолиту. О травмах и причине смерти этого индивида. Все это очень интересно и нужно, но кардинальные вопросы, связанные с этой находкой, пока не получили ответа, несмотря на «новые подходы», новые методики и расширение областей изучения останков древнего человека.

Хочется надеяться, что на новом витке развития наших знаний следующие поколения исследователей, черпая идеи из опыта наших Учителей, соглашаясь или споря с ними, будут бережнее относиться к их работам, потому что, перефразируя известное выражение, если они и видят дальше своих предшественников, то только потому, что стоят на их плечах («пигмеи, стоящие на плечах великанов, видят дальше самих великанов» — R. Burton. *The Anatomy of Melancholy*).

Литература

- Алексеев 1978 — Алексеев В. П. Палеоантропология Земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М.: Наука, 1978. 283 с.
- Алексеев 1979 — Алексеев В. П. Историческая антропология. М.: Высшая школа, 1979. 216 с.
- Алексеев 2007 — Алексеев В. П. Антропогеография / Алексеева Т. И. (отв. ред.). Избранное. М.: Наука, 2007. Т. 2. 544 с.
- Алексеев, Дебец 1964 — Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
- Аникович 1997 — Аникович М. В. Проблема становления верхнепалеолитической культуры и человека современного вида в свете данных по палеолиту Восточной Европы // Величко А. А., Соффер О. А. (отв. ред.). Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. М.: ИГ РАН, 1997. С. 141–155.
- Аникович 2004 — Аникович М. В. Сунгирь в культурно-историческом контексте и проблема становления современного человечества // Экология и демография человека в прошлом и настоящем: Тезисы третьих антропологических чтений к 75-летию со дня рождения акад. В. П. Алексеева. М.: Энциклопедия российских деревень, 2004. С. 17.
- Бацевич, Павловский 2011 — Бацевич В. А., Павловский О. М. Темпы старения костей кисти у городского и мигрантного взрослого населения // Современные проблемы экологии человека: Тезисы МНК, посвящ. памяти О. М. Павловского и В. П. Волкова-Дубровина. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 47–48.
- Бацевич и др. 2006 — Бацевич В. А., Павловский О. М., Максинев Д. В., Ясина О. В., Мансуров Ф. Г. Возрастные остеомерфные показатели костей кисти как индикатор экологического благополучия популяции // Вестник Тамбовского ГУ. Серия Естественные и технические науки. 2006. Т. 11, вып. 4. С. 513–517.
- Бацевич и др. 2013 — Бацевич В. А., Ясина О. В., Кобылянский Е. Д. Онтогенетические изменения скелета у взрослого населения в различных социальных и географических условиях. Антропоэкологическое исследование // АЭАЕ. 2013. № 4 (56). С. 146–154.
- Бацевич и др. 2018 — Бацевич В. А., Ясина О. В., Сухова А. В. Временная и возрастная динамика биологических характеристик у сельского населения Монголии: антропоэкологические исследования // АЭАЕ. 2018. Т. 46, № 1. С. 144–153.
- Бужилова 1995 — Бужилова А. П. Древнее население: палеопатологические исследования. М.: ИА РАН, 1995. 198 с.
- Бужилова 1998 — Бужилова А. П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Година Е. З. (отв. ред.). Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.: ИА РАН, 1998. Вып. 1. С. 87–146.
- Бужилова 2000а — Бужилова А. П. Палеопатологическая методика // Алексеева Т. И., Бадер Н. О. (отв. ред.). Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М.: Научный мир, 2000. Гл. 7.6. С. 77–78.
- Бужилова 2000б — Бужилова А. П. Палеопатологические аспекты адаптации человека верхнего палеолита // Там же. Гл. 31. С. 397–410.
- Бужилова 2005 — Бужилова А. П. Homo sapiens. История болезни. М.: Языки славянской культуры, 2005. 320 с.
- Бунак 1973 — Бунак В. В. Ископаемый человек из стоянки Сунгирь и его место среди других ископаемых позднего палеолита // Доклады советской делегации на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. Чикаго, 1973. М.: Наука, 1973 (отдельный оттиск).

- Бунак 1980 — Бунак В. В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. М.: Наука, 1980. 328 с.
- Бунак, Герасимова 1984 — Бунак В. В., Герасимова М. М. Верхнепалеолитический череп Сунгирь 1 и его место в ряду других верхнепалеолитических черепов // Зубов А. А. (отв. ред.). Сунгирь. Антропологическое исследование. М.: Наука, 1984. С. 14–99.
- Герасимов 1964 — Герасимов М. М. Люди каменного века. М.: Наука, 1964. 187 с.
- Герасимова 1982 — Герасимова М. М. Палеоантропологические находки // Праслов Н. Д., Рогачёв А. Н. (отв. ред.). Палеолит Костёнковско-Боршевского р-на на Дону (1879–1979). Л.: Наука, 1982. С. 245–256.
- Герасимова 1987 — Герасимова М. М. Метрические данные о посткраниальном скелете человека из погребения на верхнепалеолитической стоянке Маркина Гора // ВА. 1987. Вып. 78. С. 21–29.
- Герасимова 2006 — Герасимова М. М. Осевой скелет, плечевой пояс и стопа человека из верхнепалеолитического погребения Костёнки 14 (Маркина Гора) на Среднем Дону // Вестник антропологии ИЭА РАН. 2006. Вып. 13. С. 24–30.
- Герасимова 2010 — Герасимова М. М. Еще раз о палеоантропологических находках в Костёнках // ЭО. 2010. № 2. С. 26–40.
- Гохман 1966 — Гохман И. И. Ископаемые неантропы // Бунак В. В. (отв. ред.). Ископаемые гоминиды и происхождение человека. М.: Наука, 1966. С. 227–272 (Тр. ИЭ. Новая серия. Т. 92).
- Дебец 1948 — Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 392 с. (Тр. ИЭ. Т. 4).
- Дебец 1955 — Дебец Г. Ф. Палеоантропологические находки в Костёнках // СЭ. 1955. № 1. С. 43–53.
- Дебец 1961 — Дебец Г. Ф. Череп из позднепалеолитического погребения в Покровском логу (Костёнки XVIII) // КСИА. 1961. Вып. 82. С. 120–127.
- Дебец 1967 — Дебец Г. Ф. Скелет позднепалеолитического человека из погребения на Сунгирской стоянке // СА. 1967. № 3. С. 160–164.
- Зубов 1994 — Зубов А. А. Дискуссионные вопросы теории антропогенеза // ЭО. 1994. № 6. С. 20–35.
- Зубов 2004 — Зубов А. А. Палеоантропологическая родословная человека. М.: ИЭА РАН, 2004. 551 с.
- Козинцев 1997 — Козинцев А. Г. Переход от неандертальцев к людям современного типа в Европе // Величко А. А., Соффер О. А. (отв. ред.). Человек заселяет планету Земля. Глобальное расселение гоминид. М.: ИГ РАН, 1997. С. 110–115.
- Кочеткова 1965 — Кочеткова В. И. Объем мозга палеолитического человека со стоянки Маркина Гора // ВА. 1965. Вып. 20. С. 99–101.
- Медникова 2000 — Медникова М. Б. Морфологическая изменчивость верхнепалеолитического населения: проблемы расселения и адаптации // Алексеева Т. И., Бадер Н. О. (отв. ред.). Homo Sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. Гл. 30. М.: Научный мир, 2000. С. 387–396.
- Медникова 2013 — Медникова М. Б. Новые данные к дифференциальной диагностике системного заболевания у представителя майкопской элиты из курганного могильника Марьянская 3 // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 100–109.
- Медникова и др. 2016 — Медникова М. Б., Моисеев В. Г., Хартанович В. И. Строение трубчатых костей кисти у обитателей верхнепалеолитических стоянок Костёнки-14 и 8 (эво-

- люционный и биоархеологический аспекты) // Вестник МГУ. Серия 13. Антропология. 2016. № 1. С. 20–34.
- Меженина и др. 1982 — Меженина Е. П., Куценко Я. Б., Печерский А. Г., Крук З. В. Словарь эпонимических названий болезней и синдромов. Ортопедия и травматология. Киев: Вища школа, 1982. 184 с.
- Моисеев, Хартанович 2015 — Моисеев В. Г., Хартанович В. И. Человек из верхнепалеолитической стоянки Костёнки XIV: результаты генетических и морфологических исследований // Чистов Ю. К. (отв. ред.). Радловский сборник. Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2014 г. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 429–435.
- Моисеев и др. 2017 — Моисеев В. Г., Хартанович В. И., Зубова А. В. Человек эпохи верхнего палеолита из Маркиной Горы: морфология *versus* генетика // Вестник РАН. 2017. Т. 87, № 2. С. 12–19.
- Никитюк, Бевзюк 1971a — Никитюк Б. А., Бевзюк В. В. Влияние механического фактора на изменение величины костей кисти за один год у молодых спортсменов // ВА. 1971. Вып. 38. С. 75–90.
- Никитюк, Бевзюк 1971б — Никитюк Б. А., Бевзюк В. В. Синостозирование эпифизарных зон в костях кисти человека в связи с половой принадлежностью и действием механических факторов // ВА. 1971. Вып. 39. С. 50–54.
- Павловский 1987 — Павловский О. М. Биологический возраст у человека. М.: Изд-во МГУ, 1987. 280 с.
- Павловский и др. 1998 — Павловский О. М., Максинев Д. В., Бацевич В. А. Сравнительный анализ современных методов в возрастной оссеографии // Вестник Тамбовского ГУ. Серия Естественные и технические науки. 1998. Т. 3, вып. 2. С. 159–164.
- Ривкин и др. 2005 — Ривкин В. Л., Бронштейн А. С., Лишанский А. Д. Медицинский толковый словарь. 4-е изд. М.: Медпрактика, 2005. 295 с.
- Рогачёв 1955 — Рогачёв А. Н. Погребение древнекаменного века на стоянке Костёнки XIV (Маркина Гора) // СЭ. 1955. № 1. С. 29–38.
- Рохлин 1965 — Рохлин Д. Г. Болезни древних людей (кости людей различных эпох — нормальные и патологически измененные). М.; Л.: Наука, 1965. 304 с.
- Русаков 1959 — Русаков А. В. Патологическая анатомия болезней костной системы: Введение в физиологию и патологию костной ткани. М.: Наука, 1959. 476 с.
- Седов 1979 — Седов В. В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979. 154 с.
- Синицын 2015 — Синицын А. А. Костёнки (Маркина Гора) — опорная колонка культурных и геологических отложений палеолита Восточной Европы для периода 27–42 тыс. лет // Хлопачев Г. А. (отв. ред.). Древние культуры Восточной Европы: эталонные памятники и опорные комплексы в контексте современных археологических исследований. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 40–59.
- Хартанович и др. 2016 — Хартанович В. И., Моисеев В. Г., Медникова М. Б., Добровольская М. В., Бужилова А. П. Палеолитический человек из Маркиной Горы (Костёнки XIV) по результатам комплексного анализа данных // Вестник МГУ. Серия 13. Антропология. 2016. № 2. С. 4–17.
- Хрисанфова 1979 — Хрисанфова Е. Н. Палеоантропологический аспект изучения конституции // ВА. 1979. Вып. 62. С. 3–13.
- Хрисанфова 1980 — Хрисанфова Е. Н. Скелет верхнепалеолитического человека из Сунгиря // ВА. 1980. Вып. 64. С. 40–68.

- Хрисанфова 1984 — Хрисанфова Е. Н. Посткраниальный скелет взрослого мужчины Сунгирь 1. Бедренная кость Сунгирь 4 // Зубов А. А. (отв. ред.), Харитонов В. М. (ред.). Сунгирь. Антропологическое исследование. М.: Наука, 1984. С. 100–144.
- Хрисанфова 2000а — Хрисанфова Е. Н. Морфотип Сунгирь 1 в эколого-эволюционном аспекте // Алексеева Т. И., Бадер Н. О. (отв. ред.). *Homo sungirensis*. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. М.: Научный мир, 2000. Гл. 27. С. 345–350.
- Хрисанфова 2000б — Хрисанфова Е. Н. Посткраниальный скелет взрослого мужчины Сунгирь I // Там же. Гл. 13. С. 193–217.
- Якимов 1957 — Якимов В. П. Позднепалеолитический ребенок из погребения на Городцовой стоянке в Костёнках // Сб. МАЭ. Л.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 17. С. 500–529.

PALEOANTHROPOLOGICAL FIND FROM THE UPPER PALEOLITHIC SITE OF MARKINA GORA (KOSTENKI-14): FACTS AND INTERPRETATIONS

M. M. GERASIMOVA

Keywords. *Middle Don, Upper Paleolithic, Kostenki, paleoanthropology, multivariate analysis, pathology, differential diagnostics.*

The present paper is a critical review of recently (in the last 3–4 years) published works that claim a new approach to the study of the unique paleoanthropological find from the Upper Paleolithic site of Markina gora (Kostenki-14) on the Middle Don. For the time being this is the oldest dated find of anatomically modern human bones in Eastern Europe. The revision of the older works was triggered by paleogenetic studies which have shown that: a) the K-14 genome contains stretches of Neanderthal DNA which are longer than those found in the genomes of present day Europeans, б) the genetic structure of the K-14 individual belongs to the basic Eurasian sequence. The recent papers focus on the issues of taxonomic status and racial affinity of K-14. The use of multivariate statistics is said to produce results that are at variance with those in previous studies by G. F. Debetz, V. P. Yakimov, V. V. Bunak, V. P. Alexeev. In fact, however (and despite claims for the contrary), neither the newest statistical analyses of skull and postcranial measurements nor the employment of genetic data have brought nothing new to the discussion. On the contrary, they just confirmed the previous conclusion that the K-14 individual belongs to the species *Homo sapiens*. The situation is not much better with the rejection of the hypothesis about the equatorial origin of K-14, which is said to have been shared by the authors of the past generations. In their works the position of this find was discussed only within the frameworks of various schemes of geographical and chronological differentiation of the Upper Paleolithic population — it never was considered a result of dispersal from the regions occupied by the present day equatorial variants. The canonical analyses aimed at the rejection of the earlier views not only failed to disprove them, but rather demonstrated that the K-14 skull reveals no tropical patterns. A special section of the paper is devoted to the issue of the resolution capability of the paleopathological studies of K-14 and to their role in the interpretation of the evolutionary process.

МОРФОЛОГИЯ И ТАКСОНОМИЯ ДРЕВНЕЙШЕГО ЧЕЛОВЕКА ИЗ ДМАНИСИ¹

С. В. ВАСИЛЬЕВ, С. Б. БОРУЦКАЯ²

Ключевые слова: гоминид из Дманиси, угловая морфометрия черепа, таксономический статус, морфологическое сходство.

В статье дается полный обзор антропологических находок из местонахождения Дманиси. Особое внимание уделено морфологии черепа Дманиси 2700. Морфологические особенности угловой морфометрии показали, что форма мозговой коробки этого черепа сходна с африканскими черепами *Homo ergaster*. Лицевой скелет Дманиси 2700 по своей форме оказался практически идентичен с таковым у черепа из Кооби Фора 3883. В основном это связано с относительно массивной скуловой костью, высокой орбитой и зауженной шириной лица в области орбит. Кроме того, отмечается сходство в строении лицевого отдела по ряду признаков с *Homo floresiensis* («Хоббитом») с острова Флорес. Ряд других морфологических характеристик также указывает на близость дманисских гоминид с африканскими хабилинными и эректоидными формами, что может говорить о промежуточности таксономического положения дманисских гоминид.

DOI: 10.31600/2310-6557-2020-22-204-215

Введение

Археологические и антропологические находки ашельской эпохи говорят нам о том, что человек, придя на Кавказ в районе 2,0–1,5 млн л. н., расселился здесь и жил на протяжении всего дальнейшего времени. К плейстоценовым палеоантропологическим находкам археологи уже давно относят фрагмент правой ветви нижней челюсти с третьим моляром из Азыхской пещеры (Азербайджан). Проведенный анализ позволил выделить примерно 13 одонтологических и краниометрических признаков, по которым азыхский гоминид тяготеет к архантропам, или «пренеандертальцам» (Харитонов, Бацевич 1997). В ашельских слоях пещеры Кударо I (Грузия) обнаружены три зуба (два фрагмента резцов и премоляр), которые А. А. Зубов также относит к архантропам (Зубов 1980). Дманиси (Грузия), являясь наиболее древним местонахождением следов присутствия человека на территории Евразии

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

² С. В. Васильев — Центр физической антропологии, ИЭА РАН, г. Москва, 119334, Россия; С. Б. Боруцкая — кафедра антропологии, биологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, г. Москва, 119991, Россия.

в эпоху раннего плейстоцена, содержит практически и наиболее информативный палеоантропологический материал. С 1991 по 2007 г. здесь были обнаружены останки пяти особей, черепа, нижние челюсти, фрагменты посткраниальных скелетов. Последний череп был обнаружен в 2005 г. и лишь в 2013 г. опубликован (Lordkipanidze et al. 2013). Как полагают исследователи дманисских находок, заселение человеком данного региона связано с заключительной частью Олдувайского субхрона и началом горизонтов хрона Матуяма, которые датируются палеомагнитным методом в 1,75 млн л. н. Остатки фауны, обнаруженные вместе с антропологическим материалом, также подтверждают датирование дманисских находок концом плиоцена или ранним плейстоценом (Vekua et al. 2002). Каменные орудия обнаруживаются повсюду. Однако на вскрытой площади в результате раскопок артефакты концентрируются в основном в верхних слоях. Все орудия были изготовлены из местных материалов, каковыми являются кварцит и базальт. Коллекция каменных орудий принадлежит индустрии Mode 1, сходной с олдувайской в Восточной Африке. Очевидно, что такой исключительно интересный и информативный материал нуждается в более развернутой презентации. Этому и посвящена настоящая статья, с учетом публикаций первых исследователей дманисских находок и акцентом на собственных наблюдениях, в частности, на геометрической морфометрии.

Морфологические характеристики дманисских находок (морфометрия и морфоскопия)

В настоящей работе подробно описываются и анализируются череп и нижняя челюсть молодого индивида D2700/27352, изученные авторами на фоне других дманисских находок, исследованных первооткрывателями. Первая находка — нижняя челюсть D211 — была открыта в 1991 г., она представляет собой хорошо сохранившееся тело без восходящих ветвей, в альвеолярном отростке которого находились слабо стертые зубы. Первое, на что исследователи обратили внимание, — это массивное тело и относительно небольших размеров зубы. По ряду основных признаков, особенно общим размерам, массивности корпуса, форме симфиза, размерам и пропорциям зубов, дманисская нижняя челюсть принадлежит ранним *Номо*. Она имеет высоту симфиза, равную 30,8 мм, и толщину тела в этой области 16,8 мм, высоту и толщину тела на уровне премоляров 26,8 мм и 18,5 мм, соответственно, и на уровне между первым и вторым моляром 24,7 мм и 18,4 мм, соответственно (Gabunia, Vekua 1995). Тело нижней челюсти в дистальном направлении становится ниже и массивнее. Подобная тенденция наблюдается на челюстях из Араго (Arago 2, Arago 13) и ранних африканских формах, таких как KNM ER 992, KNM WT 15000. На нижней челюсти имеется полный набор из 16 зубов. Нарастание грацилизации моляров идет равномерно от первого моляра к третьему. Такое соотношение размеров коренных зубов отмечается также у синантропа из Чжоу Коу Дянь G1-6 и на нижней челюсти из Тенерифе 3. Относительно абсолютных размеров зубов можно отметить следующее: вторые резцы несколько крупнее центральных; клыки по сравнению с другими ископаемыми находками имеют средние размеры; мезио-дистальный диаметр вторых премоляров практически на миллиметр меньше, чем у первых (такое соотношение характерно также для африканских эректоидных форм KNM ER 992 и OH 22); по абсолютным размерам моляров дманисская находка вполне сопоставима с уже упоминавшимися находками из Чжоу Коу Дянь G1-6 и Тенерифе 3.

В 1995 г. в осадочных породах над базальтом были обнаружены два черепа D2280 и D2282. Череп D2280 (*calvaria*) принадлежал взрослому, а череп D2282 — молодому индивиду. Нижняя челюсть D211, найденная в тех же слоях в 1991 г. и описанная выше, вероятнее всего, принадлежит черепу D2282. В 2000 г. в тех же слоях была найдена крупная нижняя челюсть взрослого индивида D2600. Находки D2280, D2282 и D2600 характеризуются рядом признаков, сближающих их с ранними африканскими эректоидными формами, трактуемыми рядом исследователей как *Homo ergaster*. В 2001 г. в тех же отложениях туфового гравия, непосредственно лежащего над слоем базальта Масавера, датированного 1,85 млн л. н., был обнаружен череп и неподалеку — нижняя челюсть, обозначенные D2700 и D2735, соответственно. Этим находкам предшествовали находки десяти изолированных зубов: из них D2732 (верхний правый клык), D2678 (верхний левый клык), D2719 (верхний правый второй премоляр), D2710 (верхний левый первый моляр), D2711 (верхний правый третий моляр), D2720 (верхний левый третий моляр) находятся в хорошем состоянии. Формирование этих зубов было незавершенным, и они очень хорошо подошли и были помещены в альвеолы верхней челюсти D2700. После проведения этой операции была осуществлена попытка совмещения находок D2735 и D2700, которая показала полное их соответствие. Таким образом, несмотря на то что обе находки имеют самостоятельные номера, они принадлежат одной особи (Vekua et al. 2002).

Для авторского исследования была использована копия (клон) черепа D2700, хранящаяся в Музее естественной истории Нью Йорка (США) (American Museum of Natural History), лаборатория которого славится точностью в изготовлении клонов костей древнего человека (рис. 1).

Череп D2700 сохранял в альвеолах четыре верхних зуба: правые первый и второй моляры, левый второй премоляр и левый второй моляр. Нижняя челюсть D2735 содержала восемь зубов: P_1 , P_2 , M_1 и M_2 с обеих сторон. Третьи моляры на нижней челюсти не прорезались. Череп сравнительно хорошо сохранился, на нем не заметна никакая посмертная деформация. Верхняя челюсть немного повреждена спереди, сломаны скуловые дуги и сильно «ободраны» оба сосцевидных отростка. Разрушены также стенки орбит и некоторые элементы носовой раковины. У нижней челюсти отсутствуют мышелки. Томографическое сканирование показало хорошую сохранность внутренних структур. Так, например, верхние третьи моляры прорезались только частично, их окклюзивная поверхность находится на уровне основания коронки вторых моляров. Индивид D2700/D2735 — скорее всего, подросток в возрасте, близком к таковому у находки Нариокатоме III (KNM WT 15000). Общая грацильность черепа и то, что размеры свода мозговой коробки D2700 в целом меньше, чем у D2280, могут объясняться принадлежностью к женскому полу, однако массивность верхних клыков противоречит этому заключению. Сравнение метрических характеристик черепов D2280 и D2700, особенно широтных размеров (таких как максимальная ширина черепа, максимальная теменная ширина, наименьшая ширина лба, ширина затылка, ширина носа), показало их сходство. Лобно-поперечный и затылочно-поперечный указатели у обоих черепов практически одинаковы, что может говорить о сходстве не только абсолютных размеров, но и формирующих признаков. Черепной указатель свидетельствует, что дманисские гоминиды мезобрахикранны, причем наибольшей брахикранией обладает находка D2700. Отмечается слабовыраженный сагиттальный валик на лобной

Рис. 1. Череп Дманиси 2700

Fig. 1. Dmanisi skull 2700

кости с наибольшим развитием в районе брегмы. Лобная кость по венечному шву несколько приподнята по отношению к теменным костям. Затылочная область изогнута несильно, ее поверхность относительно гладкая, со слабым рельефом верхней выйной линии и низко опущенным затылочным бугорком. Трансверзальный валик отсутствует. Суставная ямка с обеих сторон не повреждена. Несмотря на ее малые размеры, она сходна с таковой у D2280 по ряду признаков: отсутствию любых суставных бугорков, форме изогнутости передней стенки, уплощенности предмышцелковой площадки. Как и у всех эректоидных форм только внутренняя часть ямки лежит ниже мозговой капсулы, в то время как внешняя часть, находящаяся латеральнее черепной крышки, выше. На границе мозговой коробки и лицевого скелета трех черепов из Дманиси (исключаем из рассмотрения старческий череп и вновь открытый череп) наблюдается относительно тонкий, но ярко выраженный надорбитный валик с утолщением в области глабеллы. Форма рельефа сверху характерна для эректоидных особей, то есть глабеллярная область и латеральные углы надглазничного валика приспущены, хорошо виден желобок в надглабеллярной области. Верхний край глазницы прямой, орбитный указатель D2700 довольно высокий, то есть глазницы имеют близкую к округлой форму. Носовое отверстие относительно широкое по носовому указателю. Выступание клыковой альвеолы довольно широкое и простирается в верхнем направлении к боковой стенке грушевидного отверстия. На черепе D2700 также хорошо выражена скуловая вырезка и отсутствует зигомаксиллярный бугорок (*malar tubercule*). Скуловой отросток верхней челюсти берет начало над первым моляром и в значительной степени утолщен, так же как и у D2282. Нижняя челюсть D2735 имеет сходство с нижней челюстью D211 как по морфологическим особенностям, так и по абсолютным размерам. Таким образом, можно отметить, что в целом череп D2700 сходен с черепами D2280 и D2282, а нижняя челюсть D2735 напоминает нижнюю челюсть D211. Несмотря на ряд отличий, эти формы, вероятно, являются останками одного палеодема.

Кости посткраниального скелета, к сожалению, не исследовались отечественными антропологами. Нам приходится довольствоваться публикациями результатов, полученных зарубежными исследователями. А посмотреть на кости можно только

на фотографиях, приводимых в работах. Таким образом, информацию о скелетных останках людей из Дманиси мы получили из статьи, опубликованной в журнале *Nature* в 2007 г. (Lordkipanidze et al. 2007).

Все обнаруженные скелетные останки можно отнести к четырем индивидам: одному подростку и трем взрослым. Среди взрослых людей можно выделить кости крупного индивида, вероятно, мужчины, и двух более грацильных. Наиболее полный скелет ассоциируется с подростком.

Скелет подростка представлен рядом костей.

Пять позвонков: второй и третий шейные, примерно третий и десятый грудные позвонки и первый поясничный (D2673, D2674, D2721, D2713, D2672). Имеются некоторые отличия структур позвонков от таковых у современного человека. Строение поясничного позвонка позволяет предположить хорошо развитый поясничный лордоз у дманисских гоминид.

Два первых ребра (D2716 и D2855) имеют хорошую сохранность. Одно из нижних ребер (D2717). Все ребра имеют вполне гоминидное строение.

Левая ключица (D2724). Имеет небольшие повреждения на концах. Длина 129 мм. По строению ключица ближе к современному человеку, нежели к ранним африканским *Ното*.

Две фрагментарные плечевые кости (D2715 и D2680). Первая плечевая кость, правая, сильно повреждена, отсутствует примерно верхняя треть. Вторая кость, левая, имеет хорошую сохранность. Нижний эпифиз (мышцелок плеча) — приросший, верхний конец кости, включающий головку, малый и большой бугорки, не прирос.

Правая первая плюсневая кость (D2671). Длина — в рамках вариации человека современного типа и немного массивнее. Четвертая плюсневая кость (D2669) достаточно длинная и заметно сильно скрученная, что, возможно, связано с особенностями походки.

Имеются еще три фаланги (D2679, D3480, D2670) и фрагмент диафиза длинной кости (D3160).

Кости взрослых индивидов имеют разную степень сохранности. Так, у двух ключиц (D4161, D4162) сильно разрушены концевые структуры. Можно отметить их грацильность и схожесть с ключицей молодого индивида. В целом по строению все три ключицы схожи с таковыми человека современного типа в большей степени, чем с таковыми у ранних *Ното* типа Нариокатоме III. Имеется также фрагмент ребра (D4063).

Обнаружен фрагмент правой лопатки, включающий сочленовную впадину, часть латерального края и соответствующую область кости, а также коракоид. Есть мнение, что сочленовная впадина ориентирована краниально в такой же степени, как у австралопитеков и африканских человекообразных обезьян (Lordkipanidze et al. 2007). Мы с этим заключением не согласны. Кроме того, клювовидный отросток у данной лопатки относительно короткий и грацильный. Вероятно, также имеет место лопаточное отверстие (а не вырезка), что у древних гоминид и у человека современного типа встречается редко.

D4507 — левая плечевая кость взрослого индивида. Ее восстановленная длина — 295 мм. Плечевые кости морфологически во многом сходны с аналогичными костями человека современного типа, но выражено прямые, слабо скрученные.

Правая бедренная кость (D4167). Отмечается хорошее развитие шероховатой линии бедра, большого вертела в сагиттальном направлении, расположение малого вертела далеко от медиального края диафиза, довольно низко находится медиальный мыщелок. Однако все эти качества кости сближают ее с человеком современного типа. Из архаических черт отмечается узость костномозговой полости. Наибольшая длина бедра — 386 мм. Диаметр головки — 40 мм. Относительно этих размеров трудно сделать какой-то вывод, так как мы не знаем, принадлежала ли кость индивиду мужского или же женского пола, и не знаем размаха вариаций показателей у гоминид, живших на Кавказе примерно 1,7 млн л. н.

Обнаруженный правый надколенник (D3418) имеет малые размеры. Авторы исследования считают, что в данном случае медиальная часть суставной поверхности больше латеральной, что невозможно у человека современного типа. При взгляде на надколенниковую поверхность бедренной кости мы видим, что ее латеральная часть намного больше медиальной. Поэтому, скорее всего, обнаруженный надколенник был сильно поврежден именно с латеральной стороны, отчего и получилось, что латеральная часть суставной поверхности меньше. На самом деле всё, вероятно, было наоборот, как положено. Это всего лишь предположение, так как мы не имели возможности непосредственно посмотреть на саму кость, а не на фотографию.

Правая большеберцовая кость (D3901) имеет наибольшую длину 306 мм. Интересно, что у кости очень массивны верхний конец, в том числе мыщелки, и медиальная лодыжка по сравнению с грацильным диафизом.

Кости стопы. Левая таранная кость (D4110). Имеет хорошую степень сохранности. Авторы исследования отмечают несколько удлинненную и более массивную шейку кости, чем у современных людей. Ее симметричная копия подходит к обнаруженной правой большеберцовой кости. D4111 — правая медиальная клиновидная кость. D3442 — правая первая плюсневая кость, подходит к клиновидной. Имеет вполне современные размеры. D2021 и D3479 — две трети плюсневые кости взрослых людей. Морфологически сходны с аналогичными костями современного человека. D4165 — четвертая плюсневая кость, немного удлинненная и скрученная. D4508 — пятая плюсневая кость. Авторы статьи считают, что особенности строения костей стопы указывают на некоторую ее медиальную ориентацию, сильное приведение большого пальца при наличии сводов. При этом особая походка людей из Дманиси позволяла им перемещаться на большие расстояния (Lordkipanidze et al. 2007).

Длина тела людей из Дманиси, рассчитанная по длине разных костей, составила 144,9–166,2 см.

В целом большинство черт строения костей посткраниального скелета сближают дманисских гоминид с человеком современного типа. Однако по таким особенностям, как более медиальная ориентация стопы, отсутствие скручивания плечевой кости, мощный кортикальный слой длинных костей конечностей, малая длина тела предполагают, что люди из Дманиси в значительной степени сравнимы и с ранними гоминидами, например с *Homo habilis*.

Угловая морфометрия, использованная в исследовании ископаемых форм для определения таксономического статуса

Для подтверждения или отрицания этого соображения и для более адекватного сравнения форм, отличающихся размерами, полом и возрастом, была использована

методика угловой морфометрии черепа (Васильев 1996; 1997). Методика эта выросла из краниотригонометрических исследований. Сами же краниотригонометрические исследования в антропологии берут начало в XIX столетии с работ Лиссауера (Lissauer 1885) и Топинара (Topinard 1885; 1894). В XX в. антропологами Клаачем (Klaatsch 1909), Имбеллони (Imbelloni 1921) и Фритотом (Fritot 1964) эти исследования совершенствуются и даже создаются программы краниотригонометрических признаков. Под термином «краниотригонометрия» понималось изучение сагиттальной проекции черепа с помощью угловых величин. В отечественной науке использование методик, базирующихся на измерениях в сагиттальной проекции черепа, связано с именами В. В. Бунака (1959), И. И. Гохмана (1962), М. И. Урысона (1970; 1972), Ю. Д. Беневоленской (1976), Ю. К. Чистова (1980), И. М. Пинчуковой (1982). Ряд исследователей делали вполне успешные попытки изучать угловые размеры независимо от сагиттальной плоскости (Бунак 1960; Aiello, Dean 1990; Pore 1991). В основном эти работы были связаны с исследованием угловых размеров лицевого скелета черепа. Как показывает практика, в выявлении близкородственных связей определяющую роль играют не общие размеры мозгового и лицевого скелета, а подчас интуитивное восприятие автора, учитывающего форму отдельных частей черепа, кривизну костей и т. п. Представляется, что для формализованной оценки вариаций форм отдельных областей мозгового и лицевого отделов черепа угловые размеры являются наиболее показательными. Программа угловой морфометрии черепа не обязательно связана с сагиттальной плоскостью. Отказ от измерений углов на сагиттальном обводе был продиктован тем, что точки, через которые проводят сагитталь, *nasion*, *bregma*, *lambda*, *opisthion*, *prosthion*, чаще не располагаются в одной плоскости нередко деформированных посмертно и асимметричных черепов. По мере усовершенствования и упрощения использования методики мы отказались от измерения углов на сагиттальной плоскости, которой предпочитали пользоваться Клаач и Фритот. Нами была разработана программа хорд на черепе. Построить на бумаге по трем измеренным на черепе хордам треугольник и измерить углы при помощи транспортира оказалось делом несложным. Зато появилась возможность оценить и размеры, и степени искривленности и изгиба любой области мозговой коробки и лицевого скелета, то есть оценить форму. Последним этапом в разработке методики было создание компьютерной программы, рассчитывающей углы по трем хордам, используя общедоступную тригонометрическую теорему косинусов: $A^2 = B^2 + C^2 - 2BC \cos \alpha$. Мы добились того, что углы, полученные нами, столь же достоверны, сколь достоверны собственно измерения черепа. Объединив систему треугольников, мы смогли получить морфометрическую краниограмму. Таким образом, для сравнительного анализа можно использовать как цифровой материал, так и изобразительный. Логично было разделить программу на две части: мозговую коробку и лицевой скелет (Васильев 1996; 1997; 1999; Галеев, Васильев 2016).

Угловая морфометрия мозговой коробки. В начале исследования были рассмотрены высчитанные на основе измерений угловые характеристики мозговой коробки 12 индивидов (табл. 1). Были подсчитаны и использованы углы и на симметричных точках. Как видно даже из табл. 1, по ряду угловых характеристик дманисская находка наиболее схожа с находками Кооби Форы 3883 и Нарикатоме III.

Т а б л и ц а 1

Угловые характеристики мозговой коробки, градусы

Находка	ast-l-ast	au-b-au	b-au-l	n-b-au	n-l-b
KNM ER 1813 (Кооби Фора)	95	71	55	70	32
KNM ER 1470 (Кооби Фора)	90	65	50	81	32
Нариокатоме III	106	71	52	63	33
ОН 24 (Олдувайский гоминид)	112	74	51	63	35
KNM ER 3883 (Кооби Фора)	105	72	51	69	31
Дманиси (D2700)	101	77	53	66	33
«Хоббит» (LB1)	88	69	45	64	31
<i>Homo naledi</i>	99	67	65	72	29
ОН 5 (<i>Australopithecus boisei</i>)	109	80	68	89	21
KNM ER 406 (<i>Australopithecus boisei</i>)	104	56	49	76	32
KNM WT 17000 (<i>Australopithecus aethiopicus</i>)	107	94	66	84	27
Sts 5 (<i>Australopithecus africanus</i>)	119	69	57	70	35

Для более наглядной картины анализ угловых признаков (углы ast-l-ast, au-b-au, b-au-l, n-b-au, n-l-b) был проведен методом главных компонент. Поскольку угловые характеристики мало или почти не зависят от абсолютных размеров, в один анализ могли быть включены и мужские, и женские черепа, и черепа индивидов разных возрастов. Первые три главные компоненты описывают около 90 % изменчивости. Если первая компонента указывает на уменьшение угла n-l-b и увеличение углов b-au-l, n-b-au, то вторая описывает увеличение угла ast-l-ast, а третья — увеличение угла au-b-au. На графике (рис. 2, 1) видно сходство по трем компонентам черепов из Дманиси (D2700), Нариекатоме III и Кооби Фора 3883. Это сходство обусловлено относительно средней высотой мозговой коробки с одной стороны и невысокой чешуей затылочной кости с другой. Есть некоторые различия у этих трех находок по первой главной компоненте. Если дманисский череп характеризуется относительно удлиненными теменными костями и основанием черепа и укороченной лобной костью, то череп из Нариекатоме имеет противоположные характеристики. Очень интересным выглядит сходство формы мозговой коробки Австралопитека Бойса из Кооби Фора 406 и Австралопитека эфиопского («Черный череп»), которые характеризуются относительно низкой мозговой коробкой. Относительно высоким оказался череп *Homo naledi*. Кроме того, форма затылочной части у Австралопитека африканского (Sts 5) практически сходна с таковой у Олдувайского гоминида 24 (ОН 24).

Угловая морфометрия лицевого скелета. В анализе лицевого скелета были использованы также пять углов: zm-n-zm, zm-nl-infor, fmt-n-infor, mt-infor-fmo, fmt-pr-fmt. Эти угловые характеристики встречаются у всех включенных в анализ форм. Первые три главные компоненты описывают практически 86 % изменчивости. Если первая компонента отражает увеличение углов zm-nl-infor, fmt-n-infor и уменьшение угла fmt-pr-fmt, то вторая компонента затрагивает только увеличение угла zm-n-zm, а третья — увеличение угла mt-infor-fmo. На графике (рис. 2, 2) видно, что форма лицевого скелета сходна у дманисского черепа и черепа из Кооби Фора 3883. Они располагаются близко к центру графика и характеризуются относительно массивной скуловой костью, высокой орбитой и зауженной шириной лица в области

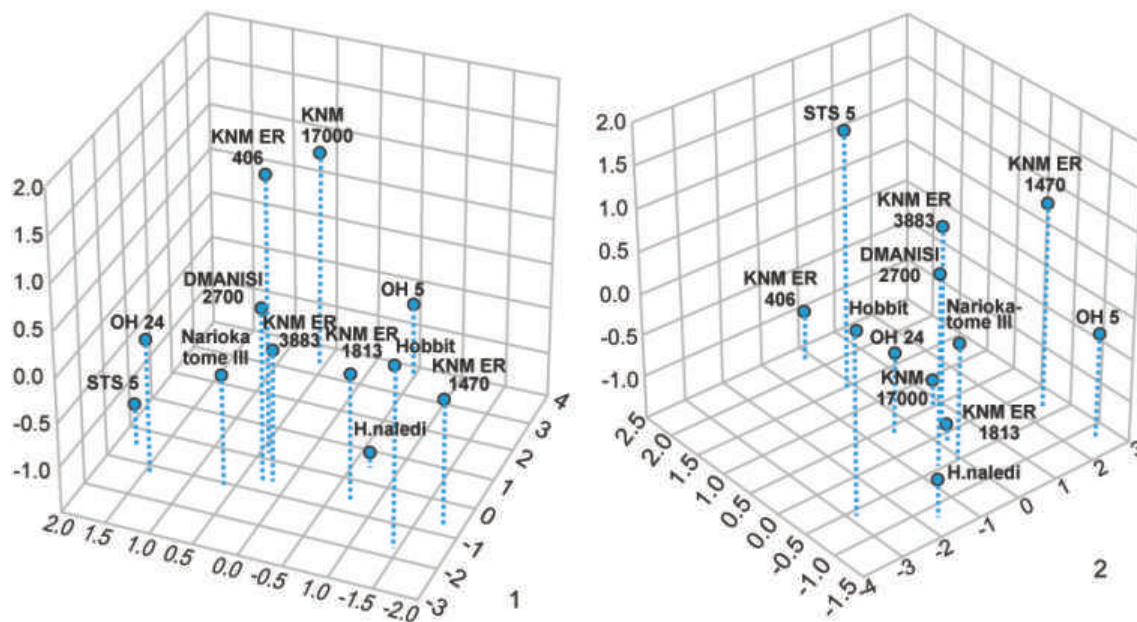

Рис. 2. Ранние формы *Ното* и австралопитековые в координатах трех главных компонент: 1 — по угловым характеристикам мозговой коробки; 2 — по угловым параметрам лицевого скелета

Fig. 2. Braincase characteristics (1) and angular parameters of facial skeleton (2) of the early forms of *Homo* and *Australopithecines* in the space of three principal components

орбит. Дманиси 2700 сходен по первой компоненте с Нарюкатоме III, но имеет существенные различия с этой формой в строении средней части лица. Сравнение можно также провести, посмотрев на другие угловые показатели лицевого скелета изучаемых ископаемых форм в табл. 2. Углы, отражающие общую конфигурацию средней и верхней части лица (*zm-n-zm*, *fmt-pr-fmt*), у дманисского черепа и черепа *Homo floresiensis* («Хоббита») практически идентичны. Однако видны и существенные различия, связанные со строением зигомаксиллярной области. У «Хоббита» она более грацильная, и это отражается углом *zm-nl-infor*. Именно это различие по первой компоненте и отражено на графике. Углы треугольника *zm-n-zm* указывают также на сходство в форме скуловой области Австралопитеков Бойса и Австралопитека эфиопского.

Таблица 2

Угловые характеристики лицевого скелета (в градусах)

Находка	<i>zm-n-zm</i>	<i>zm-nl-infor</i>	<i>fmt-n-infor</i>	<i>mt-infor-fmo</i>	<i>fmt-pr-fmt</i>
KNM ER 1813 (Кооби Фора)	90	55	45	65	57
KNM ER 1470 (Кооби Фора)	81	66	51	87	54
Нариюкатоме III	88	56	45	74	63
OH 24 (Олдувайский гоминид)	102	54	47	67	67
KNM ER 3883 (Кооби Фора)	95	55	48	82	65
Дманиси (D2700)	93	57	42	82	69

Продолжение таблицы 2

Находка	zm-n-zm	zm-nl-infor	fmt-n-infor	mt-infor-fmo	fmt-pr-fmt
«Хоббит» (LB1)	94	36	41	75	77
<i>Homo naledi</i>	80	45	39	66	64
OH 5 (<i>Australopithecus boisei</i>)	75	83	47	78	53
KNM ER 406 (<i>Australopithecus boisei</i>)	130	52	47	66	58
KNM WT 17000 (<i>Australopithecus aethiopicus</i>)	104	66	44	68	54
Sts 5 (<i>Australopithecus africanus</i>)	122	52	43	91	59

Заключение

Угловая морфометрия показала, что форма мозговой коробки черепа Дманиси 2700 сходна с африканскими черепами *Homo ergaster*. Это выражается в сходстве угловых характеристик затылочной части черепа и в высоте мозговой коробки. Лицевой скелет Дманиси 2700 по своей форме оказался сходен с таковым у Кооби Фора 3883, в основном это связано с относительно массивной скуловой костью, высокой орбитой и зауженной шириной лица в области орбит. Кроме того, отмечается сходство в строении лицевого отдела по ряду признаков лицевого скелета с «Хоббитом» с о-ва Флорес. Это выражается в широтных размерах лица на верхнем и среднем уровнях. Сравнительный анализ по краниометрическим характеристикам дманисских черепов с находками из Кооби Фора и Западной Турканы показывает некоторое их сходство с африканскими эректоидными формами и даже с более ранними *Homo habilis* (KNM ER 1813) и *Homo rudolfensis* (KNM ER 1470). Так, например, нижняя челюсть D2735 по общим размерам и морфологическим особенностям довольно близко сочетается с нижней челюстью из Нарюкатоме III (KNM WT 15000). Вид в профиль черепа D2700 напоминает ER 1813, схожи они также относительно небольшой глубиной нёба и резким заорбитным сужением лобной кости. Грушевидное отверстие сходно по форме, но меньше по размерам, чем таковое у ER 3733. Орбитный указатель близок к таковому у ER1470. Ряд других морфологических характеристик также указывает на близость дманисских гомирид с африканскими.

Откуда же пришел столь древний человек на территорию Кавказа? Вероятнее всего, путь его лежал через Ближний Восток и Переднюю Азию из колыбели всего человечества — Восточной Африки. Действительно, в интервале от 2,0 до 1,5 млн л. н. на Африканском континенте ход гоминоидной эволюции привел к формированию человека нового типа — *Homo ergaster* (человек работающий). Это были люди, имевшие объем мозга около 700–900 см³. Именно в этот временной интервал человек впервые выходит за пределы Африканского континента. И наиболее правдоподобным кажется восточный путь миграции. Перемещаясь по южной части Евразии, древнейший человек, видимо, делал попытки пробраться и на север. Одним из таких путей на север Евразии и является Кавказский перешеек, дающий возможность пройти между Каспийским и Черным морями. Останки дманисского человека подтверждают предположение о первичности восточного пути миграции.

Литература

- Беневоленская 1976 — *Беневоленская Ю. Д.* Проблемы этнической краниологии. Л.: Наука, 1976. 156 с.
- Бунак 1959 — *Бунак В. В.* Череп человека и стадии его формирования у ископаемых людей и современных рас. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 284 с. (Тр. ИЭ. Т. 49).
- Бунак 1960 — *Бунак В. В.* Лицевой скелет и факторы, определяющие вариации его строения // Дебец Г. Ф., Левин М. Г. (отв. ред.). Антропологический сборник. М.: Изд-во АН СССР, 1960. № 2. С. 84–152 (Тр. ИЭ. Т. 50. Новая серия).
- Васильев 1996 — *Васильев С. В.* Тригонометрия лицевого скелета ископаемых гоминид // Вестник антропологии. 1996. № 2. С. 227–245.
- Васильев 1997 — *Васильев С. В.* Тригонометрия мозговой коробки ископаемых гоминид // Алексеева Т. И. (отв. ред.) и др. Новые методы — новые подходы в современной антропологии. М.: Старый сад, 1997. С. 68–81.
- Васильев 1999 — *Васильев С. В.* Дифференциация плейстоценовых гоминид. М.: Изд-во УРАО, 1999. 152 с.
- Галеев, Васильев 2016 — *Галеев Р. М., Васильев С. В.* Методические аспекты угловой морфометрии черепов на примере кхмеров Камбоджи // Известия Иркутского ГУ. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2016. Т. 16. С. 139–156.
- Гохман 1962 — *Гохман И. И.* Новая методика вычисления средних контуров краниологических серий // СЭ. 1962. № 2. С. 125–130.
- Зубов 1980 — *Зубов А. А.* О зубе архантропа из пещеры Кударо I // Иванова И. К., Черняховский А. Г. (отв. ред.). Кударские пещерные палеолитические стоянки Юго-Осетии. М.: Наука, 1980. С. 152.
- Пинчукова 1982 — *Пинчукова И. М.* Опыт исследования краниологических серий методом краниотригонометрии // ВА. 1982. № 70. С. 108–120.
- Урысон 1970 — *Урысон М. И.* Соотносительная изменчивость компонентов сагиттального свода черепа у современного и ископаемого человека // ВА. 1970. № 34. С. 76–85.
- Урысон 1972 — *Урысон М. И.* Изменчивость и пропорции компонентов сагиттального свода черепа у современного и ископаемого человека // Новейшая тектоника, новейшие отложения и человек. М.: Изд-во МГУ, 1972. Сб. 3. С. 187–199.
- Харитонов, Бацевич 1997 — *Харитонов В. М., Бацевич В. А.* Находки ископаемых гоминид на территории Восточной Европы и сопредельных регионов Азии // Вестник антропологии. 1997. № 3. С. 48–72.
- Чистов 1980 — *Чистов Ю. К.* Вопросы изменчивости медианно-сагиттального контура черепа человека в процессе антропогенеза // Гохман И. И. (отв. ред.). Современные проблемы и новые методы в антропологии. Л.: Наука, 1980. С. 139–162.
- Aiello, Dean 1990 — *Aiello L., Dean C.* Human evolutionary anatomy. London: Academic Press, 1990. 608 p.
- Gabunia, Vekua 1995 — *Gabunia L., Vekua A.* A plio-pleistocene hominid from Dmanisi, East Georgia, Caucasus // Nature. 1995. Vol. 373. P. 87–90.
- Klaatsch 1909 — *Klaatsch H.* Kraniomorphologie und Kraniotrigonometrie // Archiv fur Anthropologic (n. Folge). 1909. T. 8. P. 34–49.
- Lordkipanidze et al. 2007 — *Lordkipanidze D., Jashashvili T., Vekua A., Ponce de León M. S., Zollikofer Ch. P. E., Rightmire G. Ph., Pontzer H., Ferring R., Oms O., Tappen M., Bukhsianidze M., Agusti J., Kahlke R., Kiladze G., Martinez-Navarro B., Mouskhelishvili A., Nioradze M., Rook L.*

- Postcranial evidence from early *Homo* from Dmanisi, Georgia // *Nature*. Vol. 449|20. September 2007. P. 305–310.
- Lordkipanidze et al. 2013 — *Lordkipanidze D., Ponce de Lion M. S., Margvelashvili A., Rak Y., Rightmire G. P., Vekua A., Zollikofer C. P.* A complete skull from Dmanisi, Georgia, and the evolutionary biology of early *Homo* // *Science*. 2013. Vol. 342. P. 326–331.
- Fritot 1964 — *Fritot H. R.* Craneotrigonometria. La Habana: Departamento de Antropologia, Comité nacional de la Academia de ciencias, 1964. 198 p.
- Imbelloni 1921 — *Imbelloni J.* Introduccion a Nuevos Estudios de Craneotrigonometria // *Anales del Museo Nacional de Historia Natural de Buenos Aires*. 1921. T. 31. P. 31–94.
- Lissauer 1885 — *Lissauer A.* Untersuchungen uber die sagittale Krümmung des Ichades bei den Anthropoiden und den verschiedenen Menschenrassen // *Archiv für Anthropologie* (n. Folge). 1885. T. 15. S. 9–120 (in German).
- Pope 1991 — *Pope G. G.* Evolution of the zygomaticomaxillary region in the genus *Homo* and its relevance to the origin of modern humans // *Journal of Human Evolution*. 1991. Vol. 21. P. 189–213.
- Topinard 1885 — *Topinard P.* Elements d'Anthropologie Generale. Paris: A. Delahaye et É. Lecrosnier, 1885. 234 p.
- Topinard 1894 — *Topinard P.* Anthropologia // *Historia Natural*. Barcelona, 1894. Vol. 1. P. 208–225.
- Vekua et al. 2002 — *Vekua A., Lordkipanidze D., Rightmire G. P., Agusti J., Ferring R., Maisuradze G., Mouskhelishvili A., Nioradze M., Ponce de Leon M., Tappen M., Tvalchrelidze M., Zollikofer C.* A new skull of early *Homo* from Dmanisi, Georgia // *Science*. 2002. Vol. 297, no. 5. P. 85–89.

MORPHOLOGY AND TAXONOMY OF THE OLDEST MAN FROM DMANISI

S. V. VASILYEV, S. B. BORUTSKAYA

Keywords: *hominid from Dmanisi, skull, angular morphometrics, taxonomic status, morphological similarity.*

The paper gives a full overview of anthropological finds from Dmanisi. Special attention is given to the morphology of Dmanisi skull 2700. The angular morphometric analysis has shown that the shape of the braincase of this skull is similar to that of African *Homo ergaster*. The facial skeleton of Dmanisi 2700 turned out to be nearly identical to that of Koobi Fora skull 3883. This is largely due to a relatively massive zygomatic bone, high orbit and narrowed face in the orbital area. In addition, the facial skeleton reveals a number of similarities to the face of “Hobbit” from Flores island. There are also some other morphological characteristics which find parallels among the African early *Homo* (*H. habilis* and *H. erectus*) forms, which may testify to an intermediate taxonomic position of the Dmanisi hominids.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АА — Археологический альманах. Донецк, Украина
- АВ — Археологические вести. СПб.
- АИ — Археологические изыскания. СПб.
- АН — Академия наук
- АО — Археологические открытия. М.
- АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск
- БАН — Библиотека Академии наук. Л./СПб.
- БКИЧП — Бюллетень комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР. М.
- БСЭ — Большая советская энциклопедия. М.
- ВА — Вопросы антропологии. М.: Изд-во МГУ
- ВАС — Всероссийский археологический съезд
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ГАН — Государственные академии наук
- ГИН — Геологический институт АН СССР/РАН. М.
- ГУ — Государственный университет
- ГЭ — Государственный Эрмитаж. Л./СПб.
- ЗИИМК — Записки ИИМК РАН. СПб.
- ЗИН — Зоологический институт АН СССР/РАН. Л./СПб.
- ИА — Институт археологии АН СССР/РАН. М.
- ИАК — Институт абхазской культуры им. акад. Н. Я. Марра. Сухуми
- ИАЭ — Институт археологии и этнографии НАН Азербайджана. Баку
- ИАЭТ — Институт археологии и этнографии СО АН СССР/РАН. Новосибирск
- ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества. Л.
- ИГ — Институт географии РАН. М.
- ИИМК — Институт истории материальной культуры АН СССР/РАН. Л.; М./СПб.
- ИЭ — Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М.

ИЭА	—	Институт этнологии и антропологии РАН. М.
КИЧП	—	Комиссия по изучению четвертичного периода АН СССР/РАН. М.
КСИА	—	Краткие сообщения ИА АН СССР/РАН. М.; Л.
КСИИМК	—	Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК АН СССР. М.; Л.
КЧ	—	Крупновские чтения
Л.	—	Ленинград
ЛГПУ	—	Липецкий государственный педагогический университет им. П. Семёнова-Тян-Шанского
ЛО ИИМК	—	Ленинградское отделение ИИМК АН СССР
ЛОИА	—	Ленинградское отделение ИА АН СССР
М.	—	Москва
МАЭ	—	Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Л./СПб.
МГУ	—	Московский ГУ им. М. В. Ломоносова
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
МК	—	Международная конференция
МКАЭ	—	Международный конгресс антропологических и этнографических наук
ММНК	—	Материалы Международной научной конференции
ММК	—	Материалы Международной конференции
МНК	—	Международная научная конференция
н. у. м.	—	над уровнем моря
НАН	—	Национальная академия наук
НИИ	—	Научно-исследовательский институт
НИИЯЛИ	—	Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НОА	—	Научно-отраслевой архив
НЦ	—	Научный центр
ПТ	—	Памятники Туркменистана. Ашхабад
РА/СА	—	Российская/Советская археология. М.
РАЕ	—	Российский археологический ежегодник. СПб.
РАН	—	Российская академия наук
РГНФ	—	Российский гуманитарный научный фонд. М.
РЖВ	—	ранний железный век
РФ	—	Российская Федерация
РФФИ	—	Российский фонд фундаментальных исследований. М.

Сб.	—	Сборник
СО	—	Сибирское отделение АН СССР/РАН. Новосибирск
СОНИИЯЛИ	—	Северо-Осетинский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории. Владикавказ
СПб	—	Санкт-Петербург
СПбГУ	—	Санкт-Петербургский государственный университет
ТД	—	Тезисы докладов
Тр.	—	Труды
УРАО	—	Университет Российской академии образования. М.
УрО	—	Уральское отделение АН СССР/РАН. Екатеринбург
УСА	—	Успехи среднеазиатской археологии. Л.
ФАНО	—	Федеральное агентство научных организаций. М.
ФНИ	—	Фундаментальные научные исследования
ЭО	—	Этнографическое обозрение. М.
BAR. IS	—	British Archaeological Reports. International Series. Oxford: Archaeopress
C. R. Palevol	—	Comptes Rendus Palevol
CNRS	—	Le Centre national de la recherche scientifique. France
DNA	—	Deoxyribonucleic acid
ÉRAUL	—	Études et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège, Belgium
ICAZ	—	The International Council for Archaeozoology
IHMC	—	Institute for the History of Material Culture. St. Petersburg
INQUA	—	International Union for Quaternary Research (ИНКВА)
JAS	—	Journal of Archaeological Science
LGM	—	Last Glacial Maximum
MPI	—	Max Planck Institute
ÖAW	—	Österreichischen Akademie der Wissenschaften
PNAS	—	Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America. Washington, USA
QI	—	Quaternary International
RAS	—	Russian Academy of Sciences
RTL	—	radiothermoluminescent
UISPP	—	L'Union internationale des sciences préhistoriques et protohistoriques
USSR	—	Union of Soviet Socialist Republics

Научное издание

**ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ
МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ РАН № 22**

Корректоры: Г. А. Седова, О. К. Чеботарева
Верстка Е. В. Новгородских

Согласно Федеральному закону от 29.12.2010 № 436-ФЗ
«О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»,
книга предназначена «для детей старше 16 лет»

Подписано в печать 18.05.2020. Формат 60×84/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25.6. Тираж 300 экз. Заказ 155

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «Невская Типография»
195030, Санкт-Петербург, ул. Коммуны, д. 67 лит. БМ
Тел. +7(812) 380-79-50
E-mail: spbcolor@mail.ru